

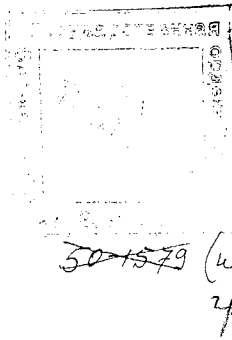
В. Б. ЕЛЪЯШЕВИЧ

A 4614

История права поземельной собственности в России

ТОМ ПЕРВЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ СТРОЙ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В XIII-XVI ВВ.

50-5656

ПАРИЖ
1948

DL 9239 8-7-48 A

em

200.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступление	Стр. 13
----------------------	---------

Р а з д е л п е р в ы й.

Крестьянин и его право на землю.

Глава первая. КРЕСТЬЯНИН	23
I. Понятие. II. Разряды крестьян. III. Крестьянский участок. Деревня.	

Глава вторая. КРЕСТЬЯНЕ ЧЕРНЫЕ	34
I. Понятие. II. Крестьянин, как самостоятельный хозяин. III. Право крестьянина на землю. IV. Крестьянское тягло. Характер крестьянского права на землю. V. Крестьянская волость. VI. Определение права крестьянина на землю в нашей научной литературе. VII. Юридическая квалификация права крестьянина на землю.	

Глава третья. КРЕСТЬЯНЕ МОНАСТЫРСКИЕ	66
I. Правовое положение монастырского крестьянина. II. Повинности, лежащие на крестьянине по отношению к монастырю. III. Княжеское тягло монастырского крестьянина. Жалованные льготные грамоты. Княжеская дань. IV. Сборы и натуральные повинности. V. Несудимые грамоты. Влияние их на положение крестьянина. VI. Объем судебной власти монастыря. VII. Крестьянские порядные, их юридический характер. VIII. Характеристика права монастырского крестьянина на землю.	

Глава четвертая. ПРОЧИЕ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ . .	114
I. Сравнительно ограниченное количество этой категории крестьян. II. Крестьяне, сидящие на личных землях князя.	

	Стр.
III. Крестьяне митрополичьи и "владычни". IV. Крестьяне, сидящие на землях служебных князей и на "боярских" землях.	
Глава пятая. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВЫХОД	130
I. Понятие крестьянского выхода. II. Регламентация крестьянского выхода. III. Ограничение крестьянского выхода.	
Глава шестая. КРЕСТЬЯНИН, КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	143
I. Три черты, характеризующие древне-русского крестьянина. Крестьянин человек свободный. II. Крестьянин человек тяглый. III. Крестьянин человек, работающий на земле.	
Раздел второй.	
Землевладение.	
Глава первая. КАТЕГОРИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ	155
I. Понятие вотчины в нашем древнем праве. Господствующее учение. II. Понятие вотчины в древнейших источниках. III. Понятие вотчины по княжеским завещаниям. IV. Историческая эволюция понятия вотчины. V. Факторы, определившие эту эволюцию. VI. Категории древнего землевладения.	
Глава вторая. ЗЕМЛИ ВЛАДЕТЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ. I. ЧЕРНЫЕ ЗЕМЛИ	180
I. Понятие черных земель. II. Черные земли и черные люди. III. "Земли Великого Князя". Приложение: "Крестьяне Великого Князя".	
Глава третья. ЗЕМЛИ ВЛАДЕТЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ. II. «КНЯЖЕНЬСКИЕ СЕЛА»	200
I. Личные владения князей. II. Термины для обозначения этих земель. III. Хозяйственное и правовое положение этих земель.	
Глава четвертая. ЗЕМЛИ СЛУЖЕБНЫХ КНЯЗЕЙ	215
I. Понятие служебного князя. II. Служба "из вотчины". III. Отказ служебного князя и его последствия. IV. Бояре титулованные и нетитулованные.	

	Стр.
Глава пятая. «БОЯРСКИЕ ЗЕМЛИ»	231
I. Понятие боярских земель. II. Разные категории боярских земель. "Земли служни". III. Земледелие свободных неслуживых людей. Малое трудовое землевладение. IV. Жалованные льготные грамоты разным категориям землевладельцев. V. Функции податных льготных грамот. VI. Несудимые грамоты. VII. Административная власть грамотчика. VIII. Рязанские льготные грамоты. IX. Общая характеристика боярского землевладения.	
Глава шестая. ЗЕМЛИ ЦЕРКОВНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ. I. ЗЕМЛИ МОНАСТЫРСКИЕ	270
I. Общий характер монастырского землевладения. II. Монастырь, как объект права и монастырь, как субъект права. Митрополичьи монастыри. III. Юридическая личность монастыря. IV. Способы приобретения земель монастырями. V. Дееспособность монастыря. VI. Жалованные грамоты монастырям. Податные льготные грамоты, их цель и функции. VII. Связь льготных податных грамот с грамотами несудимыми. Основание этой связи. VIII. Исторический приоритет монастырских жалованных грамот. IX. Характеристика имущественной правоспособности монастыря.	
Глава седьмая. ЗЕМЛИ ЦЕРКОВНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ. II. ЗЕМЛИ МИТРОПОЛИЧЬИ	307
I. Принцип "извечности" церковных имуществ. Разные категории митрополичьих земель. II. Митрополичьи волости. III. Земли митрополичьей кафедры. IV. Влияние положения митрополита на его земельные права. Предоставление митрополичьих земель в пожизненное пользование. V. Митрополичьи земли в митрополичьих волостях.	
Глава восьмая. ЗЕМЛИ ЦЕРКОВНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ. III. ЗЕМЛИ ЕПИСКОПСКИХ КАФЕДР, ЦЕРКВЕЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ДУХОВНЫХ ЛИЦ	333
I. Земли епископские. II. Земли отдельных церквей. III. Земли отдельных духовных лиц.	
Глава девятая. ЗЕМЛИ ГОРОДСКИЕ И ПОСАДСКИЕ. СЛОБОДЫ	345
I. Понятие города и посада. II. Состав городского и посадского.	

ского населения. Владения Великого Князя. Церкви. Торговые ряды и лавки. III. Дворы белые и черные. IV. Монастырские посады. V. Слободы.

Стр.

Глава десятая. ПЕРВИЧНЫЕ ФОРМЫ ПОМЕСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ 368

I. Зарождение поместий в области церковного землевладения. II. Использование этой формы Иваном Третьим в государственной практике.

Послесловие 378

I. Субъективный характер форм древне-русского помещичьего правообладания. II. Конкретный характер этих форм. Невозможность применения к ним общих абстрактных категорий, вроде права собственности, вотчинного права и т. п. III. Жалованные грамоты и феодальный режим. IV. Перенесение в прошлое форм и понятий позднейшего право-развития.

ОБЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ.

АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев. 1860.

АИ — Акты Исторические, собранные и изданные Археологической комиссией, т. I, СПб. 1841.

АЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологической экспедицией Академии Наук, дополнены и изданы высочайше утвержденною комиссией, т. I и II, СПб., 1836.

АЮ — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археологической комиссией, СПб. 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археологической комиссией под редакцией Н. Калачева, т. I-III, СПб., 1857, 1864 и 1884.

АКТЫ ХОЛМОГОРСКОЙ ЭПАРХИИ — Русская Историческая Библиотека, изд. Археологической комиссией, СПб., т. XIV, 1904.

ГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I, Москва, 1813.

ГКЭ — Собрание грамот коллегии экономии, I, 1922, II, 1926.

ГОРЧАКОВ — Приложение к книге «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода», СПб., 1871.

ДАИ — Дополнение к Актам Историческим, собранные и изданные Археологической комиссией, т. I, СПб., 1846.

ДЪЯКОНОВ — Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском Государстве, вып. I, 1895, вып. II, 1897.

КАЛАЧЕВ — Писцовые книги XVI ст., СПб., вып. I, 1872, вып. II, 1877.

ЛЕТОПИСИ:

ВОСКРЕСЕНСКИЙ сп. — Полное собрание русских летописей, изд. Археологической ком., СПб., т. VII, 1856, т. VIII, 1859.

ИПАТЬЕВСКИЙ сп. — Полное собрание русских летописей, т. II, изд. 3-е, 1923.

ЛАВРЕНТЬЕВСКИЙ сп. — Полное собрание русских летописей, т. I, изд. 2-е, 1926.

НИКОНОВСКИЙ сп. — Полное собрание русских летописей, т.т. IX-XII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, СПб., 1862-1901.

ЛИХАЧЕВ — Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, СПб., 1895.

МЕЙЧИК — Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива Министерства Юстиции, М., 1884.

МУХАНОВ — Сборник Муханова, изд. 2-е дополненное, СПб., 1866.

НПК — Новгородские писцовые книги, изд. Археологической Комиссией: т. I и т. II — Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г.; т. III — Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г.; т. IV и т. V — Переписная оброчная книга Шелонской пятины. СПб., 1859-1905.

ПСЗ — Полное Собрание Законов.

САМОКВАСОВ — Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского Государства XV-XVI ст., М., т. I, 1905, т. II, 1909.

СРЕЗНЕВСКИЙ — Материалы для словаря древне-русского языка, т.т. I и II, СПб., 1898-1903.

ЮШКОВ — Акты XIII-XVI веков, представленные в Разрядный приказ, М., 1898.

Вопросы поземельного права — основные вопросы для познания русской истории. С правовыми отношениями по земле связаны существеннейшие процессы нашей истории. Земельная политика князей, направленная на укрепление их власти, определила, в значительной степени, социальный уклад древней России. Идея служилого землевладения была, в руках московских государей, могучим средством для осуществления их государственной политики. В свою очередь, на почве идеи службы земли произошел коренной перелом в крестьянском праве, в связи сначала с ограничением, а затем и прекращением свободного крестьянского выхода. Прикрепление крестьян к земле и постепенное образование крепостной зависимости, а затем, уже много позже, крепостного права, не могли не привести к чрезвычайному осложнению земельных отношений между землевладельцами и крестьянами. Способ, коим была разрешена земельная проблема при освобождении крестьян, сделал из крестьянского вопроса самый большой вопрос русской действительности в течение девятнадцатого и начала двадцатого столетий.

Русские историки, естественно, должны были затрагивать в своих изысканиях вопросы поземельного права. Но ни для историков, ни даже для историков права, почти исключительно государствоведов, правовые отношения по земле не были непосредственной целью их исследований. Они останавливались на этих отношениях и освещали их лишь постолько, поскольку то было необходимо для объяснения изучаемых ими явлений или процессов исторической жизни. Это не могло не отразиться на научной объективности исследования правовых отношений. Общая концепция автора по отношению к изучаемому историческому процессу невольно окрашивала оценку соприкасающихся правовых явлений. Характеристика правового явления подгонялась под ту или иную схему. Такие исходные понятия, принятые на веру, как "родовой быт", "первобытная община", "вотчинный режим", "феодалный строй", "крепостной режим", а иногда и идеологические предпочтения, вроде земельной общины в качестве исконного национального инсти-

туда, предопределяли уже для автора определенный строй юридических отношений.

Изложение поземельных отношений как непосредственный предмет изучения поставил впервые своей целью Невольин в своей "Истории Российских Гражданских Законов" (1). Он дает полное и точное изложение материала известных тогда исторических источников, не задаваясь задачей дать картину поземельных отношений. Сергеевич, со свойственным ему ярким чутьем к источникам, дал, в первом томе своих "Русских Юридических Древностей", попутно, говоря о населении, суммарную, но яркую картину поземельных отношений. Под влиянием изучения Новгородских Писцовых Книг он меняет, во втором издании этого тома, свою концепцию и отсылает к третьему тому. В этом третьем томе мы находим очень подробное изучение этих книг, но картина поземельных отношений расширяется (2).

На этом, к несчастью, обрываются работы русских историков по общему изложению русского поземельного права. Чичерин в 1858 г. открывает, в своих "Опытах", путь к монографическому исследованию отдельных вопросов русского поземельного права (3). С тех пор появилось не мало, частью очень ценных, работ, касающихся тех или иных вопросов. Но не было даже и попыток представить общую картину исторического развития поземельных отношений.

При таких условиях неудивительно, что у нас не сложилось общепризнанных мнений даже хотя бы по самым основным вопросам истории поземельного права. Некоторые проблемы не были никогда поставлены, а поставленные часто не могли получить надлежащего разрешения за отсутствием предварительной разработки связанных с ними вопросов.

Примерами вопросов поземельного права, оставшихся в совершенной тени, исторических проблем, неразрешенных вследствие недостаточного изучения определивших их условий, связанных с поземельным правом, можно было бы заполнить многие страницы. Остановимся лишь на одном.

В своей известной работе "Происхождение крепостного пра-

(1) Полное собрание сочинений К. А. Невольина, т. IV, ч. 2-ая, 1857.

(2) В. Сергеевич, Русские юридические древности, т. I, I-ое изд., 1890, 2-е — 1902 (см. предисловие, стр. VI); т. III «Древности русского права» — 1903.

(3) Чичерин, Опыты по истории русского права, 1858.

ва в России" (4), Ключевский выставил утверждение, что неудача Энгельмана ответить на вопрос о происхождении крепостного права (5) произошла от того, что Энгельман не исходил "из точного и ясного юридического определения крепостного права". Сам Ключевский взял "за исходную точку крепостное состояние как оно было формулировано законом в последний момент своего существования". Можно оставить в стороне тот факт, что данное самим Ключевским определение крепостного права не соответствует содержанию свода законов. Не это определило неудачу в данном вопросе самого блестящего нашего историка. Став на чисто формальную юридическую почву, он оторвал крестьянскую крепость от той почвы, на которой она выросла, от поземельных отношений, и тем лишил себя возможности проследить весь исторический процесс образования крепостной зависимости и крепостного права. При всем остроумии его рассуждений, при использовании им нового архивного материала (крестьянские порядные), работа его так же не дала результатов и по тем же основаниям, что и работа Энгельмана.

В 1893 г. один из заслуженных исследователей крестьянского вопроса писал: "Вопрос о прикреплении крестьян до сих пор разделяет мнения исследователей в такой же мере, как это было и 35 лет тому назад, когда Погодин выступил против общепринятого взгляда на закрепощение крестьян по указу Федора Ивановича в 1590 г." (6). Истекшие с тех пор полвека не сгладили этого разногласия. Правда, за последние годы здесь сделан значительный успех. Мы уже не смешиваем вопроса о прикреплении крестьян с вопросом об образовании крестьянской крепости. Намечается уже путь к выяснению исторических процессов, приведших к тому и другому. Но полная картина образования крестьянской крепости и правильное освещение вопроса об освобождении крестьян будут достигнуты лишь тогда, когда изучение всех этих исторических процессов и вопросов будет поставлено в связь с изучением поземельных отношений.

Отсутствие систематически разработанной истории русского поземельного права ставит зачастую наших историков перед неразрешимыми проблемами, когда дело идет о вопросах, связанных с поземельными отношениями. Им приходится тогда оперировать об-

(4) Русская Мысль, 1885. Опыты и Исследования, I, 1912, стр. 212 и 222.

(5) Речь идет о работе Энгельмана «История крепостного права в России», 1900. немецк. издание 1884 г.

(6) М. А. Дьяконов, К истории прикреплении крестьян, 1893, стр. 18.

щими категориями и понятиями, с которыми иногда не связывается никакого определенного юридического содержания.

Двое из новейших русских историков сошлись в утверждении, что "самое происхождение права частной собственности, его характер и составные элементы нам совершенно неизвестны" (7).

Тем не менее, и оба эти историка, и прочие историки и историки права широко пользуются термином частная собственность при изображении древнейших периодов нашей истории. При этом упускается из виду самое существенное: полная неопределенность этого термина ввиду его крайней исторической обусловленности.

Ни в одном правовом институте элемент юридической техники не играл столь малой роли, как в праве собственности. В своем историческом развитии это право оказывается обусловленным всей совокупностью экономических, социальных, политических моментов. Это делает право собственности и, прежде всего, право поземельной собственности одним из наиболее изменчивых исторических институтов. Родовая собственность, приписываемая первобытной эпохе; разные формы общинной собственности; *dominium ex jure Quiritium* римского права; собственность в том виде, в каком она отразилась в кодексах XIX в.: наконец, та собственность, которая начинает складываться на наших глазах — все это настолько различные, не только по своему правовому содержанию, но и по их юридической природе, формы, что возникает уже вопрос, не в чем их отличие, а что между ними общее, что позволяет подводить их под одно понятие и обозначать их общим именем. Для данной страны, в данную историческую эпоху, право собственности может быть формулировано в более или менее точном определении. Но дать определение права собственности, как такового, вне определенной исторической категории, есть задача, почти что неразрешимая.

Когда эту задачу поставил себе один из самых выдающихся юристов конца XIX в., Рудольф Штаммлер, он пришел к заключению, что надо совершенно отказаться от определения собственности по объему ее содержания (*nach der inhaltlichen Stärke*) и определить ее по формальному признаку, по признаку иерархичности прав: собственником является тот, чье правовое усмотрение рас-

(7) С. Б. Веселовский, К вопросу о происхождении вотчинного режима, 1926, стр. 26 и А. Е. Пресняков, Вотчинный режим и крестьянская крепость, Летопись занятий Историко-Археограф. Ком. I (XXXIV), стр. 180, прим. 11. См. также Б. Д. Греков — ниже, прим. 12, — стр. 244: «время появления частной собственности на землю точно датировано быть не может».

считывается, согласно закону, как решающее для вещи в последней инстанции (8).

Но и это, чисто формальное, определение не выдерживает исторического испытания.

Для эпохи германского или французского феодализма, когда на одной и той же земле лежало по несколько наслоений прав, различных по своему содержанию и характеру, совершенно невозможно определить, чье правовое усмотрение, из ряда уполномоченных лиц, является для земли решающим "в последней инстанции". Это и привело теоретиков феодальных поземельных отношений к конструкции "делимой собственности", *dominium directum, dominium utile, Ueber- und Untereigentum*, конструкции, негодной по существу, ибо она противоречила самой сущности того понятия права собственности, извлеченного ими из римского права, из которого они исходили.

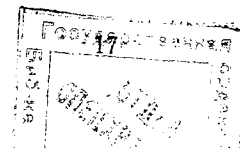
При таких условиях, говорить о частной собственности в применении к нашему древнему праву, не выяснив предварительно, каковы были права владельцев на эти земли, в каких отношениях эти владельцы стояли к другим лицам, имеющим касательство к той же земле, другими словами, какое содержание должно быть вложено в термин частной собственности для той эпохи, значит не сказать ровно ничего.

Немного больше для познания реальных отношений в древней Руси может дать и оперирование такими понятиями как феодальный строй, феодальные отношения, сеньерия, крепостной режим, крепостные отношения.

Самое понятие феодализма спорно. Реальное его осуществление в разных странах Европы и в разные эпохи было различно. Здесь опять таки, без изучения реальных отношений по земле, нельзя сказать, какое содержание можно вложить в этот термин применительно к русским условиям, да и вообще, можно ли применить понятие феодализма к существовавшим у нас отношениям.

Когда наши авторы говорят о крепостных отношениях в древней России, они не считают нужным объяснить, идет ли дело только об экономической зависимости, или они вкладывают в это понятие определенное правовое содержание. Между тем, изучение реальных отношений не оставляет сомнения, что образование крепостной зависимости было процессом постепенным и чрезвычайно длительным, вековым. Подведение под него правового фундамента,

(8) R. Stammeler, *Eigentum und Besitz* — *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, 3-е изд., 1909, стр. 610.

превращение крепостной зависимости в крепостное право есть дело восемнадцатого века.

Автор настоящего исследования ставит своей задачей изучение реальных поземельных отношений в процессе их исторического развития на основании документального материала.

Этим определяется как пределы работы, так и порядок изложения.

Познать поземельные отношения, при отсутствии систематического законодательства данной эпохи, можно лишь по документальным данным, отражающим реальное содержание жизни. летописные повествования мало могут помочь при этом. Из них можно извлечь некоторые фактические данные самого общего характера. К характеристике фактов, которую дает при этом летописец, к его юридической квалификации фактов и событий, надо относиться с величайшей проверкой. Даже сохранившиеся памятники древнего законодательства дают для нашей цели очень мало. Мы должны подойти к характеристике повседневных отношений. "Правды" и судные грамоты не занимались регулированием этих отношений. Они реагировали по преимуществу на то, что нормальный ход жизни нарушалось.

Лишь на основании актового материала может быть дана подлинная картина поземельных отношений. К несчастью, этот материал имеется лишь для эпохи с конца XIII в. Отсюда и приходится начинать изучение. Дальнейшая периодизация определяется, конечно, уже воззрениями автора. Мы доводим настоящий, первый, том до начала самостоятельного управления Ивана Грозного. В области интересующих нас проблем это был переломный момент. Конечно, задачи, которые стояли пред Иваном Грозным, обозначились уже при его деде. При разрешении их Иван Грозный воспользовался некоторыми идеями Ивана Третьего и указанными им путями. Но только Иван Грозный произвел ту грандиозную мобилизацию землевладения, которая изменила характер всех поземельных отношений и предопределила все последующее развитие поземельного права.

Эпиграфический материал, относящийся к изучаемой эпохе, опубликованный до сих пор, чрезвычайно обременен (9). Конечно, опубликование новых архивных материалов может добавить новые

(9) Из опубликованного прежде актового материала лишь немного оказалось нам здесь недоступным. К крайнему нашему сожалению, обстоятельства военного времени позволили нам лишь в очень малой степени использовать новые русские издания актового материала.

штрихи к той картине, которую дает имеющийся материал. Но тот устойчивый характер всех основных линий, который выявляется при систематическом изучении опубликованного материала, заставляет думать, что вряд ли новые материалы изменят что либо существенное в основном фоне.

Этот материал позволяет представить полную и систематическую картину поземельных отношений в изучаемую эпоху. Мы получаем, таким образом, твердую исходную базу для исследования дальнейшего исторического процесса развития поземельных отношений и связанных с ними вопросов крестьянского права. Источники нашего осведомления при этом исследовании значительно обогащаются, но правительственные мероприятия, о которых нас осведомляют эти источники, получают другое освещение, благодаря тому, что мы знаем, каков был исходный момент для их применения.

Но познание реальных отношений Московской Руси дает не только исходный момент для изучения последующего развития. Оно открывает возможность и к большему проникновению в тайны поземельного строя Киевской Руси. Непосредственными источниками осведомления мы здесь почти что совсем не обладаем. Мы осуждены на гадания и гипотезы. Об этом достаточно свидетельствуют уже споры между авторами, поставившими вопрос о происхождении частного землевладения (10). Действительно ли у нас "частная собственность вытекла из Государевой", "способы приобретения частными лицами вотчин истекали из воли Монарха", или нет, спор так и неразрешенный за отсутствием каких либо данных. Так как непосредственная преемственность развития всех социальных и экономических отношений между Киевской и Московской Русью не подлежит сомнению, то знание явлений Московской Руси поможет расшифровать те штрихи и намеки, которые можно извлечь из памятников, касающихся Киевской Руси.

Мы начинаем изучение поземельного права Московской Руси с той категории лиц, сидящих на земле, отношение которых к земле имеет более непосредственный, а следовательно, и более конкретный характер, с земледельца, с крестьянина. Только изучив объем и

(10) Лакнер, О вотчинах и поместьях, 1840, см., особенно, стр. 132; Чичерин, Опыты по русской истории, 1858, см., особенно, стр. 73 сл., 76, 79; Дювернуа, Источники права и суд в древней России, 1869, ос. стр. 127, 130, 131 сл.

характер прав крестьянина на землю, на которой он сидит и которую обрабатывает, мы получим твердое основание для определения прав других лиц, которые, согласно источникам, стоят в правовых отношениях к той же земле. Следуя источникам, мы изучаем отдельные категории крестьян. Этому посвящен раздел первый настоящего тома.

В разделе втором мы обращаемся к изучению различных категорий земель, упоминаемых в источниках, начиная с двух различных категорий земель князей владетельных, затем, князей служебных, разных категорий владельческих земель и кончая землями городскими и посадскими (11, 12).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

КРЕСТЬЯНИН И ЕГО ПРАВО НА ЗЕМЛЮ

---

(11) Некоторые из формулируемых в настоящей работе положений были высказаны автором, правда, в самой общей форме, в ряде очерков, посвященных анализу права собственности и других вещных прав на землю в издании Вормс и Ельяшевич, Законы Гражданские, Практический и Теоретический Комментарий, т. II, Москва, 1913, а также в его статье, посвященной древнейшим купчим крепостям в Известиях Петербургского Политехнического Института за 1911 или 1912 г. Эта статья осталась недоступной автору.

(12) К величайшему сожалению автора, ему остались недоступными, по условиям работы, и ряд новейших работ, появившихся в последние годы в России и известных ему лишь по заглавиям. В частности, настоящая рукопись была сдана уже в типографию, когда до автора дошла широко задуманная и основанная на обширнейшем материале работа Б. Д. Грекова, Крестьяне на Руси, 1946. Лишь в отдельных примечаниях к тексту автор мог коснуться этой работы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КРЕСТЬЯНИН.

I.

В актах изучаемой эпохи мы уже находим, для обозначения земледельца, выражение крестьянин, с которым у нас неразрывно связано представление о пахаре, даже в этом современном правописании (1). Рядом мы встречаем и правописание “христианин” (2), “христианин” (3), являющееся, повидимому, первоначальным и приводящее нас к вероисповедному значению слова. Дело историков языка объяснить, каким образом вероисповедное обозначение стало употребляться в социальном смысле (4). В интересующих нас актах смысл, в котором употреблено это слово, не вызывает никогда сомнений (5).

Крестьянин — основной термин в изучаемую эпоху для обозначения земледельца. Рядом встречается и выражение “люди”, несомненно, более широкое, обнимающее и другие категории работающих на земле, а, может быть, и более древнее. На это предположение наводит тот факт, что именно оно вошло в формулу, употре-

(1) Древнейший известный нам документ с этим правописанием — льготная грамота ярославского князя Федора Федоровича, около 1400, АЭ 1 15. Ср. АЮ 4 — правая грамота раньше 1490 г. в Лихачев IV (1502), стр. 132.

(2) АИ 1 59 (1455/62), АЮ 3 (1485), 8 (ок. 1498), 17 (1525) и др.

(3) АЭ 1 11 (1391): «христианом монастырским», АЮ 12 (1505/11): «митрополичими христианы», АГР 51 (1511): «монастырские христиане». Интересно, что в великокняжеском Судебнике мы находим это же правописание: «О христианском отказе».

(4) Повидимому, впервые это обозначение стало применяться к лицам, работающим на церковных землях, митрополичьих, монастырских — ср. источники, указанные в предыдущем примечании, — а затем уже распространилось на другие категории земледельцев.

(5) О вызвавшем сомнение тексте договора в. к. Рязанского Ивана Васильевича с братом Федором, ГГД, 127, 1496 г. см. ниже.

бляемую почти во всех жалованных грамотах: “а которых люди имеют жити на тех землях”, “а кого перезовут людей в ту деревню” (6).

Нередко великие князья и митрополиты именуют монастырских крестьян “сиротами”, обозначение, которое обнимает и другие категории работающих на земле (7).

В XVI в. термин “крестьянин” начинает вытеснять другие выражения и становится в XVII в. единственным обозначением для сидящего на земле нахара.

Крестьянин — основная фигура в актовом материале, относящемся к поземельному праву. Он встречается во всех документах, где дело идет об обработке земли. В писцовых книгах он упоминается в описании почти каждого сельскохозяйственного владения. Количество текстов, говорящих о крестьянах, в опубликованном до сих пор документальном материале относительно чрезвычайно велико (8).

Одна черта, ярко выступающая в актовом материале, должна быть особенно отмечена при изучении правового положения русского крестьянина. Недостаточная ее оценка привела к совершенно неправильной оценке этого положения.

Все материалы рисуют крестьян, как исконное население страны. Крестьяне местные люди по преимуществу. Указания на их пребывание на одном и том же месте в течение тридцати, сорока или пятидесяти лет постоянны (9). Иногда крестьяне свидетельствуют

(6) См. меновую грамоту в. к. Дмитрия Донского, в АЮБ I, 52 1, (XIV в.), АИ I 15 (104), АЮБ I 30 I (1442/3), 31 1 (1391), АЭ I 18 и 19 (1410-17), V; 19 (1414), Лихачев, V (1505), стр. 138 и др. Ср., впрочем, АЭ I 15 (ок. 1400), где в соответствующей формуле употреблено выражение «крестнан». В одной из позднейших грамот мы находим «учнут жити людей и крестьян» (АЮБ I 30 IV - 1554).

(7) АЭ I 5 (1351/5); тут же в дальнейшем говорится о людях. Там же 11 (1391) — здесь рядом с выражением «сироты монастырские» употреблено выражение «христианом монастырским»; там же 34 (1437/61); 37 (1440) и др. Действительно ли в более древнюю эпоху сироты, «исторические потомки изгоев», отличались от крестьян полусвободным состоянием, как предполагают некоторые, этот вопрос не относится к нашей теме.

(8) В издании (под редакцией Б. Д. Грекова) «Материалы для терминологического словаря древней России», 1937, указано для слова крестьянин около пятисот текстов. Если сюда присоединить выражения «люди», «сироты», то получится до 800 текстов.

(9) АЮ 3 (1485/1505). 4 (прежде 1490), Лихачев, IV (1502), стр. 133, АГР 14 (1505), 21 (1506).

о пребывании их семьи в данной местности за сто и больше лет (10). Монастырский крестьянин Горло Костин показывает: “яз, господине, Горло помню шестьдесят лет, а отец мой, господине, Костя, жил девеносто лет...” (11).

Крестьяне, как исконно местные жители, противопоставляются людям, временно связанным с землей, в силу временных юридических отношений. “Косим, господине, говорит ответчик в одном процессе начала XVI ст., наволоку мы, а мы люди пришлые, а дали нам, господине, тот наволоку...”, следует ссылка на “волостных людей”. т. е., крестьян (12).

В силу длительной связи крестьян с землей к ним, и по преимуществу к ним, применяется наименование “старожилец” (12-а).

Старожилец, как человек, издавна связанный с данной местностью, лучше всего осведомлен о поземельных местных отношениях, о земельных границах. Поэтому он лучше всего может “знать и ведать истарины” (13). Какой смысл вкладывался тогда в выражение старожилец, с яркостью вырисовывается в заявлении лица, вызванного в качестве свидетеля в процессе конца XV ст.: “яз, господине, тому месту не старожилец”. И судья обращается к нему: “есть ли тебя на то место старожилец” (14). Старожилец есть в этом качестве, “знахорь”, как называют его правые грамоты и судные списки (15).

И на крестьян, действительно, ссылаются все тяжущиеся о земле. Они неизменно фигурируют во всех земельных спорах. В редкой из относящихся сюда правых и разъезжих грамот нет крестьян старожильцев. И не только тогда, когда спор о землях или границах идет между крестьянами. На свидетельства их шлются монастыри и частные владельцы и даже князья, притом в спорах между собою (16). “А мы господине, обои исци положилися о тех зем-

(10) АГР 41 (1462/1505), ср. там же 5 (конца XV в.), Лихачев, III (1495/97), стр. 129; VII (1529), стр. 147.

(11) АГР 20 (1492).

(12) Лихачев, IV (1502), стр. 132.

(12а) К термину старожилец нам придется вернуться во втором томе.

(13) АЮ 9 (1503), Лихачев, IX (1531), стр. 187.

(14) Лихачев, III (1495/97), стр. 128. О попытках придать выражению старожилец значение юридического термина см. т. II.

(15) АЮ 4 (1490), АЮБ I 52 11 (1462/1505), Лихачев, III (1495/97), стр. 129, IV (1502), стр. 134, АГР 15 (1505/33), 16 (тоже) и др.

(16) АЮБ I 52 11 (1462/505), АГР 5 (конца XV в.), и 14 (тоже): споры между Ферапонтовым и Кириловым монастырями, ср. там же 26 (1518). Там же 25 (1511): спор между князьями Фунником Кемским и его племянником Григорием.

лях на старожилцов, великого князя хрестьян” (17). “И судьи спросили Обляза, а сверх того кому то у тебя ведомо, что та земля твое отчины, и Обляз тако рек: ведомо то, господине, у меня старожилцом великого князя хрестьяном” (18). Сам суд обращается к хрестьянам за такими же показаниями: “скажите в Божию правду за колко лет помните ведаете Суселскому лесу развод монастырскому” (19).

Идея о русском хрестьянстве, как бродячем населении, должна быть совершенно отброшена. Колонизационная роль, выполненная хрестьянством, была обусловлена естественным ростом населения или местными катастрофами, заставлявшими хрестьян покидать населенные места.

II.

Достаточно беглого взгляда на документальный материал, чтобы убедиться, что хрестьяне не составляли однородной массы. В источниках указание на хрестьянина неизменно сопровождается определением, о каком хрестьянине идет речь: хрестьянин великого князя, хрестьянин монастырский, боярский, митрополичий и т. д. В одном из актов мы находим даже попытку дать как бы исчерпывающее перечисление всех разрядов хрестьян. В жалованной грамоте Изясмину монастырю на Сестру реку в. к. Василий Иванович указывает: “а на ту реку к ним мои Великого Князя сельчане, и митрополичн, и владычнн, и Княжие, и боярские и монастырские, и черные и все без омены, чей хоть ни будь, рыбы ловить не ходят” (20).

Любая правая грамота, любой судный список, касающийся хрестьян, показывает, что эта характеристика хрестьянина стоит в зависимости от той земли, на которой сидит хрестьянин и о которой идет речь в данном споре. “То, господине, дуг Великого Князя к селу Борисовскому, а косят, господине, ево хрестьяне Великого Князя Борисовского села” (21). “То, господине, земля Оглоблина монастырская Троецкая, а даня, господине, монастырские хрестьяне дают...” (22). “Тако рек Гаврилко: жалоба ми, господине, на тех на митрополичх хрестьян, на Микитку, и на... И Микитка и...

(17) АЮБ 1 53 1 (1507).

(18) Лихачев, IX (1531), стр. 183.

(19) Там же, IV (1502), стр. 133 и X (1543), стр. 200.

(20) АГР 49 (1539).

(21) Там же, 56 (1542), стр. 91.

(22) Там же, 34 (не позже 1505).

тако ркли: то, господине, деревня Васильевская Голямова земля митрополича” (23). “Тягался Никитин человек Недяк в государей своих в дву Никит Чюлковых в людей и во хрестьян место”. Он утверждал на суде, что спорная земля “поместная земля Чюлковых” (24). “Жалоба... на того на Иванова приказщика Федоровича Воронцова Ольявидовского села... да на Ольявидовских же хрестьян” (25). “Бил челом... на княж Володимировы Ивановича Воротынского княгини на Марвина на приказщика... да на их хрестьян... на спорную землю...” (26). В этих последних актах боярские хрестьяне обозначаются по имени владельца земли, на которой они сидят или по имени села этого владельца.

Рядом с этим мы находим в источниках многочисленную категорию хрестьян, обозначаемую по иному признаку. И здесь наименование определяется землею, но сама земля характеризуется не по владельцу, а по нескольким признакам: земля черная, тяглая, волостная. Позже сюда присоединяется еще один эпитет: земля Великого Князя. “То, господине, земли великого князя черные тяглые” (27), “а та пустошь наша тяглая, черная, волостная” (28). В соответствии с этим хрестьяне, на этих землях сидящие, именуются хрестьянами черными, тяглыми, волостными, а позже и великого князя (29).

Факт существования в изучаемую эпоху различных категорий хрестьян делает методологически обязательным изучение земельного права хрестьян отдельно для каждой категории. Мы не имеем никаких оснований предполагать априори, что все они находились в одинаковом юридическом положении. Не имеем поэтому и права, без особых к тому оснований, пользуясь свидетельствами, относящимися к одной категории хрестьян, умозаключать к другой.

Само собою разумеется, что эта классификация носит чисто эмпирический характер. Мы следуем источникам и их терминологии, стараясь исчерпать для каждой категории все содержание относящихся к ней источников.

(23) АЮ 12 (1505/11).

(24) АГР 70 (1555/57).

(25) Лихачев, XI (1551), стр. 210.

(26) АГР 71 (1558).

(27) АЮБ 1 52 11 (1462/1505).

(28) Там же 52 111 (прежде 1490).

(29) ГГД 1 33 (1388), АЭ 1 4 (1338/40), АЮБ 1 34 1 (1442/3), Лихачев, IV (1502), стр. 132; АГР 49 (1539).

III.

Есть, однако, в отношениях крестьянина к земле одна черта, общая для всех категорий крестьян и резко бросающаяся в глаза при изучении источников.

Фигура крестьянина в наших источниках, актах и писцовых книгах, неразрывно связана с определенным земельным объектом — двором. Раз крестьянин сидит на земле, он непременно является обладателем двора: “а христьяна дв. Онцифорик”, “а христьян: дв. Поминик Леонов сын его Спешко” (30). При описании земель двор постоянная счетная единица: “а христьянских дворов... девять, а людей в них девять человек” (31).

Но двор, поскольку это не городской или посадский двор, неразрывно связан с деревней (32). И здесь мы наталкиваемся на явление, по нашим современным представлениям, неожиданное: чрезвычайно часто встречаются деревни с одним двором (33). И чем источник старше, тем явление это чаще. Двор и деревня здесь совпадают: “а за христьяны деревень: Д. Борок: дв. Васко Торх, сын его Родивоник, сеют...” (34).

Какое значение вкладывает древнее словоупотребление в термин деревня?

Актовый материал позволяет дать ответ на этот вопрос с достаточной точностью.

В отводном акте 1529 г. в подробностях излагается история одной такой деревни. Она заслуживает быть воспроизведенной полностью, ибо не только отвечает на вопрос, что такое деревня, но наглядно рисует, как возникал этот объект крестьянского владения.

“И староста Ондрон Мальцов с товарищи тако рекли: ....и мы,

(30) НПК II (ок. 1495) 92, III (1500) 9.

(31) Это можно найти в любом столбце писцовых книг. См., напр., НПК II 8, 30, 197, III 67, 142, Писц. кн. XVI в. II 42 сл., 104, 107 и т. д., 289 и т. д.

(32) Обычная формула: сначала имя деревни «Д. Побережье». «Д. Ветошь», а затем перечисление дворов с поименованием занимающего двор крестьянина.

(33) Вот несколько, взятых наудачу, примеров для разных категорий земель: Писц. кн. XVI в. II, 3 — поместье Лазарева из 6 деревень, из них 5 с одним двором, II 44-45 — поместье Теличева, из 19 деревень, 15 с одним двором и 3 с двумя, II 108 — «а всего три деревни, а дворов в них три, а людей 6 человек». Черные земли: II 49 сл. Волость Захожье: из 37 деревень 13 с одним двором, 7 — с двумя. АЮ 228 (1557): Волость Иванов Бор «и всех деревень в волости 19, деревень пустых и пустошей 8, а дворов 40, а людей в них 41 человек».

(34) НПК II (ок. 1495) 8.

господине, тот починок Деревница поставили на великого князя земле Гороховские волости... у селища у Дубровое... А дал, господине, то селище Дубровки Гороховской волостель Констянтин Сибиновской Гороховским христьяном Гаврилку, да Кондратку, да Степану Семеновым детем Кухмырова на льготу; а льготу, господине, дал на десять лет, и грамоту им, господине, на то селище на Дубровки и на Деревнище... дал. И они, господине, на том селище и деревню поставили, тому лет с тридцать; и пашню, господине, на том селешце пахали два поля, а третье, господине, поле пахали себе на сев стороне речки Мортки... И ту, господине, деревню, учла у них вода поимати, которую Гаврилка Кухмырев з братьею поставил на селище на Дубровке; и оне, господине, ту деревню с селища з Дубровок снесли воды для от речки от Лелюхи на сю сторону речки Мортки на свое на третье поле на Деревнища... Да пожив, господине, тот Гаврилко Кухмырев з братьею в той деревни на деревнищах лет пять, да и ту деревню покинули, потому, что им не почасилос. И та, господине, деревня стояла пуста лет з дватцат и хоромы, господине, развалилис да и погнили...” (35).

На месте, указанном волостью, три брата, дети волостного крестьянина, “ставят деревню”. Они строят хоромы и распахивают землю, два поля вблизи двора, а третье, по другую сторону реки. Из-за разливов (“вода поимала”) переносят двор на это третье поле.

В другом поземельном споре владелец земли обвиняет монастырских крестьян, что они “поставили деревню” на его земле, “да и землю пащут и лес секут и пожню косят силно” (36).

“Поставить деревню” значит поселиться на участке и заняться обработкой земли. “Скажите в богию правду по крестному целованью, спрашивают судьи у свидетелей, чья то земля... и кто те деревни и починок пахали” (37). Деревня это тот участок, на котором хозяйничает крестьянин. Он там живет, пащет землю, косит сено, рубит лес.

Двор — хозяйственный центр деревни. “Купил ту деревню... и с двором... и с дворным местом, а во дворе хоромы; две избы, да клеть на подклете, да мылна, да сеники на дву хлевах, да сарай в забор около двора” (38). Ставя деревню, крестьянин первым делом устраивает двор, строя там хоромы, а оседая на существующей уже

(35) Лихачев, VII (1529), стр. 167.

(36) Там же, IX (1531), стр. 181.

(37) Правая грамота 1543 г. — Лихачев, X, стр. 200.

(38) АЮ 86 (1568).

деревне, он чинит хоромы, заменяя устаревшие постройки новыми (39). Позднее это обычное обязательство лица, рядящегося на деревню во крестьяне: “и старые хоромы починити и новые поставити” (40).

Пашня неперемнная принадлежность деревни. Мы не находим в актах деревни без пахотной земли. Захватить деревню значит захватить пашню (41), порядиться на деревню значит порядиться на пашню (42).

К деревне принадлежат и покосы. При исчислении дохода с деревень в писцовых книгах сено неизменно указывается рядом с хлебом. Соха и коса два неразрывных члена в старинной формуле, употребляемой в поземельных актах. Третий член — топор — символ леса, также входящего в число деревенских угодий: “со всеми с теми угодья, что... к тем деревням изстари потягло, покамест ходила соха и коса и топор”. (43). Все это, “со всеми угодья где что ни есть изстари потягло к той деревни” (44), составляет единое хозяйственное целое.

Это хозяйственное целое, как оно сложилось в процессе образования данного хозяйства, эта конкретная “деревня”, и есть непосредственный объект крестьянского владения, объект права крестьянина и объект юридического оборота. “Се яз Назарья Офонасьев сын отступился есми... Великого Князя земли, а своего владенья (дело идет о “деревне Карзиной Курьи”), что изстари потягло от века к той земли...” (45). “А променял Масленские волости староста и целовальник и все крестьяне деревню пустую Карпско, да деревню пустую... со всем тем, что изстари потягло к тем деревням, куды плуг и топор и коса ходили” (46). То же находим мы и в княжеских жалованных грамотах. Жалуя, на рубеже XIV и XV вв., деревню Толгскому монастырю, Ярославский князь Федор Федорович пишет: “Пожаловал есми деревню Куколциным, и с лесом и с пожнями, куды топор ходил, куды коса ходила, с пошлою зем-

(39) Лихачев, VII (1529), стр. 168.

(40) АЮ 178 (1575); 180 (1578); 175 I и II (1604).

(41) Там же 23 (1571).

(42) Там же, 178 (1576); 190 (1599); 175 I и II (1604).

(43) Там же, 115 (1563).

(44) Там же, 23 (1571), стр. 54. Кроме того, в состав деревни могут входить и другие угодья: «рыбные ловищи», (купчая 1586 в АЮ 26 (1612), стр. 66 или НПК II 9: «а угодья у тех деревень озерко Ботн...»).

(45) Купчая 1537/8 г., воспроизведенная в АЮ 23 (1571), стр. 54.

(46) Там же, 151 (1555).

лю, что к ней изстари тянуло...” (47). В том виде, в каком деревня была “поставлена”, в том виде она и продолжала существовать. История одной такой деревни, Феденинской, поставленной крестьянином Феденей, изображена в источниках на протяжении десятков лет. “Жил, господине, показывает на суде представитель монастыря, у нас в той деревне Феденя с детьми... а после того Феденя жил у нас Еска с детьми... 5 лет”, и т. д. “А опосле того, господине, Буженине жил у нас Гридя Рукуля 10 лет в той же деревне. И после Гриди остались его дети Омельяно и Бориско, а ту землю папнут Лаптевскую опосле отца другой год” (48).

Естественно, что первым владельцем деревни был тот крестьянин, который поставил ее и сел в ней в хоромах, им построенных. Чрезвычайно высокий процент однодворных деревень в источниках XV и первой половины XVI вв. показывает, что сохранение деревни в этом первоначальном виде было явлением обычным. Источники вскрывают нам и путь, коим шло раздробление деревни.

Половина деревни Борисовской принадлежала Матвею Кузьмину, и он имел на ней свой двор; полдеревни же — его брату Ефиму, который продал свою половину Григорию Кологривову (49). Очевидно, что деревня досталась братьям по наследству, и братья не сохранили нераздельного хозяйства, а поделили деревню между собою. Деревня делится на “жребии”, по выражению источников. Такие жребии на отцовской земле мы находим в купчей 1537/8 г. (50). Они становятся, в свою очередь, самостоятельным объектом права и объектом оборота (51). Последствием является то, что каждый жребий может иметь свою самостоятельную юридическую судьбу (52).

Если владельцы общей деревни не желают жить в общей избе, одному из них приходится ставить на своем жребии особый двор (53), и тогда образуется деревня с двумя дворами. Такого, по видимому, происхождение двух- и трехдворных деревень. По

(47) АЭ 15 (ок. 1400).

(48) АГР 30 (1462/77).

(49) АЮ 19 (1532), стр. 39.

(50) Там же, 23 (1571), стр. 54, ср. 136 (1555).

(51) Ср. также купчую 1586/7 г. в АЮ 26, стр. 66: «...владеть... где что ни есть, и в пашенной земли и в пожнях и с рыбными ловищи половинно Голенской деревни».

(52) См., напр., Писц. кн. XVI в., II, стр. 138 (полдеревни Обухова) или АГР 41 (1462/1505): «и свою половину деревни Галицы дала в Кирилов монастырь».

(53) АЮ 19 (1532).

заключению С. Б. Веселовского (54), типичной для XIV-XVI вв. была деревня в один-три двора. Только "со второй половины XV в. становится заметным, а с течением времени несомненным и повсеместным укрупнение селений".

Таким образом, не подлежит сомнению, что непосредственным объектом права крестьянина является деревня или часть ее, но всегда определенный участок, как единое хозяйственное целое.

Мы особенно настаиваем на этом пункте, ибо игнорирование этого фактического положения привело наших историков к совершенно неправильной оценке правового положения крестьянина на земле (55).

В источниках мы часто встречаем, рядом с деревней, "починок", причем различия между ними не делается. "Те, господине, деревни и починок и земля и покосы и лес государя нашего князя Ивана Федоровича, а не манастирские..." (56). "Мы, в тех землях и в починокх и деревнях, пишет в. к. Иван Васильевич... дали судью тебя Третьяка Гневашева" (57). Судьи спрашивают: "и хто те деревни и починок пахали" (58).

Починок значит выселок, поселок (59). Число таких починок в некоторых местах очень значительно (60). Так называли, повидимому, новые селения, образовываемые крестьянами, высекавшимися из близлежащих деревень. Но не все писцы, составлявшие описи, делали, повидимому, различие между старыми деревнями и новыми поселками и все обозначали одним именем деревня.

Во всяком случае, в интересующем нас вопросе — в отношениях крестьянина к земле — различия между деревней и почином никакого не было. "Те, господине, деревни и починок изстарины земли Великого Князя Личуржские волости тяглые наши" (61). "Отвели у меня у Савки починок к своей пустоши монастыр-

(54) В его исследовании «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV-XVI вв.», 1936, основанном на обширном, не только печатном, но и архивном материале, стр. 12, 26, 32 и 131.

(55) Сергеевич, Древности русского права, т. III (1903), стр. 47 сл., правильно видит в деревне определенное целое хозяйство. Но никаких выводов отсюда он не делает.

(56) Лихачев, X (1543), стр. 198.

(57) АЭ I 209 (1546).

(58) Лихачев, X (1543), стр. 200.

(59) Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка, II (1902), стр. 1326.

(60) Писц. кн. XVI в., II 42, 91, 265. В Новгородских Писц. Книгах мы этот термин также встречаем, напр., III, 5, 6, 42, 186.

(61) АО 8 (1498/505).

ской" (62). Починки также "ставят" как деревню (63). А в позднейших порядных на починок так же рядятся, как на деревню: "Се яз... порядился есми... на починок... и в те нам урочные пять лет на тех починокх пашня пахати, и поля городить, и во дворе старые хоромы починовати и вновь хоромы прибавлявати..." (64).

(62) Там же 6 (ок. 1490).

(63) Лихачев (1529), стр. 167 VII; там же, Духовные грамоты, II (1533/38), стр. 7; АГР 49 (1539); 70 (1555/7), стр. 147.

(64) Порядная (1585) в АО 26 (1612), стр. 67.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КРЕСТЬЯНЕ ЧЕРНЫЕ.

I.

Мы начинаем с крестьян черных, которые, судя по количеству посвященного им в источниках места, были наиболее многочисленной группой крестьян.

Как мы видели, эти крестьяне обозначаются в источниках также именами крестьян тяглых, волостных, а позднее и эпитетом “крестьян великого князя”. Это стоит в полном соответствии с подобными же обозначениями черных земель, а истинный смысл каждого из этих обозначений может быть выяснен лишь при изучении этих земель (1). Но уже здесь мы должны указать, что с точки зрения их древности они неравноценны. Старшинство, по всем видимостям, принадлежит терминам: земли черные, люди черные. Мы находим их в наших старейших источниках — летописях под XII в. (2) и в актах XIV в. (3). Выражение “люди тяглые” засвидетельствовано нам также для XIV в. (4). Между тем, терминология “земли волостные”, “крестьяне волостные” не старше XV в. (5). Прибавка же к обозначению черных земель и крестьян эпитета “великого князя” есть порождение лишь конца XV в. (6).

Но термины эти неравноценны не только с точки зрения исторической, но и с догматической.

Мы увидим, что тяглыми были не только крестьяне черные. Все крестьяне были тяглецами. Если наименование это прибавля-

(1) См. ниже, Разд. II, гл. 2-ая, § 1.

(2) См. там же, прим. 5 и 6.

(3) ГГД I, 27 (1362); АЭ I, 8 (начало 1372); ГГД I, 33 (1388); там же 35 (1389).

(4) Насколько мы можем проследить, старейшее указание в документальном материале — АЭ I, 4 (1338/40).

(5) См. ниже § 4, стр.

(6) АЮ 3 (1485/505); АГР 13 (1485/505); АЮ 6 (ок. 1490); Лихачев, V (1505), стр. 137.

лось специально к обозначению крестьян черных, то это потому, что они сидели на землях, которые были предназначены для несения тягла, были тяглыми по преимуществу.

Не совпадает с термином “крестьянин черный” и термин “крестьянин волостной”. Не все черные крестьяне были волостными. Были черные крестьяне и вне волости.

Особенно сложен вопрос о термине “крестьяне великого князя”.

В упомянутой уже жалованной грамоте в. к. Василия Ивановича на Сестру реку (7), великий князь, перечисляя разные ряды крестьян, противопоставляет “своих Великого Князя крестьян” черным. Очевидно, кроме черных крестьян, многократно именуемых в источниках “крестьянами великого князя”, были еще какие-то другие крестьяне великого князя. Прибавка, которую делает для характеристики великий князь: “мои Великого Князя крестьяне” свидетельствует, что эти крестьяне были его в каком то другом смысле, стояли к нему ближе (8).

Таким образом, термин “крестьяне великого князя” шире термина “крестьяне черные”. В то же время, он и уже. Крестьянами черными были не только крестьяне великого князя, ибо, как мы увидим, черные земли были и у удельных, не великих князей, и сядящие на них крестьяне также именовались черными. Эти два термина совершенно не совпадали.

II.

Нам предстоит выяснить, на основании актового материала, каково было положение черного крестьянина в его отношении к земле.

Первое, и совершенно определенное, впечатление, которое оставляет изучение источников, это фигура черного крестьянина, как самостоятельного хозяина.

Мы видели, что объектом его владения была деревня. Уже сподоб, коим эта деревня “ставилась”, свидетельствует о самостоятельности крестьянина. Не только исторически первоначальной, но и в течение веков наиболее частой формой была постановка деревни на девственной, до сих пор незанятой земле. Здесь черный крестьянин действовал исключительно по собственной инициативе, независимо от кого бы то ни было. Он облюбовывал участок для постройки двора, ставил там хоромы и службы, сеники на под-

(7) См. ниже, разд. II гл. 2-ую § 1.

(8) См. там же, прим. 5 и 6.

клетьях, овны, мыльни и т. д., для чего сек окружающий лес, выбирал место для пашни и распахивал его "по силе", косил пожню по своему усмотрению. В старинной формуле, ставшей со временем стереотипной: "со всем тем, что изстари к той деревне потягло, куды плуг и топор и коса ходила", это положение вещей нашло свое яркое отражение. Крестьянин здесь пионер со всеми чертами, пионеру свойственными. Давая земли на монастырь, крестьянин пишет: "дал есмь... свою поживку и свою землицу... что моя чища". В одном процессе начала XVI в. черный крестьянин, говоря о спорной пожне, называет ее "росчисть отца нашего" (9).

Уже установив деревню, крестьянин мог затем по своему усмотрению менять расположение отдельных ее частей, переносить двор (10). Если кругом была никем незанятая земля, крестьянин мог распахать ее или создать новую пожню. Совершенно в том же положении находился и крестьянин, оседающий на существующую уже, но опустевшую деревню. Вообще, нигде в источниках мы не находим ни малейшего указания на вмешательство, с чьей бы то ни было стороны, в свободное хозяйственное усмотрение крестьянина.

Это впечатление самостоятельности и независимости черного крестьянина укрепляется еще свидетельствами о прочности и устойчивости его положения. Крестьянин сидит в своей деревне из поколения в поколение. "А пахали, господине, ту землю отцы наши из Кобылинской деревни, а после отцов своих ту землю пашем мы лет с двадцать из Кобылинские ж деревни" (11). "А то, господине, пожня наша черная... росчисть отца нашего, а отец наш, господине, косил лет семдесят, а опосле, господине, отца своего, косим ее мы с своим братом з Докунею дватцать лет" (12).

После смерти крестьянина все его имущество вместе с землею переходит к его сыновьям. "Животы отцов своих, кони, и коровы, и овцы, хлеб, и деньги, котлы, сковороды, и суды, и седла, и весь живот без вывета, и земля в Карзине курьи свое владение", читаем мы в дельной записи 1531 г. (13). И это не есть фактический захват имущества ближайшими к покойному лицами, а настоящее наследство, "стагок": "земли Великого Князя, а отца своего статка, а своего владения" (14).

(9) Мейчик, стр. 123 (1427 г.), Лихачев, XII (1504/5), стр. 237.

(10) Там же VII (1529), стр. 167.

(11) Лихачев, II (1500), стр. 125.

(12) Там же, XIII (1504/5), стр. 237.

(13) Дельная запись, воспроизведенная в судебном списке АЮ 23 (1571), стр. 55.

(14) Отступная, помещенная в том же судебном списке, стр. 57.

Нужны были особые, стихийные события, чтобы крестьяне покидали насиженные места. "Волость, господине, Ликуржская запустела от великого поветрия... А волостных, господине, деревень Ликуржских тогда осталось одна шесть деревень с людьми" (15). "Кто тем лесом в старину владел, побили в старую войну Луговая Черемиса, а иные померли от поветрия" (16). Добровольно покидал родные места обыкновенно, по преимуществу, прирост населения (17). Случаев лишения земли крестьянина, выполняющего лежащие на нем повинности, мы в источниках не найдем. Вообще никаких указаний или даже намеков на срочность или условность владения черного крестьянина.

III.

"Самостоятельный хозяин" не есть, конечно, юридическое определение. Юридическая природа права этого хозяина на землю может быть самой разнообразной. Чтобы заполнить эту формулу юридическим содержанием, надлежит выяснить, какими правомочиями обладал черный крестьянин по отношению к своей земле.

Актовый материал позволяет дать на этот вопрос совершенно определенный ответ.

Уже в одной из договорных междукняжеских грамот XIV в. мы находим свидетельство, что земли черных крестьян были предметом купли-продажи (18). Князья, по вполне ясным основаниям, борются против этого, но законности самих сделок не оспаривают. С другой стороны, мы находим и княжеские разрешения на покупку земель черных людей. "Пожаловал есми Злобу Васильева сына, пишет в конце XV в. князь Андрей Васильевич, освободил есми ему на Вологде кушги земли, на соху, боярских и служных и черных тяглых земель, кто ему продасть; а с тою земли с слугами и с черными людьми не тянет"... (19).

Кто же это продавал земли черных людей?

(15) АЮ 8 (1498/505), стр. 14.

(16) Там же 178 (1587).

(17) Веселовский, Село и деревня, стр. 30, отмечает, как общее явление, что родственники и даже сыновья предпочитали уходить на свободные земли и ставить свои деревни, а не селиться на старых деревнях.

(18) ГГД I 33 (1388) — договор в. к. Дмитрия Ивановича с к. Владимиром Андреевичем.

(19) Воспроизведена в судебном списке 1503 г. — АЮ 9.

На этот счет сомнений быть не может. Землю продавал сам крестьянин, сидящий в своей деревне.

Свидетельствуют о том подлинные дошедшие до нас акты купли-продажи крестьянских земель. "Се яз... отступился есмь... великого князя земли, а своего посылья, на Мучестрови полупожни Степанцова своего владения..." (20). Или: "Отступился есмь земли Великого Князя, а своего владения... не измогли есмь с тое земли дани давати Великого Князя, ни службы служити, ни волостных разрубов" (21). Продавая свою землю другому крестьянину, продавец прибавляет: "а отступился есмь ему тех своих пожен в дернь, без выкупа" (22), отмечая тем бесповоротность отчуждения. Но продажи черных земель идут, как мы уже имели случай убедиться, не только между крестьянами. Покупали и нетяглые люди. Мы имеем пример и продажи земли "Царя и Великого Князя, а своего владения" монастырю (23).

Продажа не единственная форма распоряжения землями, засвидетельствованная нам источниками по отношению к крестьянам. Черные крестьяне свои земли и закладывают. В земельном споре половины XVI в. свидетель указывает: "в той ж. господине, волости, в Ворбозомской, в деревне Панинской и в Шикшеме жили хрестьяне Петрушка Фомин да Ермолка Павлов... И тот, господине, Петрушка... занял у дяди моего, у Онаньи, три рубли денег, а в тех денгах заложил у него треть тое волостные Шикшемы и с посылною ему дал кабалою" (24). Дальше рассказывается о второй такой же закладной на другую деревню. В более позднем процессе истецы, Яхранской волости крестьяне, показывают: "в прошлых де годах его Ондришки (первый истец) дядя, а Сепгушкин (второй истец) дед заняли у Троецкого же монастыря у игумена з братьею 70 рубли денег, и в тех денгах заложил и подписал половину деревни своей Истоки..." (25).

Рядом с возмездными способами распоряжения были открыты крестьянину и безмездные. В источниках имеются свидетельства о пожертвованиях крестьянами своих земель на монастырь. "Се аз

(20) Акты Холмогорской епархии XXVI (1547), ср. там же XCVI (1566). Относительно своеобразной терминологии и самого характера этих купчих, см. ниже § VI.

(21) Отступная 1537/8 г. в АЮ 23, стр. 54. Ср. ГКЭ I 72 и 73 (1534), 75 (1535); 87 и 88 (1540).

(22) АЮ 136 (1556).

(23) Отступная 1586 г., там же 26, стр. 66.

(24) АГР 65 (1554), стр. 125.

(25) АГР 128 (1662).

Харлам Мортка дал есмь в дом Препетые Бци старцю Кирилоу свою поженку и свою землицю оу езовица, что моя чища, и борок противу Стьи Бци..." (26). В процессе Корельского Николья Чудотворца монастыря воспроизведены две данные 1558/9 и 1566/7 гг. на крестьянские земли, пожертвованные монастырю (27).

Наконец, право крестьянина распорядиться своим правом на землю на случай смерти не подлежит сомнению. Оно вытекает из сопоставления права распоряжения крестьянина при его жизни с существованием в ту эпоху наследственного перехода земель по завещанию. От позднейшего времени до нас и дошли примеры таких распоряжений. "Се яз Прокопей Марков сын Бороткина.... Лоемской волости крестьянин, пишу сию по себе изоустную память... А что есть у меня Прокопея деревни и дворы... чем преж отец мой Марко и после его яз Прокопей владел по купчим, и по закладным и по всяким писмянным крепостям... и тем вышеписанным всем яз Прокопей при смертном своем часу благословил и наделил..." (28).

Располагая правом владения и правом пользования землей, имея возможность распорядиться своим правом на землю, черный крестьянин мог, конечно, и уступать временно свое право пользования землей, другими словами, сдавать ее в аренду. В судебном списке 1502 г. ответчики заявляют: "Косим, господине, наволок мы, а мы, господине, люди приплые, а дал нам, господине тот наволок староста Орел да волостные люди Семен Нефедеев и Федюня Трошин". Владельцы участка, Семен и Федюня, подтверждают: "дали, господине, наволок косити мы тому Федюне с товарищи, а наволок, господине, великого князя" (29).

Итак, по свидетельству источников, черный крестьянин является обладателем самостоятельного права на свою деревню с об-

(26) Мейчик, стр. 123 IX (1427/32). Что дело здесь идет о крестьянине и о черной земле, свидетельствуют упоминаемые здесь докладница, на основании которой была расчищена черная земля, и «посильнице», о чем см. ниже, следующий параграф.

(27) Воспроизведены в АЮ (1571), стр. 55 и 56.

(28) АЮБ I 86 IV (1691).

(29) Лихачев, IV (1502), стр. 132. — Такую же аренду мы находим и в порядной 1544 г., воспроизведенной в АЮ 23, стр. 55/56. Один из крестьян-сонаследников, Елизар, продает свой жеребий братьям Сильвестровым, а затем чрез несколько лет берет у них же в аренду свой прежний участок и другой участок, купленный ими у другого сонаследника. Что здесь дело идет именно об аренде, а не о найме Сильвестровыми себе работника (как предполагает Сергеевич I, стр. 237), видно из оговорки, помещенной в порядной: «а приедут писцы Великого Князя и мне Елизару и моим детям на той земли не описыватися». Очевидно, Елизар с детьми вели здесь свое хозяйство.

ширными правомочиями, относящимися не только к пользованию и владению участком, но и к распоряжению своим правом.

В полном соответствии с этим стоит и то место, которое занимает черный крестьянин в судебных процессах, касающихся его деревни.

Это он обращается в суд, когда почитает, что кто-либо нарушил его право на землю. Выражаясь современным языком, право иска принадлежит ему. Он предъявляет иск от своего имени. “Тягался Гридка Голузнивой с Симоновским старцом с Семеном... то, господине, земли великого князя черныи, тяглыи, а чернец Симоновский Семен пашет их без леп, а зовет землями монастырскими” (30). “Тягался Савка Мондаков, да Филиско Демехов...: то, господине, отводчики Кириловские... отвели у меня у Савки починок к своей пустоши к монастырской, к Кочевинской; а мне, господине, тот лес дала волость, староста с крестьяныи, и яз, господине, избу поставил; а то, господине, лес Великого Князя, Волоцкой” (31). “Тягался Великого Князя крестьянин Митя Климов сын с Кириловскими старцы... косят, господине, пожни, Великого Князя Михайловские деревни...” (32) и т. д.

Точно так же и в качестве ответчиков выступают черные крестьяне, когда дело касается их деревни, все равно, идет ли спор об участке между черными крестьянами (33), или о том, на земле какого владельца расположен спорный участок.

Старец Ройского Златоустинского монастыря обвиняют Селку и брата его Докою в нарушении земельных прав монастыря. Ответчики возражают: “а то, господине, пожня наша черпал, на которой стоите, росчисть, господине, отца нашего...” (34). Совершенно такой же спор о пожнях ведет Симоновский монастырь “с Усохские волости крестьяны с Куземкою с Фоминым сыном, да с Тимонкою Степановым сыном” (35). Кириловский монастырь жалуется “на крестьянина на Нефедка на Занина сына... вступается в лес... и землю пашенную называет своею землею” (36).

Очень характерно, с точки зрения права крестьянина на иск, одно свидетельство второй половины XV в.

(30) АЮБ I 52 II (1462/505).

(31) АЮ 6 (ок. 1490).

(32) АГР 19 (1505).

(33) Акты Холм. еп. XVII (1530).

(34) Лихачев, XIII (1504/5), стр. 237.

(35) Там же II (1500), стр. 124, ср. АГР 21 (1506).

(36) АГР 48 (1537).

Старец Троицкого Сергиева монастыря бил челом князю Андрею Васильевичу о разъезде земель “зашьжо, господине, твой хрестьянин Кобылинского стану Иванько Кореловской называет наши деревни монастырские... твоими княжими Андрееыми Васильевича... И князь Ондрей Васильевич... тех деревень... и тех пожень... отступился игумену Троецкому Спиридонью”. Князь решил дело в пользу монастыря на том основании, что ни начавший процесс крестьянин Иванько Кореловской, ни другие крестьяне не отыскивали своих прав в течение 25 лет (37). Современный юрист сказал бы: право на иск признано князем погашенным за истечением исковой давности. Но чье право на иск? Право крестьян.

Право крестьянина на иск и его обязанность отвечать на суде по спорам о занимаемом им участке настолько твердо укоренилось в сознании, что уже первый Судебник, великокняжеский, регулируя вопрос об исковой давности, называет крестьянина рядом с помещиком: “А възыщет черной на черном или помещик на помещике, за которым земли великого князя, или черной или селской на помещике, или помещик на черном и на селском, ино судити по томуж за три годы, а доле трех годов не судити” (38). Срок, установленный здесь для черных крестьян, тот же, что для всех владельцев земли (39).

IV.

Черные крестьяне, обозначая себя, прибавляют обыкновенно к этому обозначению и наименование — тяглый. Анализ этого второго обозначения позволяет не только отметить другую сторону правового положения черного крестьянина, указать на лежащие на нем обязанности, но и углубить характеристику его права на землю.

Откуда это обозначение, какое тягло лежит на черном крестьянине, об этом дает представление уже актовый материал. Продавая свои земли, черные крестьяне любили вносить в отступные мотивировку: “не измогл есми с тих своих пожнь потугов платити, ни дани” (40), или с большими подробностями: “а отступился есми ему тое полу-пожни... не измогл есми с тое полу-пожни в. к. дани давати и службы служити и всяких розрубов с волостными людьми

(37) Мейчик, стр. 114, III, п. 3. Та же грамота — АГР (1467). Дело идет здесь о черных землях — см. ниже, Разд. II, гл. 2-ю.

(38) Судебник 1497 г., ст. 63.

(39) За исключением земель лично великого князя — см. об этом ниже, Разд. II, гл. 3-ю.

(40) АЮ 136 (1556).

платити" (41). В пяти отступных, между 1537 и 1559 гг., предъявленных в процессе 1571 г. во всех имеются такие же ссылки на дани великого кня, на службу его, на волостные розрубы, кои иногда именуются "земскими". В последней из них по времени прибавлено: "и хлеба посыпного в житницу сыпати" (42). Тут, следовательно, и денежное обложение, и натуральные повинности на казну, и разные волостные раскладочные повинности, и, наконец, обязанность предоставлять известное количество хлеба в общественный склад.

Все эти сборы и повинности ложатся на владельца земли как такового. Это ясно видно из прибавки, которую мы находим в некоторых приведенных выше отступных. "А служба Великого Князя служить и дань давати и всякие розрубы нам Елизарью да Павлу (покушникам), лета 7046" (отступная была совершена в 7045 г.).

И определяются эти сборы размерами эксплуатироваемой земли, пашни и пожень. В этом можно убедиться по писцовым книгам, напр., "Полдеревни Обухова, 1 двор; пашни в поле в полдеревни 7 четви, сена 15 копен" (43). Еще характернее материал, который находим мы по этому вопросу в жалованных грамотах. Представляя податную льготу людям, которых призывает к себе Ив. Кафтарев, в. к. Василий Дмитриевич пишет: "А отсидят свои уроки, и они потянут в боярскими сиротами к черным людям в дань мою по силе" (44). То же самое выражение "потянуть по силе" находим мы и в двух других грамотах того же великого князя (45). Василий Темный выражается так же: "а отсидят те люди свои урочные лета, и они потянут в мою дань по силе", или "а отседают те люди приплытые урок свой, и она потянут в мою дань и во все потуги по силам" (46). Несколько раньше нижегородский князь писал: "а уживут десять лет и они потянут со старожилпы по силе" (47).

"По силе", "по силам". Это не может обозначать ничего другого, как — по обработанной земле, по труду, вложенному в землю. Тяглый человек занимает столько земли, сколько он может обработать, в меру своих сил. Но в эту же меру он должен нести и тягло. У крестьянина и право на землю, и повинности по земле одинаково

(41) Акты Холм. еп. XXVI (1547), ср. там же XI:VI (1566).

(42) АЮ 23 (1571), стр. 57.

(43) Калачев, Писцовые Книги XVI в., II, Тверск. уезд. (1539/04) стр.

138.

(44) Юшков, 4 (1424).

(45) АЭ I 20 (1421); 21 (1423).

(46) Юшков, 10 (1441); 14 (1461); 15 (1461).

(47) АЭ I 17 (1410/17).

определяются трудом. Право крестьянина на землю, как тягло человека, есть право трудиться на земле.

Эта сущность права крестьянина объясняет ряд характерных особенностей, которые отличают в источниках право крестьянина на землю от прав всех прочих лиц.

Как всякий владелец земли, крестьянин, для доказательства своего права, старался располагать документами.

В одном процессе 1530 г. истец утверждает, что ответчик живет... "на четверти деревни Великого Князя, а на владении отца моего... сильно дватцать лет". Судья ставит ему вопрос: "Что у тебя крепи есть ли на ту деревню". Истец отвечает: "есть, господине, у меня на ту деревню купчие грамоты прадеда моего" (48). В качестве таких "крепей" чаще всего (49), фигурируют купчие, причем сами крестьяне пользуются этим обозначением (50), точно так же, как они употребляют слово "купил есми" (51). Но когда мы обращаемся к этим купчим, мы находим, что тут и терминология другая, и характер другой, нежели в купчих некрестьянских.

Прежде всего, мы наталкиваемся здесь на термин "посилье", которого мы ни в каких других купчих не найдем.

Что такое "посилье"?

Филологи объясняют нам, что посилье это подмога (52). Это совершенно не соответствует смыслу и содержанию всех юридических актов, употребляющих это выражение. "Се яз... купил есми (53)... пожни... на реке на Лосте, а дал есми на посиле пять рублей" (54); "Отступился есми царевы и великого князя земли а своего владенья... орамые земли... в дернь без выкупа; а взял есми на посиле на той земле 20 алтын денег московское число" (55).

Совершенно очевидно, что тут дело идет о цене. Во всех системах права, и в нашем русском праве, акт купли-продажи требует указания уплаченной цены. Мы находим это во всех дошедших до нас купчих, начиная с древнейших. Посилье и есть цена, уплачиваемая за уступки крестьянином права на участок. Если бы оставались

(48) Акты Холм. еп. XVII (1530). См. также термины «крепости» по отношению к черной земле в купчей 1586 г. в АЮ 26 (1612), стр. 66.

(49) Но не исключительно — встречаются и закладные, АЮ 136 (1556); АГР 91 (1612).

(50) Акты Холм. еп. XVI, п. 10 (1499), стр. 123.

(51) См. ниже, прим. 54.

(52) Срезневский, II, стр. 1234.

(53) Купчие, писанные от имени покупателя, обычное явление для этой эпохи.

(54) Мейчик, стр. 123, VIII, п. 10 (1499).

(55) Акты Холм. еп. XI:VI (1566).

на этот счет сомнения, то достаточно взглянуть в отступную 1542 г., данную нижегородскому Никольскому Дудину монастырю местными бортниками на проданную ими оброчную деревню: “И мы тое деревни ступилися игумену Макарью... з братьею и грамату есмя на ту деревню игумену Макарью з братьею старую выдали и за посилье есмя у Николы у Чюдотворца и у игумена у Макария з братьею взяли трицат рублев с рублем за хоромы и за огороды и за жерди и за землю за распаш и за луги и за лес и что к той деревни исстари потягло, куды топор и коса ходила” (56). Тут прямо указывается, что 31 рубль уплачивается за уступаемое имущество, т. е. является ценою.

Но почему цена обозначается выражениями “за посилье”, “на посилье”?

Это приводит нас к тому термину “по силе”, которое, как мы видели, употребляли князья, чтобы выразить: тягло определяется по количеству обрабатываемой земли. Сила — труд, вложенный крестьянином в землю. Уступая свое право на участок, крестьянин берет вознаграждение за вложенный им в него труд. “Взял есми на посилье на той земле”, говорит крестьянин в цитированной выше купчей, уступая участок на реке Мсте. В отступной Никольскому монастырю перечисляется все, что создано трудом крестьянина. Здесь и земля распашь, и луга, и лес, куда топор ходил, и срубленные там хоромы, городы и жерди. Эта идея так укоренилась в сознании крестьян, что самое право он обозначает тем же именем. “Отступился есми... великого князя земли, а своего посилья на Мучестрове полуножни Станцева своего владенья”. Земля его владение, потому что она его посилье. И тут же он прибавляет: “а взял яз... у Романа... на той на половине пожни себе на посилье сорок алтын денег” (57).

Посилье есть образное выражение трудового характера крестьянского права на землю (58).

Всюду, где дело идет о сделках с крестьянским участком, мы сталкиваемся с посильем.

(56) Лихачев, XII (1552), стр. 221.

(57) Акты Холм. еп. XXVI (1547). Совершенно также ГКЭ I 88 (1540): «Отступился есми земли великого князя и своего посилья».

(58) Мейчик, цит. соч., стр. 74, сл. 85, первый занявшийся вопросом о значении термина посилье, довольно близко подошел, несмотря на скудный материал, которым он располагал, к правильному его истолкованию. Но никаких выводов отсюда он не сделал. Право крестьянина на участок для него, как мы увидим, также вытекает из договора с землевладельцем.

В одной правой грамоте XVI в. мы читаем: “Петрушка живучи в деревне на Шикпеме занял у Ононей у Радивонова 3 рубли денег, а в тех деньгах волостные Шикпемы, и с посильною ему дал... а брат его Петршкин тое волостную Фоминскую деревню отдал на посилье городскому человеку Власку... и тот Власко... у Онанина... 10 рублей денег занял, и в тех денгах заложил у него тое волостную деревню Фоминскую и с посильною ему дал...” (59).

Два брата заложили каждый свою деревню. Один из залогодержателей заложил у него деревню перезаложил. Эти операции обозначаются терминами: дал посильную (грамату) или заложил деревню и с посильной ему дал. Посильная есть акт передачи владенья крестьянским участком, но не в порядке полной уступки права, а лишь временной, до погашения долга (60). Здесь посильная для крестьянского участка то же, что закладная для землевладельца. (60а). Крестьянин закладывает свое посилье, свое право на участок (61).

Даже когда дело идет о пожертвовании участка, жертвователь считает возможным взять посилье, правда,носящее здесь более символический характер. “Се яз Харлам Мортка дал есмь в дом Пречистыи Бци старцу Кирилоу свою поженку и свою землицю оу езовища, что моя чища, и борок противу Стыи Бци, и дал есмь и докладницу, почему есмь тоу поженку и тоу землицю разделал. А взял есмь оу старца оу Кирила посильице полтретьятцать бел” (62).

Речь идет о черной земле. Доказательство — докладница, переданная для доказательства закономерности захвата земли. Жертвователь оттеняет, что это его “чища”, что он “разделал” ее, и поэтому берет “посильице”.

Вторая особенность, которая отличает крестьянские купчие, это выражения, которые крестьяне употребляют для обозначения акта, ими совершаемого. Мы указывали, что они вполне отдают себе отчет в юридическом характере этого акта, говорят: предал есми, купил есми. Самый акт снабжен всеми атрибутами купчей. Крестьянин оговаривается, что он отчуждает свое право навеки, “одерень, без выкупа” (62). Как во всяких купчих, включается обя-

(59) АГР 65 (1554), стр. 127.

(60) Владение участком по закладной см. там же 91 (1613).

(60а) Мы сейчас увидим, что акт продажи крестьянской земли также именуется «посильной».

(61) Мейчик, стр. 123. IX, п. I (1427).

(62) Акты Холм. еп. XVII, с. 22 (1530/9); XEVI (1566); АЮ 186 (1556).

зательство очистки: “а в очищении тим своим пожням яз Тимофей Мартемьяну (покупателю) от купчих и закладных” (63).

Тем не менее, совершая продажу, крестьянин говорит “отступился есми” (64). Выражение “отступиться” имеет в актах той эпохи совершенно определенной смысл. В акте 1467 г., который нам уже приходилось упоминать, Троицко-Сергиев монастырь просит у князя Андрея Васильевича о размежевании спорных земель, монастырских и черных. Выясняется, что крестьяне “тех земель, деревень и поженъ не искали за полтрьятцать лет. И князь Ондрей Васильевич... тех деревень... и тех поженъ отступился игумену Троицкому Спиридоныю” (65). В другом акте, от 1498 г., мы читаем: “да яз Егорьевский Каменные церкви игумен Васпан со всею братьею... тог дужку Усиловског отступился архимондиту Тихону” (Рождественского монастыря в Володимере) (66). В обоих случаях идет речь об отказе от своего права в пользу другого лица. И в представлении крестьянина, он, продавая свой участок, не распоряжается этим участком, а только отступает от своего права.

Так как дело идет о земле его “посилья”, так как за уступку права он берет “посилье”, то сам акт крестьяне часто обозначают именем “посильной” (66а).

Таким образом, у черного крестьянина, как человека тяглого, его право на землю неразрывно связано с тяглом. Пока он сидит на земле, он должен тянуть тягло. И его право, и его тягло одинаково распределяются его трудом. Его владение или, как выражаются иногда крестьяне, его “посилье” определяется пространством “покамест плуг, и коса, и топор ходили”. “По силе” же определяются и налагаемые на него повинности. Самое право крестьянина на землю носит трудовой характер. Достаточно крестьянину перестать работать на своем участке, чтобы он утратил свое право на него.

V.

В какой то, довольно поздний, момент, около половины XV в. (67), рядом с наименованием “крестьяне черные”, “крестьяне

(63) АЮ 136 (1556).

(64) См., кроме уже цит. актов, АЮ 23 (пять отступных 1537/8 и 1559); там же 26 (1586), стр. 66; ГКЭ 73 и 75 (1534); 75 (1535); 87 и 88 (1540); 93 (1545).

(65) Мейчик, стр. 114, п. 3 (1467).

(66) Там же, стр. 119, 4 (1498).

(66а) ГКЭ I 73 (1534); 87 и 88 (1540).

(67) См. об этом ниже, Разд. II, гл. 2-ая.

тяглые”, появляется термин: “крестьяне волостные”. Соответственно появляется и обозначение земель как “пожня волостная”, “волостные деревни”, “земля волостная черная тяглая” (68). Обыкновенно при этом указывается конкретно, о какой именно волости идет речь: “хрестьяне Волские волости”, “во всех хрестиян место Ликурзские волости”, “с Есюнинские волости с хрестьяны” (69), а также “Великого Князя земли Гороховские волости”, “те были пустоши... из старины Великого Князя Лоскомскы волости” (70).

Роль волости в крестьянской жизни той эпохи заслуживает тем большего внимания, что неправильная оценка ее известным направлением русской исторической мысли привела к искаженному представлению о праве крестьянина на землю.

Волость, в своем первоначальном значении, это территория, состоящая под одной властью (71). В источниках изучаемого периода слово волость продолжает еще употребляться в этом значении. Когда великая княгиня Софья говорит в жалованной грамоте Троицко-Сергиеву монастырю: “что оу них село в моей волости в Нерехте Кувакинское...” (72), или когда в купчей начала XV в. покупатель говорит: “се яз... купил есмь землю... в митрополиче волости” (73), то не подлежит сомнению, что здесь “волость” употреблено в смысле области, находящейся под властью данного лица.

Но рядом с этим мы находим в источниках выражение волость в более узком, технически-юридическом значении. Это — территориально-административная единица, тесно связанная с крестьянской жизнью.

Крестьяне рассматривают волость, как свою волость: “Земли Великого Князя наши волости Шутковские”; “то, господине, пустоши Великого Князя наши волости Южские” (74). Территори-

(68) Напр., АЭ 20 (1421); АЮБ I 52 III (пр. 1490); Лихачев II (1500), стр. 124; АГР 34 (не позже 1505); 65 (не раньше 1554).

(69) Лихачев, V (1505), стр. 137; АЮ 8 (1498/1505); 20 (1534).

(70) Лихачев, VII (1529), стр. 146; АЮ 9 (1503); АТР 13 (1485/1505).

(71) См. Сергеевич, Русские Юридические Древности, I (изд. 2-е), стр. 1—5, где указаны летописные и др. источники, начиная с X ст. По вопросу о том, имела ли при этом в виду власть в нашем публично-правовом смысле, или как частно-правовое обладание, см. ниже, Разд. II, гл. II.

(72) АЮБ I 31 X (1448), тр. XII (1453), в. к. Марин: «в моей волости в Маринной слободке».

(73) АЮ 12 (1505/11) — дело идет о купчей деда истца. Ср. также «патриаршские волости крестьян» АЮБ I 80 I (1600).

(74) АЮ 3 (1485/505).

ально это единица небольшая. Об этом свидетельствуют уже самые названия волостей, заимствованные обыкновенно из разных местных обозначений. Ворбозомская волость названа по речке Ворбозомке (75). Залешанская волость именуется по Залесью (76). В том же процессе, где выступают Залешане, фигурируют и Березовчане и упоминается речка Верхний Березовец. Упомянутая выше Южская волость заимствовала свое имя от Юга, к которому, как свидетельствуют крестьяне, тянули их земли (77). В развезжей грамоте, где размежеваются земли Масленской волости, упоминается река Маслена (78) и т. д., и т. д.

О небольшом численном составе волости имеются и непосредственные свидетельства. “Тягались крестяне Алмешские волостки осминатцати деревень... и во всех крестян место осминатцати деревень” (79). Вся волость состоит из восемнадцати деревень, в большинстве случаев, как известно, однодворных.

В состав волости входят или, как выражаются крестьяне, к ней тянут черные, тяглые земли. “Те, господине, деревни и починки изстарины Великого Князя Ликуржские волости тяглые напш” (80). “Те были пустоши... изстарины Великого Князя Лоскомскы волости черные” (81). Сидящие на этих землях крестьяне и составляют, в своей совокупности, волость. “Тягался староста Залеской Ондрейка и все крестяне Залеские” (82). “Тягался Степанко Понафидин в старостино место и во всех крестян место Залешан и Березовчан” (83). “Се бил челом великого князя Ивана Васильевича сотский Пехорской... да десятской... и за всю волость Пехорскую” (84).

Основной вопрос для нас — это вопрос, какую роль играла волость в крестьянской жизни.

Первое, что источники позволяют установить бесспорно, это — что волость имела непосредственное отношение к тяглу.

От позднейшего времени, лежащего уже за рубежом изучаемой нами эпохи, дошли до нас свидетельства, тем более интересные,

(75) АГР 65 (1554), ср. там же 115 (т. II, стр. 76).

(76) Там же 34 (1505/33).

(77) АЮ 3 (1485/505).

(78) Там 151 (1555), стр. 169.

(79) АЮБ I 52 VI (1555).

(80) АЮ 8 (1498/505).

(81) Там же 9 (1503).

(82) АЮБ I 52 III, ср. процесс между теми же сторонами АЮ 4 — оба акта прежде 1490 г.

(83) АГР 15 (1505/1533).

(84) АЮБ I 52 I (1462/4).

что они относятся не к черным крестьянам, а крестьянам монастырским. Мы увидим, что они также должны были нести княжеское тягло. И оказывается, что поскольку они тянут это тягло, они тянут его в волости и с волостью. Получая монастырские участки, крестьяне обязываются “тягло Государское всякое тянути с волостью вместе” (85), “давати в волость... по волостной ровности” или “по грамоте по волостной” (86).

Значит, в эту эпоху волость была средоточием для княжеских податей, и не только для черных крестьян, но и для других категорий крестьян. В волости раскладывается это тягло, там оно распределяется по “ровности”.

Есть ли это явление позднейшее, напр., результат реформы Ивана Грозного, или на волости с самого начала лежат эти функции?

Мы имеем все основания предполагать, что податное дело есть та основа, на которой возникла крестьянская волость.

В одном из древнейших актов, в котором упоминается волость, в жалованной грамоте в. к. Василия Дмитриевича митрополиту Фотию от 1421 г. (87), великий князь “освобождает” “купити в Талше деревню Яковльскую волостную” и добавляет: “а что доселя та деревня тянула судом и пошлинами к волости в Талше”. Уже тогда деревни тянули тяглом к волости. Точно так же в жалованной грамоте Отрочу монастырю тверской князь Борис Александрович (88), освобождая от княжяго тягла призываемых монастырем крестьян, употребляет выражение: “ни иной никоторой пошлыны к городу, ни к волости”.

Но особенно ценный материал в этом отношении дают нам правые грамоты и судные списки.

Мы видели, что черный крестьянин, сидящий на своем участке, сам защищает на суде свое право в случае нарушения его кем-либо. Но рядом с этим мы находим ряд процессов, где на защиту черных земель от покушений со стороны выступает волость. Анализ этих процессов чрезвычайно поучителен.

В процессе последней четверти XV в. “тягался Андрейко староста Залеской, и все крестяне Залеские, с старцем с Касьяном с Троецким. Так рек Андрейко: жалоба ми, господине, на того Кась-

(85) АЮ 178 (1576); 186 (1590). Это, как и цит. в следующем прим., г. наз. порядные. О них и об их юридической природе см. ниже, гл. 3-я, § VII.

(86) Там же 184 (1586); 177 (1556).

(87) АЭ I 20 (1421).

(88) Там же 34 (1437/1461).

яна, отнял, господине, у нас те наволоки Овсяниковские земли...; а те, господине, наволоки тянут к нашей земле к Овсяниковской, к тяглой, к черной, из старины; а как, господине, у нас отняли те наволоки старци Троицкие тому есть лет с двадцать..." (89). Волость ищет с Троицко-Сергиева монастыря земли, отнятые у нее, по ее утверждению, двадцать лет назад.

В другом процессе "тыгалися Ликурзские волости христиане, Мартышко... за Ерможка... и во всех христиан место Ликурзские волости... с митрополитскими детьми боярскими"... "И Мартышко и Ерможка... так ркли: волость, господине, Ликуржская заустела от великого поветрея; а те, господине, деревни и пустоши волостные розоймали бояре и Митрополиты..." (90). И здесь волость ищет земель, отнятых у нее за много времени до процесса.

Выступает волость в процессах и тогда, когда дело идет о пустых землях: "Тягался Степан Понафидин в старостино место и во всех крестьян место Залешан и Березовчан... отняли пустошь. А та пустошь наша волостная Залеская тяглая" (91).

Наконец, в руках волости лежит и защита общих угодий: "отнял у них Троецкий приказщик... черные земли лесу и покосных болот..." (92).

Таким образом, волость ведет процессы, когда дело идет о возврате земель, захваченных в прежние времена посторонними лицами, о захвате пустых земель, входящих в состав волости, о землях общего пользования.

С другой стороны, мы знаем, что крестьяне, сидящие на черных землях, сами осуществляют судебную защиту своих прав. Рядом стоят, как будто бы, две обособленные сферы правообладания. Судебные функции волости распространяются только на земли, не входящие в состав отдельных крестьянских участков. Волость является как бы хранительницей фонда земель, предназначенных для занятия их черными крестьянами.

Эта роль волости выступает особенно ярко, когда дело идет о размежевании земель, входящих в состав волости, с прилегающими землями. Здесь неизменно фигурирует волость, призванная блюсти фонд волостных земель. "И мы не тягався перед судьей да обыскали емя старые межи и рубежи", заявляют староста и представители Есюнинской волости и Ферапонтова монастыря. (93).

(89) АЮ 4 (прежде 1490).

(90) Там же 8 (1498/505). стр. 14. Ср. АЮБ I 52 I (1462/4).

(91) АГР 15 (1505/1533); ср. АЮБ I 52 III (прежде 1490).

(92) АГР 90 (1606/08).

(93) АЮ 154 (1530).

Когда развезжаются межи и грани "промеж волостных деревень Масленьские волости и промеж деревень Кирилова монастыря", в этом принимает участие "Масленьские волости староста Федос Якимов сын" (94).

Рядом с этой функцией волости источники свидетельствуют нам о другой, не только тесно с нею связанной, но и позволяющей определить, на какой почве сложились эти функции волости.

В процессе конца XV в. крестьянин показывает: "а мне, господине, тот лес дала волость, староста и крестьяны, и я, господине, избу поставил; а то, господине, лес Великого Князя, Волоцкой" (95). "Се яз Тавренской соцкой... да яз... оговорилися емя со всеми христианы Тавренские волости Ильинского прихода, дали Сидору Демидову сыну пустого жеребья земли, в Семеновской деревне, двенадцатую долю обезную..." (96). "И староста Ондрон Мальцов с товарищи тако ркли: ...и та, господине, деревня стояла пуста лет з двадцат и хоромы, господине, развалялис да и погнили... и мы, господине, ныне на том третьем поле той деревни Дубровки на деревенцах посадили Данилка Гаврилова сына Кухмырева, где преже того отец его живал..." (97).

На волости лежит забота о заселении опустевших волостных участков. Мало того, волость допускает крестьян и на новые места, до сих пор не расчищенные, в пределах земель, тяготеющих к волости (Волоцкий лес, только что упомянутый).

В каком ее качестве на волость возложены эти обязанности — охранять целостность фонда волостных земель и заботиться об их хозяйственном использовании?

Если мы вспомним о роли, которую волость играла в деле княжеского обложения крестьян, колебаний в ответе как будто бы быть не может. Земля была основой обложения, крестьяне, сидящие на ней, были носителями тягла, тягльцами. Волость должна была блюсти земельный фонд и принимать меры, чтобы земли не пустовали.

Не будет даже слишком смелым предположить, что самая волость возникла на почве крестьянского обложения. До XV в., когда мы впервые сталкиваемся с волостью, весь процесс сбора тягла разворачивался непосредственно между княжескими сборщиками и от-

(94) Там же, 151 (1555); ср. АГР 65 (1554).

(95) АЮ 6 (ок. 1490).

(96) АЮ 175 I (1604), ср. там же 187 (1596): «се яз, пишет в записи крестьянин... взял у них (Тавренской волости) на лготу двенадцатую долю обжи пустого...»

(97) Лихачев, VII (1529), стр. 167/8.

дельными тяглецами — крестьянами, владельцами деревень. Это было сравнительно просто при большом рассеянии населения черных земель. Но дело осложнялось при уплотнении населения, при образовании большей скученности крестьянских деревень. Окладной единицей оставалась по-прежнему отдельная деревня. В этом легко убедиться по писцовым книгам. Уже сбор по деревням представлялся для сборщиков чрезвычайно обременительным. Необходимо было сосредоточить его по отдельным центральным пунктам. Еще сложнее был вопрос с трудовыми повинностями или натуральными, требующими раскладки: подводная повинность, “коня кормити”, “городовое дело”, “лес сечи и в слободы везти” и всякое прочее “княже дело” (98). Здесь образование мелкой податной административной единицы становилось насущной потребностью. Эти раскладочные сборы и составили то, что потом получает специальное наименование “волостные проторы”, “волостные розметы”.

Раз возникнув, волость как податная организация естественно должна была стать основной базой крестьянского тягла и начать сосредоточивать в своих руках все, что имело отношение к этому тяглу. Так как тягло покоилось на черных землях, то на волость и возлагается обязанность заботиться, чтобы земли эти не ускользали от этого своего назначения. Отсюда предоставление волости права иска по отношению ко всем землям, незанятым крестьянами и потому оставшимися без охраны непосредственного владельца. Отсюда и обязанность волости заботиться о том, чтобы вся земля получила по возможности своих тяглецов.

И здесь мы наталкиваемся на замечательное явление, которое неоднократно бросается в глаза при изучении истории древне-русского права.

Само собою разумеется, что волость, как административно-податная единица, не была продуктом законодательного творчества. Она образовалась по преимуществу в том порядке, который мы склонны обозначать именем обычно-правового. И тем не менее здесь мы можем пронаблюдать чрезвычайную отчетливость проведения основной идеи, руководившей при создании волости, безо всяких излишеств в предоставлении ей прав, без вторжения ее в сферу чужих правомочий, но и без излишнего ограничения ее полномочий, где это целесообразно в интересах осуществления возложенных на нее задач.

Предоставленные волости правомочия в точности соответ-

(98) См., напр., Дьяконов, II 8 (1530); 9 и 10 (1537).

вовали возложенным на нее обязанностям. Распоряжаться землями, входящими в состав волости, она не могла. Она должна была только способствовать заселению их крестьянами. Но поскольку не нашлись крестьяне, желающие прочно усесться на землю, волость могла сдавать пустые земли в аренду на время, чтобы не оставить землю совсем без тяглеца (99). Единственное изъятие из принципа, что право распоряжения землей не принадлежит волости, есть, по существу, изъятие кажущееся. Мы находим в источниках примеры обмена волостью пустующих земель на соответствующие земли. В розъезжей 1555 г. мы читаем: “розъехал меж и грани поклял и ямы покопал... промеж волостных деревень Масленские волости и промеж деревень Кирилова монастыря... и промеж Карпова, что была Масленская же деревня пустая и отдала ее волостные крестьяне на промен монастырю против монастырских земель”... “Да промеж Илемцева волостные деревни и промеж Дудомехова что была волостная деревня пуста и променили ее монастырю, а выменили монастырские починки по реке по Маслене”... “А променили Масленские волости староста и целовальники и все крестьяне: деревню пустую Карпово, да деревню пустую Дудомехово, да деревню пустую Дылайцево, да деревню пустую Орефино на реке на Вологде” (100). Волость может менять только пустые земли, ибо занятые находятся совершенно вне сферы ее влияния. Она меняет их на соответственные соседние земли по соображениям хозяйственным, т. е. в интересах их лучшего заселения и обработки. Это совершенно не выходит за пределы возложенной на нее задачи.

Столь же логично и естественно другое расширение компетенции волости — регулирование пользования общими угодьями, общим выпасом, лесом, или покосами, которые крестьяне характеризовали, как “наших деревень покосы” (101). Пока волость не возникла, это делалось по взаимному соглашению участвующих крестьян. С возникновением волости это, естественно, должно было перейти в руки организации, “мира”, по вошедшей в обиход несколько позже терминологии (102). Прав крестьянина на его участие в общих угодьях, не говоря уже о его правах на его индивидуальный участок, это ни в малейшей мере не затрагивало.

(99) ДАИ I 84 (1555).

(100) АЮ 151 (1555), стр. 168, 169.

(101) Ср., напр., АЮ 6 (ок. 1490), стр. 11.

(102) В крестьянских записях конца XVI и самого начала XVII в. мы находим выражения: «мирские розрубы, давати с миром вместе»; «взяти старосте в мир рубль денег» — АЮ 175 I и II (1604), 187 (1596).

Вообще, сферы земельных прав отдельного крестьянина, с одной стороны, и волости, с другой, разграничены с чрезвычайной отчетливостью. Абсолютно нигде мы не находим ни малейших указаний на вторжение волости в круг прав по земле отдельного крестьянина. Как в области процессуальной крестьянин действует совершенно самостоятельно, когда затронуты его права по участку, а волость — когда дело касается земельного фонда, ей вверенного, так и в области материально-правовой соблюдена полная независимость крестьянина от волости.

Источники дают очень яркий пример такой независимости.

Мы знаем, что крестьянин мог распоряжаться своим правом на участок, мог и продавать его. Нам приходилось уже упоминать о договоре в. к. Дмитрия Ивановича с тверским князем Владимиром Андреевичем, из коего явствует, что князь вели борьбу с подобными продажами, когда покупателями являлись люди нетяглые. “А кто будет покупи земл... черных людей, ...а те, кто взможет выкупити, ине выкупят; а не взмогут выкупити, ине потянут к черным людям; а хто не вьсхочет тянути, ине ся земль съступят, а земл черным людем даром...” (103). Князь признают законность этих сделок, они принимают только меры, чтобы земля не выходила из тягла. В эпоху этого договора волости еще не существовало. Казалось бы, после образования волости, она как организация тяглых людей, ближе всего стоящая к податному делу, должна была иметь свое слово в подобных сделках, которые вели к уменьшению числа тяглов. Между тем, подобные сделки продолжали совершаться и в XV и в XVI вв., без того, чтобы сохранился малейший след вмешательства или протеста со стороны волости (104). Это обстоятельство является серьезным аргументом против существования в изучаемую эпоху круговой поруки.

При таком положении вещей, при тех чрезвычайно широких правомочиях, которые принадлежали отдельным крестьянам по отношению к их участкам земли, при строго ограниченных правах волости даже по отношению к землям, не занятым крестьянами, является непонятным, как историки-юристы могли говорить о волости, как земельной общине, о “праве собственности”, принадлежащем волости на волостные земли. Повидимому, главную роль сыграло здесь выступление волости в процессах, касающихся волостных зе-

(103) ГГД I 33 (1388).

(104) Первые ограничения в этой области мы находим в 1686 г. — ПСЗ № 1157.

мель (105). Но, не говоря уже о том, что сфера деятельности волости здесь была очень ограниченной, нельзя, вообще, от права иска умозаключать к праву, а тем более — к характеру права. Не только право собственности, но всякое субъективное право порождает право на иск. Но права иска может принадлежать и тому, у кого никакого субъективного права нет. Примером может служить т. наз. право участия общего нашего старого дореволюционного права. Оно никакого субъективного права не порождало, а было лишь своеобразной формулой для обозначения вещей общего пользования. Между тем, иски из этого права участия общего возникали.

Еще менее можно делать какие-либо юридические выводы из таких оборотов речи, какими полны источники: “земли Великого Князя наши волости Шутковские”, “те деревни и починки изстаринны земли Великого Князя Лихуржские волости тяглые наши” или “то пожня наша волостная Кобылинские деревни”. Если за этими выражениями искать указание на собственника земель, то почему в указании “то были пустоши изстаринны Великого Князя Лоскомские волости” видеть, именно, собственность волости, а не великого князя. Внимательный анализ текстов совершенно очевидно вскрывает истинный смысл этого оборота речи. В одном процессе XVI в. (106), крестьяне истцы так же характеризуют спорную землю: “та земля на которой мы стоим изстари наша волостная, и те деревни и починки волостные ж”. При разборе дела оказывается, что в одной из этих деревень жил крестьянин Петруша Фомин, а в другой — его брат Малышко. И тот, и другой свои деревни zaloжили, один из них даже “гороцкому человеку”. Своеобразная мирская собственность, которую распоряжаются и которую отчуждают отдельные занимающие деревню крестьяне! Истинный смысл, который вкладывают в выражение “земля волостная”, “деревня волостная” тут же вскрывается в показании одного из свидетелей: “отец его Фома да брат его Малышка в тое волостной деревне жили, к Ворбозомской волости тянули, и волостным крестьяном о той деревне с монастырскими была тяжба...”. Земли потому данной волости, что они к этой волости “тянут”. Словоупотребление не только крестьянское, но и

(105) Владимирский-Буданов прямо формулирует: «Принадлежность права собственности выражается яснее всего в праве иска», Обзор Истории Русского Права, 4-е изд. 1903, стр. 554. Даже Сергеевич, отрицательно относящийся к воззрению на волость, как на земельную общину, заявляет: «при таком порядке судебной защиты легко было принять волость за собственника, тогда как она только владелец», Русск. Юрид. Древ. I, 2-ое изд., стр. 228.

(106) АГР 65 (после 1554).

княжеское: в. к. Василий Дмитриевич в жалованной грамоте также говорит: "Доселе та деревня тянула... к волости в Талше" (107).

Число примеров можно было бы увеличить бесконечно.

VI.

Как, на основании вышеизложенных свидетельств актового материала, должно быть охарактеризовано, с точки зрения современных юридических категорий, право черного крестьянина на его участок земли?

Этому вопросу нашими исследователями было посвящено сравнительно много внимания (108). При этом большинство авторов не останавливается отдельно на черных крестьянах, а дает общий ответ для всех категорий крестьян.

Наиболее просто разрешался вопрос для тех, кто верил в древнейшее происхождение русской земельной общины. Собственником земли была община, отдельный крестьянин имел лишь право пользования землей. Оставалось только примирить это воззрение с показаниями источников, по которым отдельному крестьянину принадлежало не только свободное, ни чем не ограниченное право пользования участком, но и самое широкое распоряжение своим правом на участок. Под понятие права членства, корпоративного права, это право распоряжения никоим образом подведено быть не может. Некоторые из авторов на этом вопросе, вообще, не останавливались (109). Н. Д. Беляев устраняет противоречие тем, что относит все места источников, говорящие о праве распоряжения крестьянина, не к общинным землям, а к землям, находящимся в частной собственности крестьянина (110).

(107) АЭ I 20 (1421).

(108) Обзор литературы вопроса, а тем более — полемический обзор, в задачи нашего исследования не входит. Если мы в данном случае отступаем от этого, то это потому, что неправильная оценка прав крестьянина на землю не только искажает всю картину развития крестьянского вопроса, в частности, возникновения крепостной зависимости, но и закрывает возможность правильной оценки развития всего земельного права.

(109) Соколовский, Очерк истории сельской общины на севере России, 1877; А. Ефименко, Крестьянское землевладение на Крайнем Севере, 1884. Материал, который г-жа Ефименко кладет в основу своего изложения — веревные книги Севера России — дает совершенно ту же картину, судя по ее изложению, что и наш актовый материал: каждый двор обладает своим самостоятельным участком, находящимся исключительно в его пользовании, и этим участком он совершенно самостоятельно распоряжается.

(110) Н. Д. Беляев, Крестьяне на Руси, 1879, стр. 31-36, 79-80.

К тому же результату приходит, в сущности, и Владимирский-Вуданов. Сначала он категорически заявляет, что собственником земель является "волость, т. е., совокупность ее населения (крестьян), но не крестьяне в отдельности". Отдельные крестьяне "постоянные владельцы, но не собственники своих участков". Но в дальнейшем он допускает, что "из освоения таких (общинных) участков волостной земли и передачи ее по купчим возникает частное владение землею членом общины" (111).

Первый, кто выяснил, на основании актового материала, право крестьянина на его участок и доказал позднейшее происхождение, в силу государственных мероприятий, той общины, которую мы находим в источниках XIV-XVI в., был Чичерин. Он определяет положение в черных волостях формулой: "земля принадлежала князю, а крестьяне считались ее владельцами". Это буквальное воспроизведение формулы, постоянно повторяющейся в актах: "Великого Князя земли, а своего владения". Для дальнейшей характеристики Чичерин добавляет только: "отведенный раз жребий оставался в вечном и потомственном владении крестьянина" (112).

Чичерин не пытался дать юридическую квалификацию "принадлежности" князю и "владения" крестьянину. Он констатирует лишь, как отношения преломлялись в тогдашнем правосознании.

Автор одной из лучших работ по истории русского права, Дювернуа, приписывая право собственности на землю или общине, или князю, как представителю общественного интереса, и отрицая право собственности за крестьянином, прямо отказывается от "попытки юридической конструкции отношений каждого отдельного лица к общественной собственности" (113).

Как это ни парадоксально, определенную юридическую конструкцию отношения волостного крестьянина к земле дал тот историк, которого наша "юридическая" школа истории права упрекала в пренебрежении к юридическим конструкциям — Ключевский. Уже в работе о "Происхождении крепостного права" Ключевский утверждал, что отношения крестьянина к землевладельцу определялись в XIV ст. свободным договором. Крестьяне "снимали" землю, в том числе и черную, "на короткие сроки, обыкновенно, на год.

(111) Обзор Истории Русского Права, изд. 4, 1905, стр. 135, там же, прим. 1, ср. стр. 552.

(112) Очерк исторического развития сельской общины в России, 1853, переп. в «Опытах по истории русского права», 1858, где см. стр. 19 и 21.

(113) Н. Л. Дювернуа, Источники права и суд в древней России, 1869, стр. 127.

обыкновенно возобновляя контракты с прежним землевладельцем". Другими словами, это был договор аренды (114). В своем Курсе Ключевский повторяет: "крестьянин был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем". Крестьянин был "вольным и переходим арендатором чужой земли, государевой, церковной или служилой" (115 и 116).

По той же колее пошла и мысль наиболее выдающегося из историков русского права, Сергеевича (117).

Сергеевич не одинаково расценивает положение крестьян, сидящих на черных землях, и крестьян, сидящих на владельческих землях (118). По отношению к последним Сергеевич категоричен: "крестьяне занимали владельческие земли на основании договора. Они суть наниматели земли". Для черных крестьян мы находим ряд оговорок. Волостные земли "составляют собственность великих князей московских". Эти земли остаются "во владении и пользовании тех крестьян, которых нашли на месте и которые сидели там на основании порядных с прежними собственниками этих земель". Земли эти "оставались в их владении до тех только пор, пока это нравилось государю. Если он находил нужным, он не стеснялся крестьянским владением и передавал земли, кому хотел". С такой передачей крестьяне "из владельцев на себя обращались в работников нового владельца". Однако, Сергеевич не оставляет идеи найма и для черных крестьян. По его словам, "к крестьянам перешло владение и пользование не только той землей, которую они занимали по порядной, но и всеми угодьями прежних собственников. Крестьяне-съемщики земель стали на место прежних собственников". "Поселение новых крестьян на волостных землях совершалось, как и на владельческих, посредством договоров". Сергеевич оговаривается:

(114) Работа появилась в 1885 г. Мы цитируем по изд.: «Опыты и исследования», I, 1912, стр. 257, 263 и 264.

(115) Курс Русской Истории, 2-е изд., 1923, II, стр. 361, 362, 364, 373.

(116) Идея имущественного найма не была чужда и Владимирскому-Буданову. Только для него сдатчиком земли был не князь, а волость. «Обыкновенно крестьяне становились к волости в такие же отношения, как и к частным землевладельцам; условие заключается б. ч. на один год» — цит. соч., стр. 135, ср. 139.

(117) В воззрениях Сергеевича по данному вопросу произошла эволюция в период между выходом первого тома Русских Юридических Древностей в 1890 г., и вторым изданием 1902 г. Здесь излагается мнение Сергеевича, как оно выразилось в последнем издании.

(118) См. к последующему Русские Юридические Древности, I, 2-е изд., стр. 207, 225, 229-230.

ривается: "Но платежей в пользу волости-собственника не выговаривается. Крестьянин, следовательно, садится на волостную землю не как наниматель, а как член волости" (119).

Характеризуя самое право крестьянина на занимаемую им черную землю, Сергеевич говорит: "Право крестьянина на государственной земле во все то время, в течение которого они находились в их владении, не были точно определены и нередко выходили за пределы простого владения и пользования... Картина отношений к этим землям великого князя тяглой волости и отдельных ее членов представляется весьма пестрой" (120). В третьем томе своего исследования он говорит о "неразмежеванности общины и отдельных членов" и владение крестьян называет "прекарным" (121).

То обстоятельство, что два крупнейших русских историка, совершенно расходящихся между собою и по методу, и по научным воззрениям, и по научному темпераменту, в данном вопросе подошли друг к другу довольно близко, в значительной степени определило мнение наших исследователей. Право крестьянина на землю не есть его самостоятельное право, а производное, вытекающее из договора с владельцем земли — так может быть сформировано господствующее учение. Его формулируют, не считая даже нужным обосновывать (122, 123).

VII.

Здесь мы можем выяснить наше отношение к данному вопросу, лишь поскольку дело идет о черных крестьянах, для которых актуальный материал уже исследован нами. В своем месте мы вернемся к нему для крестьян других категорий.

(119) В 3-м томе, озаглавленном «Древности русского права», Сергеевич дает такую формулу: «за небольшими исключениями 2—3 деревень, все земли сдавались в наем крестьянам», стр. 145.

(120) Цит. соч. I, стр. 226.

(121) Там же, III стр. 35 и 33.

(122) Так пошел с Карамзина, История Госуд. Российского, 2-ое изд., т. VII стр. 215: «крестьяне, платя дань или оброк наемщикам...». См. Владимирский-Буданов, Обзор Истории рус. права, 4-ое изд., стр. 139; Мейчик, Грамоты и другие акты Московского архива Министерства Юстиции, 1884, стр. 41: «на чьей бы земле ни жил крестьянин, связь его с землей обуславливалась договором с вотчинником, казною или с общиною»; Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Моск. государстве, 1898, стр. 17, 18, 132, говорит о крестьянской аренде на частных и государственных землях. О крестьянах как арендаторах говорит и новейший автор, Тхоржевский, Поместье и крестьянская крепость, Труд в России, I, 1924, стр. 75.

(123) См. также ниже главу 3-ю, § VII.

Когда наши историки и юристы говорили о черном крестьянине, как об арендаторе, о сьемщике земли, они, очевидно, имели в виду то понятие аренды, которое в XIX в. было общим всем европейским и ряду внеевропейских систем права и господствующей теории права. Можно категорически утверждать, что та несомненная картина, которую дают нам источники, совершенно не соответствует этому понятию. Прежде всего, с точки зрения принадлежащих крестьянину правомочий. Договор имущественного найма, аренды, давал арендатору право владения и пользования, но никогда не право распоряжения вещью. Крестьянин, имея право отступаться от своего права в пользу другого лица, имел право закладывать свой участок, распоряжался участком.

Не лучше стоит дело и со стороны обязанностей, вытекающих из договора аренды. Договор этот синалагматический, двухсторонний. Он возлагает на арендатора обязанность уплачивать владельцу земли выговоренную в договоре арендную плату. Совершенно невозможно рассматривать лежащее на крестьянине тягло, как такую арендную плату. Тягло определялось односторонне князем, зависело исключительно от его воли и могло в любой момент быть им изменено. Тягло это государственные подати, государственные повинности. Так и смотрели на них князья, да и сами крестьяне, говоря о дани, пошлинах и о князем деле.

Но можно пойти дальше и утверждать, что не только здесь не было договора имущественного найма, не было вообще какого бы то ни было договора, какого бы то ни было соглашения. Когда говорят здесь о договоре, оперируют фикцией. Отношения крестьян по черной земле возникали вне всякого соглашения. И не только в более отдаленную эпоху, но и в изучаемую нами эпоху, и, как мы увидим, в XVII в. в Зауральи. Колонизационная крестьянская волна шла сама собою, и государство достигало ее своим обложением. Крестьяне оседали на земле по своему выбору, занимали участки в меру своих сил, "куды соха, и коса, и топор ходили", а затем являлись сборщики податей и облагали по ставкам, устанавливаемым высшей властью.

Абсолютно никаких доказательств, или даже признаков существования подобного договора мы не найдем. Ссылаются иногда, по аналогии с порядными, с которыми мы встретимся для монастырских крестьян (124), на единственный, дошедший до нас

(124) Об этих, т. наз. крестьянских, порядных см. ниже, главу 3-ью. § VII. И они не являются договорами о сдаче земли в аренду, а носят совершенно другой юридический характер.

документ самого конца XVI в. "Се яз... дал есмь на себя запись... всем крестьяном Тавренские волости, что яз взял у них на льготу двенадцатую долю обжи пустого, с Великого дни Пасхи Христовы 104 году да до Велика же дни 105 году... а как отыдет льготный год и мне всякая подать платить со крестьяны вместе; а покину яз впусе землю в той прилучной деревни, не насею и жилца не посажу, и на мне на Григорье по сей записи взяти старосте в мир рубль денег" (125). Крестьянин, которому волость дает пустую землю, обязывается завести хозяйство и не покинуть участка, не посадив на место себя другого тяглица. Иначе он обязывается уплатить неустойку. Это типичная неустоечная запись, что, впрочем, подчеркивает сам крестьянин: "по сей записи взяти". Волость, ответственная за заселение пустых земель, желает обеспечить себя от того, чтобы крестьянин не бросил своего участка пустым. Никакого другого юридического содержания в этой записи не имеется. Давая на себя запись, крестьянин, естественно, пожелал в ней оговорить льготный год, а отсюда уже само собою вытекало заключение: "а как отыдет льготный год и мне всякая подать платить со крестьяны вместе". Оговорил ли бы он это, или нет, ничего равно в его юридическом положении не изменилось бы. На эту запись можно было бы сослаться как на доказательство, что право крестьянина на землю возникало независимо от договора.

Совершенно тот же характер носит и запись 1604 г. Тавренская волость, сажая крестьянина Сидора Демидова на пустой жеребий земли и предоставляя ему льготу на два года, оговаривает, что крестьянин обязан "впусе не покинуть кое двенадцатые доли обжыные" (126). Другая запись, той же волости и того же года, еще более показательна. Этот самый Сидор Демидов чрез несколько месяцев передает этот самый участок, с той же льготой, другому крестьянину с тем же обязательством "впусе не покинуть" (127). Делается это безо всякого участия волости. Совершенно очевидно, что дело идет не о договоре между волостью и крестьянином, а о самостоятельном распоряжении со стороны крестьянина его правом на участок.

Мы имеем, действительно, свидетельство о настоящей порядной черной крестьянине, которую сами судьи именуют порядной, но как раз эта порядная говорит не о предоставлении волостью

(125) АЮ 187 (1596).

(126) АЮ 175 I (1604).

(127) Там же 175 II (1604).

крестьянину участка, а о совсем другом. “И судьи велели порядную чести; и в порядной пишет: “Се яз Елизарий Федоров сын Трубин Лисестровец, порядился есми Тимофею и Барсану, Селивестровым детем, в Карзину курью Великого Князя, а своего ж владения... и яз Елизар порядился на все десять вервей; а сеяти мне на них шесть пугов жита урком; а приедут писци Великого Князя, и мне Елизару и моим детем на той земли не описыватися” (128). Крестьяне, Селивестровы дети, сажают на своем участке (“Великого Князя, а своего ж владения”) другого крестьянина, но сохраняют право на участок за собою (“мне и моим детем на той земле не описыватися”). Делается это для того, чтобы не потерять своего права на участок, как теряли его крестьяне, бросавшие свой участок. Здесь порядная есть уступка одним крестьянином другому одного только права пользования участком.

Право черного крестьянина на его участок земли есть право совершенно самостоятельное, независимое от кого бы то ни было. Так оно и отразилось в правосознании той эпохи. Ходячая формула в актах: “земля Великого Князя, а своего владения” есть адекватное выражение этого сознания. Земля тяглая, “а нонеча за мной”, формулирует крестьянин в одном процессе третьей четверти XV в. (129). В другом процессе той же эпохи крестьянин истец жалуется, что монастырь “пашет де сильно его землю” (130). “Ти мой пожни”, говорит другой крестьянин (131). Но ту же самую мысль выражают и князья. В упомянутом уже междукняжеском договоре XIV в. мы читаем: “а которые черные люди к становщику, земель их не купити” (132). Через сто лет в. к. Иван Васильевич выражается так же, назначая судей: “и называют деи они (волостные крестьяне) те земли, и лес, и пожни, и починки, и деревни своею землею к своим волостным деревням” (133). Земля “крепка” за крестьянином. “Что у тебя крепи есть ли на ту деревню”, спрашивают судьи у черного крестьянина (134). Крепостью именуется документ на владение землею, напр., купчая (135).

Если подойти к праву черного крестьянина на его землю с

- (128) АЮ 23 стр. 55/6 (порядная 1544).
(129) Мейчик, стр. 38, № 3726 (ок. 1471).
(130) Там же, № 734 (1482).
(131) АЮ 136 (1556).
(132) ГГД I 33 (1388).
(133) АЭ I 209 (1546).
(134) Акты Холм, сп. XVII (1530).
(135) АЮ 23 (1571), стр. 53.

нашими современными догматическими представлениями, то надо признать, что это есть вещное право на землю, лежащее на самой земле, следующее за ней повсюду. Этим и определялось право иска крестьянина. Он защищал свою землю против всяких покушений или притязаний на землю, с какой бы стороны они ни исходили. И иск это был не иском владельческим, possessорным, исходящим из нарушения факта владения, но настоящим петиторным иском, связанным с исследованием вопроса о праве, направленным на установление его, крестьянина. права.

По содержанию своему право это было чрезвычайно обширным. Крестьянин имел право владения и пользования землею, ничем не ограниченные. Он имел и право распоряжения. Он распоряжался своим правом на участок тоже совершенно свободно, независимо от кого бы то ни было, и при жизни, и на случай смерти.

Все это свободно укладывается в наши привычные современные догматические представления. Но картина меняется, как только мы ставим вопрос о возникновении и прекращении права крестьянина на землю. Как возникало право крестьянина на землю? Какой правопродуцирующий факт лежал в его основе?

Крестьянин приобретал право на землю в тот момент, когда он оседал на ни кем не занятую землю и начинал на ней трудиться. Он приобретал это право в меру своего труда: “куды соха и коса и топор ходили”. Делал ли он это с согласия властей или даже с их ведома, или нет, это никакой роли не играло. Доступны ему были и производные способы приобретения, приобретение от другого крестьянина. Но основным и первоначальным способом была эта разработка ни кем не занятой черной земли.

Само по себе это несколько не поражает современного юриста. Оккупация, овладение ни кому не принадлежащей землей, хорошо известна всем системам права. Но по отношению к древне-русскому крестьянину имелась одна особенность, которая резко выступает при сопоставлении с прекращением права крестьянина на землю.

Нам придется подробно ознакомиться с крестьянским выходом. Оставление крестьянином своего участка было нормальным явлением в древней Руси. Оставление это влекло полное, бесследное прекращение права крестьянина на землю. Всякая юридическая связь его с его участком земли тем самым прекращалась и прекращалась не в силу выраженной им воли отказаться от своего права, а в силу того, что он перестал работать на данной земле. Это очень определенно и характерно выразилось в одном дошедшем до нас документе. Крестьяне Устюжского уезда покинули свои участки, уйдя

“по бедности” бродить по миру. Тем временем их участки оказались занятыми другими крестьянами. Вернувшись на свои места, старые “вотчиничи”, как они себя именуют, стали просить, чтобы им вернули их прежние участки, “по старым писцовым книгам и крепостям”. Им было отказано на том основании, что они де “бегали по иным городом, не хотя платить наших податей”, нынешние же владельцы “пустые деревни строили и наши подати платили” (136). Крестьянин перестал работать, он землю утратил. На его месте работает другой, ему теперь принадлежит право на участок. Тот же самый мотив труда, который, как мы видели, определял цену крестьянского участка при продаже, как “посыле”, который самой продаже этого участка придавал особый характер, отчего она именовалась “отступной” (137).

В только что цитированном документе с полной отчетливостью подчеркнута связь трудового характера права крестьянина на землю с лежащим на нем тяглом. Они потеряли право, ибо не хотели платить тягла, новые — приобрели право, ибо они подати платили. Все юридическое положение крестьянина по земле определяется тем, что он человек тяглый. Он может занять пустую черную землю и приобрести право на этой земле, ибо земля эта и предназначена для того, чтобы с нее тянули тягло. Он сохраняет свое право, покуда он тягло тянет. Он перестает тянуть с земли тягло, он свое право теряет.

Можно ли к этому праву черного крестьянина на землю применить понятие права собственности?

Наши историки, неюристы и юристы, не исключая и новейших, постоянно оперируют понятием “право полной собственности”. При этом не определяется, о каком понятии права собственности идет речь. Если о том, которое рецепция римского права ввела в обиход Западной Европы, которое было разработано пандектной теорией права, усвоено кодексами конца XVIII, всего XIX и даже начала XX вв. и введено в русское законодательство Екатериной Великой, то, конечно, на этот вопрос может быть дан только отрицательный ответ. Но надо сказать, что под это понятие не подойдет, как мы увидим в дальнейшем, и право ни одного разряда землевладельцев нашего древнего права. Для одних из этих разрядов их право будет выходить за пределы этого римско-правового понятия собствен-

(136) Царская грамота 1641 г., в Русской Исторической Библиотеке, XII, № XLIII, стр. 214-217.

(137) См. выше, стр. 46.

ности, для других землевладельцев их право окажется более ограниченным, нежели это понятие. Совсем другой вопрос, если принять собственность как известную логическую надъисторическую категорию для обозначения всех тех правовых форм, в истории выливался течение истории инстинкт человека к освоению благ внешнего мира. Конечно, под эту логическую категорию могут быть подведены и все формы землевладения нашего древнего права, и крестьянское право на землю, как разные исторические видоизменения единого понятия собственности (138).

(138) Одинац, в своей работе, предназначенной для ознакомления иностранного читателя с положением вопроса о происхождении крепостной зависимости в России (*Les origines du servage en Russie-Revue historique*, 1931, стр. 235-288) характеризует право крестьян на черные земли, как *dominium utile*, право волости — как *dominium directum* и право князя — как *dominium eminent* (стр. 242). Это — применение к русскому праву доктрины, возникшей на почве изучения западно-европейского феодализма. Она возникла, когда попытались проконструировать явления феодального права при помощи римско-правового понятия собственности. Попытка эта теоретически совершенно несостоятельна. Нельзя уложить эти явления в совершенно неадекватное им римско-правовое понятие, уже по тому одному, что это есть учение о раздельной собственности, а самое понятие римской собственности построено на принципе нераздельности. Нельзя отрицать, что с этой стороны между явлениями нашего древнего права и западно-европейским феодализмом были черты сходства. Но применение к изучению нашей истории учения, несостоятельного и на почве западно-европейской, не может способствовать уяснению нашей истории.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КРЕСТЬЯНЕ МОНАСТЫРСКИЕ.

I.

Крестьяне монастырские (1) — это, после крестьян черных, наиболее часто упоминаемый в источниках разряд крестьян. Объясняется это не только тем, что монастырские архивы доставили нам наибольшее количество документов, коими мы располагаем. Главное основание в том, что крестьяне эти были, действительно, многочисленны, благодаря большому количеству земель, принадлежащих, как мы увидим в своем месте, монастырям.

Первое, что мы можем установить на основании документального материала, это — что крестьяне совершенно так же оседали на монастырских землях, как они оседали на черных.

Нам приходилось уже упомянуть о Феденинской деревне, которую поставил на земле Троицкого Мохрищевского монастыря крестьянин Феденя и которую затем в течение 23 лет занимали разные крестьяне (2). В процессе первой половины XVI в. представитель Иосифина Успенского монастыря показывает: “а ставил тот починок Панурин крестьянин Ивашко Панурин на монастырской земле” (3). В процессе владельческих крестьян против крестьян Спасского монастыря первые обвиняют последних: “поставили... девять починков... и в тех, господине, государя нашего починках те крестьяне живут и лес секут и пашню пашут и сено косят силно...” (4). Крестьянин Кириловского монастыря Левшин-

(1) В настоящей главе мы говорим о крестьянах, сидящих на землях всех монастырей, включая и т. наз. митрополичьи монастыри. Об этих различных категориях монастырей и об одинаковом положении их земель и крестьян см. Разд. 2-ой, гл. 5-ую.

(2) АГР 30 (1462/77), выше, стр. 31.

(3) Там же 49 (1539).

(4) Лихачев, X (1543), стр. 198-199.

ской деревни “так рек: та господине, деревня Левшинская же была деревня; а дал, господине, ту деревню старцам Князь Великий Василей Васильевич без отвода; а яз, ту полянку посек лес дичь, да и пахал двенадцать лет” (5).

Осев на монастырской земле, крестьяне тянут к монастырю, как черные крестьяне тянули к волости, обыкновенно, к монастырскому селу. Про упомянутую выше Феденинскую деревню Троицкого Мохрищевского монастыря монастырский посельский показывает: “то, господине, земля монастырская села Зеленинского” (6). Процесс шести человек “христьян Присетского села Троицкие Сергиева монастыря” заканчивается решением, присуждающим деревню Бурдукову “к Троицкому селу Сергиева монастыря к Присеткам” (7). Луг обозначается “луг монастырской села Стебачева” (8). Монастырское село потому обозначается селом, что в нем живет монастырский посельский или монастырский приказчик. Соловецкий монастырь дает уставную грамоту крестьянам села Пузырева и указывает для ряда актов: “положа приказчика” (9).

Монастырское земельное владение представляется как совокупность отдельных деревень, занятых монастырскими крестьянами. “Те монастырские деревни Семиха и Мочилице да Ильину деревню”... “Знаю, господине, межю Семихинские деревни земли, куды наш топор и соха ходила”, показывает свидетель истца, Никольского Дудина монастыря (10). В другом процессе истец жалуется на крестьян Благовещенского Кержацкого монастыря: “поставили, господине, деревню на моей земле.. на селище на Матфейшкове да и землю пашут и лес секут и пожни косят силно”. Представитель монастыря возражает: “то, господине, земля и деревня Кипрея, а не Матфейшково... и пашут ее на монастырь тритцать лет...” (11).

На своих участках монастырские крестьяне ведут свое хозяйство совершенно самостоятельно. В источниках не имеется никаких следов вмешательства монастыря в крестьянское хозяйство. Правда, для столь отдаленной эпохи и при сравнительной скудости источников с отрицательным аргументом отсутствия доказательств надо обращаться с величайшей осторожностью. Но от позднейшего време-

(5) АГР 7 (1469/503).

(6) Там же, 30 (1462/77).

(7) Там же, 23 (1510).

(8) Там же, 84 (1566/86).

(9) АЭ I 258 (1561).

(10) Лихачев, XII (1552), стр. 234, 224.

(11) Лихачев, IX (1531), стр. 181.

ни, когда общая тенденция шла не к увеличению, а к ограничению крестьянской свободы, мы имеем и положительные доказательства. Своим скотом, своим инвентарем крестьянин распоряжается по своему усмотрению. В грамоте патриарха Иова Цареву Константиновскому монастырю, определяющей повинности монастырских крестьян, патриарх указывает: “а которой крестьянин продаст за волость или в своей волости лошадь или корову, или меняет, и с того имати явки по две денги” (12).

Свободе хозяйственного распоряжения соответствуют у монастырского крестьянина и самые широкие правомочия по распоряжению своим участком.

Ценнейшее свидетельство в этом вопросе сохранилось в уставной грамоте Соловецкого монастыря крестьянам села Пузырева от 1561 г. (13).

Игумен Филипп, “о том с братьею соборовав”, пишет: “вперед приказником своим ходити у вас велели по сей нашей жаловальной грамоте, и по окладу”. Определив оброк и повинности крестьян, грамота продолжает: “волю вам меж себя дворы и землями меняти и продавати, доложу приказчика; а кто свой жеребей продаст или променит, и приказнику имати на том явки менового, с обеих половиц, на монастырь полполтины”. Но крестьяне села Пузырева могут менять и продавать свои земли не только между собою. Грамота предвидит случай, когда крестьянин пожелает совсем покинуть монастырскую землю: “а по грехом, кому не поживеться и похочет пойти из волости вон, а купца на его жеребей не будет, и на том имати похоромное сполна, а его вынущати по сроку”. Если “купец” находится, то крестьянин может продать ему свой участок. Грамота устанавливает пошлины и на этот случай: “а кто свой жеребей продаст, а сам пойдет за волость, и на том имати похоромное сполна, а с купца имати порядное, посмотри по земле и по угодию”. Никаких ограничений в смысле лиц, которым крестьянин может уступить свой участок, не устанавливается.

Из права продажи своего участка мы имеем полное основание умозаключить, что монастырский крестьянин мог совершать и иные акты распоряжения, напр., закладывать свой участок. Не подлежит ни малейшему сомнению, что он мог распорядиться им и на случай своей смерти.

Чрезвычайно характерно для юридического положения мона-

(12) АЮБ I 43 (1602).

(13) АЭ I 258 (1561).

стырского крестьянина то место, которое занимал он в процессах, касающихся монастырской земли.

Земля принадлежит монастырю. Естественно, что монастырь и должен реагировать на всякое нарушение его права на землю. Это мы и находим в источниках. Монастырь ищет, когда считает, что его право нарушено. “Тягался Симоновского монастыря слуга...” (14). “Тягался келарь Никон Сновицкого монастыря, и в игуменово место в Глебово и во всей братьи Сновицкого ж монастыря” (15). Представитель же монастыря и отвечает по искам. Залесские черные крестьяне жалуются: “а как, господине, у нас отъяли те наволоки старци Троецкие тому есть лет с двадцать” (16). “Тягалися Великого Князя христиане... с Мартемьяновского монастыря старцем с Фегиастом с Батманом...” (17). Старец Троицкого монастыря просит о разъезде монастырских земель ввиду призываний на землю волостного крестьянина (18).

Но рядом с этим самостоятельное место на суде занимают и монастырские крестьяне. Они ищут и к ним предъявляются иски. Предъявление иска по поводу монастырских земель наряду с монастырем к монастырским крестьянам явление обычное. Несколько человек волостных крестьян тягаются с “Симоновского монастыря Вежского села с поселским старцем... да с Симоновскими слугами... да с Симоновскими ж крестьяны...” и поименованы 63 человека (19).

Но монастырский крестьянин отвечает и единолично. В процессе второй половины XV в. ответчиком является Кирилова монастыря крестьянин Левшинской деревни Ивашко Онисим (20). Более всего характерен вопрос, который ставит судья в другом процессе. “И судья спросил Кириловского монастыря старца Иоану: ты ли отвечаешь во Кириловских крестьян место Насонково и Наумково” (21). Судья рассматривает как настоящих ответчиков монастырских крестьян и лишь допускает монастырского человека в качестве представителя крестьян. И в качестве истцов мы видим рядом с монастырем монастырских крестьян (22).

(14) АГР 20 (1492).

(15) АЮ 16 (1518).

(16) Там же 4 (пр. 1490).

(17) Там же, 11 (1504).

(18) Мейчик, стр. 114 л. 3 (1467). Еще раньше этот документ был напечатан АГР 9.

(19) АГР 53 (1540; ср. там же 70 (1555); Лихачев VII (1529) стр. 158.

(20) АГР. 7 (1469/503).

(21) Архив Истор. и Юрид. Сведений, кн. 2, 1858, отд. III стр. 130. Там же грамота 1507 г. АГР 207.

(22) АГР 66 (1555).

II.

В одном процессе первой половины XVI в. приказчик Спасского Ярославского монастыря, обвиняя слугу князя Мстиславского в захвате монастырской земли, говорит на суде: “а крестьяном, господине, монастырским тех деревень всяких податей яму и посохи и монастырских податей платити не велит” (23). Здесь в качестве податей, лежащих на монастырских крестьянах, указываются, рядом с известными уже нам “ям и посох”, кои входили в тягло черных крестьян, еще монастырские подати. Монастырский крестьянин выступает здесь как такой же тяглый крестьянин, как и черный, но тягло его удваивается или, что точнее, как мы увидим, раздваивается на тягло княжье и тягло монастырское. В актах, появляющихся в большом количестве во второй половине XVI в., которые принято обозначать именем порядных (24), неизменно фигурируют эти два рода повинностей, и они здесь очень рельефно противопоставляются одна другой; “а дани Царя и Великого Князя и оброки. и всякие Государские подати давати, и в монастырь хлебной оброк платити, по книгам, сполна, и изделье монастырское нам всякое делати, как и прочие крестьяне” (25). Или “а взяли есмя... лготы на два годы в монастырь дани не давати и не ходити на дело... А живучи нам на той деревне тягло Государское тягнати с волостью вместе...” (26).

Эта особенность тягла, лежащего на монастырских крестьянах, не есть явление позднейшее. Мы найдем ее уже в древнейших свидетельствах, восходящих до XIV в. На ней мы должны остановиться, ибо она даст нам ключ к пониманию некоторых явлений, недостаточно до сих пор освещенных.

Что такое эти монастырские “всякий оброк”, монастырская “дань”, монастырское “изделье”, об этом нас с точностью осведомляют дошедшие до нас монастырские уставные грамоты. Мы имеем таковую и от конца XIV в., и от XVI в. Это дает нам возможность установить, какие изменения произошли здесь в течение изучаемого нами периода.

(23) Лихачев X (1543), стр. 195.

(24) Об этих порядных, их происхождении и юридическом характере см. ниже § VII.

(25) АЮ 182 (1582); ср. там же 186 (1590).

(26) Там же 178 (1576); ср. 180 (1578): «... а тягла мне... Царева Великого князя и волостного никакого до Егорьева дня до внешнего не тягнати».

Первое, что останавливает наше внимание в древнейшей из этих уставных грамот, митрополита Киприана Константиновскому монастырю, от 1391 г. (27), это обязанность “игумнов жеребей весь ролы орать възгоном и сеяти и пожати и сvezти, сено косити десятинами и во двор възвести”. Монастырь сохраняет часть земли для себя. Это “игумнов жеребей”, как у каждого крестьянина есть свой жеребей. Весь труд по обработке этой монастырской пашни лежит на крестьянах в совокупности: “възгоном”. Они должны, далее, косить монастырские “десятины”. Снятый хлеб и скошенное сено они должны сvezти в монастырь.

Рядом с этой чисто сельско-хозяйственной повинностью, на крестьянах лежат и другие хозяйственные повинности: “ез бити и, вешней и зимней; сады оплетати, на неводь ходити, пруды прудити. на бобры им в осени понти, и истоки им забивати”. Они должны отряжать людей на мелкие хозяйственные работы: “пешеходцем из сел к празднику рожь молотити и хлебы печи, солод молоть, пиво варить, на семя рожь молотити; а лен дает игумен из села, и они прядут, сежи и дели неводные наряжают”. Наконец, кроме хозяйственных, на крестьян возложены и плотничьи работы: “большим людем из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставити”.

Несут крестьяне и натуральные повинности. “А на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках... А дают из сел все люди на праздник яловицу... А в которое село приедет игумен в братшину, и сынци дают на то зобие овса конем игуменовым”.

В этом перечислении повинностей, которые несут на монастырь крестьяне, для нас существенен, прежде всего, один факт.

Повинности определяются для всех крестьян вкупе. Мы имеем дело не с индивидуальным установлением повинностей для отдельных крестьян или даже для групп крестьян, а с общей нормой, применяемой ко всем одинаково.

Кем и как эта норма устанавливается?

Мы находим в грамоте митрополита Киприана совершенно определенный ответ на этот вопрос.

Поводом к грамоте послужила жалоба крестьян. “Что ми били челом сироты монастырские на игумена на Ефрема, тако рекучи; наряжает нам, господине, дело не по пошлине, чего, господине, при первых игуменах не бывало; пошлины, господине, у нас ем-

(27) АЭ I 11 (1391).

лет, чего иные игумены не имели". Митрополит Киприан запротестовал. Тот категорически отрицает: "яз, господине, хожу по старой пошлине, как было при первых игуменах".

Крестьяне считают себя обиженными по тому, что, по их мнению, игумен уклонился от "пошлины", от существовавшего обычая. Игумен в свое оправдание также ссылается на обычай: "хожу по старой пошлине". Решающей нормой является для обеих сторон установившийся обычай. Он же является решающим и для митрополита Киприана. Митрополит адресует к прежнему игумену Царко, проживающему на покое в Москве: "какова пошлина в Святом Константине и како людем монастырским дело делати". Царко в своем ответе и дает подробные указания, откуда мы и почерпнули вышеприведенные данные.

"И Киприан Митрополит всеа Руси тако рек игумену и христианом монастырским: ходите же вси по моей грамоте".

Монастырю не принадлежит право менять, по своему усмотрению, повинности установленные обычаем. Этот обычай для него столь же обязателен, как и для крестьян.

Изменения могут быть внесены при согласии обеих сторон. Пример тому мы имеем.

Крестьяне Рабичанской волости договариваются с Новгородским Юрьевым монастырем о замене лежащих на них до того времени пошлин единым хлебным оброком: "давати нам усны в житницу 30 коробей ржи, 30 овса в правую мерку в Новгородскую. А возити им самим тот хлеб в монастырь святого Георгия". При этом оговаривается сохранение некоторых старых сборов и пошлин. Соглашение делается в виде опыта: "а не почнут крестьяне управляться на тех успах, и в тех пошлинах, ино уведается с ними архимандрит и поны и чернецы по старым по княжим грамотам и по новгородским" (28).

Отсюда мы легко можем заключить, как складывались отношения при первоначальном заселении крестьянами монастырских земель, когда "пошлина" для данной местности еще не сложилась. Делалось это, вне всякого сомнения, по соглашению крестьян, впервые оседавших на земле данного монастыря, с монастырем. Соглашение это достигалось легко. Призывая к себе на землю крестьян, монастырь прежде всего был заинтересован, чтобы крестьяне удержались на этой земле, а не искали бы нового поселения. А для этого

(28) Арх. Макарий. Описание Новгородского Юрьева монастыря, 1858, стр. 66.

надо было создать для крестьянина приемлемые условия существования. С течением времени раз установившиеся нормы повинностей превращались в "пошлину", в обычно-правовую норму, нарушение которой ощущалось как нарушение права. Обращение к заступничеству высшей власти было естественным путем защиты этих норм.

Конечно, стремление, с одной стороны, крестьян улучшить условия своего существования, с другой, монастыря — извлечь из крестьян по возможности больше, должно было проявляться от времени до времени. Изменяющиеся условия могли делать это стремление вполне оправданным. Односторонне ни та, ни другая сторона не могла изменить установившихся повинностей. Попытка в этом отношении со стороны монастыря повлекла бы уход с его земли крестьян. Но и для крестьян уход с насиженных земель был всегда решением, к которому можно было прибегнуть лишь в крайности. Нормальным и естественным был путь соглашения, который мы и видели на примере Новгородского Юрьева монастыря. Если такое соглашение не могло быть достигнуто, оставалось обращение к высшей власти. Повидимому, "старые княжи грамоты и новгородские", о которых говорит соглашение, и были посвящены решению таких спорных вопросов нейтральной властью.

Невозможность одностороннего разрешения спорных вопросов между монастырем и крестьянами и обращение к высшей власти ярко иллюстрируются грамотой митрополита Симона (1496-1510) Юр. Масленицкому. "Бил ми челом Константиновского моего монастыря архимандрит Матвей, а сказывает, что их монастырские христиане сураломцы и добрасельцы пахут пашни на себя много, а монастырские же пахут пашни мало, а ты бы в те села с архимандритом Матвеем ехал, да земли бы есте во всех в трех полях перемерили; да дал бы еси христианом в тех селех во всех трех полях по пяти десетин, а на монастырь бы еси указал пахать шестую десятину. А будет земли обильно, а кому будет земли надобно более того, и он бы потому ж пахал и монастырскую пашню шестой жеробей, а кому не будет силы пахать пяти десетин, и он бы потому пахал..." (29).

Здесь спор между монастырем и крестьянами возник по вопросу о количестве пашни, которую крестьяне должны пахать на монастырь (30). Обращаются к митрополиту, и последний "устанав-

(29) Грамота напечатана у Горчакова. Прил. стр. 41 VIII.

(30) В споре между И. Д. Беляевым и Чичериным по вопросу об общине, эта грамота была неправильно истолкована обеими сторонами. См. теперь С. Б. Веселовский, Село и деревня, стр. 53/54.

ливают или только напоминает норму повинности на монастырь (31). Интересно отметить, что в грамоте выясняется размер, по-видимому, обычный, сельско-хозяйственной трудовой повинности крестьян на монастырь. Он равнозначущ одному рабочему дню из шести.

Покаясь на пошине, на старинном обычае, повинности крестьян на монастырь должны были отличаться большой устойчивостью, лишь медленно и с трудом поддаваться изменениям. И действительно, в следующей по времени дошедшей до нас уставной монастырской грамоте, Соловецкого монастыря крестьянам села Никольского Пущырева от 1561 г. (32), мы находим чрезвычайно близкую к вышеизложенной картину монастырских крестьянских повинностей.

Повод к изданию этой уставной грамоты нам уже знаком. Крестьяне, как излагает грамота, били челом монастырю, что “будто се на вас наши приказчики емлют наш оброк и пошлыны не по нашим жаловальным грамотам и не по окладу, и дела делати велят не по уложению, чрез наш оклад... и пашню ден велят пахати сверх окладу лишек”. Уже в этом изложении крестьянских претензий мы находим знакомые нам три категории повинностей: оброк, “дела делати”, “пашню пахати”. Игумен Филипп, “о том с братьею соборовав”, дает точные инструкции по каждой из этих категорий повинностей: “вперед приказщиком своим ходити велели по сей нашей жаловальной грамоте и по окладу”.

По существу, можно отметить некоторые изменения. Наиболее важное — появление в оброке, рядом с разными мелкими доходами, сырым яйцом, калачами, хлебного оброка: четыре четверти ржи и столько же овса с выти” (33). Размер пашни, которую крестьяне должны, “пахати на монастырь”, определяется: “сеяти в поле тридцать четвертей и три четверти ржи, а овса шестьдесят четвертей и шесть четвертей”. Тут же добавляется: “а похощет приказчик сеяти пшеницу, или жито, или горох, или гречу, или лен, и крестьяном то пахати, на которых десятинах приказчик излюбит”. Монастырское дело то же, что и прежде: подвоз дров на монастырь, возведение и починка монастырских построек и т. п. Подробно нормируется подводная повинность.

Некоторое изменение в характере повинностей, лежащих на

(31) Веселовский, цит. работа.

(32) АЭ I 258 (1561).

(33) Выть, норма оклада со середины XVI в., — ст 12 до 16 четвертей земли в зависимости от качества — С. Б. Веселовский, Сошное писмо, II 1916, гл. XVII.

монастырских крестьянах, произошло лишь за пределами изучаемого нами периода, в конце XVI в. Выразилось это, прежде всего, в стремлении заменить натуральный оброк денежным. В 1580 г. Троицко-Сергиев монастырь переводит на денежный оброк крестьян села Соболева: “давати им с выти оброку... по три рубли из году на год” (34). В 1595 г. “посельный старец” Волоколамского монастыря рассылает шести приказчикам монастырской вотчины свой “приговор” и велит им “прочитать во всяком селе крестьяном”. Для крестьян устанавливается единый денежный оброк: “с выти оброку по полуполтине денег, да по четверти солоду житного, да по осьмине пшеницы, да по полуосьмине конопель... А у которых не будет хлеба доброго, а им давати денгами за четверть солоду две гривны, за осьмину пшеницы 5 алт., за посольмины конопель 2 алт.”. В приговоре прямо указывается: “а больше того с крестьян оброков никаких не имати на монастырь” (35).

В том же направлении, но в иной форме идет и другая мера — замена всех монастырских оброков увеличением пашни на монастырь. В грамотах Троицко-Сергиева монастыря 1590 г. для крестьян ряда сел устанавливается: “а пашни есмь велели им пахати на монастырь на выть по пяти десятии, за всякие монастырские доходы” (36).

Чтобы убедиться в чрезвычайной устойчивости монастырских крестьянских повинностей, достаточно сопоставить вышеизложенное с двумя грамотами, данными Константиново-Еленинскому монастырю патриархом Иовом в конце XVI и в начале XVII вв.

В 1590 г. опять возникло недоразумение между монастырем и крестьянами, и патриарх устанавливает точные нормы повинностей. Здесь все тот же хлебный оброк, и пашня на монастырь (по полторы десятины с выти), и мелкий доход (37). Разница с только что изложенной грамотой Троицко-Сергиева монастыря — пять десятин с выти — объясняется тем, что там отменен был всякий прочий доход. В 1602 г. патриарх уменьшает количество пашни на монастырь до десятины с выти и, следуя течению времени, заменяет весь натуральный оброк, включая хлебный, денежным (38).

(34) АЭ I 307 (1580).

(35) Б. Д. Греков, Очерки по истории феодальных отношений в России, стр. 156 № 72.

(36) АЭ I 348 II (1590).

(37) П. Иванов, Описание Государственного Архива старых дел, 1850, стр. 237. Такая же грамота была одновременно дана и Нижегородскому Благовещенскому монастырю.

(38) АЮБ I 43 (1602).

Мы видели, что монастырские повинности были только частью тягла, лежащего на монастырском крестьянине. Он нес также и княжеское тягло.

Можно ли предположить, что это последнее было то же самое тягло, в тех же формах и в том же размере, что тягло черных крестьян?

Поставить этот вопрос значит и ответить на него. Предположение это совершенно невозможное, и не только по тому, что прибавка к значительным, как мы видели, монастырским повинностям еще всего того тягла, которое лежало на черных крестьянах, была экономически невозможна. Это удвоение тягла сделало бы невозможным самое существование категории монастырских крестьян. Никто бы в монастырские крестьяне не шел, а сидящие на жалюемых или жервуемых монастырям землях разбежались бы, и притом, как мы увидим, в формах совершенно легальных (39).

Крестьянские порядные конца XVI в. говорят о "государском тягле". Каков исторический путь образования этого казенного тягла монастырских крестьян?

Здесь мы подходим к своеобразному и одному из интереснейших явлений русской истории, недостаточно еще изученному в своем историческом развитии — т. наз. жалованным грамотам (40). Разрешение вопроса о князьем тягле монастырских крестьян было одной из задач, которые выполняли льготные податные грамоты в течение нескольких веков своего существования (41).

Все дошедшие до нас древнейшие льготные грамоты относятся к монастырям. В то время, как для отдельных землевладельцев мы имеем грамоты лишь от XV в., подлинные грамоты монастырям

(39) См об этом ниже, главу V.

(40) Уже первый исследователь жалованных грамот — Горбунов, Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам, (Арх. Истор. и Практ. Сведений, I, V, VI, 1860/61) — установил, что под этим наименованием скрываются грамоты различного юридического содержания. Следующая Горбуновым классификация не вполне удовлетворительна. По основаниям, ясным из дальнейшего изложения, мы предпочитаем употреблять для данного типа жалованных грамот термин, принятый Горбуновым — льготные грамоты. Этот же термин принят Калачовым и в издании Акты, до Юридического Быта относящиеся.

(41) Изучение льготных грамот монастырям возможно лишь в связи с изучением монастырского землевладения и его происхождения. Ниже, в Разд. II гл. 6-й, мы остановимся на них. Здесь мы коснемся их лишь постолько, поскольку это необходимо для освещения вопроса о монастырских крестьянах.

сохранились, и в значительном количестве, и от XIV в., а некоторые данные относительно них даже для XIII в. (42). Текст древнейших грамот с достаточной ясностью вскрывает и назначение их, и их характер.

В 60-ых годах XIV в. Кашинский великий князь и Тверские князья дают грамоту на имя Тверского Отроча монастыря. Они начинают с ссылки: "по отца моего и нашего деда князя Великого Михайловым грамотам...", что делает эту грамоту еще более древним свидетельством. "Тако же и сиротам, пишут они, кто имеет седеги на земли Святое Богородици Отрочья монастыря и тех монастырев, в нашей отчине, в Тферьских волостех и в Кашиньских... пожаловали есми тех сирот, ненадобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое, ни писчее, ни корм, ни медовое, ни иньи которыи пошлины к городу ни к волости, ни служба, ни дело княже, ни дворьскии ни старосты ать их не занимают нипрочно. Тако же и наместници наши и волостели ать не въездят и не судят тех людий и не всылают к ним нипочто и данници наши и амьщници и писци и пошаники, кто ни буди, ат не въездят, не всылають к монастырским людем ни почто. Про все то те люди знают архимандрита службою и подьможеньем дому церковному Святое Богородици... А к тому кого еще людий перевозет архимандрит из зарубежья в отчину нашу, на землю Святое Богородици... и темь по тому же не емлют на них ничегоже. А что ся учинеть, или розбой, или душегубство, или татба, который суд ино будет межи монастырских людеи, судит их и дворян дает монастырский тивун один; а нашим судьям ненадобе ничто" (43).

Несколько раньше была дана грамота в. к. Иваном Калитю: "Се яз Князь Велики Иван Данилович всеа Руси, пожаловал есмь... архимарита Есифа и всеи братьи: что земля святого Юрия на Волоце, кто сядет на земли Святого Юрья, дал есмь им волю, ненадобе им потягнути к городу ни в которую дань, ни в подводы, ни в кормы, ни в стан, ни в которыи протор; а волостелем их Волоцким на Волоце не судити, опроче татбы и розбоя и душегубства, а то судит их человек Святого Юрья промежи собою..." (44).

Сущность обеих грамот одна и та же. Обе они, одна с чрезвычайной подробностью, другая в сжатой форме, освобождают мона-

(42) Относительно грамоты, относящейся к роду Петелиных — АЭ I 46 (1450), Муханов 120, -- где имеется указание на грамоту этому роду в. к. Иваном Калитю, см. Разд. II гл. 5.

(43) АЭ I 5 (1361/5).

(44) Там же 4 (1338/40).

стырских крестьян от какого бы то ни было княжеского обложения, от всяких повинностей на князя, "княжа дела", от наместничьих кормов и всяких сборов в пользу других должностных людей. Чтобы обеспечить монастырских крестьян в этом отношении, князья преграждают всем эти княжеским властям въезд на монастырскую территорию, "ать не въездыт", и передают все их функции в руки монастырских властей: "про все то люди знают архимандрита службою" и "подможением", прибавляет грамста, то есть, и сборы, им причитающиеся, остаются в пользу монастыря. Иван Калита делает лишь изъятие для важнейших преступлений, убийства, разбоя и воровства.

Как мы видим, здесь князья разрешают задачу распределения княжеского и монастырского тягла чрезвычайно просто и радикально. Они отказываются от всего без исключения тягла, все предоставляя монастырю. Если выделяется суд по важнейшим преступлениям, то причитающиеся за них пени и сборы были точно определены, да и вообще были вне нормального хода жизни. Делается это безо всякого ограничения каким бы то ни было сроком, как будто бы в качестве постоянного порядка.

Для грамот XIV в., копии мы располагаем, эта форма бессрочного освобождения монастырских крестьян от княжьего обложения почти исключительна (45). Но в XV в. начинают появляться, и чем дальше, тем все в большем количестве, льготные грамоты иного характера. Освобождение от тягла, в тесном смысле слова, от податей и повинностей, начинает ограничиваться сроком. Уже одна из древнейших грамот дает нам пример этого. "Аз, Князь Великий Олег Иванович, пишет рязанский князь, подоли есми святей Богородице на Солотшу игумену Федору Федорково селище. Ато зовут к себе людей, и тягость им ненадобна три лета. А волостель мой в околицу не въезжает, ни ямщики...; а резалною 60 виною и поличным, а те знают Святую Богородицу игумена Федора" (46).

Начиная с XV в. срочные грамоты получают значительное преобладание над бессрочными. И это вполне естественно. Чем больше развивалось монастырское землевладение, тем более чувстви-

(45) См., кроме цит. выше, еще АЮБ I 52 I, где воспроизведена грамота, данная Симонову монастырю в. к. Дмитрием Донским (1359-1389). Там же, 31 I (в. к. Василия Дмитриевича Троицко-Сергиеву мон., 1391/1425); АЭ I 15 (яросл. князя Федора Федоровича Толгскому монастырю ок. 1400).

(46) Юшков, 2 (1351-1402), та же грамота, в ином чтении, АИ 13. Относительно своеобразной формы конца грамоты см. Разд. 2-ой гл. 5-ую, § VII.

тельной для княжеской казны оказывалась потеря тягла монастырских крестьян. Льгота остается необходимой, чтобы облегчить монастырям призыв крестьян на монастырскую землю и дать крестьянам возможность наладить свое хозяйство. Ограничение льготы трех-, пяти-, реже, десяти- и более, годичным сроком создавало среднюю дорожку между интересами монастырей и колонизации земель, с одной стороны, и интересами казны, с другой. Оставалось только разрешить вторую задачу: ограничить возобновление княжьего тягла, после прекращения льготного срока, размерами, послыными для монастырского крестьянина. И эта задача была разрешена льготными грамотами чрезвычайно удачно. Принцип, который при этом был применен, был всегда один и тот же. Внешняя форма его выражения в грамотах различна. Принцип этот вырисовывается, если мы сопоставляем формулы, которые употребляли князья, предоставляя льготу, с формулами, в которых они восстанавливают обязанность крестьян нести тягло по истечении срока.

Возьмем одну из наиболее полных формул освобождения монастырских крестьян от княжьего тягла, до нас дошедших. "...И которые люди имуть жити на тех землях монастырских, и тем людем ненадобе моя дань, ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга... ни иная которая пошлина, ни города не делают, ни двора моего не ставят, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, тако ж ни к сотцкому, ни к дворскому, ни десятекому, с тяглыми людьми не тянут ни в которые проторы и в размет, ни в иныи которые пошлыны. А наместники мои Звенигородские и волостели Звенигородские и их тиуны, на тех хрестьянех на монастырских кормов своих не емлют, не всылают к ним не по что, а праветчики и доводчики поборов не берут, не въезжают; а ведает игумен Сава сам свои люди во всех делех... А пятенщики мои... у монастырских людей коней не пятнать, а таможенники мои тамги не емлют на монастырских людех; аз Князь Пречистой дал пятно и тамгу: ...держит игумен в манастыре свое пятно..." (47).

Мы можем различить здесь две большие группы повинностей, падающих на крестьян: тягло, в тесном смысле слова, подати, идущие в княжескую казну, и разные повинности, исполняемые на князя, с одной стороны, и кормы и поборы, поступающие наместникам и их подчиненным агентам, с другой.

Срок, который ограничивал применение льготы, никогда не

(47) АИ I 15 (1404) Звенигородского уд. князя Савво-Сторожевского мон., ср. АЭ I 5 (выше прим. 43); АЭ I 34 (1437/61) — Твер. князей Отрочу мон.

касаясь всех этих платежей, поборов и повинностей, составлявших тягло в широком смысле. Устанавливая срок, князья имели в виду восстановление, по истечении срока, только одной части повинностей, составлявших тягло, их особенно интересующей.

В этом нас убеждает анализ срочных грамот. Все они, в разных формах, что было неизбежно при наличии различных удельных княжеств, содержат доказательства, что монастырские крестьяне и после истечения срока, оставались свободными от большей части княжеского тягла.

Иногда грамоты, при самом установлении срока, указывают на его ограниченное применение.

Особенно характерно выражено это в одной из грамот в. к. Василия Темного Троицко-Сергиеву монастырю (48). Устанавливая срок, он различает разные категории крестьян: старожильцев монастырских, крестьян, призываемых из его княжения, и крестьян, призываемых из иных княжений. "Тутошним их людям старожильцов (sic!), которые нынеча у них живут, и тем их людям не надобе моя дань на пять лет, а пришлым людям старожильцом, а тем не надобе моя дань на 7 лет, а призванным людям из иных княжений и тем не надобе моя дань на 10 лет". Разные сроки освобождения установлены для "дани". Как бы широко ни толковать этот термин, бесспорно, что он касается здесь, как и в вышеприведенных грамотах, самое большее, лишь денежного поземельного обложения. Но чтобы не оставалось никакого сомнения, грамота продолжает дальше: "Также всем их людям не надобе им ни пища белка, ни ям, ни подвода, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни к сошким, ни к дворским не надобе им тягучи ни в которые проторы, ни в розметы, ни иные некоторые пошпины не надобе. А отсыдят те их люди урочные лета, и они потянут в мою дань по силе".

Здесь, уже безо всякого срока и без различия категорий крестьян объявлено освобождение от натуральных повинностей на князя, от княжеского дела, и от кормов и сборов на княжеские подчиненные органы.

В иной, свойственной рязанским грамотам, формуле то же самое выражено рязанским в. к. Иваном Федоровичем в пожаловании Солодчинскому монастырю (49): "а люди к себе зовет с иных сто-

(48) Дьяконов, вып. 2-ой. I (1447).

(49) Юшков 7 (1427/56). Эта же грамота, в несколько ином чтении, не меняющем, впрочем, существа, AI I 36 и у Пискарева, Древние грамоты с акты Рязанского края. 1854. п. 2, в чтении близком к Юшкову.

рон... дан свои и ям отложил на три года. А в одном княжене кого к себе призовет людей, и тем на два года не надобе ни данья, ни яму". Затем следует обычная рязанская формула устранения княжеских властей: "а волостель мой в его уезд не въезжает, ни боровщик, ни бобровник... А резальника 60 вина полишная и татин рубль из его села из уезда к волостелю моему неидет, а что учинитца татба в его уезде промеж людей ево". Тем самым люди освобождаются, и бессрочно, от всяких кормов и сборов.

Так же коротко сформулировано то же самое в Нижегородской грамоте Спасо-Евфимиеву монастырю: "тем людям пришлым не надобе моя дань на десять лет, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни иная никакая пошпина моя" (50).

В некоторых грамотах ограниченное применение срока указывается путем определения положения, которое должно наступить по истечении срока. "А отсыдят свой урок, шесть лет, ино потянут в мою дань Великого Князя по силам", пишет в. к. Василий Васильевич Троицко-Сергиеву монастырю (51). "А как отсыдят те люди пришлые свои урочные лета, и они потянут в дань с монастырскими людьми по силе" (52). По истечении срока речь идет лишь о княжеской "дани", т. е., денежном обложении. Это еще более подчеркивается употреблением выражения "по силе". Мы знаем, что это обозначает: в меру обработанной земли. Именно этим определялось денежное обложение крестьян в пользу князя.

Таким образом устанавливается в XV в., практикой жалованных грамот принцип, что монастырские крестьяне подлежат обложению княжеской данью. Нужна была специальная льгота, чтобы крестьяне были освобождены от этой дани. Принцип этот настолько окреп, что мы находим уже льготные грамоты, в которых монастырским крестьянам предоставляется полное освобождение от всякого княжеского обложения за исключением именно одной дани. В 1439 г. в. к. Василий Васильевич дает Троицко-Сергиеву монастырю грамоту (53). В ней он с редкой полнотой перечисляет повинности, от которых он освобождает монастырских крестьян: "и тем людям не надобе ни мыт, ни тамга, ни ям, ни подвода, ни писчаа беяка, ни косты, ни восмечее, ни лугов моих не косят, ни закостного на них не емлют, ни коня моего не кормят, ни двора моего, ни воло-

(50) AI I 25 (пр. 1418).

(51) Муханов, 122 (1459) ср. AI I 83 (1472).

(52) АЭ I 18 (1410/17) — Нижегородского Кн. Спасско-Благовещенскому мон.

(53) АЮБ I 31 V (1439).

стелевых дворов не ставят, ни портног не дают, ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни во что, ни иные некоторые пошлыны". Перечислено все, за исключением дани. От княжеской дани эти крестьяне не освобождаются. И это еще более подчеркивается тем, что тут же для крестьян, призванных "изыных княженей", устанавливается срочная льгота, и на первом месте названа именно дань: "и тем людем приплым ненадобе дан на десять лет некоторая пошла на потому жо", т. е., для прочих повинностей, как старолыцы. А заканчивается это восстановлением одной дани чрез десять лет: "а отседят те люди приплые своей оурук, и они потянут в мою дан по силам".

То же самое мы находим в грамоте того же великого князя Симонову монастырю. И здесь крестьяне освобождаются от всех повинностей и платежей на князя, кроме дани (54), и в грамотах Троицко-Сергиеву монастырю в. к. Софьи (для ее Нерехтинской волости) (55), в. к. Марии — для ее волости. Эта последняя грамота подтверждена в том же виде последовательно великими князьями Василием Ивановичем и Иваном Васильевичем (56), что свидетельствует об установившейся прочности принципа, положенного в основу грамоты.

Оставалась открытым только вопрос: как быть с грамотами, которые освобождали, без ограничения сроком, монастырских крестьян от уплаты княжеской дани? Оставить их в этом привилегированном положении значило, при свободе крестьянского выхода, поощрять к переходу на земли этих монастырей крестьян других монастырей. Да и все увеличивавшиеся потребности казны были против такой привилегии.

Этим надо объяснить постепенное превращение практикой всех бессрочных грамот в срочные.

Достигнуто это было путем установления практикой принципа, что действие льготной грамоты данного князя ограничивается временем его княжения. Повидимому, это произошло благодаря тому, что княжеские данники переставали считаться с грамотами исчезнувшего князя в той мере, в какой установленные им льготы расходились с общей практикой, напр., с принципом обложения монастырских крестьян княжеской данью. Это было естественно и неизбежно, когда дело шло о смене князя по политическим основаниям,

(54) АЮБ I 31 IX (1447/56).

(55) Там же, 31 X (1448).

(56) Там же 31 XII (1453).

вследствие утраты им своего удела. В таких случаях для сохранения действия льготной грамоты необходимо было подтверждение ее новым владыкой. По окончании своей борьбы с Шемякой, Василий Темный подтверждает жалованные грамоты углических князей (57). Но и при наследственном переходе власти устанавливается та же практика. Поскольку грамота скончавшегося князя не подтверждена новым, местные власти могут с ней не считаться и, можно сказать с уверенностью, с ней не считались, если она уклонялась от установившихся к тому моменту правил обложения монастырских крестьян. Естественно, что монастыри хлопочут о таком подтверждении. До нас дошли довольно многочисленные примеры подобных подтверждений. Они имеются у нас либо в форме новой грамоты с вступлением: "по отца своего грамоте..." (58), либо же в форме указания на подтверждение на самой грамоте (59). Но, конечно, мы не имеем никакой возможности определить, было ли большинство грамот подтверждено, или практика обошлась без этого.

Как бы то там ни было, можно утверждать, что монастырские крестьяне подлежали в XV в., как общее правило, поземельному княжескому обложению.

Несколько дошедших до нас жалованных грамот, устанавливающих для монастырских крестьян, вместо поземельного обложения, сброк, не опровергают, а подтверждают это общее правило.

В 1414 г. угличский князь дает грамоту Троицко-Сергиеву монастырю: "...Что у него (игумена Никона) село и деревни на Углече... Удинское... дает с того села и с деревень оброку сотнику на Юрьев день вешней три четверти, а на Юрьев день на осенней три четверти; а кого к себе призовут людей из иного Княженья... и те люди потянут в той же оброк; а опричь того оброку ненадобе им некоторая моя дань... ни иная некоторая пошла; а ни к дворскому,

(57) АЭ 56 (1455).

(58) Большинство дошедших до нас грамот этого рода принадлежат в. к. Ивану Васильевичу — АЮБ I 31 XV (1462/4); 31 XVII (1462/66); XVIII (1470); имеется также подобная грамота его матери в. к. Марии «по мтри своей грамоте великие книги Софи...» (там же 31 XII (1453) и его брата в. к. Андрея Васильевича: «по грамоте оца своего великаго князя... по грамоте мтри своей великие книги Мрья...» — там же 31 XIX (1471).

(59) См., напр., грамоту в. к. Василия Ивановича 1517 г., подтвержденную в 1551 г. Иваном Грозным — АЭ I 164, и его же грамоту 1520 г., подтвержденную дважды, в 1534 и в 1551 гг. — там же 166. Пример грамоты, подтвержденной сначала одним, а затем вторым способом см. выше прим. 57.

ни к сотскому, не надобе им тянути нивочто" (60). Уже раньше монастырские крестьяне были переведены князем с обычной поземельной дани на оброк. Теперь он распространяет эту льготу на вновь призываемых крестьян. То же самое делает, несколько позже, и другой угличский князь для ряда сел и деревень того же монастыря. Здесь крестьяне переведены на денежный оброк "на всяко год... по три рубли", с освобождением от всякого иного обложения в казну (61).

Эти грамоты, сохраняя принцип обложения монастырских крестьян податью в пользу княжеской казны, упрощают лишь способ уплаты, переводя крестьян на оброк, путь, которым часто шли и монастыри по отношению к своим крестьянам.

IV.

Так сложился принцип, что монастырские крестьяне несут ту часть княжьего тягла, которая обозначается в источниках, в частности, в льготных грамотах, термином "дань".

Гораздо темнее вопрос о других элементах этого тягла, с такой подробностью исчисляемых в некоторых жалованных грамотах, о разных сборах, поступающих в княжью казну, таких как ям, мыт, тамга, о натуральных повинностях на князя: коня княжого кормить, сено его косить, о князьем деле: двор его ставить, лес возить и т. д.

Древнейшие грамоты оставляют впечатление, что первоначальная тенденция князей была направлена на полное освобождение монастырских крестьян от всех этих повинностей. Срочные грамоты еще более усиливают это впечатление, и именно потому, что срок касается только для дани, и о ней только и упоминается в связи со сроком (62). Но имеются несомненные данные, свидетельствующие, что это полное освобождение никогда осуществлено не было, и что здесь шла длительная борьба между стремлением добиться полного освобождения и обратной тенденцией. К сожалению, материал не дает возможности проследить этот процесс. Мы можем лишь ука-

(60) АЭ I 19 (1414).

(61) АЮБ I 31 IV (1434/47); та же грамота АЭ I 28. Замену княжеской дани денежным оброком находим мы также и у полоцкого князя для Симеонова монастыря — АЮБ I 31 XXI (1498), та же грамота АИ I 106, и у звенигородского для Сторожевского монастыря — АИ I 100 (1490).

(62) Очень определенно выступает это в АЭ I 60 (1456).

зать на некоторые его моменты. Можно предположить, что работа в архивах в этом направлении дала бы немалые результаты.

По отношению к денежным сборам на казну, помимо дани, колебания обнаруживаются с самого начала.

Рязанский в. к. Иван Федорович, давая срочную грамоту Солдочинскому монастырю, включает в этот срок, кроме дани, еще и ям: "дан свою и ям отложил на три года" (63). По истечении срока монастырские крестьяне должны платить ямские деньги. Но как раз в то же самое время, в. к. Василий Васильевич, предоставляя срочную льготу Кирилову монастырю, относит ям к числу повинностей, от которых он совершенно освобождает монастырских крестьян (64). В последующем берет верх и, квидимому, решительно, точка зрения, что монастырские крестьяне должны нести в пользу казны, наравне с данью, и ям. В. к. Василий Иванович, освобождая владения Троицко-Сергиева монастыря в Переславском уезде от ряда крестьянских повинностей на казну, перечисляемых им с большой тщательностью, прибавляет: "опричь яму и посошные службы" (65). То же мы находим в грамоте Дмитровского князя Юрия Ивановича: "а как отсидят свои урочные лета 10 лет, и они потянут в мою во князь Юрьеву Ивановича дань, и в ям..." (66). Это соблюдается и при Иване Грозном, как во время управления бояр (67), так при его самостоятельном управлении, когда он подтверждает грамоту, освобождающую крестьян Троицко-Сергиева монастыря в Малоярославском уезде от "ямских денег и посошные службы... до их урочных лет" (68). Подлинным исключением и мотивированным в качестве такового является грамота 1546 г. Спасо-Прилуцкому монастырю: "Что ми бил челом (Игумен Федор с братью), сказываючи, что де он строит пустынку и церковь поставил Боголеное Преображение Господа нашего Иисуса Христа... на моем Великого Князя на черном лесу на диком... и кого к себе на тот лес и на те займища призовут жити людей, и тем их людям ненадобеть моя В. К. дань, ни ямские деньги..." (69). Здесь полное освобождение от всякого обложения, даже от дани (70). Позже, жа-

(63) Юшков 7 (1427/56) = АИ I 36.

(64) См. выше. прим. 62.

(65) АЭ I 164 (1517).

(66) Дьяконов, II 6 (1532).

(67) Там же 10 (1537).

(68) Там же 14 (1548).

(69) АЭ I 208 (1546).

(70) Такое же полное освобождение от всякого обложения, в том числе и от дани и от ямских денег, находим мы и для Валаамского монастыря, там же 300 (1578).

ду монастырю Преображения Спасова село "с доходом денежным и хлебным", Иван Грозный прибавляет: "опричь посошного корму и ямских и полонянничных денег и всяких податей", т. е. возвращается к нормальному порядку (71).

Что касается других денежных пошлин, идущих в княжескую казну, вроде мыта, тамги, то все видимость говорит за то, что по отношению к монастырским крестьянам князья отказывались от них, предоставляя их в распоряжение монастыря. Жалованные грамоты, в которых князья подробно перечисляют то, что им "не надобе", называют эти пошлины именно (72). Напротив, они никогда не включаются в число повинностей, откладываемых только на срок. Если принять мнение новейшего исследователя льготных грамот, что резанка и шестьдесят рязанских грамот это — мыт и промыт (73), то мы будем иметь чрезвычайно яркое доказательство, что эти денежные пошлины всегда оставались за монастырем. Предоставляя срочное освобождение для дани и яма, князья говорят: "а резальник и 60... из его (Солодчинского монастыря) села из уезда к волостелю моему не идет" (74), или: "а резальню 60... те знают святую Богородицу игумена Федора" (75, 76).

Имеются, однако, указания, что практика не всегда считалась с принципом, в силу которого денежные пошлины шли монастырю.

Так наз. туковые деньги, пошлина, уплачиваемая при продаже рогатого скота, должна была, естественно, идти монастырю. Иногда это прямо подчеркивалось в грамотах. "...Ни закосного, ни тукового, ни розвесного, ни поворотного... не дают", читаем мы в од-

(71) АЮБ I 30 V (1554/5).

(72) АЭ I 5 (1361/5) — выше, прим. 43; АИ I 15 (1404); выше прим. 47; АЮБ I 31 V (1439).

(73) С. Б. Веселовский, К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 57.

(74) Юшков 7 (1427/56) = АИ I 36.

(75) Юшков 2 (1351/1402) = АИ I 13. — Относительно тамги, включаемой в число денежных пошлин, передаваемых монастырю, см. АИ I 15 (1404) и 29 (после 1425); АЮБ I 31 V (1439).

(76) Единственным нам известным отступлением является подтверждение, сделанное на грамоте в. к. Ивана Васильевича его сыном, Васильем Ивановичем. В. к. Василий Васильевич дал Симонову монастырю льготную грамоту на земли, пожертвованные Оленой Михайловной, женой Флорович, где оставил за монастырем все эти сборы. — АЮБ 31 IX (1447/56). В. к. Иван Васильевич подтвердил эту грамоту полностью. Но в. к. Василий Иванович, давая подтверждение на той же грамоте, льготу ограничивает: «сие грамоты у них рушить не велел никому ничем, опричь яму и мыта и тамга и пудовщины и помернова и пятна». АЮБ I 31 XIV (1462/3).

ной грамоте Троицко-Сергиеву монастырю (77). И тем не менее, податные власти в другой местности "правят" на монастырских крестьянах того же Троицко-Сергиева монастыря "на прошлые годы на 9 лет туковых денег 9 рублей, по рублю на год". По жалобе монастыря в. к. Василий Иванович отменяет это (78).

Что касается, наконец, последней группы чисто княжеского тягла, натуральных повинностей на князя, трудовых повинностей на него, обнимаемых именем "княжого дела", то тут вопрос, как будто бы, с самого начала стоял определеннее. Князья от них отказываются. На место княжого дела становится "монастырское дело" или "сделье".

Определенный отказ князя от этих повинностей мы находим, какую бы из льготных грамот с подробным перечислением XIV или XV в.в. мы ни взяли. "Ни служба, ни дело княже, ни дворьскии ни старосты ать их не занимают нипрочно" (79). "Ни города не делают, ни двора моего не ставят, ни коня моего не кормят, ни сен монах не косят, тако ж ни к сотскому, ни к дворскому, ни к десятскому, с тяглыми людьми не тянут ни в которые проторы и разметы..." (80). "Ни лугов монах не косят, ни закосного на них не емлют, ни коня моего не кормят, ни двора моего, ни волостелевых дворов не ставят, ни портного не дают, ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни во что..." (81). Здесь также ограничение льготы сроком никогда не касается этого рода повинностей. В XVI в. князья продолжают защищать этот принцип от покушений на него со стороны местных властей. "Велено тебе, читаем мы в грамоте 1534 г., Закубежскою волости крестьяны всеми без омены в Переславских же селех лес сечи и в слободы вести... А троецких сел крестьян Сергиева монастыря лесу не секл и ими не наряжал..." (82). В 1550 году крестьян Троицко-Сергиева же монастыря наряжают "царев пруд делати". По жалобе это отменяется (83).

Судя по дошедшему до нас материалу, изъятие было сделано для двух родов трудовой повинности: городского дела и посошной службы. Обязанность "город делати" оставалась на монастырских

(77) АЭ I 217 (1548). В грамоте Дмитровского князя Юрия Ивановича Сретенскому женскому монастырю этот сбор именуется роговым — АЭ I 158 (1514).

(78) Дьяконов, II 4 (1525).

(79) АЭ I 5 (1361/5).

(80) АИ I 15 (1404).

(81) АЮБ I 31 V (1439).

(82) Дьяконов, II 8 (1534).

(83) Там же 16 (1550).

крестьянах. Это видно из ряда грамот. В грамоте Троицко-Сергиеву монастырю мы читаем: "...У них в Ростовском уезде их село Гусарниково с деревнями, а городовое дело с того села с деревень поделывают у вас в Переяславле с митрополями крестьяны Карашские волости с одного. И вы де нынеча то их село Гусарниково с деревнями от Карашские волости отписали, а списали то их село с пустыми вытми...". Приказано сохранить старый порядок (84). То же находим и в другой грамоте: "и городовое дело поделывают у вас в Боровску". Грамота предписывает впредь вести в Ярославль, который ближе (85).

Посошная служба — это, как мы увидим сейчас из приводимой ниже грамоты в.к. Василия Ивановича, то княжье дело, которое раскладывалось на сохи, в соответствии с занимаемой крестьянским землей. Повидимому, эта форма тягла позднейшего происхождения, конца XV в., и оказалась, наряду с данью, формой княжеского обложения, лежащей формально на монастырских крестьянах. В одном процессе первой четверти XVI в. представитель Троицко-Сергиева монастыря показывает: "то, господине, земля Оглоблина монастырская Троецкая; а даня, господине, монастырские крестьяне дают Князя Великого данщиком в Костроме, а службу служат с Костромляны, а к их столцу не тянут ничто" (86). В поврежденных льготных грамотах, в ту эпоху очень редких, дань и посошная служба указываются, как изъятие из принципа необложения тяглом монастырских крестьян. В грамоте в.к. Василия Ивановича Троицко-Сергиеву монастырю, после перечисления всех повинностей, от которых крестьяне свободны, исключение делается; "опричь яму и посошные службы" (87).

Нужна была особая льгота, чтобы освободить монастырских крестьян от этих трех форм повинностей: ямских денег, посошных служб и городских дел. "Что у них наша грамота жалованная тарханная от наших царевых и великого князя ямских денег, и от посошных служб, и от городских дел, и от всяких наших подазей на четыре годы", пишет Иван Грозный городовым приказчикам (88). Да и то эти городовые приказчики нарушали эту грамоту, как отступающую от уже утвердившихся правил, и надо было специальное обращение к царю Троицко-Сергиева монастыря,

(84) Дьяконов, 11 9 (1537).

(85) Там-же, 10 (1537).

(86) АГР 34 (не позже 1505).

(87) АЭ 1 164 (1517).

(88) Дьяконов, 11 14 (1548); ср. АИ 188 (1573) Новодевичьему мон.

чтобы царь приказал: "а грамоты у них жалованные не рудили до их урочных лет".

До нас дошла и совершенно особенная льготная грамота в.к. Василия Ивановича от 1517 г. У нея несколько особенностей: она предоставляет Иосифо-Волоколамскому монастырю льготу по сравнению со всеми другими "грамотчиками"; льгота эта, вопреки обычаю, распространяется на все владения монастыря; она касается исключительно княжеского дела. "А коли пошлю свой Великого Князя грамоты по городам к своим приказчикам на грамотчики, и вею им сохами своими Великого Князя села... и всеми без омены, чей кто ни буди, свое Великого Князя делати, город делати или пруды делати, или свой Великого Князя дворы ставити, или хлеб молотити и вести в который город, и наши городовые приказчики и кто поедет которого моего дела делати сохами теми их монастырскими села и деревнями, мое Великого Князя дело делати никоторого не наряджати, ни к сохам их не прикладывати ни которым делом..." (89).

Таким образом определяется, в первой половине XVI в., круг княжеского тягла, подающего на монастырских крестьян. Это — поземельное обложение, дань, из денежных сборов — ямские деньги, а из княжеского тягла — городовое дело и посошная служба. Когда монастырские крестьяне говорят в своих порядных, появившихся в последней четверти XVI в.; "а после льготных лет, своей нам с пахотные обжи, платити всякие Государевы подати, с волостью вместех" (90), "а Государские подати давати в волость и посошные службы, по волостной ровности" (91), они имеют в виду уже совершенно установившееся и известное понятие государевых податей.

Льготные грамоты становятся в эту эпоху уже редкими. После того, как Иван Грозный берет управление в свои руки, нам известны лишь три его льготных грамоты (92), все одного и того же года — 1578-го. Да они и носят теперь уже другой харак-

(89) Шумаков, Тверские акты, 1, 1896, 18 (1517).

(90) АЮ 186 (1590).

(91) Там-же 184 (1586).

(92) Валаамскому монастырю — АЭ 1 300 (1578); Новодевичьему мон. — АИ I 188 (1578); Александрову Ошвиневу мон. — там-же 202 (1578). Жалованная грамота Ивана Грозного Преображеня-Спасову мон. — АЮБ 1 30 V (1554/5) — касается пожалования монастырю разных земель с установлением обычных условий княжеского тягла.

тер. Направлены они не на установление княжьего тягла, лежащего на монастырских крестьянах, а совершенно так же, как отмеченная выше грамота в.к. Василия Ивановича Иосифо-Волоколамскому монастырю, на полное освобождение крестьян от великих государевых податей, чтобы дать, таким образом, монастырю полную материальную поддержку. Через пятьдесят лет, когда льготные грамоты, в настоящем смысле этого понятия, уже давно исчезли, мы находим грамоту царя Михаила Федоровича Кашинского воеводе, которая проливает свет и на грамоты Ивана Грозного: "Били челом Архимандрит... с братьею, а сказали, в Кашинском де уезде монастырская их вотчина сельцо Орловское издавна запустела и лежит в пуще больше тридцати лет и лесом поросла болшим ... и которые де охочие люди на той их пустоши ... на жеребей хотят селитца из льготы и лес розчищать, и те де охочие люди просят у них льготы во всяких наших податех и в монастырских доходах на пятнадцать лет, и они де без нашей грамоты в наших податех тем людям льготы давать не смеют..... И ты б ... льготы тем крестьяном, которые в сельце Орловском учнут селитца, в наших податех велел давати до тех мест, как с них учнут имати монастырские подати; а как учнут в тех крестьян имати монастырские подати, и ты в на тех крестьянх с тех мест велел имати и наши всякие подати" (93)

В 1580 г. освященный собор, в виду "военного оскудения", выносит приговор: "чтобы впрядь тарханом не быть". Собор 1584 г. подтверждает этот приговор, но добавляет: "от сего году, лета 7093 месяца Сентября 1-го числа, на время до государева царя и великого князя Федора Ивановича всеа России указу, платити тарханом всякие царские подати и земские розметы". Такого указа, восстанавливающего льготы, никогда не последовало. Податные льготные грамоты исчезают. То "обеление" земель, которое мы найдем в последующем, носит уже совсем иной юридический характер.

Вся работа по разграничению княжьего тягла и монастырского обложения монастырских крестьян, работа, занявшая почти три столетия, была произведена князьями посредством льготных грамот. Мы имеем пред собою пример правообразования путем не общих абстрактных норм, а путем регулирования верховной властью отдельных конкретных случаев.

(93) Дьяконов, 11 58 (1629).

V.

Мы видели, что уже древнейшие льготные грамоты освобождали монастырских крестьян не только от обложения в пользу княжьей казны, но и от всяких сборов и поборов в пользу высших представителей княжеской власти и ее низших агентов. Соответственно их форме, они выражают это или с большими подробностями, или очень коротко, но всегда с полной категоричностью. "А наместницы мои Звенигородские и волостели Звенигородские, и их тиунн, на тех крестьянх на монастырских кормов своих не емлют, не вьсылают к ним ни по что, а праветчики и доводчики поборов не берут, ни вьемщают..." (94). "Тако же и наместницы наши и волостели ать не вьездыть и не судят тех людей и не вьсылают к ним ни по что; а данники наши, и ямыщники, и писцы, и пошляинники, кто нибуды, ать не вьездыть, и вьсылают к монастырским людям ни по что", пишут Кашинские и Тверские князья (95). В. к. Иван Васильевич пишет: "А наместницы мои переславльские и их тиуны не вьсылают к ним ни по что, ни кормов своих у них не емлют и не судят тех людей ни в чем, опричь душегубства, а праветчики и доводчики ни поборов своих у них не берут и не вьездыют к ним ни по что..." (96). В свою очередь рязанские князья говорят: "а волостель мои в его в уезд не вьездыть, ни боговьщик... А резальна шестьдесят, вина полишная и татин рубль из его села из уезда к волостелю моему неидет, а что учинитца татьба в его уезде промеж людей ево" (97).

Князья освобождают монастырских крестьян от всякого обложения, которое несли черные крестьяне в пользу представителей княжеской власти. Чтобы гарантировать монастырских крестьян от возможных злоупотреблений со стороны этих княжеских чинов, князья прибегают к радикальному средству. Они воспрещают своим представителям всех чинов, начиная с наместников и волостелей, вьезд на монастырскую территорию: "не вьездыть и не вьсылают к ним ни по что", "в околицу не вьездыют". Это влечет за собою лишение для княжеских чинов возможности осуществлять на монастырской территории какие либо судебные или административные функции. Эти функции естественно переходят в руки монастырских властей. "Про все те люди гнают архмадрита службою

(94) АИ 1 15 (1404).

(95) АЭ 1 5 (1361/5).

(96) Горчаков. Прил. стр. 17 VI (1463).

(97) Юшков. 7 (1427/56) = АИ I 36, ср. 2 (1351/402).

и подможеньем дому церковному Святое Богородици" (97а); "а ведает игумен Сава сам свои люди"; "а ведает и судит их своих людей игумен Борисоглебский"; "а резальню шестюдесятью виною и поличным, а те знают Святую Богородицу игумена Федора" — говорят вышеприведенные грамоты.

Мы увидим, при изучении монастырского землевладения, что это начало — устранение всякого вмешательства княжеских чинов в жизнь монастырских крестьян и связанное с этим освобождение крестьян от всяких повинностей в пользу представителей княжеской власти — происхождения еще более древнего, нежели известные нам древнейшие льготные грамоты. Пожалование земель монастырям издавна сопровождалось предоставлением монастырям судебной и административной власти по отношению к крестьянам на жалуемых им землях.

Эти три момента: свобода монастырских крестьян от всякого обложения в пользу княжеских чинов, изъятие их из-под власти этих чинов, за исключением, как мы увидим, главнейших преступлений, и передача судебно-административной власти над крестьянами монастырям — являются неизменной и неизблемой базой, на которой было построено существование монастырских крестьян. Об этом свидетельствуют все льготные грамоты XV и XVI в.в. "Наместники и волостели не высылают ни почто, ни кормов не емлют и не судят ни в чем опричь душегубства, а ведает и судит ...игумен сновидный сам или кому прикажет"; "наместники мон Кашиинские и их волостели не судят опричь душегубства и разбоя, ни кормов не берут, ни въезжают к ним ни почто..." (98); и т. д. Все льготные грамоты становятся в то же время грамотами "несудимыми" (99). Это послужило в последующем исходным моментом исторического процесса громадной важности.

На вопросе о происхождении судебной и административной власти монастырей мы остановимся еще при изучении монастырского землевладения. Здесь мы коснемся лишь вопроса, как передача судебно-административной власти монастырям отразилась на положении крестьян.

Если исходным моментом при введении в льготные грамоты

(97а) Эту формулу, кроме уже цит. АЭ 1 5 (1361/5), мы находим там же 34 (1437/41), также Тверскому Отроучу монастырю.

(98) АЭ 1 21 (1423); Горчаков. Прил. стр. 17 VII (1465); Муханов 119 (1423); АЭ 1 158 (1514); 171 (1522); 208 (1546); 217 (1548); ГКЭ 109 (1545) и др.

(99) Как мы увидим при изучении боярского землевладения, это термин аутентичный, заимствованный из источников.

тех постановлений, которые впоследствии получили наименование несудимой грамоты, было стремление князей освободить монастырских крестьян от всякого обложения по отношению к агентам княжеской власти, то надо признать, что делалось это, главным образом, не в интересах крестьян, а в интересах монастырей. Раз с крестьян снималась это значительное бремя, это развязывало монастырям руки в их хозяйственной политике по отношению к крестьянам. Они могли регулировать те или иные платежи крестьян, считаясь с их экономическим положением. На крестьянах же эти сборы и поборы оставались, только уже не в пользу княжеских чинов, а в пользу монастыря. Это верно не только по отношению к пошлинам и платежам, связанным с судебными и административными действиями, перешедшими теперь в руки монастырей, но и по отношению к так называемым кормам.

"А на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках ... и дают из сел все люди на праздник яловицу", читаем мы в древнейшей дошедшей до нас уставной грамоте монастырским крестьянам (100). И так это тянется в течение всего изучаемого нами периода. "Дали есмь им свою грамоту уставную, как у них быти, по нашему благословению, старцу приказнику, да старцу келарю, да слуге нашему доводчику, и свои поминки с году на год имати... С лука приказнику по четыре денги Московскую, да келарю по денге по Московской, а доводчику по две денги по Московской же, то им поминка с году на год и с Великим днем" (101). Причем уставные грамоты именуют эти сборы тем же именем: "а тиунов корм платили бы есте ему по нашей жалованной грамоте... А доводчиков корм платили бы есте ему..." (102). Так как этот сбор был приурочен к большим праздникам, то он и назывался иногда соответственно: "... с выти праздничных кормов..." (103).

Переход в руки монастыря административных и судебных действий по отношению к крестьянам автоматически влек за собою передачу монастырским властям всех тех сборов, которые были с этими действиями связаны.

Административному надзору был подвержен ряд сторон крестьянской жизни. Прежде всего, монастырские власти, естественно,

(100) АЭ 1 11 (1391). — Константиновского мон.

(101) Там же, 221 (1548). — Соловецкого мон.

(102) Там же, 268 (1564), стр. 304.

(103) Там же 258 (1561).

VI.

Запрещение волостелям, тиунам и доводчикам взимать сборы с монастырских крестьян, подкрепленное запретом им въезжать в монастырские владения, влекло за собою неизбежно прекращение их судебной власти по отношению к этим крестьянам и переход этой власти в руки монастырей. Из всех элементов, входивших в состав льготных грамот, это, несомненно, наиболее устойчивый. Еще в эпоху более древнюю, нежели древнейшие известные нам льготные грамоты, князья жаловали монастырям земли "с судом", т. е. с правом осуществлять суд над сидящими на этой земле людьми. Во всех льготных грамотах мы находим эту передачу судебной власти монастырям. Даже когда льготные податные грамоты прекращаются, несудимые грамоты, как мы увидим, продолжают выдаваться.

Но неподвижность принципа передачи судебной власти монастырям не означала неподвижности форм, в которые эта власть облекалась. Здесь мы можем проследить довольно заметную эволюцию.

Древнейшие пожалования монастырям земель "с судом", а за ними и древнейшие льготные грамоты ограничивались провозглашением принципа: "...а волостелем Волоцким... их не судити...; а то судит их человек Святого Юрьи промежи собою"; "а волостели мои ать не вступаются в них ни о котором же деле"; "а резалною 60 виною и поличным, а те знают святую Богородицу игумена" (115). Ясно само собою, что это относилось только к монастырским людям, т. е. сидящим на монастырской земле. "А судит свои люди игумен сам или кому прикажет"; "а ведает и судит их своих людей игумен Борисоглебской" (116). Вопрос не возникал, пока дело шло о суде между монастырскими людьми: "промежи собою", "промеж людей своих" (117). Но как быть, когда одной из сторон в деле был немонастырский человек, волостной ли крестьянин, или иной сторонний человек?

Ответ был дан созданием так наз. смешанного суда, о котором мы

(115) АЭ 1 4 (1338/40); ж. гр. Олега Ивановича Ольгову монаст. (1374 г.). Грамота эта, опубликованная ранее у Муханова, 116 и АИ I 2, появилась в 1913 г. особым изданием Моск. Архива Мин. Юстиции.

(116) АЮБ 1 30 I (1442/3); Горчаков, Прил. 17 VI (1463); ср. АИ I 15 (1904).

(117) АЭ 1 4 (1338/40); Юшков, 7 (1427/56).

узнаем впервые из грамоты ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю (118), но более подробные сведения о котором дает Можайский князь Иван Андреевич в грамоте Троицко-Сергиеву монастырю: "а смешается суд смешной монастырским людем с волостными людами, и волостели мои и их тивуни судят, а игумен с ними судит, или кому прикажет; а прав ли будет, виноват ли монастырской члвк, ино его ведает игумен и в правде и в вине, а волостели мои и их тивуни не вступаются в монастырског члвка ни в право, ни в виноватог" (119). То же самое и для суда между монастырскими крестьянами и другими вольными людьми: "а смешается суд моим людем городским или волостным с монастырскими людами..." (120).

Суд производится совместно княжескими судьями и монастырскими. Но исполнение решения со всем тем, что с этим связано (пени, сборы), по отношению к монастырскому человеку остается всегда в руках монастыря. Монастырский человек из юрисдикции монастыря не выходит. Впрочем, вопрос о сборах получал иногда и иное решение. В к. Иван Васильевич в грамоте Борисоглебскому монастырю указывает: "а случится суд смешной ... и присудом делется на пол" (121).

Регулирован был и вопрос о возможном разногласии между судьями. "А о чем ся судьи сопрут межи собою, им доложить мене великого князя", читаем мы в другой грамоте в к. Ивана Васильевича (122).

Наша древность не знала различия между уголовными и гражданскими делами, ни по существу, ни в смысле процессуальном. Но в более поздний период мы неизменно находим изъятие из монастырской юрисдикции суда по важнейшим преступлениям. Делалось это, повидимому, в интересах общественного порядка. Трудно сказать с полной уверенностью, но можно думать, что и здесь произошла известная эволюция.

В древнейшей из известных нам грамот, в грамоте в к. Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю 1123/32 г., земля жалуетя с вирами и с продажами, что соответствует в древнем праве нашим наказаниям за убийство, увечья и подобные

(118) АЭ 1 15 (ок. 1400).

(119) АЮБ 1 30 I (1442/3).

(120) АЭ 1 28 (1434/47); АЮБ I 31 I.

(121) Горчаков, Прил. стр. 17 VI (1463).

(122) Там же стр. 18, VII (1465).

следили за движением населения на их территории. Если крестьянин брал к себе на поселение постороннего человека, он должен был заявлять об этом. Уже в ту эпоху существовала обязанность прописки, с взятием соответственных соборов. “А придется каков казак незнаемый, или преж сего живаль, а похочет... в наших волостях жити и промышляти, и у коего человека станет жити, и тому человеку с ним ийти к приказнику и к доводчику да его явити, а явки приказнику дати две московки, а доводчику московка”. Установлена и выписка отбывающего (104). Выдача девушки замуж также была сопряжена с уплатой пошлин. “Случится у кого свадьба, выдаст за волость дочь, и приказнику куница десять денег да с отводон хлеб да колачь, а доводчику две же денги” (105). Это — “выводная куница”. При выдаче замуж в той же волости такса, “новоженной алтын” более дешевая.

Более широким был круг административно-торговых сборов, взимаемых при совершении крестьянами разных сделок. Сделки эти подлежали в древней Руси надзору со стороны властей, причем, повидному, при этом преследовались не только фискальные цели, но и желание обезпечить этим сделкам известную публичность и тем предотвратить в будущем возможные споры. Как принцип, эти сборы передавались князем в руки монастыря. Этот принцип, выраженный уже в древнейших грамотах, может быть формулирован словами жалованной грамоты 1478 г. Спасскому монастырю: “а што купят или што продадут, иже таможенником моим не являют — являют архимандриту или его приказнику” (106). Все сделки по отчуждению крестьянского имущества подлежали явке и обложению. “Вольно вам меж себя дворы и землями меняти и продавати, доложка приказника; а кто свой жеребей продаст или промениг, и приказнику имати на том явки менового, с обеих полови. на монастырь пошолтны; а кто продаст свой жеребей, а сам поидет за волость, и на том имати похоромное сполна, а с куша имати порядное...” (107). “А кто хоромину продаст, ипо с угла по денге” (108). Даже продажа дома на сруб влекла уплату пошлины: “а кто продаст хоромину с места... и приказнику явка с хоромны...” (109).

(104) Там-же, 221 (1548).

(105) Там-же, 258, ср. 221, 265 (1560).

(106) Муханов. 257 (ок. 1473), ср. АИ 1 15 (1404).

(107) АЭ 1 258 (1561).

(108) Там-же 307 (ок. 1580).

(109) Там-же 258 (1561), ср. 348 I (1590).

То же самое по отношению к лошадям и к рогатому скоту. “А купят или продадут или менят их монастырские крестьяне ... лошадь или корову, у кого нибуди, читаем мы в жалованной грамоте 1514 г. Дмитровского князя Сретенскому женскому мон., ...платно, и роговое, и явку в монастырь игуменье с сестрами...” (110). “С животины, с лошади и с коровы, с куша и с прелавца, с обеих по денге”, формулирует уставная грамота Кирило-Белозерского монастыря (111).

Только что упомянутая грамота Дмитровского князя говорит о “пятне”. Этим именем он означает сбор с продажи лошадей, который передается монастырю. Но грамота прибавляет дальше: “а кони пятнат пятном монастырским”. Это уже выходит за пределы взимания сбора при продаже. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, лошади вообще, независимо от продажи, подлежали пятнению, наложению клейма, вероятно, для предотвращения конокрадства. Пятно находилось в руках княжеских агентов. Лишь по особому пожалованию монастырь получал право держать пятно. В одной из старейших известных нам льготных грамот, Звенигородский князь предоставляет право держать свое пятно Савво-Сторожневскому монастырю. “А пятенники мои у монастырских людей... коней не пятнят, а таможенники мои тамги не емлют. Я... Пречистой дал пятно и тамгу: держит игумен в монастыре свое пятно. Который крестьянин монастырский купит или менят, и он пятнить в монастыре; а который хрестьянин монастырской продаст в торгу или в селе, и они тамгу платят игумену Саве в монастырь” (112). Здесь различие пятнания и взимания сбора при продаже сделано с полной отчетливостью. Сбор поступал в распоряжение монастыря неизменно. Право держать собственное пятно было, повидному, особой привилегией (113).

Чтобы покончить с торговыми сборами, которые были переданы монастырям, надо отметить, что даже реализация урожая не ускользала от этих сборов. “Кто продаст стог ржи, или стог сена, и приказнику явки денга” (114).

(110) Там-же 158 (1514).

(111) Там-же 357 (1593), ср. 258 (1561) и 307 (ок. 1580). Если эта пошлина, действительно, то же самое, что туковые деньги, то, как мы видели выше, в этом пункте практика несколько колебалась.

(112) АИ 1 15 (1404).

(113) Ср. грамоту в. к. Василья Васильевича Троицко-Сергиеву мон. АЭ 1 56 (1455).

(114) АЭ 1 348 I (1590).

VI.

Запрещение волостелям, тиунам и доводчикам взимать сборы с монастырских крестьян, подкрепленное запретом им въезжать в монастырские владения, влекло за собою неизбежно прекращение их судебной власти по отношению к этим крестьянам и переход этой власти в руки монастырей. Из всех элементов, входивших в состав льготных грамот, это, несомненно, наиболее устойчивый. Еще в эпоху более древнюю, нежели древнейшие известные нам льготные грамоты, князья жаловали монастырям земли "с судом", т. е. с правом осуществлять суд над сидящими на этой земле людьми. Во всех льготных грамотах мы находим эту передачу судебной власти монастырям. Даже когда льготные податные грамоты прекращаются, несудимые грамоты, как мы увидим, продолжают выдаваться.

Но неподвижность принципа передачи судебной власти монастырям не означала неподвижности форм, в которые эта власть облекалась. Здесь мы можем проследить довольно заметную эволюцию.

Древнейшие пожалования монастырям земель "с судом", а за ними и древнейшие льготные грамоты ограничивались провозглашением принципа: "...а волостелем Волоцким... их не судити...; а то судит их человек Святого Юрьи промежи собою"; "а волостели мои ать не вступаются в них ни о котором же деле"; "а резалною бо виною и поличным, а те знают святую Богородицу игумене" (115). Ясно само собою, что это относилось только к монастырским людям, т. е. сидящим на монастырской земле. "А судит свои люди игумен сам или кому прикажет"; "а ведает и судит их своих людей игумен Борисоглебской" (116). Вопрос не возникал, пока дело шло о суде между монастырскими людьми: "промежи собою", "промеж людей своих" (117). Но как быть, когда одной из сторон в деле был немонастырский человек, волостной ли крестьянин, или иной сторонний человек?

Ответ был дан созданием так наз. смешанного суда, о котором мы

(115) АЭ 1 4 (1338/40); ж. гр. Олега Ивановича Ольгову монаст. (1374 г.). Грамота эта, опубликованная ранее у Муханова, 116 и АИ I 2, появилась в 1913 г. особым изданием Моск. Архива Мин. Юстиции.

(116) АЮБ I 30 I (1442/3); Горчаков, Прил. 17 VI (1463); ср. АИ I 15 (1904).

(117) АЭ 1 4 (1338/40); Юшков, 7 (1427/56).

узнаем впервые из грамоты ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю (118), но более подробные сведения о котором дает Можайский князь Иван Андреевич в грамоте Троицко-Сергиеву монастырю: "а смешается суд смешной монастырским людем с волостными людами, и волостели мои и их тивуни судят, а игумен с ними судит, или кому прикажет; а прав ли будет, виноват ли монастырской члвк, ино его ведает игумен и в правде и в вине, а волостели мои и их тивуни не вступаются в монастырской члвк ни в правот, ни в виноватот" (119). То же самое и для суда между монастырскими крестьянами и другими вольными людьми: "а смешается суд моим людем городским или волостным с монастырскими людами..." (120).

Суд производится совместно княжескими судьями и монастырскими. Но исполнение решения со всем тем, что с этим связано (пени, сборы), по отношению к монастырскому человеку остается всегда в руках монастыря. Монастырский человек из юрисдикции монастыря не выходит. Впрочем, вопрос о сборах получал иногда и иное решение. В. к. Иван Васильевич в грамоте Борисоглебскому монастырю указывает: "а случится суд смешной ... и присудом делятся на пол" (121).

Регулирован был и вопрос о возможном разногласии между судьями. "А о чем ся судьи сопрут межи собою, им доложить мене великого князя"; читаем мы в другой грамоте в. к. Ивана Васильевича (122).

Наша древность не знала различия между уголовными и гражданскими делами, ни по существу, ни в смысле процессуальном. Но в более поздний период мы неизменно находим изъятие из монастырской юрисдикции суда по важнейшим преступлениям. Делалось это, повидимому, в интересах общественного порядка. Трудно сказать с полной уверенностью, но можно думать, что и здесь произошла известная эволюция.

В древнейшей из известных нам грамот, в грамоте в. к. Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю 1123/32 г., земля жалуются с впрами и с продажами, что соответствует в древнем праве нашим наказаниям за убийство, увечья и подобные

(118) АЭ 1 15 (ок. 1400).

(119) АЮБ I 30 I (1442/3).

(120) АЭ 1 28 (1434/47); АЮБ I 31 I.

(121) Горчаков, Прил. стр. 17 VI (1463).

(122) Там же стр. 18, VII (1465).

преступления (123). Так же, безо всяких ограничений, передается суд Ольгову и Сологичинскому монастырям в грамотах рязанского в. к. Олега Ивановича (XIV в.) (124). В льготной грамоте капинских и тверских князей Тверскому Отрочу монастырю 1361/65 г. суд над важнейшими преступлениями передается уже не путем умолчания, отсутствия оговорок, но в прямом постановлении: "А что ся учинеть, или розбой, или душегубство, или татба, который суд ино будуть межн монастырьских людей, судит их и дворян даст монастырский тивун один, а нашим судьям не надобе ничто" (125, 126).

Однако, уже в одной из древнейших льготных грамот, связанных с пожалованием Иваном Калитой только что упомянутому Новгородскому Юрьеву монастырю земель на Володе, мы находим совсем иной принцип: "а волостелем их Волоцким на Володе не судити, опроче татбы и розбой и душегубства, а то судит их человек Святого Юрья промежи собою" (127). Князь сохраняет за собою суд по трем важнейшим преступлениям: убийству, разбою и краже. Но интересно, что эта идея Ивана Калиты не сразу пробивает себе дорогу, а в известной постепенности. Только со середины XV в. она получает заметное преобладание (128). До тех же пор мы встречаем изъятие из монастырской юрисдикции то одного душегубства (129), то душегубства и разбоя (130). И в XVI в. попадают еще грамоты, изъемающие из ведения монастырей эти два

(123) Арх. Макарий, Описание Новгородского Юрьева монастыря, 1858, стр. 51/53; ДАН 1 2 (1123/32).

(124) Ж. гр. Ольг. мон. 1371 г.; и Юшков, 2, = АИ 1 13, между 1351 и 1402 гг. Так же грамота Нижегород. князя Благовещенскому мон. — АЭ 1 17 (1410/17).

(125) АЭ 1 5 (1461/5).

(126) Ср. также грамоты удельных князей Звенигородских — АИ 1 15 (1401); Нижегородских — АИ 1 25 (прежде 1418) и Тверских — АЭ 1 34 (1437—1461) и грамоту Можайского князя Троицко-Сергиеву монастырю АЮБ 1 30 1 (1442/3).

(127) АЭ 1 4 (1338/40).

(128) См. более старые грамоты: АЭ 1 60 (1456); 75 (1465); 79 (ок. 1465); 88 (1471); Горчаков, Прил. стр. 19 VIII (1467); 21 XI (1475); и т. д.

(129) Это, по преимуществу, грамоты удельных князей, Угличских, Нижегородских, Белозерских, Волоцких — АЭ 1 19 (1414); АИ 1 29 (после 1425); АЭ 1 31 (ок. 1437); 37 (1440); Горчаков, Прил. стр. 17 VI (1463) и VII (1465); АЭ 1 102 (1476); 136 (1500). Из московских князей этой формулы придерживался Иван Третий — АИ 1 27 (1475); 88 (1479); АЭ 1 124 (1488).

(130) АЭ 1 18 (1410/17); Горчаков, Прил. стр. 21 XI (1474).

последних преступления (131), но в общем создается впечатление, что изъятие трех преступлений становится общим правом (132).

Более существенное значение, с точки зрения изучаемых нами вопросов, имеет другое постановление несудимых грамот, которое, со второй половины XV в., становится обычным элементом монастырских грамот. "А кому будет чего искати на самом игумене или на его приказчике, ино сужу яз сам, князь... или мой боярин введенный". Иногда на место боярина введенного указывается "или наш дворецкий", "или кому прикажу" (133). В двух только что указанных наиболее древних грамотах этого рода прямо поименован пожалованный боярин: "ино его судит отец мой .... митрополит сам" (134).

Не подлежит ни малейшему сомнению, что грамоты эти говорят об исках к монастырям, а не об исках, направленных лично против игуменов. "Игумен с братиею" наших древних актов есть воплощение монастыря. От его имени совершаются все акты монастыря. Земли жалуются игумену с братиею, на его имя делаются даяния и т. д. Если нужны еще доказательства, что льготные грамоты в данном постановлении имеют в виду монастырь, а не игумена лично, достаточно обратить внимание на тот факт, что эти грамоты называются рядом, с игуменом монастырского приказчика, как представителя монастыря. Есть грамоты, которые упоминают лишь приказчика, не называя игумена (135). "Кому будет чего искати на игуменове приказчике, ино его сужу яз, Князь Вели-

(131) Этого придерживался в. к. Василий Иванович — АЭ 1 160 (1515); 163 (1517); 164 (1517); 166 (1520); 171 (1522).

(132) Своеобразную форму изъятия находим мы в грамоте Дмигровского к. Юрья Васильевича: душегубство остается подведомственным волостелю, «а лучится татба, или розбой с поличным ... и яз князь Юрий сам тому исправу учиню» — АЭ 1 75 (1465). — Особое место среди несудимых грамот должно быть отведено грамоте в. к. Василия Васильевича Троицко-Сергиеву монастырю, около 1455 г. — АИ 1 54. Выполняя волю своей матери Софьи Витовтовны и жалую монастырю «села ее и с деревнями», он оговаривает: «опричь суда, суд мой Великого Князя».

(133) Из более ранних известных нам грамот это постановление имеется в АИ 1 13 (1402); Юшков 7 = 36 (1421/56). Остальные относятся ко 2-ой половине XV в.: АЭ 1 51 (1453); 60 (1456); 75 (1465); 88 (1471) и т. д.; АИ 1 74 (1462/67); 87 (1473); 88 (1479); и т. д.; Горчаков, стр. 18 VII (1465); или к XVI в.: АЭ 1 139 I (1504); 159 (1515); 175 (1532); 179 (1554) и т. д.; АИ 1 131 (1526).

(134) Горчаков, Прил. стр. 19 VIII (1467); 21 XII (1475).

(135) АЭ 1 51 (1453); 60 (1456); 75 (1465).

ни или мой боярин введенной; а наместицы мои Бежецкие и их туины игумена приказщика... не судят" (136).

Внимание наших исследователей было привлечено к этому постановлению льготных грамот в связи с вопросом об изменении этим путем подсудности монастырей. Действительно ли грамоты преследовали эту цель, действительно ли без такой грамоты монастырь подлежал суду волостелей, это вопросы невыясненные и выходящие за пределы нашего исследования. Для нас бесспорным представляется другое.

Вся льготная грамота была направлена на установление отношений между монастырем и его крестьянами. В связи с этим возникал вопрос: в каком порядке должны были быть разрешаемы спорные вопросы права между монастырем и крестьянином? Подчинение крестьянина монастырскому суду обозначало ли, что крестьянин становился совершенно беззащитным по отношению к монастырю?

Вот на этот то вопрос и отвечала грамота в изучаемом постановлении: "А кому будет чего искати на самом игумене или его приказнике, ино суку яз сам князь". Этим постановлением все эти споры исключались из компетенции монастыря. В своем деле монастырь не был судьей.

Из того, что мы знаем об отношениях между монастырем и монастырскими крестьянами по вопросу о лежащих на последних повинностях по отношению к монастырю, явствует, что не об этих отношениях шла речь при установлении княжеского суда при спорах между монастырем и крестьянами. Единственным объектом этих споров могло быть право крестьянина на землю. Мы видели, что у крестьянина было совершенно самостоятельное, независимое право на его участок. Он самостоятельно выступал на суде, единолично или рядом с монастырем, для защиты этого права. Естественно, что когда возникал спор по поводу этого права между монастырем и крестьянином, разрешение его должно было быть передано высшей и совершенно независимой инстанции. Таковым в ту эпоху и был суд самого князя или специально назначенного им лица. Это и вытекает непосредственно из разбираемого постановления.

Но источники дают нам и прямые, и притом чрезвычайно яркие, доказательства, что так именно и стояло дело в изучаемый нами период.

(136) АЭ 1 131 (1494).

Между 1490 и 1494 г.г. "по великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси сии суд судил князь Иван Юрьевич. Тягался Симоновского монастыря посельской Куземка Верзневского села с Окуликом с Суолом да с Олферком. Тако рек посельской Куземка: тот, господине, Окулик да Олфреко сидят на монастырской на Симоновской земли, на Шишкинском селище, а называют, господине, великого князя землей да живут, господине, на той земле сильно, и вон из деревни не идут". Спрошенные на суде монастырские крестьяне свидетели, "знахори", показали: "посадил их, господине, на том селище Симоновский архимандрит Зосима, что ныне митрополит, а тому, господине, со три годы, как они живут на той земле". Митрополит Зосима в свою очередь показал: "то селище Шишкинское — земля Симоновского монастыря, а посадил тех мужиков на той земле яз и дал еси им льготную грамоту на три годы, и они и отсидели свой урок, три года минуло сее весны, и приходили к нам в монастырь били челом, чтобы нам дати им льготы на два года, и мы им льготы не дали, и они из того ся отказали за великого князя..." (137).

Крестьяне сели на монастырскую землю на льготу. Из-за отказа в продлении льготы они перестают признавать монастырь в качестве хозяина земли и объявляют себя волостными крестьянами. Монастырь может реагировать на это только путем обращения к суду князя.

Столь же характерно и другое свидетельство, от 1533 г. "От Великого Князя Василья Ивановича всеа Росни, на Резань... Искал Богословской игумен Офонасей с братьею на Иванке на Гридине сыне на Ботурине, а сказывает, что то Ивашко шл за Богословским игуменом на Богословском селище на Иванчине, на лготе, да лготу отсидел, а поплин Богословскому игумену с того селища которых не платил, ни под суд ся им не дает, а живет у них на том селище силно. И дворотцкой наш князь ...судил... И ты б к тому Ивашку к Ботурину ехал да того бы еси Ивашка Ботурину выслал вон; а срок бы еси тому Ивашку дал возитись вон на меслц, а не вывозится тот Ивашко на тот срок, и ты б его однолично выметал вон, часа того" (138).

Фактический состав здесь тот же, что в прошлом процессе. Но здесь крестьянин не утверждает, что земля великокняжеская, а не

(137) Д. Лебедев, Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева, 1881, стр 7-9.

(138) АИ 1 134 (1533).

монастырская. Он попросту не выполняет своих обязательств по отношению к монастырю и притом еще "под суд ся им не дает". Монастырю ничего не остается, как обратиться к суду князя и просить об отнятии у крестьянина монастырской земли. Только что приведенная грамота есть указ об исполнении такого решения.

Даже в таких обстоятельствах монастырь не может действовать самосудом, отнять у крестьянина землю. В этих спорах компетентен лишь князь.

Таковы были пределы судебной власти монастыря по отношению к сидящим на его земле крестьянам. Чтобы осуществлять эту власть, монастырю надо было организовать суд и разрешить вопрос о "судных пошлинах". Путь для первого открывала формула льготных грамот: "судит игумен сам или кому прикажет". В монастырских уставных грамотах мы находим развитие этой формулы. Хотя эти грамоты относятся к XVI в., но несомненно, что они отражают положение, создавшееся уже в прошлые века. Судит крестьян приказчик (139). "старец наш приказчик", по выражению уставной грамоты Соловецкого монастыря (140), и можно даже предположить, что самое выражение "приказчик" пошло от формулы льготных грамот "кому прикажет". Под влиянием реформ Ивана Грозного мы встречаем и более сложную организацию суда: "судити приказщику, а с ним быти на суде священнику да крестьяном пятма или шестма добрым и середним" (141).

Формы и порядок судопроизводства в уставных грамотах по-прежнему определялись. Само собою разумеется, что они те же, что применяемые в суде княжеских наместников и волостелей. Но вопрос о пошлинах регулируется во всех уставных грамотах. "А случится суд перед приказщиком, и приказщику имати пошлина судная с рубля по ... и случится доводчику на правду ехать, ... на версту рубля по...: "Судити приказщику..., а на виноватом имати пошлины с рубля по...". "А с суда приказщику платити..." (142). Пошлина определялась различно: "... с рубля по десяти денег по Московскую"; "с рубля по алтыну" или даже "с суда по две деньги". Регулятором служило, повидимому, хозяйственное положение крестьян, стремление не переобременять их пошлинами, чтобы удержать

(139). АЭ 1 258 (1561); 307 (ок. 1580); 357 (1593) и др.

(140) Там-же 221 (1548), стр. 211.

(141) АЭ 1 258 (1561).

(142) Там-же, 221 (1548); 258 (1561); 307 (ок. 1580); ср. 268 (1564); 357 («присудные пошлины» — 1593).

их на земле. Не случайно, что в конце концов монастыри оставались на норме, установленной законодателем: "а судные пошлины кмати, по государеву... Бориса Федоровича всеа Русии указу и Судебнику, с рубля по гривне", читаем мы в патриаршей грамоте Константино-Еленинскому монастырю (143).

VII.

Мы старались извлечь из актового материала все те данные, которые служат для характеристики права монастырского крестьянина на землю и его юридических отношений с монастырем. Мы стоим теперь перед вопросом: что это было за право и как надо определить эти отношения?

Внимание наших исследователей остановилось здесь, по преимуществу, на втором вопросе, на характеристике отношений крестьянина к монастырю. Вопрос о правомочиях крестьянина на землю, по большей части, совершенно игнорировался. Тем легче мысль их пошла по пути, с которым мы ознакомились при изучении черных крестьян, и притом с гораздо большей решительностью. Даже те авторы, которые по отношению к черным крестьянам не примкнули к господствующей теории имущественного найма, придерживаются ее для монастырских крестьян (144).

То, что явилось при этом определяющим, а по большей части, и единственным, основанием, это т. наз. крестьянские порядные. На них и ссылаются наши исследователи в обоснование своего мнения.

Акты, обозначаемые этим именем, появляются у нас лишь в по-

(143) АЮБ 1 43 (1602).

(144) Сергеевич, который заметно колеблется, когда речь идет о черных крестьянах, здесь категоричен: «каждый мог сам определить условия найма или сдачи земли в аренду. Это делалось в порядных. Порядная есть договор, в котором владелец земли сдавал в пользование крестьянам определенный участок», — т. 1. стр. 213, ср. 239. В своей работе, появившейся в 1905 г., «Обзор истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России», стр. 26 ср. 36 и 34, Лаппо-Данилевский рассматривает как арендаторов только владельческих крестьян. Черные крестьяне для него собственники. При пожаловании черных земель «прежние крестьяне собственники стали съемщиками чужой земли» — стр. 41. Даже автор, который для определения права восточного крестьянина прибегает к старой категории теоретиков феодального права — *dominium utile* — (Одинец — см. выше стр. 65 —) здесь говорит о крестьянине арендаторе — *peusan metayer* — и его договоре с церковью или с вотчинником — стр. 233.

следней четверти XVI в. (145). Но затем они становятся чрезвычайно многочисленными. Об этом свидетельствует количество их, дошедшее до нас (146). Как может быть объяснено, что среди многочисленных документов, относящихся к юридическому быту XV и первой половины XVI вв., монастырские архивы не сохранили ни одной т. наз. крестьянской порядной?

Другой, еще более удивительный факт. Акты совершенно аналогичного характера продолжают совершаться, когда положение крестьян радикально меняется, и не может быть уже речи об определении взаимоотношений между крестьянами и землевладельцами путем договора. Сергеевич, чтобы объяснить это, говорит об «остатке старины», о «факте переживания»: «несмотря на новый порядок, крестьянин продолжает рядиться во крестьянство» (147).

Если не стараться отыскать во что бы то ни стало доказательств существования договора аренды между землевладельцем и крестьянином, картина представляется совершенно иной.

Акты, подводимые нашими авторами под общее понятие порядных, обнимают, в действительности, акты различного юридического содержания и разного юридического характера. Все они вызваны новыми, изменившимися, под влиянием реформ Ивана Грозного, условиями крестьянского быта, и общее между ними только то, что все они выполняли одинаковую функцию, были призваны служить одной цели.

Из различных категорий этих актов ближе всего, по своему содержанию, могли бы подойти к идее, которую принято связывать с обозначением «крестьянская порядная», соглашения, заключаемые между монастырями и крестьянами, уже сидящими на монастырской земле или садящимися на нее. «Се яз..., да яз..., оба есмь из Богородцкого села Спаского Прилуцкого монастыря крестьяне, поряднился есмь Спаского Прилуцкого монастыря у келаря старца Ионы...

(145) Лишь один из относящихся сюда актов принадлежит к середине XVI в. — АЮ 177 (1556), все остальные — к последней четверти этого века — АЮ 178 (1576); 180 (1578) и другие, указанные ниже. Акты, напечатанные под именем порядных в Актах Холмогорской епархии — Р.И.Б. XIV (1894 г.), — XXXVIII (1650) и LVII (1572) — относятся совсем к иной категории юридических актов — см. об этом ниже.

(146) В «Актах, относящихся к истории тяглого населения в Московском государстве», вып. 1 (1895) «Крестьянские порядные», Дьяконов дает «Перечень ранее напечатанных порядных и ссудных» (стр. 75). Этот перечень (для монастырей и других владельцев) содержит 133 номера. Сюда надо присоединить 78 номеров, опубликованных самим Дьяконовым.

(147) Русские Юрид. Древности, 1 стр. 257; 11 стр. 161.

в монастырское село Богородцкое, на польвты на жилую, ржи засеяна в земли пять четвертей, да денег есмь взяли на ссуду полтина; пашня нам пахати, земли не запереложити и вново чистити; а во дворе нам поставити изба новая... и старые хоромы починивати; а дани Царя и Великого Князя, и оброки, и всякие Государские подати давати, и в монастырь хлебной оброк всякой платити, по книгам сполна, и изделие монастырское нам всякое делати, как и прочим крестьяне; а которого году учнем мы избу ставити, и им нас пожаловати не велити нам изделия монастырского делати; а пондем мы воп из за монастыря, а избы не поставим или землю запереложим, ино на нас по сей записи два рубля денег» (148).

Каково юридическое содержание этого документа?

Крестьянин Спаского Прилуцкого монастыря желает занять заселенный раньше другим крестьяном, по освободившийся участок. Монастырь соглашается, дает ему даже ссуду, но обязывает его поставить новую избу и починить старые постройки. На крестьянина остаются обычные повинности: нести княжью тягло, монастырские повинности выполнять «по книгам сполна», изделие монастырское делать «как и прочие крестьяне». Монастырь пользуется при этом случаем, чтобы установить неустойку «два рубля денег», если крестьянин пожелает покинуть землю, или не выполнит обязательства поставить избу, или не будет обрабатывать земли.

Несколько крестьян Вязицкого монастыря переходят из своей деревни на новую пустошь (149). Они обязываются поставить там избы, распахать землю и расчистить покосы. За это монастырь освобождает их на год от монастырского дела и на два года от прочих монастырских повинностей, а также и государева тягла (150). И здесь монастырь пользуется случаем, чтобы связать их, устанавливая неустойку («десять рублей»), если они не перейдут на пустошь или в течение льготных лет не выполнят работ, которые обязались сделать.

«Старинной вознесенской крестьянин старого Девичья монастыря», как он себя именует (151), дает «на себя» запись того же монастыря игуменье Екатерине с сестрами» в том, что «из того Воз-

(148) АЮ 182 (1582).

(149) АЮ 190 (1599).

(150) Освободить от государева тягла монастырь может лишь возлагая его уплату на время льготы на мир — см. Акты Холм. епар. CLXIV (1649), «а государевы всякие денежные доходы и мирское поборы» платит с того повьятя миром до Семена дни летопроводца, а с Семена дни платит 160 год мне Девятому».

(151) Дьяконов, 1 18 (1629); ср. там же 12 (1629).

несенского монастыря из вознесенские вотчины гулял и жил по наймом, и ныне мне, Кюдрашку, прийти за тот свой старый монастырь... в вознесенскую вотчину на старую свою деревню". На случай его вторичного ухода устанавливается неустойка "пять рублей московских".

Иногда крестьянин, возвращающийся "на старое свое поместье", "на старую свою деревню", выговаривает определенный оброк: "а давати ему, с тое деревни, хлеба ржи и овса пять коробей...". Все же прочие повинности крестьянин обязывается платить "по книгам", "по старине", "как и иные крестьяне дают" (152).

Совершенно тот же характер носят порядные этой эпохи, когда дело идет о поселении новых крестьян. Вольный человек или бобыль или крестьянин, сидевший раньше на черной или частновладельческой земле, рядится у монастыря "во крестьян" или "жити во крестьянх" (153). Отсюда уже само собою вытекает, что он уравнивается по отношению к монастырю с прочими монастырским крестьянами, иногда, по истечении льготных лет. "И живучи Государево тягло тянути, и монастырское всякое сделе делати, и страда монастырская всякая со крестьяны страдати, что игумен с братьею прикажет" (154).

Почти неизменно в этих порядных определяется санкция на случай, если крестьянин не перейдет в указанный срок на монастырскую землю, или, перейдя, "пойдет воп". Иногда это — уплата неустойки "за убытны и волокыду" (155). Но ту же роль играла и подмога. Можно предположить, что монастырь охотно давал поселяющемуся крестьянину подмогу, чтобы связать его и облегчить взыскание. На эту мысль наводят формулы, употребляемые в порядных. "А будет я Иванко не учну за Пречистенским монастырем во крестьянх и в бобылех жити... взяти на мне Иванке хлебная и денежная подмога по монастырским расходным подможным книгам..." (156); или еще: "А не учну я... у игумена Васыля с братьею в деревни на Тендухине, на своем участке по своему приговору жити, или учну где на стороне во крестьяне рядитца, или в иную монастыршину, или пойду в иную бояршину за кем нибудь жити, и... игумену Васылю с братьею взяти на мне на Васыля за денежную и за хлебную подмогу и

(152) АЮ 177 (1556); 184 (1586).

(153) Там-же 180 (1578); 186 (1590); 194 (1626); 196 1-111 (1630/4).

(154) Там-же 196 1-111; ср. 182 (1582); 194 (1626).

(155) Там-же 180 (1578); 183 (1585), ср. 186 (1590); 194 (1626); Дьяконов, 1 14 (1629); 18 (1630); 29 (1642).

(156) Дьяконов, 1 12 (1629).

за лготу денег тридцать рублей Московская, по сей рядной записи" (157). Наконец, обязательство возместить уплоченные за льготные годы миром государево тягло и мирские поборы также служило для крестьянина, совершающего ряд, сдерживающим средством: "а буде яз Девятой не почну к тому повытью хоромы ставити и примещлять и без жилца покину, и мне Девятому отдать в мир за те лготные годы" (158).

По своему юридическому характеру, все эти порядные являются актом односторонним. Сущность его обязательство поступить "во крестьяне". Этим актом отнюдь не определяется, как то делается в договоре, взаимные права и обязанности. Эти права и обязанности определяются уже самым фактом, что порядившийся становится монастырским крестьянином. С момента его поступления в монастырские крестьяне он оказывается совершенно в том же положении, что и прочие крестьяне, и всякое изменение в их положении распространяется и на него. Все содержание порядной этого типа сводится к обязательству данного лица вступить в монастырские крестьяне. Указывается срок, когда он должен поступить; если дается льгота, определяется срок, с которого он должен будет нести обязанности, связанные с его положением крестьянина. Главная же цель порядной — связать лицо, совершающее порядную, не дать ему возможности уклониться от поступления в крестьяне. Отсюда угроза неустойкой на случай "а пойду воп", "учну на стороне во крестьяне рядитца". "за кого заложимся или порядимся". Отсюда же и угроза всякими другими платежами на случай неисполнения обязательства.

Появляются эти порядные к концу XVI в., когда начинается борьба с крестьянским выходом. Это одно из проявлений частной инициативы в борьбе с этим выходом. Вряд ли этого сорта порядные могли дать большие результаты. Расселенные на больших пространствах рассеянных монастырских земель, крестьяне могли легко сниматься с места и уносить даже с собою свои пожитки. Розыски же ушедших крестьян и в последующем давали очень малые результаты. Изобретается поэтому другое средство, направленное на ту же цель, т. наз. поручные. Ответственность за вступление данного лица в монастырские крестьяне принимают на себя третьи лица, иногда совсем к крестьянству не принадлежащие. В одной поручной 1591 г. ручаются девятнадцать человек, в том числе монастырский старец, священник и т. д. "Поручилсь есмь Кирилова монастыря слуге Ло-

(157) АЮ 196 1 (1630).

(158) Акты Холм. епарх. СЕХIV (1649).

скова села приказщику... по крестьянине по Ефреме по Одрееве сыне в том, что ему жити за нашею порукою в Лозе, в селе Онтушеве на полях, земля пахати и двор строити, новые хоромы ставити и старые починивати, а не збежати. А не учтет он за нашею порукою за Кириловым монастырем жити и земли пахати и двора ставити или с пашни збежит, ино на нас на поручниках по сей записи десять рублей" (159).

Как мы видим, юридический характер возлагаемых в таких поручных на крестьянина обязательств совершенно тот же, что в обычных порядных. Но ответственность за исполнение обязательств несут третьи лица. В поручной 1615 г., данной Троицкому Казанскому монастырю, десять лиц ручаются за трех: "жити им за нашею порукою за Троицким Сергиевым монастырем во крестьянех", и размер неустойки "на поручниках" определяется в сто рублей (160). В тринадцать дошедших до нас поручных Спасскому Прилуцкому, Федоровскому и др. монастырям от 1585 до 1665 гг. (161), мы находим поручительство и за вновь поступающего крестьянина "в том, что он порядился Спаса Прилуцкого монастыря в вотчину, во крестьяня...", и за крестьянина, который вернулся "в старой своей жеребей", и за поселившегося "на пустом жеребею", и на взявшем "жеребей у крестьянина Алексея Титова".

В дальнейшем мы увидим, что во второй четверти XVII в. принцип свободного крестьянского выхода оказывается уже не только поколебленным сложившейся практикой и законодательными мероприятиями, но начинает уступать место противоположному принципу — началу крестьянского прикрепления к земле. Соответственно с этим в порядных появляется новый мотив. "Се яз Иван Васильев сын Изборянкин, Спасского Мирожского монастыря старинной бобыль, порядился есмь тогож Спасского Мирожского монастыря за игумена Александра с братнею во крестьяне в спасскую вотчину, в Изборский уезд, в Сенне на Игнашков участок... А взойти мне в ту деревню на срок на Благовещеньев день нынешнего 137 году жити во крестьянех. А нечто я Ивашко" (предусматривается неисполнение обязательства) "или с той мирожской вотчины во дворец или за архиепископа, или за дворян и детей боярских, или за монастыри, или за церкви во крестьянство и в бобыльство сойду или збеку... и в том... денег 5 рублей московских". До сих пор со-

(159) Дьяконов, 1 1 (1591).

(160) Там-же 2 (1615), стр. 8 (1628).

(161) АЮ 290 П, V, X, XI и др. (1585-1665).

держание документа нам уже знакомое. Но дальше идет нечто новое: "а яз во крестьянстве Ивашко по сей записи в Мирожской монастырь крепок, где я ни учну жити, волю меня в мирожскую вотчину вывезть" (162). Или, как сформулировано в другой подобной же порядной: "а впредь я Лучка по сей записи Мирожскому монастырю во крестьянстве крепок, волю им мене, где сыщут, в свою вотчину взяти" (163, 164).

При изучении процесса прикрепления крестьян к земле мы увидим, что и это средство оказалось недостаточным, и в практику вошли порядные с ссудными записями и с крепостной оговоркой. Люди начинают продавать себя в крестьяне, как продавались в холодство.

Мы видим: эти различные акты, подводимые обычно под одну категорию крестьянских порядных (165), все имеют одно юридическое содержание — обязательство крестьянина не покидать монастырской земли, — но употребляют для достижения этой цели различные средства. Все они были порождены стремлением монастырей бороться с крестьянским выходом и являлись продуктом новых социальных условий, сложившихся к концу XVI в. Учение (166), по которому эти акты были лишь воспроизведением в письменной форме тех соглашений, которые совершались в течение столе-

(162) Дьяконов 1 13 (1629).

(163) Там-же 14 (1629).

(164) Дьяконов, в своем перечне прежде появившихся порядных — см. выше, прим. 146 — и в указателе к изданным им актам различает «порядная крестьянина» и «порядная (ссудная) во крестьяне». Очевидно, он вкладывает в выражение «во крестьяне» особый юридический смысл, придающий первой другой юридический характер, в смысле позднейших ссудных.

Это неточно. Выражение «порядиться во крестьяне», мы находим уже в более старых порядных, где не только нет еще идеи крепости к земле, но где прямо предусматривается выход. Последний влечет лишь обязательство возместить убытки. — См. АЮ 180 (1578), Дьяконов I (1615); АЮ 194 (1626); 196 I (1630); 290 II (1608). Здесь можно было бы говорить о порядных неустоечных.

(165) Относительно еще одной категории актов, принадлежащих тоже к периоду от второй половины XVI до конца XVII в.в., и относимых обычно также к разряду крестьянских порядных, срочных договоров крестьянской аренды монастырской земли, см. ниже, в гл. VI.

(166) Наиболее определенно сформулировал это мнение Владимирский-Буданов: «Отношения переходных поселенцев к землевладельцу определялись частными условиями между ними... Условия в древности, конечно, были словесные, но с XVI в. начинают преобладать письменные (более в интересах землевладельцев)». Обзор, стр. 139. По существу так же Сергеевич, 1, стр. 213, стр. 111, стр. 160; Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Моск. Госуд., 1898, стр. 131 сл., стр. 41 сл.

тий в устной форме, отпадает само собою. Разрешается и недоумение, вызываемое господствующим учением: каким образом могло случиться, что исторические свидетельства о столь существенном явлении хозяйственной жизни появляются только по истечении нескольких столетий, тогда как для других явлений того же юридического порядка мы имеем свидетельства гораздо более ранние.

VIII.

Если отбросить эту историческую aberrацию, не остается не только никаких оснований, но и никакой возможности свести отношения монастыря с его крестьянами к договору аренды или, вообще, к какому бы то ни было договорному соглашению.

Отношения эти выливались всегда в определенную, типическую форму. Каждый крестьянин данного села находился в том же положении, что все прочие. И права крестьянина на земельный участок, и его обязанности по отношению к монастырю автоматически возникали из того факта, что он оказывался на монастырской земле, и возникали в тот самый момент, когда он оседал на своем участке или его участок оказывался во владении монастыря. Случилось ли это потому, что крестьянин сажился на монастырскую землю, или потому, что земля, на которой крестьянин уже сидел, покупалась монастырем, ему жаловалась или жертвовалась, не составляло никакой разницы. В том и в другом случае применялись исторически твердо установившиеся формы отношений, возникали одинаковые обязанности крестьянина по отношению к монастырю. От воли крестьянина зависело только, стать ли монастырским крестьянином, или перестать им быть, уйдя с монастырской земли. От воли монастыря зависело лишь, допустить ли крестьянина осесть на монастырской земле. Но согнать его монастырь своевольно уже не мог. Никакого места для индивидуального определения условий и отношений не оставалось. Даже предоставленные льготных лет для вновь поселяющихся крестьян входило в эти установившиеся формы отношений. Изменение, в пределах сложившихся юридических отношений, экономических условий возможно было с общего согласия монастыря и крестьян. Очень характерна, в этом отношении, договорная запись от 1458/72 г. между Новгородским Юрьевым монастырем и крестьянами Робицанской волости. Пошлины, платимые до сих пор, заменяются единым хлебным оброком: "давати им уны в житницу 30 коробей ржи, 30 овса в пра-

вую меру в новгородскую. А возити им самим тот хлеб в монастырь святого Георгия". В конце добавляется: "а не почнуть христиане управляться в тех усах и в тех пошлинах, ино уведается с ними архимандрит и поны и чернецы по старым по княжим грамотам и по новгородским". Изменение вводится условно. Если оно окажется непосильным для крестьян, предусматривается возвращение к старым пошлинам, установленным, повидимому, еще в те времена, когда Робицанская волость не была еще монастырской ("княжеские грамоты и новгородские").

Уже самый характер права крестьянина на принадлежащий ему участок ярко свидетельствует, что источник его происхождения надо искать не в договоре с монастырем. Право это, как мы видели, есть право вещное, лежащее на самой земле. Крестьянин самостоятельно защищает его против всякого третьего лица, но также и против монастыря. В этом последнем случае дело изымается из юрисдикции монастыря и подведомственно суду самого князя. Даже когда крестьянин не выполняет своих обязанностей по отношению к монастырю, последний не может самовластно лишить его земли, а должен обратиться к князю. Крестьянин может свободно распоряжаться своим участком, может отчуждить его. Совершенно невероятно, чтобы монастырь по договору предоставлял крестьянину такие правомочия, делающие крестьянина в значительной степени независимым от монастыря.

Право крестьянина на его участок есть право вещное. И это право самостоятельное, не производное от прав монастыря. Оно возникает не в силу какого либо акта монастыря, а из того факта, что крестьянин трудится на этой земле. Оно носит совершенно тот же трудовой характер, что право черного крестьянина. И исторический источник его происхождения тот же. Покуда крестьянин трудится на земле, право его неприкосновенно. Он может распорядиться своим участком, но только посадив за себя "жилица", такого же крестьянина, как он. Если он покидает свой участок, не оставив заместителя, он теряет на него всякое право. "По грехом, кому не поживется и похочет уйти из волости вон, а купца на его жеребей не будет", участок оказывается в полном и свободном распоряжении монастыря.

Отношения монастыря и крестьянина, сидящего на этой земле, определяется тем обстоятельством, что крестьянин человек тяглый. Отсюда вытекает, что, сидя на земле, крестьянин обязан тянуть тягло. Исторически это тягло в пользу князя. Но когда земля

оказывается в руках монастыря, в силу ли пожалования князя, что является первичным фактом, или приобретения с согласия князя, князь часть тягла уступает монастырю. В этом основной смысл предоставления земли монастырю. Мы видели, что процесс этого распределения тягла между князем и монастырем был длительным историческим процессом. Рядом с правом крестьянина на землю на эту же землю возникает другое право, право на извлечение дохода с земли в форме права на часть тягла с крестьянина. То, что связывает крестьянина с монастырем, это земля. Крестьянин имеет право трудиться на этой земле, монастырь — извлекает доход из этого труда. Кроме этой связи по земле никаких других юридических отношений между монастырем и крестьянином не существует. Крестьянин свободен уйти с земли, в течение почти всей изучаемой эпохи, безо всяких ограничений, и тогда всякая его связь с монастырем прекращается.

То обстоятельство, что князь передает монастырю известные судебные и административные функции по отношению к крестьянину, ничего в этом основном факте — отношения по земле, как единственная база юридических отношений между монастырем и крестьянином — не меняет. Предоставление монастырю суда над крестьянами в их делах между собою влечет для крестьян замену в роли судьи княжеских агентов игуменом или его "приказщиком". С точки зрения теоретической это несколько не меняет юридического положения крестьянина. Но и практически, по крайней мере, в эту эпоху, это могло пойти крестьянам только на пользу. На место людей посторонних, "начальства", становились люди, прямо заинтересованные в благосостоянии крестьян. Возможность лишиться, при уходе крестьянина, работника, оставить землю необработанной, заставляла относиться к крестьянину возможно бережно. Организация смешанного суда, при наличии в процессе постороннего человека, когда представитель монастыря, естественно, был склонен брать сторону своего крестьянина, особенно подчеркивала выгоду для крестьян передачи суда монастырю. Тогда же, когда сталкивались права крестьянина и права монастыря, судебная власть монастыря кончалась — дело шло к князю.

Передача в руки монастыря различных административных действий по регистрации всякого рода сделок, браков и т. п., со временем при этом пошлин, имела еще более нейтральный характер. Трудно предположить, что поборы эти были тяжелее, нежели считающиеся княжеским агентам. И здесь крестьянину было легче

иметь дело с близко к нему стоящим человеком, нежели с посторонним агентом власти.

Лишь впоследствии, когда право крестьянского выхода подверглось сначала ограничениям, а затем и совсем отпало, судебно-административные функции монастырей стали по отношению к крестьянам орудием власти. В более отдаленном будущем они послужили средством создания крепостной зависимости крестьян.

Оценивая в целом положение монастырских крестьян, мы должны признать, что с юридической стороны оно вполне было уравнено с положением черных крестьян. То же самое нужно сказать и об экономической стороне. Единое, у черных крестьян, тягло распалось только у монастырских на две части, княжескую и монастырскую. Если бы было иначе, то при праве крестьянского выхода не осталось бы или черных, или монастырских крестьян.

Так право свободного выхода было в рассматриваемую эпоху регулятором и для правового, и для экономического положения крестьян.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОЧИЕ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ (1)

I.

В жалованной грамоте Успенскому Изосимину монастырю на реку Сестру в. к. Василий Иванович пишет, со свойственной древним актам склонностью к исчерпывающему перечислению: «И на ту реку к ним мои Великого Князя сельчане, и митрополичи, и владычни, и Княжие, и боярские, и монастырские, и черные и все без омены, чей кто ни будь, рыбы ловить не ходит... и лесу по той реке не секут» (2).

Здесь, рядом с крестьянами черными и монастырскими, названы еще пять разрядов крестьян: личные великого князя («мои»), митрополичи, владычни, княжи и боярские. Это все крестьяне, сидящие на землях разных владельцев, самого великого князя, митрополита, епископов, прочих князей, служебных и бывших удельных. В ту эпоху уже сливающихся в одну группу (3), и т. наз. боярских.

Можно было бы предположить, что эти пять разрядов крестьян представляли, рядом с крестьянами черными и монастырскими, значительную группу крестьян. Чрезвычайная скудость актового материала, к ним относящаяся, по сравнению с материалом, касающимся крестьян черных и монастырских, стоит в резком противоречии с подобным предположением.

(1) Обозначение «крестьяне владельческие», не только не является, в противоположность выражениям «крестьяне черные», «крестьяне монастырские», аутентичным, заимствованным из источников, но не может даже, для рассматриваемого периода, претендовать на значение термина, имеющего юридическое содержание. Оно заимствовано из гораздо более позднего периода. Оно допустимо лишь, как обозначение всех крестьян, с монастырскими включительно, в противоположность черным.

(2) АГР 49 (1539).

(3) См. Разд. 2-й, гл. 3-ю.

Есть ли это только дело случая, недонесшего до нас соответствующих актов, или основания лежат в сравнительной незначительности, по количеству, этих групп крестьян, по сравнению с черными и монастырскими?

Все говорит за это последнее предположение.

Прежде всего, не подлежит сомнению, что количество черных земель не только в более древний период, но и в течение изучаемой нами эпохи неизмеримо превышало земли всех других категорий. Мы увидим, что к черным землям относились все земли в пределах данного княжества, никем незанятые. Оседающие на них крестьяне становились крестьянами черными. Так как незанятые земли все были черными, то прирост населения, естественно, шел на пользу черным землям. Черными были и все окраинные земли, и при наличии права свободно переходить с места на место, эти окраинные земли должны были особенно привлекать крестьян, стремившихся жить подальше от властей, прежде всего, податных.

Эти же условия способствовали отчасти и заселению крестьянами монастырских земель. Мы увидим, при изучении монастырских земель, что монастыри основывались часто на пустынных, следовательно, черных землях, и крестьяне оседали вокруг них. Князья обыкновенно жаловали эти земли монастырям, узаконяя таким образом фактическое состояние. Часто князья жаловали черные земли старым монастырям, расположенным в центре.

Но и независимо от количества земель черных и монастырских, было и другое обстоятельство, определившее большее количество черных и монастырских крестьян по сравнению с другими разрядами.

Черные земли обрабатывались исключительно крестьянским трудом, монастырские, если оставить в стороне труд самих черноцов, во всяком случае, очень ограниченный, по всем вероятностям, также. В ином положении были владельческие земли, и, прежде всего, та категория земель, которую, следуя терминологии в. к. Василия Ивановича, надо обозначать именем «боярских». Мы увидим при изучении этих земель, что под это понятие подводились не только земли бояр в тесном смысле слова, т. е. «лучших» служилых людей, но и боярских детей и, вообще, свободных ^инаемных людей, выражаясь современным языком, все частно-владельческие земли. Здесь было главное поле применения несвободного труда.

Холодство есть исконное явление русской истории, корнями своими уходящее вглубь истории. Главной сферой применения хо-

лошского труда было сельское хозяйство. В этом можно убедиться уже из чтения более поздних источников. Еще в писцовых книгах конца XV в. мы находим на каждом шагу: “Д. Затки: дв. Сенка, дв. Филатка Ушаковы люди, а христианин дв. Степанко”: Крестьяне противопоставляются “людям”, “холопам”. “Дв. Митни. а людей его три дворы, три человеки, а христианских дворов пятнадцать”. “Дв. княжой, да дв. челяденной, а людей три дворы, три человеки, а христианских дворов...” (4). Здесь крестьяне сидят на земле рядом с холопами. Но чем дальше в старину мы углубляемся, тем вероятнее преобладание на боярских землях труда холопского над трудом крестьянским. Источники дают этому интересное подтверждение. В древнейших известных нам междукняжеских договорах для обозначения боярских земель употребляется выражение “село”. “А в Бежицах, Княже, тебе, ни твоей Княгыни, ни твоим Бояром, ни твоим Дворяном сел не държати, ни купити, ни даром примати...” (5). Или: “а тебе... в моемъ уделе сел ти не купити, ни твоим Бояром” (6). Село же это поселение самого боярина с его дворней, его холопами. Когда началось заселение боярских земель крестьянами, их участки, деревни, тянули к этому селу, как центру. Отсюда выражение писцовых книг: “деревни к селу”.

Наконец, последний фактор, который отразился на количестве крестьян, сидевших на боярских землях, было наличие среди частного землевладения мелких хозяйств. Об этом свидетельствуют льготные грамоты, среди которых мы находим, в XV в., ряд грамот владельцам одной или двух деревень (Злобе Львову, Ивашке Глядичеу, Гриде Стенанову и т. д.) (7). О том же рассказывают и правые грамоты (8).

Таким образом, для изучаемого периода количество крестьян владельческих, рядом с черными и монастырскими, незначительно. Этим, прежде всего, и должно быть объяснена крайняя скудость относящихся к ним источников (9). Положение начало резко изменяться для служилого землевладения с момента, когда идея служ-

(4) НПК 11 (ок. 1494), стр. 8, 21, 63 и т. д.

(5) ГГД 1 1 (1265).

(6) Там-же 27 (1362, ср. 33 (1388) и др.

(7) АЭ 1 11 (1484); 120 (1487); 132 (1495); 379 (1484).

(8) См., напр., АЮ 19 (1532).

(9) Все вышеизложенные соображения не касаются крестьян, сидевших на землях, принадлежащих владетельным князьям. Количество их было значительно. Здесь скудость известий, относящихся к сидящим на этих землях крестьянам, объясняется иным условиями. См. об этом Разд. 2-й, гл. 3-ю, § 1 в конце.

бы земли влечет за собою перестройку всех земельных отношений. т. е., уже за пределами изучаемого нами периода.

В настоящий момент мы должны постараться извлечь из имеющегося скудного материала все данные, относящиеся к характеристике правового положения крестьян каждого из этих разрядов, чтобы определить, по возможности, отличалось ли чем либо и в чем именно их положение от положения крестьян черных и монастырских.

II.

Мы начнем с того разряда крестьян, который в к. Василий Иванович определяет, как “мон Великого Князя крестьяне”. Это были крестьяне, сидящие на землях, которые князья почитали своими лично, в отличие от черных земель. Земли эти это села, которые получили наименование подклетных, а впоследствии дворцовых. Выяснить сущность различия их от черных земель и характер отношения князя к тем и другим мы сможем, лишь исследуя вопросы землевладения. Там же может быть освещено различие этих крестьян и крестьян черных, в смысле бытовом и хозяйственном. Здесь же мы остановимся лишь и вопросе о правах крестьян на землю.

До нас дошло несколько грамот с упоминанием подклетных сел. По странной случайности часть их, растянутая почти на полстолетие, относится к одному и тому же селу, селу Борисовскому в Володимирском уезде. Отчасти объясняется это тем, что село было очень, по тому времени, значительное. В дошедшем до нас списке с сошной грамоты указано, что в селе “двор Царя и Великого князя, а живет в нем посельской... а крестьянских дворов в нем...” и указано 199 дв. (10).

“Тягалися Великого Князя крестьяне из Володимирского уезда Борисовского села подклетново староста и во всех крестьян место с старцем Спасского монастыря...”, читаем мы в правой грамоте 1542 г.: “То, господине луг... Великого Князя к селу Борисовскому, а косят, господине, ево хрестьяне Великого Князя Борисовского села” (11). Дело здесь идет о земле великого князя, находящейся во владении крестьян Борисовского села. Они считают свои права нарушенными Спасским монастырем и сами защищают свои права в суде.

(11) Там-же 56 (1542), стр. 91.

(10) АГР 83 (1585), стр. 232.

Они же отвечают в спорах, касающихся занимаемых ими земель. Чрез восемь лет после только что упомянутого процесса при- суждается в пользу Спасско-Еуфимьева монастыря "на всех крестьянх за сено 16 рублей денег доплатити, за копну по две денги" (12).

Таким образом, крестьяне подклетных сел выступают на суде и в роли истцов, и в роли ответчиков, как обладатели самостоятельного права на землю. В соответствии с этим они рассматривают эти земли, как свои, и так же рассматривает и суд. "Почему вы называете те луги на реке Кестме земли Великого Князя Шининского села своих деревень". И крестьяне отвечают: "те, господине, старожилыи землю Великого Князя луги по реке по Кестме Шининского села подклетного наших деревень знают..." (13). Совершенно тот же язык, что мы видели у черных крестьян.

Юридический характер отношения их к Великому Князю, на земле которого они сидят, тот же самый, что у черных крестьян. Крестьяне только что упомянутого Борисовского села "дают, господине, оброк Великому Князю в году на год 5 рублей самой год" (14). Крестьяне вновь присоединенных повгородских земель платили больше (15).

Если прибавить к этому, что правом выхода крестьяне подклетных сел располагали в тех же условиях, что черные крестьяне (16), отпадает всякое основание предполагать, что их правовое положение чем либо отличалось от положения черных крестьян.

III.

Следующая категория крестьян, которую называет в. к. Василий Иванович, это крестьяне церковных владык — крестьяне митрополичьи и владычьи. Сопоставляя это с крестьянами монастырскими, мы видим, что в тогдашнем правосознании эти три группы крестьян не объединялись в одну категорию крестьян церковных, а распределялись по различным церковным установлениям. Мы имеем здесь проявление того факта, что с самого начала воз-

(12) Там-же 67 (1556).

(13) Там-же, 53 (1540).

(14) Там-же, 56 (1542), стр. 91.

(15) См. напр. НИК 11 (1500), стр. 290.

(16) См. пока Уставную Грамоту подклетным селам Переславского уезда — АИ I 165 (1556); подробности в следующей, 5-й гл.

никновения Церкви наша юридическая мысль пошла, вопреки чрезвычайно благоприятным к тому условиям и вопреки канонической догме, не по пути признания имущественной правоспособности Церкви, как таковой, а отдельных церковных установлений.

"Митрополит всеа Руси" был, со времен Владимира Святого, главою Русской Церкви. В изучаемую нами эпоху всякого рода владения, связанные с его именем, были распространены по всей тогдашней России (17). Уже один из древнейших документов, сюда относящихся, обрисовывает разнообразие земельных владений, к которым имел отношение митрополит. Уставная грамота в. к. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (18) начинается с вступления: "Се яз Князь Великий... сед с своим отцем... Митрополитом Киевским и всеа Руси, управили есмь о домах о церковных и о волостех, и о землях, и о водах, и о всех поплинах о дерьковных". Далее определяются взаимоотношения отдельно для трех комплексов земель. Прежде всего, для Луховца и Сенеги, далее, для владений, которые характеризуются: "а что села отца нашего митрополичьи церковныи, которыи даваны издавна и до Олексеа Митрополита..." и, наконец, о монастырях митрополичьих "с селы". Судя по тому, какие вопросы регулируются по отношению к Луховцу и Сенеге, и по способу их разрешения, а также и по противопоставлению их землям митрополита, не подлежит сомнению, что эти две области это — волости, переданные митрополиту в кормление. Источники обозначают их именем митрополичьих волостей (19). У митрополичьих монастырей также свои села.

Это ставит вопрос, с которым нам не пришлось иметь дело по отношению к другим разрядам крестьян: кого имеют в виду источники, когда говорят о митрополичьих крестьянах? Идет ли дело только о крестьянах, тяготеющих к селам митрополичьим церковным, или также и о крестьянах, проживающих в митрополичьих волостях и в селах митрополичьих монастырей?

При изучении митрополичьих земель нам придется подробно

(17) Церковным землям в нашей литературе относительно посчастливилось. Еще в 1862 г. вышла книга, где были сведены все известные тогда источники, касающиеся церковных земель — Вл. Милютин, О недвижимых имуществах духовенства в России. В 1871 г. протоиерей М. И. Горчаков издал обстоятельную монографию: О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988-1738).

(18) АЭ I 9 (1389 или 1404).

(19) Купчая, приведенная в АЮ 12 (1505/11). Купчая эта относится (указание: «тому полчетвертацать лет») к времени митрополита Юны (1449-1461). См. о этих волостях — Разд. II гл. 7-ая § 1.

остановиться на вопросе о митрополичьих волостях. Мы увидим, в этих областях, находящихся в управлении митрополита, имелись не только села самого митрополита, но и земли других владельцев, и земли черные, следовательно, не только крестьяне митрополичьи, но и боярские, и черные. Правда, исследователь митрополичьих земель Горчаков выставил утверждение, что волости эти с течением времени совершенно сравнивались со владениями митрополита. Но, как мы увидим, это совершенно противоречит источникам за все время, пока во главе Церкви стояли митрополиты. Таким образом, никак невозможно подводить под понятие митрополичьих крестьян всех крестьян, входящих в состав митрополичьей волости.

То же самое надо сказать и по отношению к митрополичьим монастырям. И здесь мы увидим, при изучении монастырского землевладения, что поскольку у митрополичьего монастыря являлось самостоятельное имущество, хотя бы полученное им из рук самого митрополита, монастырь становился самостоятельным субъектом права, приобретал юридическую личность, и, следовательно, сидящие на такой земле крестьяне были уже крестьяне монастырские, а не митрополичьи (20).

Понятие митрополичьих крестьян может быть применено лишь к крестьянам, сидящим на землях, которые находились во владении митрополичьей кафедры, во владении митрополита, как такового, на землях, о которых Уставная грамота 1389 г. говорит: "а что села отца нашего митрополита церковные" (21). Подтверждение и иллюстрацию к этому мы находим в льготной грамоте 1504 г. на имя митрополита Симона. Жалуя "его христиан, которые живут в домовных в церковных Пресвятыя Богородицы и Св. Чудотворцев Петра и Алексея и в митрополичьих селех... и в деревнях". в. к. Иван Васильевич прибавляет: "также... в те его села и деревни... мои Великого Князя селчане, и боярские люди и христиане, и монастырские, и иной кто нибудн, на шире незваны ездят" (22). Здесь крестьянам митрополичьим противопоставляются не только крестьяне Великого князя и боярские, но и монастырские, вообще, безо всяких оговорок или изъятий.

(20) См. Разд. II, гл. 6-ю, § II.

(21) Митрополит мог владеть селами и в митрополичьей волости. Запрещение в грам. 1389 г. митрополичьим боярским детям, очевидно, на самого митрополита не распространялось, а, может быть, впоследствии вообще отпало. Во всяком случае, в начале XVI в., мы находим митрополичьих крестьян в митрополичьей волости — АЮ 12 (1505/11).

(22) АЭ I 139 I (1504).

Непосредственные свидетельства о правовом положении этих крестьян, сидящих на митрополичьих землях, бедны. Из дошедших до нас правых грамот и судебных списков мы узнаем, что митрополичьи крестьяне, подобно прочим разрядам крестьян, совершенно свободно выступают на суде для охраны своих прав на землю и в качестве истцов, и в качестве ответчиков. Некий Гаврилко жалуется, что митрополичьи крестьяне захватили его деревню Васильевскую (23). Между митрополичьими крестьянами Юрьевского уезда и крестьянами некоего Чудинова идет суд по поводу захвата разных земель (24). При размежевании земель крестьяне являются стороной. "Розвели митрополичьи христиане землю Щеглятевскую с Горяиновой землею Елдегина..." (25, 26).

Эти, хотя и скудные, данные свидетельствуют с несомненностью о том, что митрополичьи крестьяне обладали по отношению к земле тем же правом, что крестьяне монастырские или черные.

Богаче матерьял, относящийся к повинностям, лежащим на митрополичьих крестьянах.

Уже из упомянутой выше Уставной грамоты, выработанной совместно в. к. Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном, видно, что задача, которая должна была быть разрешена при этом, была та же, что и по отношению к монастырским крестьянам: распределить между князем и митрополитом крестьянское тягло, крестьянские повинности. Однако, метод, который был при этом применен, оказался сразу же иным. По отношению к монастырям это был длительный процесс произвели разграничение между тяглом, остающимся за князем, и повинностями, которые крестьяне должны были нести на монастырь. В грамоте 1389 г. (26а) это разграничение было сразу же установлено соглашением между князем и митрополитом. Соглашение касалось всех владений митрополичьей кафедры, а не производилось от случая до случая: "а что села отца нашего митрополита церковные...". В том и в другом пункте сказалось то высокое положение, которое занимал митрополит. По существу, были формулированы принципы, которые должны были

(23) АЮ 12 (1504/11).

(24) Там же, 17 (1525).

(25) АЮБ II 153 I (нач. XVI в.).

(26) От позднейшей эпохи мы имеем свидетельство о заключении патриаршими крестьянами мировой сделки относительно земли — там же II 155 IV (1609).

(26а) АЭ I 9 (1389 или 1404).

определить раз навсегда взаимоотношения в этом вопросе. "А на тех селех данщику и белщику моему Князя Великого не быти, а дань имати с тех сел в выход по оброку, по моей грамоте Великого Князя по оброчной... а ям по старине шестый день; а коли мои села, Князя Великого дадут тогда и митрополичи дадут... А коли дань дати в Татары, тогда и оброк дати церковным людям...". Линия разграничения проходит там же, где и для монастырских крестьян. Князь сохраняет за собою только дань и ям. Но детали и здесь различны. То и другое, которое именуется здесь для митрополичьих крестьян "оброком", дается "наыход", т. е. собирают митрополичьи агенты. Характерно, что великий князь приравнивает митрополичьих крестьян не к черным или монастырским, а к своим личным: "которые мои села Великого Князя дадут...". Татарская дань и здесь оказывается "пеминучей", падающей на всех без изъятия.

При таком определенном положении отпадала необходимость в дальнейшем льготных грамот. И, действительно, таких льготных грамот митрополичьей кафедре мы находим очень мало, и те вызваны желанием предоставить еще дальнейшие облегчения ввиду тех или иных исключительных обстоятельств. В. К. Василий Васильевич "отца своего для Ионы Митрополита" пожаловал христиан его Всеславского села, "что де погорело у них село все, не осталось ни кола, опричь митрополича двора. А аж будет так, ино не надобе моя великого князя дань на два года" (27). Крестьяне освобождаются от той дани, которую нормально они платят князю. Также освобождение от дани на срок предоставляется и крестьянам нескольких митрополичьих сел Юрьевского уезда, так как "те села церковные опустели от татар да от потугов не по силе, люди де разошлись по иным местем, а живущих людей осталбсь мало" (28). Позднее, в. к. Василий Иванович, давая распоряжение, чтобы "на веземском яму" ямская повинность, которая, вообще, лежала на митрополичьих крестьянах, взималась "с своих великого князя сел, что за помещики, и с митрополичих, и с боярских, и с монастырских и всех без отмены, чей хто нибуди", устанавливает: "а с митрополичих бы есте сел с Голенищева и с деревень подвод и проводников не имали" (29).

(27) Горчаков, Прил. стр. 14 III (1460). Такая же льгота АЭ I 63 (1460).

(28) Горчаков, стр. 15 V (не позже 1461).

(29) Там же, стр. 26 XIX (1526) ср. стр. 25 XVIII (1523), где речь идет об освобождении села «делать город».

По совершенно особому юридическому основанию была дана льгота и в. к. Василием Дмитриевичем в 1421 г. Мы увидим, при изучении черных земель, что отчуждение их лицам нетяглым требовало разрешения со стороны великого князя. Такое разрешение и дает великий князь: "ослободил есми отцу своему Фотию, митрополиту Киевскому и всеа Руси, купити на Талше деревню Яковльскую волостную". По этому поводу он не только распространяет на вновь приобретаемую землю режим, установленный для всех митрополичьих земель, но дает для вновь призываемых "из иных княжений" крестьян льготу — освобождает этих крестьян на 10 лет даже "от дани и яму" (30). Льгота эта подтверждается последующими великими князьями (31).

Мы видели, при изучении монастырских крестьян, что освобождение их, в силу княжеских грамот, от разных форм тягла сопровождалось и освобождением от поборов, связанных с судебными и административными действиями, которые тем самым пореходили в руки монастыря. Само собою разумеется, ввиду положения, занимаемого митрополитом, что то же самое имело место и для митрополичьих сел. О митрополичьих владениях, расположенных в митрополичьих волостях, говорить не приходится. Там осуществление судебно - административных функций принадлежало, вообще, митрополиту, как наместнику князя. Уставная грамота 1389 г. прямо говорит о волостелях и доводчиках митрополита. Для прочих земельных владений митрополичьей кафедры переход судебно - административной власти в руки митрополита не мог подразумеваться сам собою. Для этого необходим был акт княжеского пожалования. И нет сомнения, что такое пожалование имело место по отношению ко всем митрополичьим селам. До нас дошел ряд относящихся сюда грамот. Анализ их вскрывает картину, совершенно схожую с той, с которой мы ознакомились при изучении монастырских крестьян. Отправной пункт тот же самый: "а наместници наши волоцкие и волостеля тамошние и их тиуны тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоа с поличным, а ведает и судит отец наш Симон митрополит всеа Руси тех своих людей сам во всем или кому прикажет". И все остальное построение тождественно (32). Изъятие из митрополичьей юрисдикции делается для одного душе-

(30) АЭ I 20 (1421).

(31) Горчаков, Прил. стр. 13 II (1456).

(32) Горчаков, Прил. стр. 16 V (не позже 1461); 23 XVI (1504); АЭ I 23 (1425); 139 II (1504) и сл. прим.

губства или для душегубства и разбоя с поличным (33). Если дело идет между митрополичьим крестьянином и посторонним человеком, на сцену выступает "смесный" суд. При этом соблюдается общий принцип: "а прав ли будет, виноват ли митрополичий человек, ино ведает его митрополичь судья и в правде, и в вине" (34).

Более характерен и для нас более существенен тот факт, что из юрисдикции митрополита изъемаются, так же, как мы то видели для монастырей, все тяжбы, где спор касается митрополичьей кафедры. Неизменно мы находим формулу: "а кому будет чего искати на митрополичем приказчике, ино его сужу яз Князь Великий или мой боярин введенной" (35) Упоминание самого митрополита почиталось, в данной связи, неподобающим, и потому назван приказчик. Таким образом, из митрополичьей юрисдикции изъяты были все земельные споры, с крестьянами ли, или с посторонними людьми. Мы встретим в дальнейшем много примеров тому.

Обычная формула грамот, даваемых на митрополичьи села, вроде "а наместницы мои юрьевские и их тиуны в те села церковные не всылают ни почто... ни становщики не въезжают к ним ни почто, а ведает и судит отец мой Иона митрополит всеа Русии тех людей сам или кому прикажет", с несомненностью свидетельствует, что из веденья княжских чинов изъемятся также и все административные действия, многочисленные в крестьянской жизни, регистрация всякого рода сделок и актов. Все это "ведает" митрополичий приказчик.

Рядом с митрополичьими в грамоте в. к. Василия Ивановича названы крестьяне владычни. Что архиепископы и епископы владели с древнейших времен землями, с доказательствами тому мы ознакомимся при изучении их земель. Что это продолжалось в течение всего изучаемого нами периода, о том свидетельствуют постановления двух Соборов конца XVI в. Там же засвидетельствовано, что на этих землях сидели крестьяне. Но никаких абсолютно непосредственных сведений об этих крестьянах источники нам не дают. Конечно, имеются все основания предположить, что правовое их положение было

(33) Горчаков, Прил. стр. 16 V (не позже 1461); 17 VI (1463) 26 XX (1527); 28 XXI (1528); АЭ I 139 II (1504). Насколько мы могли проследить, татьяба, обыкновенно, не изымалась из митрополичьей юрисдикции. Исключение в грамоте Ивана Грозного 1565 г. — Горчаков, Прил. стр. 30 XXII.

(34) АЭ I 23 (1425); Горчаков, Прил. стр. 16 V (не позже 1461).

(35) АЭ I 139 II (1504); Горчаков, Прил. стр. 23 XVI (1504); 27 XX (1527); 28 XXI (1528) и др.

то же, что и митрополичьих крестьян. Прямым подтверждением этого являются постановления только что упомянутых Соборов. "Что земли Митрополичи, и Архиепископскии, и Владычни, и монастырские в тарханех, и с тех никакие Царские дани и земских розметов не платят..." Затем, и соборное определение: "а всякие Царские дани платить всяким тарханом от священных, и от Бояр, и от Князей с служилыми людьми ровно до Государева указу" (36).

IV.

Остаются только крестьяне княжи и боярские, которых в. к. Василий Иванович называет рядом. Так как великокняжеские крестьяне названы отдельно, то под наименование княжих могли быть подведены только крестьяне, сидящие на землях т. наз. служебных князей. Но в эпоху Василия Ивановича служебные князья и бывшие удельные уже составляли одну социальную группу с боярами, и не только в смысле бытовом, но и политическую, после издания "Государева Родословца", правовую основу. Они были в ту эпоху уже тем, что принято называть титулованным боярством.

Если, при таких условиях, Василий Иванович называет княжих крестьян особо от боярских, то, совершенно несомненно, не по тому, что их права на землю, на которой они сидели, или их юридическое положение были различны. Никакого отношения к праву ловить рыбу на монастырской реке или рубить там лес это не имело. Княжи крестьяне, в сознании великого князя, как, впрочем, и всего тогдашнего общества, составляли особую группу, потому что в историческом процессе эта группа складывалась в иных условиях, нежели прочие разряды крестьян, в частности, боярские. Мы сможем выяснить и проследить этот исторический процесс только в связи с изучением земель служебных князей (37).

Но и понятие боярских крестьян сложнее, нежели то кажется с первого взгляда. Боярские земли не только земли бояр, в тесном смысле слова, "лучших", наиболее родовитых или заслуженных служилых людей. Уже при самом поверхностном обзоре источников мы убеждаемся, что этим именем обозначались также и земли детей боярских, служилых людей второго порядка. Более углубленное изучение материалов, касающихся боярских земель, с несомненностью,

(36) ГГД I 202 (1584), ср. там же 200.

(37) См. Разд. II, гл. 4-ю.

по нашему убеждению, вскрывает, что эта категория “земли боярские” обнимала земли не только всех служилых людей, “слуг”, без исключения, но и вообще всех свободных людей. Именем “боярских” обозначались, в противопоставление таким обозначениям, как земли князья, монастырские, митрополичьи и т. п., все частновладельческие земли.

Но землевладение неслужилых свободных людей существовало только в форме мелкого землевладения. Землевладелец был здесь в большинстве случаев и земледельцем. Количество крестьян, сидевших на этих землях, могло быть только крайне ограниченным. Да и само свободное неслужилое землевладение исчезает еще в XVI в. В общем и целом, можно сказать, что категория крестьян боярских обнимала по преимуществу крестьян, сидевших на землях служилых людей.

Главным источником нашего осведомления о боярских крестьянах являются княжеские жалованные льготные грамоты. Нам приходилось уже указывать, что по сравнению с льготными грамотами монастырям, льготные грамоты по отношению к боярским землям значительно более позднего происхождения (38). Принять это делу случая, недонесшего до нас соответствующих грамот, трудно. Но, во всяком случае, отсюда нельзя никоим образом делать вывода, что до начала XV в., от которого у нас имеются такие льготные грамоты, крестьян на боярских землях не было. При изучении вопросов землевладения мы натолкнемся на ряд оснований, объясняющих, по крайней мере, в значительной степени, отсутствие более ранних свидетельств.

От первой половины XV в. до нас дошел ряд грамот, относящихся к разным частям тогдашней России и свидетельствующих о поселениях крестьян на землях служилых людей. В начале века ярославский князь Алексей Федорович Брюхатый пишет в грамоте Александру Рудину: “кто в его земле в Онисимле селе и в деревнях, кои деревни истарины потягли к Онисимлю... хто ямет жити его людей и моих людей вольных в тех землях...” (39). Подобные

(38) В жалованной грамоте Ивану Петелину — АЭ I 46 (1450) = Муханов 120 — в. к. Василий Васильевич ссылается на грамоты своих предков, начиная с прадеда своего, Ивана Калиты. В нашей литературе было выставлено утверждение, что грамота Василия Васильевича точно воспроизводит упоминаемые им грамоты. Это, во всяком случае, неверно. Язык этой льготной грамоты гораздо более поздний, нежели начало XIV в. Но возможно даже, что упомянутые грамоты предков были лишь грамоты с пожалованием земли предкам Ивана Петелина, а не льготными грамотами: (39) Юшков, 3 (нач. XV в. — 1463).

же грамоты мы находим для Костромского уезда, для Переяславского уезда, для Рязанского княжества, для Пронского княжества и т. д. (40).

Содержание этих грамот совершенно тождественно с содержанием грамот монастырям: то же регулирование вопроса о тягле, падающем на крестьян, с распределением его на повинности, от которых крестьяне совершенно освобождаются по отношению к князю, и тех, от которых они освобождаются лишь на срок; то же устранение княжеских чинов от вмешательства во внутреннюю жизнь земельного владения; та же вытекающая отсюда передача в руки землевладельца судебно-административной власти с соответствующими сборами (41).

Уже этот факт свидетельствует, что правовое положение боярских крестьян было то же, что крестьян монастырских. Распределение тягла между князем и землевладельцем диктовалось необходимостью дать последнему возможность обложить крестьянина повинностями в свою пользу, как вознаграждение за предоставление ему земли. И здесь право землевладельца выливалось в право извлечения дохода, а право крестьянина — в праве трудиться на земле. Что это право крестьянина и здесь есть настоящее субъективное право, защищаемое в судебном порядке, на то имеются прямые свидетельства. “Тягался Никитин человек Недияк во государей своих в дву Никит Чюлковых... и во крестьян место” (42). Троицкий Колязин монастырь жалуется “на Иванова приказчика Федоровича Воронцова Ольявидовского села... да на Ольявидовских же крестьян... И царь воспроесл...: отвечай! и за крестьян государя своего отвечаешь ли?” (43). Царский вопрос прямо подчеркивает самостоятельное место крестьян в процессе, которое могло вытекать лишь из самостоятельного права. Данилко Рясин с сыном бьют челом “в вотчинке своей на спорную землю”, “на Кириловского монастыря приказчика... да на княж Володимеровы Ивановича Воротынского княгини на Марьяна приказчика... да на их крестьян на Калину на Мосеева с товарищи” (44).

(40) Там же, 4 (1424); 8 (1427/56); 9 (1434); 10 (1441); АЭ I 44 (1449).

(41) Чтобы не дробить изложения, все вопросы, касающиеся льготных и несудимых грамот, по отношению к боярским землям, будут исследованы при изучении боярского землевладения — см. Разд. II, гл. 5-ю, § 5. Здесь же мы коснемся лишь того, что характеризует право крестьянина на землю.

(42) АГР 70 (1557).

(43) Лихачев, XI (1551), стр. 210-211.

(44) АГР 71 (1555/8), ср. АЮ 17 (1525); АГР 58 (1548).

Вся картина правовых отношений землевладельца и крестьянина по земле с полной отчетливостью вырисовывается в одном процессе 1561 г. (45).

Владелец “приданой вотчины” закладывает ее. В кабальной записи (1552 г.) устанавливается, что залогодержатель будет “за рост” “в деревнях жити и пашни пахати и... крестьян ведати и оброк с них имати”. Владелец предъявляет иск к залогодержателю. По его словам, последний “ту мою отчину закладную запустиши и крестьян разгоняя и из деревни из Козина хоромы распродал”.

Владелец, вместо процентов, предоставляет залогодержателю вести то хозяйство, которое он сам вел: пахать пашню, холопами ли, или крестьянами. что в ту эпоху уже практиковалось, а также взимать с крестьян оброк. Очевидно, крестьяне в этой вотчине сидели уже на оброке, а может быть, должны были, сверх того, пахать землю, оставшуюся за самим владельцем. Залогодержатель, по утверждению владельца, своим отношением к крестьянам, “розгоняя” их, т. е., крестьяне предпочли бросить свои участки и перейти на другие земли. Воспользовавшись этим, залогодержатель продал в одной деревне оставшиеся крестьянские постройки. — Тут мы имеем и самостоятельные крестьянские участки, и оброк, который они должны землевладельцу за землю, и право свободного выхода.

Жалованные льготные и несудимые грамоты дают, с своей стороны, яркую иллюстрацию к самостоятельному правовому положению боярского крестьянина. Мы увидим, что судебные и административные функции передаются, в тех же формах и по тем же основаниям, что по отношению к монастырским и митрополичьим крестьянам, из рук княжеских агентов в руки землевладельца. При этом в грамоты включается ограничение, которое является лучшей гарантией охраны прав крестьянина. “А кому будет чего искать на Иване или его приказшике, ино их сужу яз сам, князь великий, или мой боярин введенной” (46). Это “ино их сужу яз сам” есть обычная форма грамот, даваемых землевладельцам (47). Наши авторы склонны видеть в этом особую привилегию, предоставляемую князьями нашим “феодалам”. Подробный анализ грамот покажет, что это постановление мы находим и в грамотах, даваемых самым

(45) АЮБ I 52 VII (161).

(46) АЭ I 46 (1450) = Муханов 120.

(47) Число несудимых грамот, где этого постановления нет (за исключением рязанских с их совершенно особой формой), ничтожно — см. Юшков, 3 и 4, обе грамоты первой четверти XV в.

мелким землевладельцам, самое добавление “или на его приказшике” указывает, что основная цель его изъять из ведения землевладельца споры, где он сам является стороной (48). А это, прежде всего, споры между землевладельцем и сидящим на его земле крестьянином. Благодаря этому постановлению, крестьянин, который почитал свое право на землю нарушенным его землевладельцем, мог прибегнуть к защите самого князя.

(48) Имеется грамота, где это постановление говорит только о приказшике, совершенно умалчивая о владельце — АЭ I 371 (1446). Владелец здесь чернища Анна Федоровна, изъятая, в качестве таковой, из княжьего суда.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВЫХОД.

I.

Изображенные выше черты, общие для крестьян всех разрядов, дают достаточный материал для характеристики правового положения крестьянина в его отношениях к земле, к князю, к землевладельцу. Право самостоятельного хозяйничанья на его участке, право распоряжаться этим участком, самостоятельный характер этого права, защищаемого в судебном порядке против третьих лиц и против самого землевладельца, повинности по отношению к князю, повинности по отношению к землевладельцу, подчинение крестьянина судебной — административной власти землевладельца в точно определенных границах — все эти штрихи обрисовывают фигуру крестьянина в ту эпоху. Но оценить правильно его отношение к земле и к тем лицам, коим эта земля принадлежала, выяснить его социальное положение можно, лишь учитывая то явление, которое принято обозначать именем “крестьянский выход”. Именно оно придает понятию крестьянина в нашем праве столь своеобразный характер, и оно дает возможность понять все дальнейшее развитие крестьянского права и крестьянского вопроса.

Уже в древнейших дошедших до нас документах мы находим указания на крестьянский выход. Жалованные льготные грамоты, драгоценнейший источник для истории поземельного права, все свидетельствуют о нем. Все они говорят о переходе крестьян с одного места на другое. “А к тому кого еще людей перезовет архимандрит из зарубья в отчину нашу, на землю Святое Богородици...” (1). Самое исключение из предоставляемой льготы крестьян, перезываемых из вотчины самого князя, который дает

(1) АЭ I 5 (1361/05); 17 (1410/17); 21 (1423); 28 (1434/47); АИ I 13 (пр. 1402); 25 (пр. 1418); 28 (1425); 36 (1430/56) = Юшков 7 и т. д.

жалованную грамоту: “а кого к себе игумен призовет людей из иного княжения, а не из мое отчины...” (2), есть свидетельство, что такой перезыв в пределах даже одного княжения был допустим. Иногда льгота предоставлялась и этим местным крестьянам, переходящих на новую землю (3).

Из княжеских договоров, которые до нас дошла уже от XIII в., можно также усмотреть, что крестьяне были свободны в своем передвижении. Древнейший из этих договоров, договор 1265 г. между Новгородом и в. к. Тверским Ярославом Ярославовичем, постановляет: “из Бежиць, Княже, людей не выводити в свою землю, ни из иной волости Новгородской” (4). Новгород желает оградить себя от перехода его крестьян на тверские земли, обязывая тверского князя этих крестьян не принимать.

Тот же договор постановляет: “ни закладников примати, ни князем твоим, ни боярем твоим, ни дворяном твоим, ни смерда (5), ни купчины”. В договоре 1270 г. мы читаем: “а что закладников... за тобою, или за Княгынею, или за мужи твоими, кто купец, тот в сто, а кто смерд, тот потягнет на свой погост: так пошло в Новгороде; отпусти всех проць” (6). То, что смерд мог закладываться не у хозяина земли, доказывает, что к земле он не был прикреплен, ибо закладничество могло влечь за собою потерю свободы и оставление земли.

Договор в. к. Дмитрия Ивановича с к. Владимиром Андреевичем от 1362 г., кроме запрещения принимать закладников, содержит постановление: “а которые люди потягли к дворьскому, а черными люди к сотнику, тех ны в службу не принимати...” (7). Черные, тяглые люди могли поступать на княжескую службу, что связано было с оставлением земли.

Договор в. к. Василия Дмитриевича и удельных князей с тверским в. к. Михаилом Александровичем 1398 г. прямо постановляет: “а меж нас людем нашим и гостем путь чист, без рубеза” (8). Также и в междукняжеском договоре 1472 года мы находим: “а людем нашим межн нас вольным воля” (9).

В последующем свидетельстве о крестьянском выходе стано-

(2) АЭ I 17 (1410/17); АИ I 18 (1425) и др.

(3) См., напр., АЭ I 44 (1449); АИ I 13 (1402); = Юшков I 36

(4) ГГД I 1 (1265).

(5) К термину «смерд» для обозначения крестьянина мы вернемся в дальнейшем.

(6) ГГД I 3 (1270).

(7) Там-же, 27 (1362).

(8) АЭ I 14 (ок. 1938).

(9) ГГД I 95 (1472), ср. там же 127 (1496).

вятся, в особенности, в связи с борьбой против этого выхода, и более многочисленными, и более яркими. Эта вековая борьба, сначала землевладельцев, а затем и государства, против выхода дает такие яркие и неопровержимые доказательства исконности, силы и устойчивости принципа крестьянского выхода, что в этом вопросе мы имеем редкий пример единодушия среди русских исследователей: право крестьянского выхода для этого периода нашей истории может почитаться общепризнанным (10). Оно засвидетельствовано всем ходом развития крестьянского права в нашей

(10) Исключение составляет один из новейших исследователей, Самоквасов, издатель ценных документов по истории поместного права, что и заставляет нас остановиться на его мнении. В издании: «Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского Государства XV-XVII ст.», Т. I — 1905 г. Т. II — 1909 г., в глава «Крепостное право древней России по новооткрытым документам» (т. II, стр. 7-26) Самоквасов утверждает «повсеместное отсутствие в удельную эпоху права свободного перехода тяглых крестьян от одного-земледелца к другому» (стр. 8). Опубликованные им документы не содержат абсолютно никаких данных для подобного утверждения. Да Самоквасов и аргументирует не этими документами, относящимися к позднейшей эпохе, а старым общезвестным материалом, вычитывая из него нечто, совершенно отличное от общепризнанного. Исследователь, согласно Самоквасову, упустили из виду, слово «вольным» содержащееся во всех видоизменениях формулы: «а бояром и детем боярским и слугам меж нас вольным воля». Только «вольным крестьянам принадлежало право выхода» (стр. 8). Чичерин говорит о переходе в другое княжество. «Но в такой форме свобода перехода существовала всегда и везде: подданные всякого государства имеют возможность бежать в другое государство» (стр. 9). Статьи Судебника не имеют того значения, которое им приписывается. Здесь Самоквасов оперирует новооткрытыми документами. Из них, по Самоквасову, явствует, что «термином отказ именуется плата за разрешение выхода и вывода крестьян» (стр. 9 и 13). Законов о прикреплении крестьян не было, «ибо в завоевательных государствах земледельческие общины прикрепляются к тяглой земле не законами о прикреплении, а обложением завоеванных общин определенной данью от сохи и двора в пользу завоевателя» (стр. 15). В эпоху Судебника 1497 г. «существовал один разряд крестьян, которому Судебник давал право переходить из волости в волость ... под условием уплаты отказа, пожилого, пощилин ... Только вольные люди, поряжавшиеся в крестьяне - земледельцы по своей воле, имели право перехода, а люди невольные подлежали выдате, как бегдцы». Самоквасов ссылается на ГГД I 127: «а боярам и детем боярским и слугам и крестьяном меж нас вольным воля ... а беглеца по исправе выдать» (стр. 16-17).

Наше отношение к утверждениям Самоквасова выяснится из дальнейшего изложения. Пока же заметим по поводу ссылки на ГГД I 127: помимо вопроса о значении здесь термина «христиане» (см. об этом следующее прим.), если признавать, вместе с Самоквасовым, на основании этого текста, наличие двух категорий крестьян, вольных и невольных, то элементарная логика заставляет признать, что были две категории бояр, бояре вольные и бояре невольные.

истории. Рядом с этим то или иное понимание и толкование текстов может иметь лишь второстепенное значение (11).

Крестьянский выход касался всех без исключения разрядов крестьян. Об этом с полной несомненностью свидетельствуют источники. Чрезвычайно поучительна в этом отношении грамота Ивана Грозного 1555 г. Ему жаловались выборные головы Ржевских черных станов: «сказывают, что деи дети боярские Ржевские, и Псковские, и Лутские, и из иных присудов вывозят за себя во христиане жити наших крестьян из Ржевских из черных деревень, не по сроку во вся дни безпошлинно; а как деи из Ржевских из наших деревень приедут к ним отказщики с отказом в срок христиан из за них отказывати в наши в черные во Ржевские деревни, которые христиане похотят ити жити в те наши в черные деревни, и те деи дети боярские тех отказщиков бьют и в железа куют, а христиане деи из за себя не выпускают, да поймав деи их мучат и грабят и в железа куют, а пожилое деи на их емлют не по Судебнику». Царь приказывает: «велели б есте ему с теми выборными головами... из за тех детей боярских и из за земцов христиан в наши в черные в Ржевские деревни по сроку отказывати; в выход бы есте велели им тем христианом платити по нашему указу» (12). Грамота относится уже к эпохе, когда началась погоня землевладельцев за христианами, сманивание их и борьба владельцев земель, на которых они до сих пор сидели, за их удержание, и когда самый выход был уже регламентирован и в смысле срока, и в смысле уплаты, которые должны совершать выходящие христиане. Царь приказывает только, чтобы соблюдался при выходе законный порядок. Из указа вытекает бесспорно, что, когда «христиане похотят», они имеют право «по сроку» оставить землю, на которой сидели, и перейти на другую, уплатив пожилое по Судебнику. И относится это одинаково к христианам черным, и к христианам частновладельческим.

(11) Это относится прежде всего к цитированной в прошлом примечании фразе из договора в. к. рязанского Ивана Васильевича с его братом — ГГД I 127 и 128 (1496). В то время, как обычно в этом видят доказательство свободы выхода христиан, Струве («Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права Древней Руси», 1929, стр. 76), считает, что здесь слово христианин употреблено в смысле вероисповедном. Логически общепринятое толкование занимает более сильную позицию. Мало вероятно, что рядом с боярами и слугами, в подавляющем большинстве христианами, выражение, охватывающее и этой группы, было употреблено еще раз в вероисповедном смысле.

(12) ДАИ I 56 (1555).

Столь же свободно могут выходить и монастырские крестьяне (13). Уставные монастырские грамоты сами говорят об этом. "А по грехам кому не поживется, и похочет пойти из волости вон, и на том имати похоромное сполна а его выпунцати по сроку", указывает грамота Соловецкого монастыря (14). Вообще, крестьяне выходят "из за князей и из за детей боярских... и из за кого ни буди" (15). Это принцип, который неизменно держится в течение всего изучаемого нами периода.

II.

Право русского крестьянина свободно покинуть землю, на которой он работал, породило крылатое слово о "бродячем населении". Историческая действительность очень мало соответствует подобной характеристике. Земледелец, сидящий на своем дворе, работающий на земле, на которую ему принадлежит определенное и твердое право, не покидает земли без крайней необходимости. В первые века нашего исторического существования, когда была разработана сравнительно незначительная часть свободного пространства, крестьянин, поднявший целину, расчистивший необходимое ему пространство, поставивший свое жилье, крепко держался за свой участок. Мы видели, что старожилы были преобладающей частью крестьянского населения, что семьи, поколениями сидящие на одном и том же месте, были явлением обычным. В свое время мы увидим, что главным элементом для заселения новых земель были крестьянские сыновья и племянники. Да и то, пока можно было расширять занятый участок, ставить починки, запахивать новые места, пока еще "коса не встречалась с косой", рост населения поглощался увеличением числа дворов и расширением разработанных участков. Только катастрофические события, нашествие неприятеля, пожары, неурожай заставляли сниматься с насиженного места. При наличии этих обстоятельств выход представлялся само собою понятным.

Нужно поэтому предположить, что в начальный период нашей истории мысль об ограничении крестьянского выхода не могла даже и родиться.

(13) АЭ I 39 (1446).

(14) Там-же 258 (1561). Относительно похоромного см. следующий параграф.

(15) АИ I 191 (1574) ср. ДАИ I 51 ХХП и ХХIV (1556).

Был ли, по крайней мере, крестьянский выход первоначально как ни будь регулирован?

На этот счет мы можем лишь гадать. Первые известия относительно такого регулирования дошли до нас от сравнительно позднего времени — от середины XV в. Касаются они срока выхода. Здесь впервые выступает знаменитый Юрьев день. Это, конечно, не было изобретением законодателя. Земледелец не покидает своей пашни раньше, нежели соберет урожай. Это всегда приурочивается к концу сельско - хозяйственного года. И сейчас в Западной Европе существует обычай начинать и кончать сельско - хозяйственную аренду 1-го Ноября. Осенний Юрьев день был естественный срок для оставления сельско - хозяйственного участка.

Достопримечательно, что первые дошедшие до нас известия касательно Юрьева дня относятся преимущественно к монастырским серебряникам. Этим именем обозначались крестьяне, получившие от монастыря ссуду, серебро. Около 1450 г. белозерский князь Михаил Андреевич обращается "к наместнику, и ко всем боярам, и детям боярским, и окольныхником, и посельским моим, ко всем без оменки", с грамотой, в которой указывает: "бил ми челом мой игумен Кирилова монастыря, а сказывает, что у него отказывают людей монастырских серебряников, и половников, и рядовых людей и Юрьевских, а отказываете не о Юрьеве дни, иных о Рождестве Христове, а иных о Петрове дни. И вы бы так серебряников, и половников, и слободных людей не отказывали. А отказывали серебряника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит..." (16). Повидимому, Кирило-Белозерский монастырь обращался по поводу несвоевременного выхода не только к белозерскому князю, но и к великому князю, ибо и от него (в. к. Василий Васильевич) имеется подобная же грамота, где говорится о монастырских людях и серебряниках и предписывается отказывать "о Юрьеве дни осеннем да после Юрьева дни неделю". Того же требует великий князь от монастыря: "также и игумен с братьею не отказывают к себе людей по тому ж, а отказывают также о Юрьеве дни да неделю по Юрьеве дни" (17).

Наконец, от того же 1450-го года сохранилась еще одна грамота удельного князя Ферапонтовой пустыни, по тому же поводу. Здесь заслуживает внимание одно обстоятельство. Монастырь жа-

(16) АЭ I 48 11 (ок. 1450). Относительно половников, см. след. главу.

(17) Там-же, 48 III (ок. 1450).

ловался, что у них отказывают, на основании грамоты князя, "половников в серебре" "межень лета и всегда". Князь, в отмену прежней грамоты, приказывает серебряников "от Юрьева дни до Юрьева дни не пускать, а отпускать только за две недели до Юрьев дни и неделю по Юрьеве дни" (18). Значит, незадолго до этого отказ вне Юрьева дня встречал иногда одобрение со стороны власти.

Не будет слишком смелым предположить, что половина XV в. была временем, когда ограничение крестьянского выхода Юрьевым днем начало превращаться из бытового установления в правовую норму. То обстоятельство, что самый срок в вышеприведенных грамотах определяется различно, то в одну, то в три недели, подтверждает это предположение. Вполне естественно, что движение в этом направлении открывается по поводу серебряников, крестьян, задолжавших землевладельцу за данную им ссуду, подмогу. Отказ их до сбора урожая влек для землевладельца полную невозможность получить с них долг. Вполне последовательно князья ставят условием отказа уплату долга. "А коли серебро заплотит, тогда ему и отказ". Великий князь Иван Васильевич уточняет, в грамоте Кирило-Белозерскому монастырю, порядок отказа для серебряников (19). "И которой христианин скажется в их серебре виноват, и вы бы их серебро заплатили монастырское да их христианина вывезите вон; а кто ся скажет монастырю серебром виноват, и вы бы потом монастырю в их серебре давали поруку, по их воли, кого они знают, а тех бы есте ставили передо мною, Великим Князем...".

Ближайшая по времени, к только что указанным грамотам, грамота, касающаяся Юрьева дня, относится также к серебряникам. Вологодский князь жалуется Троицко-Сергиев монастырь, устанавливая для их серебряников на Вологде: "... кто откажет до Юрьева дни или после Юрьева дни, ино тот отказ не в отказ" (20).

В дальнейшем вопрос ставится уже и шире, и на более прочную почву. Об отказе говорят уже для всех крестьян, серебряников или нет, и устанавливается санкция за нарушение правила об Юрьеве дне. Троицко-Сергиев монастырь жалуется в к. Ивану Васильевичу, "что де из их сел из монастырских, из Шухобальских, вышли крестьяне сей зимы о Сборе". Великий князь пишет: "дал

(18) Там-же 48 I (ок. 1450).

(19) АЭ I 73 (после 1462).

(20) ДАИ I 198 I (1462/71).

есми им пристава, велел есми их вывести... да посадити их по старым местам, где кто жил, до Юрьева дни до осеннего" (21). По жалобе того же монастыря на ярославского наместника, "что деи у них отказывают людей в мою отчину в Ярославль межю Юрьева дни из их села Федоровского из Нерехты и из деревень", великий князь приказывает: "и яз князь велики их пожаловал, людей есми им из их села из Федоровского и из деревень не о Юрьеве дни отпущати не велел в Ярославское, а хотя хто у них и откажется не о Юрьеве дни, и яз им того вывести велел назад... А хто хочет у них отказаться в мою отчину я Ярославль, и вы бы у них отказывали о Юрьеве дни, неделя до Юрьева дни да неделя по Юрьеве дни, в две недели. А межю Юрьева дни бы есте у них не отказывали никого по сей по моей грамоте" (22).

Как мы видим, определенное правило складывается, но пока в том порядке, который у нас называется административным порядком, порядком регулирования отдельных случаев. Но вскоре тот же самый великий князь превращает сформулированное им конкретное поведение в общую норму. Судебник 1497 г. содержит ст. 57, озаглавленную "О христианском отказе": "А христианом отказыватися из волости в волость, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделя после Юрьева дни осеннего". Статья эта воспроизведена и в Царском Судебнике 1555 года (23).

В только что рассмотренных документах уход крестьянина с земли обозначается словом "отказ". "А коли серебро заплотит, тогда ему и отказ". "А жил, господине, тот Савка в нашой деревне в Захарьинской, да сее, господине, осени отказал из нашеи деревни за Великого Князя в волость" (24). Здесь "отказал" значит "отказался". Но это же выражение употребляется и в старейших известных нам актах в активном смысле, в смысле призывать к себе. "Также и игумен с братьею не отказывают к себе людей по тому ж, а отказывают также о Юрьеве дни" или "что деи у них отказывают людей в мою отчину". Это относится к переманиванию крестьян.

Вряд ли можно предположить, что это словоупотребление есть первоначальное, что уходу крестьянина с земли всегда предшество-

(21) ДАЭ I 83 (1466/78).

(22) Веселовский и Яковлев, Памятники социально-экономической истории Московского государства, 1929, 137 (1471/78).

(23) Ст. 88.

(24) АЮ 6 (ок. 1490), стр. 11.

вало заявление об уходе землевладельцу. Вероятнее даже обратное. Уход бывал неожиданным, а на отдаленных землях и тайным. Упорное употребление этого выражения князьями как будто указывает на то, что они стараются добиться, чтобы уход делался с предварительного предупреждения, отказа самого ли крестьянина, или тех людей, которые потом обозначаются специальным именем “отказчик”: “а как... приедут к ним отказчики с отказом...” (25). Такой отказа, в глазах князя, был необходим, чтобы признать выход крестьянина законным. При “обыске”, расследовании по жалобе на незаконный выход крестьянина, ставятся вопросы: “те крестьяне... сколько давно вышли, о сроке ли о Юрьеве дни и с отказом, или не о сроке, и безотказу и беспошлинно” (26).

Установлением срока для оставления земли и предварительного предупреждения не ограничилось регламентирование крестьянского выхода.

В только что цитированной грамоте 1577 г. по поводу незаконного выхода добавляется еще вопрос: вышли ли крестьяне беспошлинно, или нет. Судебники дают ясный ответ на вопрос, что это за пошлины, о которых идет речь при выходе и вывозе крестьян. Ст. 57 великокняжеского Судебника гласит: “Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А который христианин поживет за кем год и пойдет прочь, и он платит четверть двора; а 2 года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а 3 годы поживет, а пойдет прочь и платит три четверти двора, а 4 годы поживет, и он весь двор платит”.

Эта система Судебника дает некоторое представление о том, как могла возникнуть та пошлина, которая именуется в актах “пожилое”: “а взял на нем пожилого за двор полполтины денег” (27).

Нам приходилось указывать, что, селясь на новом участке, крестьянин первым делом ставил двор. И впоследствии в порядных и поручных предусматривалась обязанность крестьянина ставить двор. В тех случаях, когда крестьянин занимал “пустой” двор, т. е. оставленный прежним владельцем, и находя на участке уже готовый двор, землевладелец считал, естественно, правильным, чтобы крестьянин, если он оставляет вскоре его землю, уплатил ему за пользование результатами чужого труда. Судебник 1497 г., устанавливая пожилое, следовал, конечно, этому обычаю. Царский Су-

(25) ДАИ I 56 (1555).

(26) Дьяконов II 27 (1577) и Описание актов собрания графа Уварова, 1905. 53 (1580).

(27) АЮ 10 (1503).

дебник подымает несколько таксу. Вместо рубля и полтины он говорит “рубль да два алтына”, “полтину да два алтына”. Он указывает и другие пошлины, взимаемые с выходящего крестьянина. “А за повоз имати с двора по 2 алт... А останется у которого крестьянина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба, или с стоячего, даст боран 2 алт.” Судебник добавляет: “а опричь того на нем (крестьянине) пошлин нет” (28).

Это, однако, злоупотреблений со стороны землевладельцев, желающих воспрепятствовать выходу крестьян, не остановило. Мы уже упоминали о делях боярских ржевских, псковских и лутцких, на которых жаловались ржевские крестьяне черных деревень, что они “крестьян деи из за себя не выпускают... а пожилое деи на них емлют не по Судебнику, рублев по 5-ти и по 10-ти”. Царь указывает: “а выход бы есте велели им тем крестьяном платити по по нашему указу” (29). И впоследствии приходится это напоминать (30).

III.

Все изложенные до сих пор меры никак не могут быть рассматриваемы, как направленные против права крестьянского выхода. Они имели в виду лишь поставить этот выход в известные рамки, соответствующие условиям сельского хозяйства, чтобы по возможности меньше нарушать интересы землевладельца.

Но крестьянский выход затрагивал интересы не только землевладельцев, но и самого князя. Крестьяне несли тягло в пользу князя, и князь, естественно, стремились не только не уменьшать количества тяглов в пределах их княжений, но, по возможности, его увеличивать. Это приводит к борьбе князей против крестьянского выхода.

Замечательно, что сила принципа свободного крестьянского выхода была так велика, что долгое время князья не решаются вступать с ним в открытую борьбу. Нужен был полный переворот во всей системе землевладения, в результате мероприятий Ивана Грозного, чтобы они решились на нее. Пока же они действуют общими средствами.

Уже в древнейших договорах Новгорода с великими князья-

(28) Ст. 88.

(29) ДАИ I 56 (1555).

(30) См., напр., АИ I 165 (1556); 191 (1574).

ми и князей между собою мы находим постановления, направленные против переманывания крестьян на земли другого княжения: "А из Бежиц, Княжье, людей не выводити в свою землю, ни из иной волости Новгородской" (31). "А которые... потягли... черными люди к соьскому..., а тех нам не принимати, также и тебе", гласит договор в. к. Василия Дмитриевича и его братьев с к. Владимиром Андреевичем (32). В последующем подобные же постановления встречаются в договорах неоднократно (33). Это, конечно, само по себе не есть ограничение права выхода. Для крестьян ограничивается только фактическая возможность выхода. Соседние уделы для них в этом отношении закрываются (34).

Такой же характер носят и ограничения, включаемые князьями в жалованные грамоты. Но этот раз дело идет уже об ограничении возможности перехода на другие земли в пределах одного княжения. При этом князья хотят удержать на своих местах или все разряды крестьян данной местности, или только крестьян, сидящих на черных землях. Уже Иван Калита в жалованной грамоте монастырю Св. Юрия на Волоце указывает: "а архимариту тяглых людей Волоцких не принимати, также и из очины Князя Великого из Москвы людей не принимати" (35). В последующих грамотах подобная формула в том или ином виде является обычной. "А тутошних людей станowych игумену в монастырь не примати" (36). "А тутошних людей волостных в ту деревню отцу моему Митрополиту не примати" (37). "А моих людей великого князя не примати ему" (38).

Пускается князьями в ход и другое, может быть, более действительное средство, характера экономического. Предоставляя податную льготу монастырям и служилым людям, чтобы облегчить им заселение пустых земель, князь делает разницу между крестьянами, переселяющимися из чужих владений и владений самого кня-

(31) ГГД I (1265), ср. 7 (1305) и 15 (1327).

(32) Там-же 35 (1389).

(33) Там-же 45 (1433); 78 (1451) и 79 (1451).

(34) Насколько мало подобное договорное обязательство «к себе не принимать», может быть рассматриваемо, как ограниченное крестьянского права выхода, видно из сопоставления с договором в. к. Ивана Васильевича с в. к. Рязанским 1483 г.; «а что наши князи Мещерские, которые живут в Мещере и у нас у Великих Князей, и тебе их к себе не примати» — ГГД I 115 (1483).

(35) АЭ I 4 (1338/40).

(36) Там-же, 17 (1410/14).

(37) Там-же, 20 (1421).

(38) АЮБ I 31 I (1391/1425).

ва. По большей части, последние изъемяются из льготы. "А кого к себе перезовут людей из иных княжений, а не из моей отчины" (39) или "из быных княжений, а не из моих волостей" (40) — такие формулы освобождения от тягла становятся почти стереотипными (41). Льготы, конечно, притягивали крестьян. Если одна категория крестьян получала льготу, а другой в ней на той же земле отказывали, то последняя избегала селиться на такой земле. Иногда князья, чтобы и облегчить землевладельцу заселение земли, и, в то же время, сделать это, по возможности, за счет крестьян иных княжений, а не своего, устанавливали разные сроки льготы — более длительную для крестьян извне, и более короткую — для крестьян из своего княжения (42). Таким образом, переселение становится мало привлекательным для местных крестьян.

Нам известно лишь одно нарушение принципа свободного крестьянского выхода. Это две грамоты в. к. Василия Васильевича, данные Троицко-Сергиеву монастырю. Первая из них гласит: "что их села в Оуглечском оуезде, и которые люди от них вышли из их сел в мои села великого князя или в села в мое великое княгынни и в боярские села сего лета, не хотя ехать на мою службу великого князя к берегу, и яз князь великий пожаловал игумена Васьяна з братьею велел есмь те люди вывести опять назад; а которые люди живут в их селех нынеча, и яз князь великий тех людей не велел пущати проч.." (43). Крестьяне, сидящие на землях Троицко-Сергиева монастыря перешли на земли великокняжеские и боярские, но не пожелали ехать "на службу великого князя на берегу". Великий князь распоряжается вывести этих крестьян обратно в села Троицко-Сергиево монастыря.

По изложению в грамоте трудно понять, в чем было истинное основание для отмены в данном случае права выхода. Во всяком случае, это есть уже чистое нарушение принципа свободного крестьянского выхода.

Такое же нарушение мы находим в другой его грамоте тому же монастырю: "что их село монастырьское в Бежицком Верьсе, Присеки и с деревнями.. есмь игумена с бретьею пожаловал: которого их хрестьянина из того села и из деревень кто к себе отка-

(39) Там-же, 31 IV = АЭ I 28 (1434/47).

(40) АЮБ I 31 VI (1441/2).

(41) АИ I 28 (1425); АЮБ I 31 IV = АЭ I 28 (1434/47); АЭ 131 (ок. 1437); АИ I 74 (1462/67); 88 (1479) и др.

(42) АИ I 25 (пр. 1418); АЭ I 21 (1423); Муханов 119 (1429); Юшков 7; АИ I 36 (1430/56); Дьяконов II 1 (1447) и др.

(43) АЮБ I 37 (1455/62) = АЭ I 64.

жет, а их старожилца, и яз Князь Велики тех хрестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому" (44).

Эти изъятия, сделанные в. к. Василием Васильевичем в пользу Троицко-Сергиева монастыря для нескольких их сел, стоит совершенно особняком. В позднейшем, как мы видели из вышеприведенного материала, принцип свободного выхода продолжает действовать нерушимо, ослвященный Судебниками, в пределах установленных правил. На рубеже между изучаемым нами периодом и полным переломом во всех земельных отношениях мы встречаем даже грамоты царя Ивана Васильевича, где не только мы находим применение этого принципа, но даже освобождение (правда, последующее) от установленных ограничений перехода. В 1559 г. царь, по челобитью Кирило-Белоозерского монастыря, пишет на Белоозеро: "Которые крестьяне в Белоозерском уезде выходили из наших из черных волостей в их Кирилова монастыря села и деревни, из за князей и из за детей боярских не в срок без отказа, и выде по нашему заказу, тех крестьян из их Кирилова монастыря сел и деревень из за князей и из за детей боярских выводите назад в наши в черные волости на те же места, где который жил наперед того"... Царь приказывает: "и вы бы тех крестьян, которые выходили из наших черных волостей и не в срок без отказа, из за Кирилова монастыря сел и деревень да из за князей и из за детей боярских в наши черные волости назад на пустые места не выводили, а искали бы есте те пустые места в пусто..." (45).

Мы вправе сказать, что свобода крестьянского выхода сознавалась, в эту древнюю эпоху нашей истории, и самими крестьянами, и землевладельцами, и самою властью, как настоящее право, которое властью охранялось против покушений на него. То обстоятельство, что осуществление этого права с течением времени вводится в определенные рамки, не только не опровергает, но подтверждает его характер, как права (46).

(44) АИ Т 59 (1455/62).

(45) Р.И.Б. II 36 (1559).

(46) Именно в этом лежит ответ на недоуменный вопрос, который ставит Сергеевич в первом томе своих Древностей: «не совсем понятным представляется молчание большинства договорных княжеских грамот о вольном переходе крестьян, составлявшем общее правило», (стр. 208). Выход был не только «общим правилом», но бесспорным правом крестьян. Если междукняжеские договоры касаются вопроса о переходе бояр от одного князя к другому, то это потому, что вопрос тут возникал не о праве боярского перехода, а о судьбе земельных владений бояр, расположенных в пределах княжений, которые они оставляли. Вопрос этот не существовал по отношению к крестьянам. Для них, по самому существу их отношения к земле, уход с земли влек за собою потерю права на эту землю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КРЕСТЬЯНИН, КАК СОЦИЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

I.

Вышеизложенные данные, извлеченные из источников, свидетельствуют о полном тождестве правового положения крестьян разных разрядов в отношении как к земле, так и к владельцам земель, на которых крестьяне сидели. Все крестьяне, не исключая черных, составляли в ту эпоху, с юридической точки зрения, единую нераздельную массу. Лишь за пределами изучаемой эпохи начался тот процесс, который привел, особенно, в течение XVIII в., к дифференциации крестьянства, к образованию различных, по своему правовому положению, разрядов крестьян.

Три черты характеризуют древне-русского крестьянина: это человек свободный, человек тяглый, человек, работающий на земле.

Крестьянин свободный человек не только в смысле противоположения его холопу, как человеку подневольному. Это противоположение мы находим в источниках повсюду. В писцовых книгах: "Деревня Мартохово: дв. сам Ушак...; Д. Затки: дв. Сенка, дв. Филатка Ушаковы люди, а христиан дв. Степанко... А за христиан деревень..." (1). "А дворов в них: дв. боярской, а людей три дворя, три человека, а христианских дворов..." (2). В духовных грамотах князей, где князья вспоминают о крестьянах и холопах, первым, прощая долги, а последних, отпуская на волю (3). Наконец, в Судебниках, где тем и другим посвящены разные постановления.

Гораздо интереснее другая концепция свободы, определенно проявляющаяся в нашем древнем праве. Всякий договор есть ограни-

(1) НПК II, ст. 8.

(2) Там-же, стр. 60.

(3) ГГД I 25 (1356); 96 (1472); 112 (1481).

ченце личной свободы или ей угрожает. И заем, и личный наем могут вести к кабале. Как говорили еще в наше время в некоторых местностях России, “нанялся — продался”.

Крестьянин не связан с владельцем земли никакой договорной связью. Его право на землю не есть производное от права землевладельца. Это два независимых одно от другого права, лежащих на одной и той же земле. Отсюда и проистекает та свобода выхода, которая так характерна для древне-русского крестьянина.

Достаточно хотя бы начала непосредственной юридической связи между землевладельцем и земледельцем, сидящим на его земле, чтобы выделить этого последнего из категории крестьян.

Мы можем наблюдать это уже на так наз. серебряниках. Крестьянин получает от землевладельца ссуду. Между ними возникают отношения должника и кредитора. Тотчас же он, для тогдашнего правосознания, отделяется от остальных крестьян, становится особой группой. Источники говорят о серебряниках отдельно, иногда противопоставляют их крестьянам. Мы видели (4), что первые грамоты, регулировавшие право выхода, касаются, прежде всего, серебряников, причем терминология здесь чрезвычайно характерна. Кирилово-Белозерский монастырь в своей челобитной говорит о монастырских серебряниках, половниках и рядовых людях. В. к. Василий Васильевич в своем ответе называет “серебряников и половников, и свободных людей”. Он крестьян “рядовых” людей, именует “свободными”, подчеркивая этим характер связанности и серебряников, и половников.

Еще дальше отходят от крестьян в этом отношении упомянутые в только что цитированной грамоте половники. Юридическая связь серебряников с землевладельцем это связь, возникшая из ссуды. Половник связан с землевладельцем договором аренды. Он снимает землю из полу, за половину урожая. Свидетельства с таких договоров, где арендатор обязывается “половничать”, да и образцы самых договоров (позднейшего времени) до нас дошли (5). Половники всегда и неизменно отграничиваются от крестьян. “И вы бы, выборные судьи, с тех Троецких деревень... и на крестьянх, и на половниках, которые в тех деревнях живут...” В дарственной грамоте монастырю XV в. новгородский посадник Василий Степанович выговаривает: “а игумену половников посадничих Василье-

вых ни отхожих людей не принимати” (6). Он хочет оградить себя от перехода живущих на его земле крестьян (“отхожих людей”) на землю, которую он дарит монастырю. Особо называет он половников. В более древнем документе, начала XIV в., половник оказывается ближе к холопу, нежели к крестьянину: “а холопа и половника не судити твоим судиям без господаря, судити Князю в Новогороде, тако пошло...” (7). Не только половник поставлен рядом с холопом, но землевладелец характеризуется по отношению к нему, как “господарь”. Тот же договор продолжает: “а холоп или половник забежит в Тферьскую волость, а тех, княже, выдавати”. Именно потому, что речь идет здесь о половнике, делать отсюда какие либо выводы к крестьянскому выходу в Новгороде нельзя (8).

От эпохи со второй половины XVI в. и до конца XVII в. (9) до нас дошли акты, свидетельствующие о возникновении на Севере, в практике монастырской и церковной, новой формы аренды земли, которую можно, действительно, назвать крестьянской. Авторы, касавшиеся этих актов, отнесли их к категории крестьянских порядных. Конечно, так как и здесь дело идет о договоре, о ряде, то их можно назвать порядными. Но по своей юридической природе они совершенно отличны от тех “порядных во крестьяне”, с которыми нам пришлось ознакомиться выше (10).

Эти акты определяются несколькими характерными чертами. Первая и основная — они все срочные. “Порядилися есмы у спаских священников... в Спаскую деревню на Ухтострове, в Кустовскую на пустую, на пять лет, от лета 7068 до 7072...”. Встречается и годовой срок, и пятилетний, и шестилетний, и восьмилетний, самый же продолжительный — десятилетний (11). В течение этого срока хозяйственное положение съемщика не отличается от положения крестьянина. “Жити мне на той земле десять лет”; “та земля нам орати и сняти и пары парити”; “а двory нам поставити мыльня новая, и иные хоромы починивати”. Тождественно их положение и в отношении царского тягла: “а погути нам... в те пять лет Царя и Великого Князя дань и оброк и всякая земские розрубь платити в Спаской станок сполна” или “а дань и оброк, и

(6) АЮ 110 VI (1452).

(7) ГГД I 10 (1307).

(8) Такие выводы делает Сергеевич, I, стр. 209.

(9) Старейший известный нам подобный акт — Акты Холм. епарх. XXXVIII (1560), позднейший — Дьяконов, I 72 (1687).

(10) См. выше, гл. III, § VII.

(11) Акты Холм. еп. XXVII (1650); LVII (1572); LVIII 1-14 (1573-1590); CLIII (1641); Дьяконов I 59 (1661); 69 (1683); 72 (1686).

(4) См. предыд. главу, стр. 135 сл.

(5) Р.И.Б. XIV — Акты Устюжской епархии, XXV (1622); XXXIX (1630); ср. VI (1599).

всякие земские розметы годовые платити с тое земли с волостными людьми". Но по отношению к землевладельцу, монастырю или церкви, положение их уже другое, нежели крестьян. В каждом договоре точно определяется плата, которую данный съемщик должен платить. Это почти всегда денежная сумма, хотя изредка встречается и плата натурой. Эта особенность этих договоров еще более подчеркивается характерным именем, даваемой этой плате: "празга". "А празги нам Спасу давати на первый год по четверти рубли, а в четыре годы на год по четыре гривны" (12). "Да в церковную казну празги платити по восьми мер жита горнего доброго по году лучего" (13). Наконец, столь же характерен и последний пункт соглашения, обязательство съемщика сдать имущество: "а пожнем мы те сручные лета по сей записи и похотим вон итти с тое деревни на срок и нам Царя и Великого Князя дань и служба, и всякие розходы земские и спаская празга заплатив сполна, и те хоромы и пашня и огороды отвести и отдати приказщику и тоже вон итти" (14).

Для современного юриста налицо все признаки обычного арендного договора. Но и для тогдашнего правосознания эти договоры совершенно отличны от так наз. крестьянских порядных, что со всей определенностью отразилось на терминологии. Тогда, как в крестьянских порядных мы постоянно встречаем выражение "порядился есми во крестьяне" или "жити мне во крестьянех", что должно знаменовать вступление его в число крестьян данного владения, со всеми вытекающими отсюда последствиями, здесь, напротив, оттеняется "взял есми на празгу" и следует указание земельного участка, или "порядился есми... в деревню на пустую, на пять лет..." Речь идет только о земле.

Не подлежит сомнению, что права такого съемщика на снимаемую им землю были совершенно иные, нежели права крестьянина на его землю. Не могло быть и речи об его праве распоряжения землей, об отчуждении ее. Крайне сомнительна возможность даже уступки пользования землей в пределах выговоренного срока. Этим, вероятно, объясняется, что такие арендные договоры делались одновременно и на имя детей съемщика (15). Таким путем избегались возможные споры на случай смерти съемщика в течение срока аренды.

(12) Акты Холм. еп. XXVIII (1560).

(13) Дьяконов 1 59 (1665), ср. 69 (1683); 72 (1686).

(14) Там-же.

(15) См., напр., Акты Холм. еп. XXXVIII (1560).

То, что еще более разделяло подобных арендаторов от крестьян, это личная договорная связь, которая существовала между ними и землевладельцами. Благодаря этому, отношения между такими съемщиками и землевладельцами носили индивидуальный характер, определялись договором и длились ровно столько, на сколько времени был заключен договор. Отношения землевладельца и крестьянина определялись тем фактом, что у обоих было право на ту же землю, отношения эти были точно определены веками установившимися формами и нормами, были одинаковы для всех крестьян данного владения и не подлежали изменению иначе, как с общего согласия крестьян и землевладельца. Появление со второй половины XVI в. подобных арендных договоров может быть объяснено тем, что в это время уже начались попытки по возможности ограничить выход крестьян. Подобный договор давал земледельцу уверенность, что по истечении установленного срока он будет свободен располагать собою, как захочет.

II.

Крестьянин человек тяглый. На нем лежит тягло, он повинен платить дани, сборы, нести всякие повинности. Этим определяется его социальное положение, но также и характер его права на землю, и его юридические отношения с землевладельцем.

Мы видели, что тягло лежит на всяком крестьянине, на крестьянах всех без исключения разрядов (16). То обстоятельство, что черный крестьянин или крестьянин, сидящий в подклетном селе, несут его на князя, а для прочих крестьян это тягло в историческом процессе распределилось между князем и землевладельцем, ничего в этом факте не меняет.

Тягло проводит резкое разграничение между двумя категориями лиц, сидящих на земле: несущих тягло и свободных от него. Их положение в обществе настолько различное, что нужно говорить о двух различных общественных классах. И не только по их политическому значению. И не только потому, что крестьяне владели небольшими сравнительно участками, а землевладельцы более крупными. Мы увидим при изучении так наз. боярского землевладения, что среди них были очень мелкие, владевшие не большими участками, неже-

(16) Даже т. наз. обеленные крестьяне есть явление более позднего периода.

ли крестьяне. Даже не потому, что крестьяне обрабатывали землю своим трудом. Были мелкие трудовые землевладельцы, с другой стороны, и крестьяне пользовались наемным трудом. Основным являлось то, что они были совершенно различны по своему правовому положению.

Как возникло такое различие?

Этот вопрос, своими корнями уходящий вглубь времен, далеко за пределы изучаемого нами периода. Но материал, который мы получаем при изучении этого позднейшего периода, послужит для ответа на него более надежной основой, нежели непосредственные свидетельства, касающиеся этого древнего периода, чрезвычайно скудные и отрывочные.

В настоящей связи мы можем коснуться лишь вопроса: каково отношение между характером крестьянина, как человека тягло-го, и его правом на землю?

Тягло крестьянина было неразрывно связано с землей и определялось землей. Крестьянин должен был нести тягло на князя с момента, когда он оседал на землю. Только особая льгота князя могла освободить его от этой обязанности. Размеры тягла определялись размерами занятого крестьянином участка. Он нес тягло "по силе".

Но из занятия крестьянином земельного участка вытекало и право его на этот участок. Это право было необходимой предпосылкой тягла. Без такого права трудиться на занятом им участке крестьянин не мог быть тяглом. Возникновение права крестьянина на землю и возникновение обязанности нести тягло вытекали из одного и того же факта, из факта освоения крестьянином участка, и возникали они в один и тот же момент. Так же были связаны и прекращение права крестьянина на землю и его обязанности нести тягло с этой земли. Крестьянин прекращал трудиться на земле, прекращалось то и другое. Как выражается царская грамота, крестьянин становился "бродяга" и "бѣглый", "не хотя платити наших податей" (17).

Когда князь жаловал кому либо, служилому человеку или монастырю, черную землю с сидящими на ней крестьянами, он давал ему право на землю вместе с правом на часть крестьянского тягла. Право крестьянина на его земельный участок, входящий в состав этой земли, сохранялось в неприкосновенности. Возникало, таким образом, два права на одну и ту же землю: право крестьянина

трудиться на этой земле и право нового землевладельца получать с крестьянина свою долю тягла. Два права, но два права совершенно разного характера. Право крестьянина — право ограниченного содержания и условное. Оно дает крестьянину лишь право трудиться на этом участке и существует лишь до тех пор и постольку, поскольку он продолжает работать. Право землевладельца есть право безусловное, носящее абстрактный характер, право, создающее юридическую связь между землей и землевладельцем, не зависимую от тех или иных фактических обстоятельств. Но это право землевладельца ограничено правом крестьянина и сводится к праву извлекать доход из работы крестьянина.

Совершенно аналогичное положение возникает, когда крестьянин садится на землю, уже принадлежащую какому либо владельцу. Для этого нужно согласие землевладельца: "кого перезовет жити...". Но как только крестьянин начинает фактически работать на этой земле, он получает на нее такое же право, какое он приобретает, садясь на незанятую землю.

Таким образом, характер крестьянина, как тяглового человека, создает возможность двойного права на одну и ту же землю. Право крестьянина, сводящееся, в конечном результате, к праву на труд на данной земле, не исключает возможности другого вещного права на ту же землю, более абсолютного характера. Причем то и другое право носят одинаково первоначальный характер, не зависят одно от другого, ни одно из них не является производным от другого. Никакой непосредственной юридической связи между землевладельцем и крестьянином не имеется. Единственным связующим элементом между ними является земля, на которой одинаково лежит то и другое право.

Это объясняет, как мог неизбежно держаться в течение столетий принцип свободного крестьянского выхода. С точки зрения наличия между землевладельцем и крестьянином не только арендного договора, но, вообще, какого бы то ни было договорного отношения, крестьянский выход представлялся не только невозможным, но прямо абсурдным. Так, как дело стояло в действительности, достаточно было крестьянину отказаться от своего права на землю, что всегда во власти управомоченного, чтобы всякие юридические отношения его к землевладельцу прекращались.

Совсем в другой юридической плоскости стоит вопрос о зависимости крестьянина от землевладельца в качестве лица, которому предоставлена судебная - административная власть над кре-

(17) Р.И.П. ХП XLVIII (1641), стр. 217.

стьянином. Это не создавало юридической связи в том смысле слова, в каком мы употребляем его здесь. Это не есть юридическое отношение. Формально передача такой власти землевладельцу ни в какой мере не меняла правового положения крестьянина. Это была лишь замена княжеских агентов самим землевладельцем или его приказчиком. Фактически крестьянин от этого только выигрывал. При спорах крестьянина с землевладельцем суд, как мы видели, оставался в руках князя. В процессах же крестьян между собою или с третьими лицами, им выгоднее было иметь в качестве судьи лицо, заинтересованное в их благосостоянии, нежели представителя власти.

Нужны были века и радикальное изменение положения крестьян в связи с переворотом в земельных отношениях, произошедшим в XVI в., чтобы судебно-административная власть землевладельца могла послужить, в течение XVIII в., орудием для закрепощения крестьян.

III.

Крестьянин — человек, работающий на земле. Это понятие крестьянина, дожившее до наших дней, выступает с полной отчетливостью во всем документальном материале изучаемой эпохи. Но, в отличие от позднейшего времени, крестьянство в ту эпоху не было сословием. Не формальная принадлежность к сословию делала крестьянина крестьянином, а его занятие — земледелие. Как только крестьянин бросал землю, он переставал быть крестьянином.

Источники свидетельствуют, что возможность оставления земли была всегда открыта для крестьянина, и пути для этого были многообразны. Выражаясь современным языком, крестьянин мог менять свою профессию.

Из междукняжеских договоров мы узнаем, что крестьянин мог поступать на княжескую службу. “А которые черные люди потягли к сотнику (или “к становщику”), тех ны в службу не примаги”, пишет в своих договорах Дмитрий Донской (18).

Из документальных данных, касающихся городов и посадов, с которыми нам придется подробно ознакомиться при изучении городских земель, мы узнаем, что городские поселения открывали широкое поле для применения труда тем из крестьян, которые хотели бросить деревню.

(18) ПГД I 27 (1362) и 33 (1388).

Наша древность не знала резкого различия между городом и деревней. И в посадах были крестьяне, занимающиеся земледелием. Недаром мы находим в грамотах формулу: “На посад и в уезд, в станы и в волости... всем крестяном городским и становым и волостным” (19). Но преобладающее количество “городецких посадских людей” занималось другими промыслами и противопоставлялось “сельским крестьяном” (20). Уходя в город, крестьянин мог заняться ремеслом, стать каменщиком, кирпичником, рыбным, охотчим ловцом, или заняться черной работой (21). Он оставался тяглым человеком, но тягло свое тянул уже иначе. Он облагался уже не по обже, а платил оброк с черного двора, который занимал в городе или посаде (22). Во всяком случае, он переставал уже быть крестьянином.

Но и оставаясь в деревне, он мог перестать быть крестьянином. Для этого ему надо было отказаться от самостоятельного хозяйства. И в деревне той эпохи мы находим применение свободно-го сельско-хозяйственного труда, “наймитов” (22а). Несомненно, что этими рабочими руками были бывшие крестьяне, по тем или иным основаниям отбившиеся от самостоятельного хозяйства. Вместе с сидящими в деревне ремесленными людьми они составляли ту категорию сельских обывателей, которые именовались бобылями, а их дворы бобыльскими. “Се яз... Успенья Пречистья Богородици Печерского монастыря бобыль, дал еси на себя запись... отходи на время прочь, и вперед мне... жити... во крестьянех и в бобылех...” (23). В вятских писцовых книгах мы читаем: “крестьянских, бобыльских и половничьих... триста один двор...” и дальше “крестьяном и бобылем и половником... быть за богомольцем нашим за Александром епископом Вятским и Великопермским...” (24). Как мы видим из только что приведенной порядной, крестьяне и бобыли — категории подвижные, переход из одной в другую возможен: “жити во крестьянех и в бобылех”. Но они строго различаются по признаку, ведут ли они самостоятельное крестьянское хозяйство, или нет.

Наконец, такие бросающие свое хозяйство крестьяне могли

(19) АЭ I 177 (1533). В Новгороде имеются «крестьянские дворы» еще в 1545 г. — АЭ I 205, стр. 184.

(20) Там-же 263 (1563), стр. 291.

(21) Ср. АЮ 231, стр. 256.

(22) См. об этом Разд. II, гл. 9.

(22а) АЮ 23 (1571).

(23) Дьяконов I 12 (1629).

(24) ДАИ VII 14 (1670), стр. 81 и 233.

пополнять многочисленные, судя по источникам, ряды так наз. “вольных гулящих” людей. В XVII в. центральное правительство очень озабочено оседлым устройством их вновь на землю (25). И здесь опять эти люди перестают именоваться крестьянами с момента, когда они перестают самостоятельно хозяйничать на земле.

Таким образом, по тогдашним понятиям крестьянин лишь тот тяглый человек, который ведет самостоятельное крестьянское хозяйство. Это один из существенных признаков понятия крестьянин. Особенно ярко выступает это в словоупотреблении царей в их наказах сибирским воеводам в XVII в. Тут крестьянам, как самостоятельным хозяевам, противопоставляются крестьянские дети и племянники. “Привезли с собою тринадцать человек крестьян с женами, да у тех же деи крестьян братья с детей племянниковъ двадцать семь человек”, пишет царь Верхотурскому воеводе; “не из тяглых людей, а из крестьянских детей от семьи”; “охочих людей... от отца сына, от дядей племянников... а не с тягла” (26).

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

(25) ДАИ VI 1 (1670); АИ IV 3 (1645); АИ П 251 (1609).

(26) Там-же.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАТЕГОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

I.

Нам предстоит определить, на основании источников, правовой строй поземельных отношений изучаемого периода.

Здесь мы наталкиваемся, с первых же шагов, на одну чрезвычайную трудность методологического характера.

Понятие крестьянина, как основной категории земледельца, единственной, если отбросить подневольный труд, не представляющий интереса с точки зрения юридических отношений по земле, не вызывало ни малейшего сомнения. Все источники изучаемого периода, начиная с древнейших, и кончая источниками, выходящими уже за пределы XVI в., связывают с этим термином одно и то же содержание. Нам оставалось только выяснить юридическое содержание этого понятия и его природу и определить отношение крестьянина к земле.

С какими критериями надо подойти к изучению землевладения? Каковы здесь основные правовые категории?

На этот вопрос наша историография ответила с редким единодушием.

Основная фигура, которой оперируют в этой области наши историки и историки права, это — вотчинник, основная юридическая категория — вотчинное право.

Уже автор первой монографии, посвященной истории русского землевладения, кладет в основу своего исследования понятия вотчины и поместья и, утверждая, что у нас “частная собственность вытекла из Государевой”, делает отсюда вывод, что “способы приобретения частными людьми вотчин истекали из воли Монарха” (1).

(1) Лакнер, О вотчинах и поместьях, 1840, стр. 182.

Вскоре после него Кавелин, в своем известном очерке "Взгляд на юридический быт древней России" (1846 г.), говорит о "князьях, владеющих уделами наследственно как вотчинами", о воззрении "на княжества как на собственность князя и на власть последнего, как на власть вотчинного владельца", и формулирует: "он был в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения как на собственность". Воззрение это, сложившееся в удельной Руси, продолжает, по Кавелину, существовать и в Московской: "тип вотчинладельца, полного господина над своими именьями, лежит в основании власти московского государя" (2). Для Кавелина понятие вотчины есть понятие "полной собственности" (3).

Кавелин изложил свои идеи в аподиктической форме, не обособивая своих утверждений. Такое обоснование было дано Чичеринным в ряде работ (4).

Отметив, что летопись называет русскую землю отчиной князя, Чичерин устанавливает, что это — "выражение, которое в древней России означало собственность". Князь рассматривал русскую землю, как свою вотчину, как свою собственность в силу завоевания. "Земля принадлежит князю как собственнику, а не как государю". Князья "разделяют землю между своими сыновьями, как свое поместье, как собственность, а отнюдь не как государство. Мы видим здесь наследование по праву частному, а вовсе не по общественному". "Вся сила их (князей) состояла в вотчинном праве". Но князья были не единственными собственниками земли. Рядом с ними стояли другие собственники. "Вследствие завоевания, на одну и ту же землю образовалось двойное право собственности: право князя, который, как глава дружины, считал своею собственностью всю завоеванную землю, и право члена дружины, который считал своею собственностью известный участок".

Почти одновременно с Чичеринным, основоположник истории русского гражданского права, Неволлин, кладет в основу изложения русского вещного права понятие вотчины. Это последнее существует у нас уже в древнем праве: до Петра Великого частные лица могли у нас обладать недвижимыми вещами на тройном преимущественно праве: на праве вотчинном, на праве поместном и

(2) Собрание сочинений. 1897, I, стр. 38, 39, 42, 45.

(3) См. только что цит. места, а также рецензию на работу Соловьева, «История отношений между русскими князьями Рюрика династии», стр. 283.

(4) Опыты по русской истории, 1858, см., особенно, стр. 9-11; 66; 69; 73-75; 86.

на праве тяглых имуществ". Под вотчиною Неволлин понимает землю, "приобретаемую на праве собственности в вечное и потомственное владение". Так как, по мнению Неволлина, "первоначальное происхождение поземельной собственности в России принадлежит временам той отдаленной древности, в которую не проникает свет Истории", то он и относит к этой эпохе появление "первых вотчинников". Владеть вотчинами могли бояре и все вообще свободные люди. Вотчинникам с древних времен предоставлялись права чрезвычайно обширные (5).

После этих работ понятия вотчинного права, как древне-русского права собственности, вотчины, как объекта такой собственности, могут почитаться установленными в русской историографии. Историки и историки права, в общих курсах и в монографиях, оперируют этими понятиями, не считая нужным обосновывать это или проверить по источникам.

Характерна, в этом отношении, позиция, занятая Градовским. Выступая против Чичеринского понимания вотчинного права в удельный период, противопоставляя волость, которую князь владел "по государственному праву", селам, которые принадлежали ему "по частному праву", характеризуя попытку Чичерина, как "попытку не столько выяснить, сколько смешать эти понятия" (волости и вотчины), Градовский всю силу своей критики направляет на привнесение в понятие вотчинного права публично-правовых элементов. В том же, что это вотчинное право есть право полной собственности, Градовский не сомневается. Он говорит о боярских вотчинах, как "неотъемлемой собственности", называет бояр вотчинниками и характеризует их право, как право "полной частной собственности" (6).

Для Ключевского (7), вотчина также равнозначуща с частной собственностью. Он говорит о "вотчинном владении частного собственника", о "собственности вотчинников" (служилых людей), и дает характеристику частного землевладения, как "привилегированной собственности, которая на языке древне-русского права называлась боярской". Подобно Чичерину, он утверждает, что

(5) Полное собрание сочинений, т. IV, История российских гражданских законов, 1857, стр. 124, 125, 127, 149, 150.

(6) История местного управления в России, т. I, 1868, стр. 11, 12, 15-20, 22, 42, 43.

(7) Ключевский, Боярская дума, 1882 (цитируем по 5-му изд. 1919 г.), стр. 73-75, 77, 79, 116. Тоже значение вкладывает Ключевский в выражение вотчина в своем Курсе русской истории, см., напр., т. II, 2-е изд., стр. 34, 155-156.

“удельное княжеское владение сложилось по типу частной земельной вотчины”. Удельное княжеское управление “усвоило характер поземельного вотчинного хозяйства”, а “удельный князь усвоил себе значение и владельческие приемы простого вотчинника”. “Удельное княжеское владение... стало считаться полной частной собственностью владельца”. “Юридическая сущность удельного владения” заключалась, по Ключевскому, “в понятии о княжестве, как личной собственности князя владельца”.

И для Владимирского-Буданова понятия отчины совпадает с понятием собственности (8). Характеризуя XII и XIII вв., он говорит: “мы застаем уже время окрепшей частной собственности, называемой уже тогда отчиной”. С ссылкой на Кавелина, он именуется властью великого князя вотчинною и говорит о “вотчинном характере государства”. “Местные князья считали свои наследственные земли отчиной, потомственной собственностью”.

Сергеевич, с его обостренным чутьем к источникам, старается избегать выражения вотчина. Он держится более близкой к источникам терминологии: земли, села. Но и он говорит о праве собственности вотчинников, и он знает “общее вотчинное право”, которому он противопоставляет “особое право” княжеских вотчин (9).

Авторы монографий, поскольку они касаются вопросов, связанных с землевладением, неизменно кладут в основу своих исследований понятие вотчинного права, как права частной собственности.

Мейчик (10) прямо называет право собственности вотчинным правом. Он утверждает, что в древнем праве владение никогда не превращалось в вотчинное право, “не переходило в достоинство вотчины, т. е. полной собственности”. Собственника он обозначает именем вотчинника, противопоставляя его “неполному собственнику”.

На понятия вотчины, как права собственности, построена работа Рождественского о служилом землевладении (11). Рождест-

(8) Обзор истории русского права, изд. 4-е, 1905, стр. 109, 161, 534. То же самое находим мы в примечаниях в его Христоматии. т. II, 2-е изд., см. напр., стр. 105 прим. 99: «частная собственность на вотчинном праве принадлежала боярам».

(9) Древности русского права, III, 1903, стр. 16; Русские юридические древности, I, 2-е изд., 1902, стр. 384, ср. прим. на стр. 383/4.

(10) Мейчик, Грамота и другие акты XIV и XV вв., 1884 стр. VI, 74, 75.

(11) Служилое землевладение в Московском государстве XVI в., 1897, стр. 51, 58, 36, ср. 1 и 327.

венский определяет понятие вотчины, как “чистой безусловной собственности”. Вотчинное землевладение — это “частная собственность вольных слуг”.

Пресняков, в работе “Образование Великодержавного государства” (12), говорит о “вотчинном княжении”, о “вотчинном единомдержавии”, о “полноправном вотчиннике”.

Веселовский, в своем исследовании о происхождении вотчинного режима (13), также исходит из понятия вотчины как собственности. Самые понятия “вотчинного режима”, “вотчинной власти”, которыми он оперирует, построены на понятии вотчинника, как собственника.

Количество примеров можно было бы умножить. Мы имеем пред собою подлинное *communis opinio doctorum*.

II.

Несмотря на такое единодушие в нашей литературе, приходится признать, что понятия вотчинного права, как “полной частной собственности”, “безусловной частной собственности” и вотчины, как объекта такого права, не только не находят своего подтверждения в источниках, но прямо им противоречат. И это относится не только к более древнему периоду, но остается верным, если даже мы распространим исследование на источники до конца XVI века.

Вопрос тут не только в терминологии, не только в том, что выражение вотчина употребляется в источниках вовсе не в том смысле, в каком это принимает наша историческая доктрина. Самого понятия “полной частной собственности” мы не находим в изучаемый нами период, если только вкладывать в этот термин то содержание, которое связывает с ним современное правоведение.

Древнейшие источники, содержащие выражение вотчина, точнее, отчина, это летописные записи, относящиеся к XII в. Контекст тут всегда один и тот же. Дело идет неизменно о князьях и, именно, об отчине данного князя. “И Андрей тако рече, сдумав с дружиною своею”, читаем мы в Лаврентьевском списке под 1139 годом (14): “лепше ми того смерть на своей отчине и на дедине,

(12) 1918 г., стр. 177, 406, 453.

(13) К вопросу о происхождении вотчинного режима, 1926.

(14) Лаврентьевский сп., стр. 291; почти в тех же выражениях Ипатьевский список, стр. 218.

нежели Курьское княжение?”. Под 1128 г. рассказывается, что Володимер (Новгородский), убив князя Полоцкого, Роговолода, отца своей жены, от которой у него был сын Изяслав, хотел убить и ее. Но против этого восстала дружина: “уже не убий ея, дитяти деля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей с сыном своим”. “Володимер же устрои город... и нарече имя городу тому Изяславль” (15).

Независимо от этимологии слова, уже прибавка к слову “отчина” слова “дедина” вскрывает основной смысл выражения: отчина то, что принадлежало отцу. “Братье, говорил Мстислав Изославович, пожалуйте о Руской земли и о своей отчине и дедине” (16). “Изяслав же рече дружине своей: вы есте по мне из Руские земли вышли, своих сел и своих жизний лишився, а я покы своея дедины и отчины не могу перезрети” (17).

В устах князя эта ссылка на принадлежность его отцу имеет особый смысл. В только что приведенных словах Изяслава он противопоставляет села и земли дружинников своей отчине. Князь Андрей, в цитированных выше словах Лаврентьевской летописи, сопоставляет свою отчину и Курское княжение. Для князя отчина есть его княжение. “Мне отчина Киев, а не тебе”, говорит Дюрги Изяславу (18). “Мне отчины в Угreh нетуть, ни в Ляхох, токми в Руской земли, и проси ми у отца волости по Горину” (19). “Посла Всеволод ис Киева к Вячеслав рек: “сидеши во Киевской волости и мне достойть; а ты поиди на Переяславль, отчину свою” (20). Борясь за отчину, князь борется за “стол отца своего”.

“Володимер же нача размышляти, река: “аще сяду на столе отца своего, то рать имам с Святополком, яко стол преже отца его был”. И Володимер “иде на стол отца своего в Переяславль” (21). Княжение для него потому является отчиной, что на нем сидел отец его. “И се убо он ныне сидит на отца его столе на великом княжении в Киеве” (22). “И посадиша его (Данила, сына Романа Галичского) на столе отца его” (23). Или: “Посадиша его (Констан-

(15) Лаврентьевский сп., стр. 285.

(16) Ипатьевский сп., под 1170 г., стр. 368.

(17) Там-же, под 1150, стр. 284.

(18) Там-же, под 1155, стр. 329.

(19) Там-же, под 1150, стр. 281.

(20) Там-же, под 1142, стр. 222.

(21) Воскресенский сп., под 1092, стр. 6; и под 1094, стр. 7.

(22) Никоновский сп., под 1203, стр. 37.

(23) Там-же, под 1205, стр. 50.

тина Всеволодовича) на отца его на столе на великом княжении во Владимире” (24).

Когда в летописях говорится о вотчине князя, всегда имеется в виду его княжение, его “стол”. Летопись рассказывает о в. к. Юрии Всеволодовиче: “и сведоша его (брата Владимира Всеволодовича) с Москвы, и послаша его в Руской Переяславль в вотчину его на стол” (25). В уста Дмитрия Донского летопись влагает слова: “великое княжение свое велми укрепих, мир и тишину земли Руской сътворих, отчину свою с вами съблюдах, еже ми предал Бог и родители мои”... “Предасть в руке его (Василия) великое княжение, еже есть стол отца своего и деда и прадеда, со всеми поплинами; дал есть ему отчину свою землю Рускую...” (26).

Со временем выражение вотчина становится техническим термином для обозначения княжения или, как говорят позднейшие источники, княжества (27). Формула “наша вотчина Великое княжение” становится стереотипной. “А кто бояр и слуг отъедет от нас к тебе... а села их в наше вотчине Великом Княженьи...”, читаем мы в междукняжеских договорах. В духовных грамотах князья благословляют своего старшего сына “своею отчиною Великим Княженьем”. Княжеские жалованные грамоты противопоставляют вотчину данного князя “иному княженью”: “изыных княжений, а не из наше отчины”, или, в жалованных грамотах великих князей: “а не из наше отчины Великого Княженья”.

Для древне-русского князя все, что находится под его властью, есть его вотчина. У князя нет вотчин, у него только одна вотчина, которая обнимает все его владения. “В нашей отчине, в Тферьских волостях и в Кашиньских... (28). “В вьтчину в Великое Княжение в Москву и в Новгород Великий и во Псков, и во вся Новгородская и во Псковская места...” (29). Никогда мы не найдем в применении к князю слова отчина во множественном числе (30).

Выговаривая в договорах неприкосновенность границ своего княжества, князья выражают это в формулах: “а Великому Князю

(24) Там-же, под 1216, стр. 76.

(25) Там-же, под 1213, стр. 66.

(26) Воскресенский сп. (т. VII), под 1389, стр. 56.

(27) Насколько мы могли обозреть, выражение «княжество», вместо «княжение» употреблено впервые в договоре между детьми в. к. Ивана Васильевича и в его духовной грамоте от 1504 г. -- ГГД I 133 и 134; 144.

(28) АЭ I 5 (1361/5).

(29) ГГД I 119 и 120 (1484), стр. 295.

(30) Множественное число только там, где дело идет о нескольких князях.

Витовту в вотчину мою не вступатися Ивана Федоровича, в землю ни в воду, поколе рубеж Рязаньские земли Переяславские моее вотчины” (31) или “а рубеж нашей отчине Московской земле и Новгородской земле с твоею отчиною со Тферью и с Кашином, как было при нашем прапрапурце при Великом Князе Иване Даниловиче” (32).

Пределы вотчины определяются властью князя. Все, на что распространяется его власть, становится его вотчиною. Обычная формула междукняжеских договоров: “а которые земли и воды потягли к нашей вотчине... того вам не искати”. И обратно, что уходит из под власти князя, перестает быть его вотчиною: “а которые земли и воды отошли от нашей отчины от Великого Княжества...” (33).

В пределах княжеской вотчины находятся земли, принадлежащие различным лицам. Князь рассматривает их, как принадлежащие этим владельцам, не переставая считать их входящими в состав его вотчины. В любой жалованной льготной грамоте мы найдем иллюстрацию к этому положению: “Что их земли в моей вотчине в Бежицком Версе...”; “что их село... с деревнями, в моей вотчине в Торжку...” (34). “Пожаловал есми (Толгский монастырь)... деревнею... и с лесом” (35) или даже “что есми променял ему земли на его куплю...” (36). В грамоте 1485 г. в. к. Иван Васильевич пишет: “а у кого в селе, в моей вотчине, татя имут...” (37). В своих договорах князья уговариваются: “а кто Бояр и слуг отъехал от нас к тебе, или от тебе к нам, а села их в нашей вотчине Великом Княжестве, или в твоей вотчине в Тфери, в ты села нам и тебе не вступатися” (38).

Все это с несомненностью свидетельствует, что различие между правом на участок земли и господством над территорией было присуще уже тогдашнему правосознанию. Только господство над территорией, соответствует понятию вотчины, в его первоначальном значении. Принадлежащие им лично земли князья определенно отличают от своей вотчины. К этим землям они применяют обозна-

(31) АЭ I 25 (ок. 1430), ср. там-же 26 (ок. 1430): «поколе рубеж Проньские земли моее и вотчине моей».

(32) ГД I 119 и 120 (1484), стр. 295-6.

(33) См., напр., ГД I 119 и 120; (1484); АЭ I 14 (ок. 1398); 33 (1437/40).

(34) АЭ I 81 (1466/78); 118 (1486).

(35) Там-же, 15 (ок. 1400).

(36) Там-же, 374 (1455).

(37) Там-же, 113 (1485).

(38) ГД I 28 (1368), стр. 48; ср., напр., АЭ I 14 (1398).

чения “села”, “деревни”, “прикупы”. “А опрочь Московских сел, даю сыну своему Семену села своя купленная... А что есмь купил село Петровское и Алексинское... половину есмь купил, а половину есмь сменял с Митрополитом...” (39). Как мы увидим, в своих завещательных распоряжениях князья особо и иначе говорят о вотчине и о лично им принадлежащих землях.

С другой стороны, под понятие вотчины подводится не только земля, территория, находящаяся под владычеством князя. Все что он извлекает из этого владычества, есть тоже вотчина, и пошлыны, и “год княж”. “А что моя вотчина, пишет в духовной грамоте Андрей, сын Василия Темного, чем моя благословил отец мой... год княж Петровской, Дмитреевича...” (40). “А что моя вотчина, пишет в свою очередь верейский князь Михаил Андреевич, чем мя благословил отец мой... жеребем в Москве и с пошлынами...” (41).

Достаточно остановиться на применении термина вотчина к Новгороду Великому, и именно в эпоху, предшествующую Ивану Третьему, чтобы убедиться, как мало элемент собственности входил в это понятие, поскольку дело шло о княжеской вотчине.

Новгород почитался и именовался вотчиною великого князя. Так его (равно как и Псков) именует митрополит Иона. Свое послание Новгороду он адресуется: “в отчину... благородного и благоверного Великого Князя Василия Васильевича, в Великий Новгород” (42). В послании своем 1452 г. новгородскому епископу тот же митрополит пишет “чем отчина его (в. к. Василия Васильевича) Великий Новгород бил челом о полоне, и он свою отчину Великий Новгород пожаловал...” (43). Так же выражается и в. к. Иван Васильевич: “Великий Новгород и Псков, отчины своея...” (44).

Между тем, Новгород ревниво оберегал свои земли от перехода их в руки самого ли великого князя, или его бояр. Уже в первом дошедшем до нас договоре Новгорода с великим князем (Тверским Ярославом Ярославичем) содержится запрет князю приобретать там земли: “На семь Княже, целуй хрест ко всему Новгороду... А в Бежицах, Княже, тебе, ни твоей Княгыни, ни твоим Бояром, ни твоим Дворяном сел не държати, ни купити, ни даром приимати, и

(39) ГД I 22 (1328), стр. 34-5.

(40) Там-же, 112 (1481).

(41) Там-же, 121 (1486).

(42) АИ I 44 II (1448/58).

(43) Там-же, 53 (1452/53).

(44) АЭ I 80 (1465/70).

ю всей волости Новгородской” (45). И это продержалось до потери Новгородом своей независимости.

Очевидно, о Новгороде, как об отчине великого князя, можно было говорить только в одном смысле: Новгород также входил в ту территорию, в ту волость, над которой правил князь, входил в его княжение.

Слово отчина или вотчина продолжает сохранять свое значение технического термина для обозначения княжения и в XIV, и в XV вв., и даже позднее. Дмитрий Донской, по выражению летописи, “вотчину свою, великое княжение, держаше 29 лет и 6 месяцев”, а умирая дал своему старшему сыну “отчину свою землю Рускую”, “еже есть стол отца своего и деда и прадеда” (46).

В следующем столетии та же самая концепция вотчины, как княжения, как территории, находящейся под властью князя, определенно выражается по поводу конфликта в. к. Василия Васильевича с углицким князем Дмитрием Юрьевичем. В своем увещании, обращенном к этому последнему, духовенство пишет: “да тебе Князь Великий пожаловал по твоему челобитью, вотчину твою тебе дал... а ты к нему целовал честный и животворящий крест, что ты по тем докончальным грамотам правити к нему во всем...” “И опосле того вашего докончания и крестного целования, которые бояре и дети боярские от тебе били челом брату твоему старейшему Великому Князю служить, а села и дома их в твоей отчине, и ты... тех еси бояр и детей боярских пограбил и села их и дома их еси у них поотымал...” (47). Когда великий князь, возвращая углицкому князю его отчину, договаривается с ним в “докончальных грамотах”, как тот должен управлять, и для договаривающихся сторон, и для всего народа это было не возвратом собственнику его собственности, а возвратом князю его княжества. Духовенство упрекает князя, что он нарушил свои обязательства как князя, отняв у проживающих на его территории владельцев земель их земли и дома.

Еще ярче та же идея формулирована чрез пятьдесят лет в. к. Иваном Васильевичем в его ответе литовским посланцам. “Оно не то одно наша вотчина, как города и волости ныне за нами; и вся руская земля, Киев и Смоленск и иные города, которые он за собою держит к литовской земле, с Божью волею от старинны, от наших прародителей наша отчина” (48).

(45) ГД I 1 (1265).

(46) Воскрес. сп., под 1389, стр. 55-56.

(47) АИ I 40 (1447), стр. 77 и 81.

(48) АЗР I 192, стр. 273.

Совсем далеко в том же направлении пошел папский посол в словах, переданных, по его поручению, в. к. Василию Ивановичу Дитрихом Шамбуром, послом Магистра Прусского: если он, великий князь хочет “за свою вотчину константинопольскую стояти, и он имет ныне пригоден путь” (49).

III.

Даже в той области, где зародилось недоразумение, приведенное к созданию таких понятий, как “вотчинный период русской истории”, “вотчинное право”, “вотчинный режим”, в области князьего наследования, можно констатировать то же самое. Отчина и здесь есть всегда княжение, стол отца. Распоряжаясь своим наследством, князь всегда ясно и определенно различает вотчину от земель, им лично принадлежащих. Принципы, которые применяются к наследованию в отчине, с одной стороны, и к личному имуществу князя, с другой, различны. Если в основе самой идеи “вотчинного периода” лежит мысль, что в удельный период определяющим являлся принцип частного права, то можно с большим основанием утверждать как раз обратное: в области князьего наследования публично-правовой характер преобладает над частно-правовым, с той лишь оговоркою, что свойственное нашей юридической мысли резкое разграничение публично- и частно-правовых элементов, вообще, с грудом приложимо к явлениям древнего права.

Источником всего недоразумения явилось убеждение, что раздел между наследниками есть достояние частного права, а публичному или, как выражается Чичерин, общественному праву подоба-ет единонаследие.

Еще Кавелин формулировал: “из этого нового взгляда на княжество, как на собственность князя, на власть последнего, как на власть вотчинного владельца, вырабатывается новый порядок наследования. Князь делит княжество между детьми как наследством” (50).

Чичерин, приведя слова летописи: “ты, княже, чужья земли нищеди и блюдеши... аще ти не жаль отчины своей”, замечает: “в вышеприведенных словах Русская земля названа вотчиною князя — выражением, которое в древней Руси означало собственность”.

(49) Сборник Р. Ист. Об-ва, III, стр. 86.

(50) Собрание сочинений, I, стр. 39.

Далее он говорит: князья разделяют землю между своими сыновьями, как свое поместье и как собственность, а отнюдь не как государство. Мы видим здесь наследование по праву частному, а вовсе не по общественному" (51).

Воззрение это утверждается между последующими историками, а Ключевский пытается обосновать его анализом княжеских завещаний (52). И для него "юридическая сущность удельного владения" заключается "в понятии о княжестве, как личной собственности князя владельца", и он утверждает, что "еще яснее вскрывается этот частно-правовой характер удельного княжества в завещательном распоряжке его частей между наследниками".

В основе подобных утверждений лежит представление об юридических понятиях и формах не как о продукте исторического развития, а как об извечно данных. Да и самые юридические категории взяты здесь без достаточной критической проверки.

Единое наследие не есть принцип публичного права, и раздел при наследовании не есть особенность частного права. Раздел Римской Империи на Западную и Восточную не свидетельствует, что римские императоры стали смотреть на Империю, как на их личную собственность. Указ об едином наследии 23 марта 1714 г. не превращал частных имуществ в публичные или "общественные", как сенборат английского частного права не превращает английское наследственное право в право публичное. Единое наследие в области государственных отношений стало у нас нормальным лишь после утверждения единодержавия. Пока идея единодержавия не родилась, раздел государства между сыновьями правителя была столь же естественной, как предоставление всего государства одному из сыновей. Государство не переставало от этого быть государством, и переход государственной власти не становился от этого передачей собственности.

На всех завещаниях русских владетельных князей, начиная с Ивана Калиты и кончая Иваном Третьим, мы можем проследить этот государственно-правовой характер передачи государственной власти. В каждом из этих завещаний князь определенно отделяет передачу княжения-отчины от распоряжений своим личным имуществом. Разделяя княжество между своими сыновьями, он передает каждому его часть в самостоятельное княжение. В то же время он принимает меры, чтобы сохранить между этими княжествами государственное единство.

(51) Опыты, стр. 66 и 69.

(52) Курс II (2-е изд.), стр. 34-39.

Все князья начинают свои распоряжения на случай смерти с общей формулы. "Приказываю сыном своим отчину свою Москву", пишет Иван Калита (53). Свою отчину, свой стол, князь вверяет всем своим сыновьям. У Ивана Калиты было четыре сына. Он "приказывает" свою отчину им всем. В. к. Иван Иванович, у которого было два сына, говорит: "приказываю отчину свою Москву сыном своим князю Дмитрию и князю Ивану" (54). Племянник его, князь Володимер, в этом "приказе" не участвует, хотя участвует в разделе доходов и имуществ: "то им все на трое". В завещании в. к. Василия Дмитриевича, у которого был лишь один сын, употреблена формула: "благословляю сына своего Князя Ивана свою отчину, третью Москвы, своим жеребьем" (55).

Смысл этих формул, касающихся отчины, лучше всего вскрывается на завещании Дмитрия Донского (56), благодаря, особенно, комментарию, который дан к этому завещанию летописью.

У Дмитрия Ивановича было четыре сына, и он в завещании указывает: "а приказываю отчину свою Москву дегем своим..., а брат мой Князь Володимер ведает свою треть, чем его благословил отец его, Князь Андрей. А сына своего Князя Василья (старшего) благословляю на старейший путь в городе и в станех моего удела двою жеребьев половиною, а трем сыном моим половина"... "А се благословляю сына своего Князя Василия своею отчиною Великим Княжением".

Выражение отчина здесь применено к Москве и к великому княжению. Москва, где у Дмитрия Донского было материально только две трети, отмечена этим термином, ибо с Москвою связан стол. Москву завещатель "приказывает" всем сыновьям, устанавливая участие их (неравное) в извлекаемых отсюда доходах. Великое княжение, также стол, идет, естественно, одному старшему, Василию Дмитриевичу, которого отец благословляет "на старейший путь".

В речи, которую, по словам летописи (57), Дмитрий Донской пред смертью держал боярам, он характеризует выполненную им работу: "землю рускую держа лет 29... великое княжение свое велими укрепих, отчину свою с вами съблюдах, еже ми передал Бог и родители мои...". И затем поясняет свое завещание: "Предасть в

(53) ГГД I 21 и 22 (1328).

(54) Там-же, 25 и 26 (1356).

(55) Там-же, 39 (1406), ср. 41 (1423) и 42 (1424) — его второе и третье завещание.

(56) Там-же, 34 (1389), стр. 58-9.

(57) Вскрес. сп. под 1389, стр. 56.

руци его (старшего сына Василия) великое княжение, еже есть стол отца своего и деде и прадеда, со всеми пошлинами; дал есмь ему отчину свою землю Рускую, и роздавал есмь сыновем своим города своа отчины по частем, на чем им княжити”.

“Роздавал есмь города своа отчины”. Отчина для Дмитрия Ивановича остается понятием целостным. В раздел идут города, пошлины, земли, села, борти. Здесь формулирован тот же принцип, который выразил Иван Калита, после приказа сыновьям отчины, в словах: “а се есмь им роздел учинил” (58). Дмитрий Донской подчеркивает значение такого раздела: “роздавал по частем, на чем им княжити”. “Части” эти не есть раздел собственности, а определение княжения каждого сына. Создается его “удел”. Это не было особенностью наследственного права. И при жизни князя выделяли часть своего княжения “в вотчину и вудел”. “А противу Ржевы, отступился есмь Князю Володимеру и его детем вудел и в вотчину Углича с пути с пошлинами” (59). “И отступился есмь, пишет в. к. Василий Васильевич к. Юрию Дмитриевичу Галицкому, тебе и твоему сыну Князю Дмитрию меншому тех всех мест в вотчину и в вудел” (60). “Да что мя еси, Господине Князь Велики, пожаловал своего брата молодшего, дал ми еси Вышегород с волостями в вотчину и в вудел, как было, Господине, за тобою за Великим Князем” (61). “Как было за тобою за Великим Князем”, — в этих словах определенно выражено, что земли эти уступаются одним правителем другому, а не собственником собственнику.

Единая отчина князя разделяется на уделы между его сыновьями, становится отчиной для каждого из них, но единство не разрывается. “А у которого сына моего, читаем мы в завещании Дмитрия Донского, убудет отчины, чем есмь его благословил, и Княгини моя поделит сынов моих их уделов”. В своем завещании Василий Васильевич распоряжается: “А по грехом у которого у моего сына вотчины отойметса, и Княгини моя уймет у своих сынов из их уделов, да тому вотчину исполнит; а дети мои из ее воли не вымутса” (62).

Все это очень далеко от собственности и, вообще, от наших представлений о частном праве. Правда, когда в раздел идут одинаково и города с волостями, и пути, и тамга, и мыт, и всякая иная

(58) ГГД I 21 и 22 (1328).

(59) Там-же, 38 (1405).

(60) Там-же, 49 и 50 (1433), стр. 103.

(61) Там-же, 75 (1450), ср. 61 (1445); 78, 79 и 80, 31 (1451).

(62) Там-же, 86 и 87 (1462), стр. 206.

пошлина, и борти, и мед оброчный, и драгоценности, мы должны признать, что сознание различной юридической природы прав на эти имущества и доходы отсутствует. Во всяком случае, во всех распоряжениях князей на случай смерти преобладают тенденции, которые надо охарактеризовать, как государственные, а не частно-правовые.

Такою же тенденцию мы находим в только что приведенном распоряжении Дмитрия Донского и Василия Васильевича о перераспределении уделов. То же самое мы видели уже в духовной грамоте Ивана Калиты: “а по моим грехом пи имуть искази Татарове которых волостей, а отымут ся, вам сыном моим и Княгини моей поделити вы ся опять теми волостями на то месть” (63).

Тот же характер носят распоряжения, касающиеся дани Татарам. “А коли будет детем моим дати дань Великому Князю с своей отчины с Звенигорода и с Галича..., а дети то розведут на свои уделы по тому окладу, колько на которой волости яз имал” (64): Или: “а переменит Бог орду, и моя Княгини и мои дети возмут дань себе с своих уделов, а сын мой Иван в то не вступается”, пишет в. к. Василий Васильевич (65).

Особенно ярко сознание князя, что отчина его остается единым государственным целым и после его смерти, выразилось в распоряжении Ивана Калиты, касающемся земли, пожалованной им некоему Борису Ворькову: “А что есмь купил село в Ростове Богородическое, а дал есмь Борису Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним; не иметь ли служити детем моим, село отоймут” (66). Село было расположено в Ростове, в уделе одного из сыновей. Но условием сохранения села за Ворьковым является служба любому из сыновей.

Очень поучительно, что в. к. Иван Васильевич, закрепивший у нас идею единой державы, дает уже несколько иную формулировку своему завещанию. Он противопоставляет старшего своего сына Василия всем остальным братьям, которых он обнимает выражением “Юрий с братьею”. Благословляет отчиною он уже одного только Василия: “благославляю сына своего старейшего Василья своєю отчиною Великим Княжеством, чем мя благославил отец мой.

(63) Там-же, 22 (1328), ср. духовную в. к. Ивана Ивановича, там-же, 25.

(64) Духовная грамота Юрия Дмитриевича Галицкого, там-же 51 (1434).

(65) Там-же, 86 и 87 (1462).

(66) Там-же, 22 (1328).

и что ми дал Бог" (67). В договоре, заключенном, по настоянию Ивана Васильевича, в том же году между его сыновьями, Васильем и Юрнем, у которых возникли нелады на почве отцовского завещания, мы находим новое выражение: "мои Великие Княжества Владимирское, и Московское, и Новгородское, и Псковское, и Тферское", а затем соответственно говорится уже не об отчине, а об отчинах (также вотчинах) во множественном числе: "в наших отчинах в Великих Княжествах" (68).

IV.

Если оставить в стороне княжью отчину и обратиться к вопросу об употреблении выражения отчина или вотчина в сфере землевладения, то можно категорически утверждать, что до эпохи в. к. Василия Ивановича никакого юридического содержания с этим выражением не связывалось, ни к какой определенной юридической категории земель этот термин не применялся (69).

Слово вотчина, в применении к землям разнообразных категорий и неизменно в соединении с выражением, указывающим на характер владения, означало лишь, что данное владение перешло к владельцу от его отца. Только в источниках второго десятилетия XVI в. можно констатировать изменение этого характера выражения вотчина.

Во всех документах и актах, начиная с древнейших, идет ли дело о междукняжеских договорах, жалованных грамотах, правых грамотах, купчих, закладных и т. п., дается неизменно точное обозначение объекта: село, деревня, починок, двор, пашня, роспашь, пожня, луг, лес, наволок, пустошь, или, как родовое понятие, земля, причем одинаково для княжеских владений, владений монастырских или духовных лиц или частных лиц. Доказательств из источников для более древнего периода приводить не приходится — они исчисляются сотнями (70). То же самое мы находим еще и в XVI

(67) Там-же, 133 и 134 (1504).

(68) Там-же, 144 (1504).

(69) Относительно вотчин служилых князей, см. ниже гл. IV.

(70) Для примера укажем: для XIV в., АЭ I 4 (1338/40): «кто сядет на землю Святого Юрья на Волоце»: так же 5 (1361/5); АЮБ I 31 (1391/425): «что ему (Троицко-Сергиеву мон.) дал на Кисме пустоши». Для XV в.: АИ I 15 (1404): «дал села свои...»; АЭ I 17 (1410/17): «а что люди монастырские пошлые в городе и в селах...»; 19 (1414): «что у них село и деревни в Угличе»; АИ I 74 (1462/7): «что скажут себе купили

б. "Что в моей отчине в Володе его деревни старые", пишет волоцкий князь в жалованной грамоте 1505 г. (71). Или "кто у них (Троицко-Сергиева монастыря) в тех селех в деревнях и во дворах учнет жити людей" (72).

Когда хотели оттенить происхождение данного владения, к слову село, деревня и т. д. прибавляли выражение вотчина. Это означало приобретение по наследству, как слово купля означало приобретение по сделке. "А что моя вотчина Окинфово да Чертовское, пишет в своей духовной Есип Окинфов, да что по оца своего животе моя купля Сафонтьевское..." (73). Или в жалованной грамоте Офонасу Елчинникову: "что его вотчина деревня Быково да что его купля пустошь Булгаково в моей отчине..." (74). Обыкновенно лицо, распоряжающееся своим имуществом, почитало своим долгом указать на способ его приобретения, чтобы обосновать таким образом свое право распоряжения этим имуществом. "В тех кунах заложили есмь, читаем мы в одном из древнейших дошедших до нас актов, отчину свою село земли... на Лодьми, ораемые земли и пожни и по купной грамоте по Васильеву, отца своего..." (75). Особенно часты эти указания в данных при пожертвовании на монастырь: "дал есмь в монастырь... в дом Святой Богородицы свою отчину и дедину... Ревякинскую пустошь" или "свою вотчинную пустошь" или "свою вотчину, пустошь" (76); "село свое Оксиньинское, свою отчину" (77). Насколько мало при этом с словом вотчина связывалось указание на юридический характер владения, видно из данной конюшьего Ивана Юрьевича: "дал есми Рождеству Пресвятей Богородицы игумену Мартениану с братьею свои земли в Яньгосаре, что есмь купил у Петра Карповича, и со всем что к ним потягло, его вотчину, и с лесы и с пожнями и с селищи" (78). Свое владение Иван Юрьевич обозначает просто словом земли, но указывает титул, по которому владел этой землей продавец.

в моей вотчине в Угличский деревню Татаринскую, землю боярьскую...»; АЭ I 132 (1491): «...что их (Ирины Баламутовой с сыном) деревня Матфеевская...».

(71) АИ I 115 (1505).

(72) АЭ I 164 (1517).

(73) АЮБ I 84 I (пр. 1459), ср. Лихачев, Духов. П (1533/8), стр. 7, ниже прим. 97.

(74) Юшков, 42 (1498).

(75) АЮБ II 126 I (XIII или XIV в.).

(76) Там-же, I 52 I (1462-64), стр. 168; 63 V (1399); 63 VI (1416/7).

(77) Там-же, 63 VIII (1433/7 или 1440/48).

(78) АЭ I 41 (1448), в приложении.

То же словоупотребление находим мы в официальном языке. В жалованной грамоте Гриде Степанову белозерский князь пишет: "Что в моей отчине на Белоозере... его отчина Гришинская деревня..." (79). В жалованной грамоте Ивашке Глядящему в. к. Ивана Васильевича мы читаем: "что бил челом моей Великой княгини Софье и со своей вотчиною..." (80). "Что его деревни отчина Бькова да деревня Булакова в моей отчине в Рузском уезде", пишет рузский князь (81). Так же и в завещании волоцкого князя Бориса Васильевича: "а что есмь постоимал по своей вине села у Федора у Полева, и у его сына Василья, и у Онрея у Еропкина... их отчины, и те их села им и есть" (82).

Слово вотчина продолжает употребляться в этом же смысле — имущества, дошедшего от отца — и тогда, когда слово вотчина начинает приобретать значение юридического термина, для обозначения характера права на землю (83).

V.

Указ о беглых крестьянах 24 ноября 1598 г. (84), гласит: "Которые крестьяне из за бояр и из за дворян и из за приказных людей и из за детей боярских и из за всяких людей, из поместей и из вотчин и из Патриарховых и из митрополичьих и из владычных и из монастырских вотчин выбежали...".

Указ различает две категории владений отдельных землевладельцев: вотчины и поместья. Соответственно этому указ называет в дальнейшем два разряда землевладельцев: "помещиков и вотчинников". Совершенно очевидно, что здесь с словом вотчина связано уже указание на определенный характер земельного владения. Вот-

(79) Там-же, 379 (1484).

(80) Там-же, 120 (1487).

(81) Юшков, 55 (1502), ср. там-же, 26 (1464).

(82) ГГД I 105 (1477), стр. 252.

(83) Довольно характерным примером этого является правая грамота 1613 (АГР 91). В представленной в процессе купчей 1544 г. говорится о «вотчине деревне Бороздинской», «чем владел отец мой Кузьма». В представленной закладной 1611 г., также говорится: заложила ему «вотчину свою... деревню... отца своего Безсона оставление» Но уже ответчик утверждает, что он владеет, на основании закладной, «деревенькою вотчинною». Здесь слово «вотчинная» употреблено для характеристики владения.

(84) АИ Т 221 III (1598).

чина противопоставляется поместью, как две различные формы владения землею.

Когда и в силу каких условий произошло такое изменение значения термина вотчина?

Есть все основания предположить, что первый толчок для подобной эволюции дали вотчины служебных князей. Это своеобразное явление русской истории сыграло, вообще, большую, и недостаточно оцененную, роль в истории нашего поземельного права.

Служебные князья — явление древнее. Летописные свидетельства о нем мы имеем уже для XIII в., а документальные — для XIV в. (85). Это — владетельные князья, которые по тем ли иным основаниям перешли на службу к более могущественному князю. Иногда их вынуждала к этому потеря их вотчины (86). Но по большей части князья поступали на службу, принося с собою их отчины. "Приде служити... и с своею отчиною", как выражается летопись (87). Древнейшее документальное известие о переходе князей с отчиною относится, насколько мы могли проследить, к последним годам XIV в. (88).

Нас интересует в данной связи лишь эта последняя категория служебных князей — князья, которые, по выражению в. к. Василья Васильевича, "служат из своих отчин" (89).

Мы увидим, при изучении земель служебных князей, что, поступая на службу "из своих отчин", князья не лишались, в силу их нового служебного положения, своих прав по отношению к отчине. Не лишались они и прерогатив, обусловленных их качеством владетельных князей. Их отчины оставались отчинами в том техническом смысле этого слова, который был ему присущ в ту эпоху — в смысле отчины-княженья.

Но это был лишь исходный момент. Втечение XV и XVI вв. в положении служебных князей происходит постепенное изменение в направлении ограничения их исключительных прерогатив и низведения этих прерогатив на уровень тех льгот, которые князья предоставляли монастырям и своим служилым людям по отношению к их землям. С основаниями, обусловившими эту эволюцию, мы ознакомимся при изучении землевладения служебных князей.

(85) См., вообще, о служебных князьях ниже, гл. IV.

(86) Пример тому мы имеем в АЭ I 70 (1461).

(87) Воскрес. сп., стр. 219 (под 1490 г.).

(88) Муханов I (1393).

(89) Муханов, 7 (1449), стр. 8.

Здесь нас интересует лишь то влияние, которое эта эволюция оказала на изменение значения выражения вотчина.

До сих пор слово отчина или вотчина, не как дополнительное определение “мое село вотчина”, “моя деревня вотчинная”, а как самостоятельное обозначение владения, употреблялось лишь для владения княжеского. Теперь появляется вотчина, которая перестала быть княжением, которая по своему юридическому положению совершенно приближается к земельному владению любого боярина, но которая продолжает именоваться этим именем вотчина. В списке двинских земель 1471 г. (90), мы читаем: “то было вотчина князя Иванова Володимировича Ростовского”; “вотчина была княжа Федорова Андреевича Рязанского”. Следующий шаг—это переход этого обозначения на другие земельные владения, имеющие касательство к служебному князю. Брат Ивана Третьего, князь волоцкий Борис Васильевич пишет в своем духовном завещании: “а что есмь пожаловал Бояр своих Князя Андрея Федоровича и Князя Петра Микитича, подавал есмь им отчину в их отчины место...” (91). Здесь князь применяет слово вотчина к земельному владению, жалующему им, которое, следовательно, не является вотчиной ни в смысле владения, полученного от отца, ни в смысле вотчины-княжения. То же словупотребление находим мы у Ивана Третьего: “а что есмь пожаловал Князя Федора Ивановича Белского, дал есмь ему в вотчину город Лух с волостями... да Кинешму, да Чихачев” (92).

До сих пор в пределах княжения была только одна вотчина — самого князя. Теперь появляется несколько вотчин. И самое слово начинает употребляться во множественном числе: “А князи Новосельские Одоевские и Белевские и з своими детьми и з своими вотчинами... сыну же моему Василью к нашему Великому Княжеству”, пишет в своем завещании Иван Третий (93).

Но все это еще в пределах применения слова вотчина по отношению к князьям. Сдвиг, однако, произошел и в этом направлении. В конце XV в. рязанская великая княгиня Анна Васильевна пишет в грамоте Солотчинскому монастырю: “что Княгини Великая Софья придала борть на Михайлове горе ко Великому Зачатью, и с бортником, и с дуги, и с перевеси, и с истоки, и шло деи с тос вотчины к Зачатью по пяти пудов Рязанских: и игумену с

(90) АЭ I 94 II (1471).

(91) ГГД I 105 (1477).

(92) Там-же, 144 (1504), стр. 392.

(93) Там-же.

братиею ведать та вотчина, по старине, самим...” (94). По аналогии с владениями служебных князей и за отсутствием общего термина для обозначения земельного владения, начинают употреблять слово вотчина и в этом смысле. Особенно ярко это новое словупотребление выявляется в жалованной грамоте в. к. Василия Ивановича жителями Смоленска в 1514 г. “Что нам... был челом наш богомолец наши отчины Смоленска Владыка... и наши отчины Смоленские земли наши урядники, околниче, и князи, и бояре, и мещане, и черные люди, и все люди наши Смоленские земли... А которые отчины за ними, и что им прежние их Государеве подавали; и нам в те их отчины и во все в то не вступатися” (95). Здесь выражением “отчины” охватываются все земельные владения, всякого рода и всех без исключения категорий людей. Но великий князь чувствует, что это земельные владения различного рода, и потому к выражению “в те их отчины” прибавляет: “и во все то”.

Стремление сделать из слова вотчина выражение для обозначения вообще земельного владения, находим мы в ту же эпоху и у частных людей. В представленном в одном процессе 1534 г. духовном завещании, мы читаем: “благословила есмь сына своего Шарапа Никиту своєю отчиною куплею селцом...” (96). В другом завещании того же времени завещатель повествует: “нынеца государь княз велики Иван и государыня великая княгини Елена ту мою отчинну куплею... по моим грехом у меня взяли” (97).

Во всяком случае, несомненно, что до конца XVI в. слово вотчина, применительно к земельному владению, не является юридическим термином. Никакого определенного юридического содержания с ним не связывается. В этом убеждает исследование употребления этого выражения в законодательных актах той эпохи, где выбор выражений и обозначений был, конечно, более тщательным, чем в частных актах.

В Судебнике 1550 г. вотчина противопоставляется купле: “Кто вотчину продаст... а кто куплю продаст”. В первом случае продавец имеет право выкупа, во втором — нет. Далее добавляется: “а кто напишет свою куплю детям своим, после своего живота... то им держати в вотчину” (98). Право выкупа ограничи-

(94) АИ I 80 (1464/1501). В другой грамоте тому же монастырю та же великая княгиня пожертвованное неким Бесковым село именует куплею — там-же 81 (1464/1501).

(95) ГГД I 148 (1514).

(96) АЮБ I 52 IV (1534), ст. 187.

(97) Лихачев, Духовные II (1533/8), стр. 7.

(98) АИ I 153, ст. 85, стр. 245.

бается, по Судебнику, наследственным земельным владением. Выражение вотчина употреблено здесь в исконном смысле имущества, дошедшего от отца.

В Соборном Приговоре 1573 г. словоупотребление уже другое. Приговор противопоставляет “старинные вотчины”, о которых шла речь в Судебнике 1550 г. и которые остаются “по старому Государеву уложению”, вотчинам “Государского данья”, вотчинам пожалованным (99). Признак, положенный в основу понятия вотчины в ст. 85 Судебника, уже ступшевывается.

Но из какого признака исходит Соборный Приговор 1573 г.?

Ответ, казалось бы, можно искать в гораздо более ранней грамоте в. к. Василья Ивановича. “Пожаловал есми Василья Тимофеева сына Алексеева да сына его Ортема своими великого князя деревнями черными... а пожаловал есми... теми деревнями в вотчину... впрок ему и его детям” (100). Пожалованье именуется пожалованьем в вотчину потому, что земля передается с правом дальнейшего наследственного перехода.

Но Соборный Приговор 1573 г. выходит за пределы этого словоупотребления. “А у которого боярина... вотчина по Царской грамоте пожалована, и кому какова грамота будет дана, ему и его жене и его детям и его роду, потому и быти; а у которого в грамоте будет ему одному вотчина написана, и после его та вотчина на государя”. Вотчиной здесь именуется владение, пожалованное в пожизненное пользование. Мало того, Соборный Приговор предписывает рассматривать как вотчины, пожалованные пожизненно, все земли пожалованные, на которые не окажется налицо грамоты.

В свою очередь, отличным — и показательным — является словоупотребление приговоров двух духовных соборов, 1580 и 1584 гг. (101). Различные выражения употребляются для обозначения земельных владений, с одной стороны, частных лиц, с другой — церковных установлений и лиц. У первых — это вотчины и поместья: “многие запустение за воинскими людьми в вотчинах их и поместьях”; “вотчинником вотчин своих вперед... по душам не давати” и т. д. Отдельно говорится о вотчинах служебных князей: “а вперед княжецких вотчин в монастыри не имати... А которые монастыри покупили Княжецкие вотчины, и те вотчины взяти на Государя”.

(99) АИ I 154 XIX (1573), стр. 270.

(100) АЮБ I 30 III (1516). Та же грамота в АЭ I 162 IV.

(101) ГГД I 202 (1584), стр. 200 (1580). По терминологии эти приговоры тождественны.

По отношению к церковным лицам и установлениям выражение вотчина не употребляется: “елико есть земель и земельных угодей и елико недвижимых вещей, еже есть село и деревни, и пожни и сеножати, что до сего данная семь тысящ восемьдесят осмого генваря месяца пятого на десять дня, и возложенная Богови в Митропии и в Епископиях и по монастырем...”.

Это словоупотребление духовных соборов не случайно. Выражение вотчина в применение к церковным землям есть явление позднее (102). Лишнее доказательство, что это выражение не служило для определения юридического характера владения. Мы увидим, что в этом отношении монастырское землевладение не отличалось от частновладельческого.

Превращение слова вотчина в юридический термин, заполнение его определенным юридическим содержанием, явилось в результате появления новой формы землевладения, поместья. Мы увидим (103), что зародившись в сфере церковной, точнее, митрополичьей практики, эта форма проникает, при Иване Третьем, в государственную практику, и приобретает особое значение в результате реформ Ивана Грозного. Мы видели, что уже приговоры духовных соборов 1580 и 1584 гг. употребляют формулу “вотчины и поместья” для обозначения двух форм землевладения. Этим противопоставлением начинает определяться различный юридический характер каждой из этих форм. Процесс заканчивается к середине XVII в. Соборное Уложение 1649 г. дает в главах 16-ой и 17-ой их характеристику.

VI.

Как, при таких условиях, могло случиться, что двое первых ученых, посвятивших свое внимание истории русского поземельного права, Лакиер и Неволин, кладут в основу своих изысканий понятие вотчинного права, как права полной частной собственности, и для начального периода русской истории, и для удельного пери-

(102) Даже в летописях, т. е., задним числом, это выражение употреблено впервые под 1500 г. — ПСЛ IV, стр. 271. В актовом материале в указе 1597 г.: «которые крестьяне.. из патриарховых и из митрополичьих и из владычных и из монастырских вотчин выбежали..» — АИ I 221 П (1597). Совершенным анахронизмом и необычным по объекту является применение этого слова к городским дворам Сергиева монастыря в указе 1363/89 г.: «где, в котором городе Сергиева вотчина будет» — АЭ I 7, если только это чтение правильно.

(103) О происхождении этой формы и ее юридическом характере, см. ниже гл. 10-ю, а о дальнейшем ее развитии — т. II.

гда, а Кавелин и Чичерин строят на этой базе свою теорию вотчинного периода русской истории?

Голчок к такой постановке вопроса, направившей на ложный путь всю русскую доктрину, был дан — как это ни покажется неожиданным — нашим законодательством.

Примечание 1-ое к ст. 262 Законов Гражданских (т. X, ч. I) Свода Законов 1832 г., соответствующей позднейшей 420, начиналось с констатирования: “право собственности на недвижимые имущества в законах часто означается под именем права вотчинного и крепостного”.

Принимая во внимание, что Свод Законов должен был дать выборку действующих норм начиная лишь с Соборного Уложения 1649 г., каковое и фигурирует в качестве первой ссылки под примечанием 1-ым, нельзя даже упрекнуть редакторов Свода в неточности. Вотчинное право Соборного Уложения было, действительно, первым звеном той цепи исторической эволюции, которая привела к праву собственности ст. 420 т. X ч. I Свода Законов. Но распространение этого понятия вглубь времен, перенесение его на явления совершенно другого порядка русской истории, лежит всецело на ответственности историков права. Основанием для такого распространения послужило для них неисторическое воззрение на право собственности не как на продукт исторического развития, а как на нечто, по крайней мере, в основе своей, неизменное и присущее всем эпохам. отождествляя право вотчинное с правом собственности, в современном им догматическом представлении, они применили его к изучению явлений, которые в эти догматические рамки никоим образом уложены быть не могут.

Чтобы охватить и понять все разнообразие отношений по землевладению в нашей древней истории и в нашем средневековьи, мы должны отказаться от этих догматических критериев и искать другого метода, более адекватного изучаемым явлениям.

Метод это прямо подсказывается всем документальным материалом, к какой бы категории земель он ни относился, начиная с древнейших актов, до нас дошедших, и до самого конца XVI в.

О каких бы землях ни шла речь, о селах ли, о деревнях, пашнях, лесах, пустошах, чтобы определить их юридическое положение, акты употребляют один прием. Они характеризуют их указанием на владельца, которому данная земля принадлежит, с добавлением его общественного положения. “Земля наша Вонславская села княж Андреева Васильевича”. “Называет ту пустошь княжциной, а то, господине, пустошь земля митрополичья”. “Называет

наши деревни монастырские... твоими княжими Андреевыми Васильевича”. “Вышли из их (Троицко-Сергиева монастыря) сел в мои села Великого Князя... и в боярские села”. “Пришли те крестьяне из за разных боярщин”. “Те земли из старины боярские”. “Освободил еси ему купити землю на соху боярских и служивых”. “То земля... Пречистые Богородицы Фералонтова монастыря”. “Отдали ее волостные крестьяне против монастырских земель”. “Земля монастырская села Зелицинского”, “Феодосей митрополит пожаловал... селом церковным и своим”. Пречистые Богородицы и свою митропольскую пустошь”. “В Кречневском же погосте деревни владычни”. И т. д., и т. д.

Даже по отношению к черным землям, где, казалось, бы, определение черная есть определение по объекту, мы находим то же стремление охарактеризовать и эту землю по субъекту, которому она принадлежит. Как общее правило, земля эта именуется землею великого князя. К этому обыкновенно присоединяют другое определение: “пустоши Великого Князя нашии волости Южевские”; “та пожня наша волостная Кобылинские деревни”; “и называют деи они те земли, и лес, и пожни, и починки, и деревни своею землею к своим волостным деревням”. Не отдельный владелец как таковой, а общественная группа, к которой он принадлежит, социальное положение, занимаемое владельцем, характеризует юридическое положение земли.

Особенно ярко это воззрение отразилось в формуле, которую мы находим в актах, обязывающих лиц, которые получили землю от ее владельца в пожизненное пользование, не предпринимать никаких актов распоряжения землею: “а тех ему деревень, ни селищ, ни пустошей... не осваивати, ни окняжити, ни обоярити, ни продати, ни заложити, ни по душе не дать” (104). Земля не должна быть отчуждена ни князю (“ни окняжити”), ни боярину (“ни обоярити”), ни монастырю (“ни по душе дати”), ни передана ни какой другой категории лиц, могущих владеть землею (“ни продати, ни заложити”).

При таких условиях, единственный путь для изучения отношений по землевладению, без риска привести в это изучение чуждые этим отношениям догматические представления и насиловать их подлинную природу, это исследовать юридический характер каждой из упоминаемых в источниках категории землевладельцев по отдельности.

(104) АЭ I 74 IV (1527), ср. АМ I 118 (1510).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЗЕМЛИ ВЛАДЕТЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ

И. ЧЕРНЫЕ ЗЕМЛИ.

1.

Уже при первом чтении источников изучаемого периода бросается в глаза, что уже тогда существовало несколько категорий земель, стоящих в том или ином отношении к князьям. Наряду с селами, о которых князья выражаются "села моя купленная", "дад есмь села свои с деревнями" и т. п., рядом с такими формулами, как Волок или Звенигород "с волостями и с путями и с села", мы находим еще более частые указания на "черные земли Великого Князя".

Ряд особенностей в обозначении этих последних земель сразу же привлекает внимание.

В то время, как обычно в ту эпоху земли обозначаются по разряду лиц или учреждений, которым земля принадлежит: "земли боярские", "земли митрополичьи", "земли владычьи", "земли монастырские", здесь дается определение самых земель, и притом путем различных терминов: "пустошь наша тяглая черная волостная", "те наволоки тянут к нашей земли к Овсяниковской, к тяглой черной", "земли Великого Князя черныя, тяглыя". Эти термины встречаются во всевозможных комбинациях. Опускается то один, то другой. Иногда остается лишь один термин для характеристики земли: "променял есмь свои земли тяглыя", "деревни волостные Шикшемы", "пожля та волостная Кобылинские деревни". Часто встречается короткая формула: "черная земля", "черный лес". Прибавка к этой характеристике земли выражения "Великого Князя" явление частое, но далеко не постоянное. Достопримеча-

тельно и то, что часто, рядом с указанием на эти земли, как земли Великого Князя, стоит утверждение, что земли эти крестьянские: "земли Великого Князя Ликуржские волости наши"; "то пустошь Великого Князя наши волости Южевские"; или "земли Великого Князя, а своего владени"; "Великого Князя земли, отца своего статка, а своего владения".

Что такое черные земли?

Понятие черных земель одно из основных в истории русского права. Оно является не только центральным для истории крестьянского права, но его определение необходимо и для выяснения происхождения у нас частной собственности. С этим понятием связан и ряд других вопросов истории русского права.

К сожалению, историки права не посвятили ему достаточно внимания. Те из них, кто остановился на нем, ограничиваются формулировкой, в аподиктической форме, своего впечатления от чтения источников.

Чичерин подходит к вопросу о черных землях чрез сельские общины. "Черными у нас были те сельские общины, которые в Средние Века, по общему земель оставались вне сферы владельческой деятельности князя-вотчинника, их слуг, монастырей и других церковных установлений". "Черная земля принадлежала ему (князю) не по государственному праву, а по праву собственности" (1).

Сергеевич чрезвычайно скуп в своих суждениях о черных землях. Приступая к вопросу о крестьянах, сидевших "на черных, тяглых волостных землях", он говорит (2): "первый вопрос, который здесь возникает, есть вопрос о том, чью собственность составляют земли, на которых сидят черные, тяглые волостные люди". Его ответ: "эти земли составляют собственность великих князей московских. Они были приобретены ими самыми разнообразными способами, начиная куплей и кончая конфискацией. Эти свои земли московские государи оставляли во владении и пользовании тех крестьян, которых нашли на месте и которые сидели там на основании порядных с прежними собственниками этих земель. К этим крестьянам перешло владение и пользование не только той землей, которую они занимали по порядной, но и всеми угодьями прежних собственников, их лесами, лугами, озерами, реками. Крестьяне съездики земель стали на место прежних собственников". Таким

(1) Опыт, стр. 43 и 91.

(2) Русские юридические древности, II (2-е изд.), стр. 225.

образом, для Сергеевича, черные земли это земли, перешедшие в собственность московского князя, который оставляет их в пользовании крестьян.

Для Владимирского-Буданова вопрос о черных землях растворяется в вопросе о “черных волостях”, союзах, “владеющих сообца землею” и “находящихся в круговой зависимости по уплате податей и отпращиванию повинностей”. Черные земли суть общинные земли, находящиеся в собственности общины (волости) (3).

Наиболее показательным для современного положения вопроса о черных землях является отношение к нему последнего, по времени, автора, коснувшегося вопросов русского поземельного права, Веселовского (4).

Выясняя природу иммунитета, Веселовский говорит: “сущность податного и судебного иммунитета сводилась к нескольким основным, но устойчивым положениям, из которых вытекал, более или менее последовательно, ряд побочных, образуя в целом то, что называется белым землевладением, белыми землями в противоположность черным. Тарханно-подсудная грамота выделяла грамотчика и его владения в административном, податном и судебном отношениях из общей массы черных людей и земель. Черные люди жили на земле князя и несли всякое тягло и службы под дворским и сотским”. Единственное заключение, которое можно сделать из этого утверждения, это — что все земли, на которых оседали черные люди, были, по Веселовскому, первоначально черными. Только тарханно-несудимыя грамоты внесли изменение в это положение, превратив владения грамотчиков в белые земли. Такая концепция означала бы возврат к учению Лакьера, по которому государь был обладателем всей российской территории, и частная собственность вытекла из государственной. Это тем более удивительно, что, по утверждению самого Веселовского, “происхождение права частной земельной собственности, его характер и составные элементы нам совершенно неизвестны”.

Ни Веселовский, ни предыдущие авторы не определили, какое содержание вкладывалось в понятие черных земель. Повидимому, они заимствуют это содержание из того противоположения белых и черных земель, которое сложилось только в XVII в., перенеся это понятие в прошлое. Не задались они и вопросами, в каком отно-

(3) Обзор истории русского права, 4-е изд., стр. 134, 135, прим. 1 и 552 сл.

(4) К вопросу о происхождении вотчинного режима, 1926, стр. 31, 32 и 26.

шении стояли понятия черных земель и черных людей, были ли черные земли особой категорией князьих земель, или под это понятие попадали все земли князя. Они подошли к вопросу о черных землях с точки зрения его функциональной зависимости от главной их интересующей темы, была ли то земельная община, волость или иммунитет.

Чтобы подойти к выяснению понятия черных земель, постараемся проследить, по источникам изучаемого периода, значение каждого из обозначений, применяемых к ним.

Старейшее в источниках упоминание о черных землях мы находим в договоре Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем от 1388 г.: “а которые слуги к дворскому, а черные люди к становщику, тых в службу не приимати... а землю их не купиши” (5). Черные люди, которые названы здесь в связи с их землями, упоминаются в источниках гораздо более ранних. Мы находим их уже в XI в.: “а се вина князю творяху: не блюдешь людей черни” (6). Особенно часты указания на них по поводу Новгорода. При перечислении населения Новгорода они фигурируют неизменно, но всегда на последнем месте, как низший класс вольных людей: “посадник... и старые посадники, тысяцкий... и старые тысяцкие и бояре, и житии люди и купцы и черные люди, весь Великий Новгород отчина твоя, мужи волны” (7). Черные люди — мужи волны, свободные люди, но это низший класс свободных людей, называемый неизменно на последнем месте. “А по ним бояре и болюши люди, а потом народ и черные люди” (8). И это явление общерусское, засвидетельствованное нам и для других местностей России. Летопись передает нам, под 1185 г., слова князей Святослава Ольговича и Игоря, где черные люди противопоставляются дружине (9). Находим мы черных людей и в Ростове (10).

(5) ГГД I, 33 (1388). Уже в договоре 1362 г., между теми же лицами — там же, 27 — содержится обязательство не принимать в службу черных людей, которые «потягли к сотникам». Но о землях этих черных людей там не упоминается.

(6) Воскрес. сп. под 1136 г. стр. 30, ср. также стр. 160 под 1255 г.; 168 под 1268 г.

(7) Воскрес. сп. стр. 188, под 1478 г.; ср. для Пскова Никонской еп., стр. 173, под 1478 г.; АЭ I 8 (в нач. 1372).

(8) Воскрес. сп., стр. 45, под 1382 г.

(9) Ипатьевский сп., стр. 432, под 1185 г.: «оже побегнем, утечем сами, а черные люди оставим, то от Бога ны будет грех, сих выдавше пойдешь».

(10) «Вси бояре и дети боярские и житии и черные люди» — Карамзин. История Государства Российского, V прим. 106.

сына, освободил есмь ему на Вологде купити земли, на соху, боярских и служных и черных тяглых земель, кто ему продасть; а с тою землей с слугами и с черными людьми не тянет; а служити своею братьею с детьми с боярскими” (15).

Овладение, оккупация черной земли была также закрыта для нетяглых людей. Фактический захват ими черных земель не создавал для них никаких юридических последствий, никаких прав. Чтобы это фактическое овладение превратилось в право, необходим был специальный акт княжеской власти. “Се яз Князь В. Василей Иванович всея Руси пожаловал есмь Троецкого монастыря, что на Копири на Белых Песках... что посадил на моей на В. Князя земле на черной на Каширском уезде в Туравской волости... три починки...” (16). Князь *post factum* санкционирует этот захват, превращая его в право. То же самое находим мы и в эпоху Ивана Грозного для Спасо-Прилуцкого монастыря: “Игумен Федор с братьею били челом, сказывают, что де он строит пустынь и перковь Боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа, на моем Великого Князя черном лесу...”. Великий князь идет им на встречу, дает им разрешение расчищать черный лес на двенадцать верст во все стороны от монастыря. При этом он употребляет чрезвычайно характерное выражение для этих занятых ими мест: “займища” (17, 18).

Источники дают нам доказательство, что такая последующая санкция захвата черных земель и, следовательно, оформление этого захвата, могла совершаться и в форме внесения, “по Великого Князя слову”, таких захваченных земель в писцовые книги на имя нового владельца: “В волости в Череповской... монастырек (Успения Пречистой) стал нове после писма на Великого Князя на лесу на черном” (19).

В непосредственной связи с тяглым характером черных земель возникло, в историческом процессе, обозначение черных земель как земель волостных.

(15) Воспроизведена в правой грамоте 1503 г. — АЮ 9, стр. 18. Ср. также АЭ I 36 (1438), где разрешение купить черные земли дается Ферапонтову монастырю, и АЮ 72 (пр. 1427): доложу тиуна... Князь Юрьева Васильевича.

(16) АГР 57 (1532), стр. 97. Так же Юшков 132 (1583): «... что сели те деревни на лесу на черном после писцов».

(17) АЭ I 208 (1546).

(18) Мы увидим, при изучении следующего периода, что те же условия вызвали в Сибири существование целого института «займоки».

(19) Сотная с книг Белозерских писма... АГР 63 (1549).

Мы видели, при изучении черных крестьян (20), что волость, в тесном смысле слова, была мелким административным делением, обнимающим черные земли данной местности. Функции ее были связаны с лежащим на этих землях тяглом. Обеспечить выполнение падающих на черные земли данной волости повинностей — такова была задача волости. Земли были волостными, потому что они входили в состав данной волости. Крестьяне черные в своих протестах за землю опираются на волость и неизменно выдвигают принадлежность данной земли к данной волости. “Пустоши... наши волости Южские”; “земли... наши волости Шутковские”; “четыре починка... поставили мы... на великого князя земле... Гороховские волости” (21).

Крестьянская волость есть явление позднейшее. Древнейшее свидетельство, которое может быть отнесено к крестьянской волости, не восходит дальше первой четверти XV в. Это приведенная выше грамота в. к. Василья Дмитриевича митрополиту Фотию, в которой он разрешает митрополиту “купити на Тамше деревню Яковльскую волостную; а что доселе та деревня тянула судом и всеми поплинами к волости на Тамше, и нынечь та деревня тянет судом и всеми поплинами к отцу моему Фотию... опричь дани моей и яму к волости ей не тянут ничем...” (22). Не исключена возможность, что и здесь дело еще не идет о крестьянской волости, а о волости, как общем судебно-административном округе. То же самое можно сказать и о “волостных людях”, упоминаемых в жалованной грамоте 1442/3 г. (23). Несомненные свидетельства о крестьянской волости мы имеем только от второй половины XV века (24).

Но не только этот отрицательный факт — отсутствие более ранних упоминаний о крестьянской волости — говорит за ее позднейшее происхождение. На это имеются и положительные доказательства.

В более древнем документальном материале, где имеется упоминание о черных землях, мы нигде не находим указаний на волость. Не к волости тянет черный крестьянин, а “в свой погост”, к

(20) Выше, разд. I, гл. 2-ая § V.

(21) АЮ 3 (1485/505); АГР 13 (то же); Лихачев VII (1529), стр. 167.

(22) АЭ I 20 (1421).

(23) АЮБ I 30 I (1442/3).

(24) См. правую грамоту 1462/4 г. по делу Симоньва монастыря с крестьянином Пехорской волости — АЮБ I 52 I (1462/64), а также АЮ 3 (1485/505) и 4 (пр. 1490).

Не подлежит сомнению, что не все черные люди сидели на земле. Черные люди Новгорода были и ремесленниками, и у бояр и купцов служили. В указанных выше договорах Дмитрия Донского говорится также не обо всех черных людях, а только о тех, которые "потягли к сотнику" или "к становщику". Только о таких черных людях говорится и в позднейших междукняжеских договорах(11). Черные люди начинали тянуть к сотнику, сотскому, к становщику, когда они оседали на земли, входившие в состав стана.

Вопрос лишь в том, достаточно ли было черному человеку осесть на какой бы то ни было земле, чтобы попасть в категорию черных людей, тянувших к сотнику, или дело идет о специальном разряде земель.

Ответ на этот вопрос мы находим в вышеприведенном договоре 1388 г. Установив обязательство не покупать земель черных людей, договор продолжает: "А хто будет покупил земли... черных людей, по Отце моего животе по Князя Великого по Иванова, а те хто взможет выкупити, ине выкупят; а не взмогут выкупити, ине потянут к черным людям; а хто не възсочет тянути, ине ся земля съступят, а земли черным людям даром" (12). Из этого вытекает с несомненностью одно: земли, о которых идет здесь речь, были такого рода, что все сидящие на них, будь то черный человек, или нет, должен был тянуть с них тягло.

Уже одна эта черта проводит резкую грань между черными землями и землями владельческими: боярскими, и монастырскими, и митрополичьими или владычными. Мы видели, что крестьяне должны были нести тягло, на чьей бы земле они ни сидели, ибо они были людьми тяглыми. Но с владельческих земель никто тягла не тянул, кроме крестьян, людей черных. На черной же земле лежало тягло как на таковой, кто бы эти земли ни занимал. Недаром, как мы видели, крестьяне называли эту землю "наша земля черная тяглая". "Тянут к нашей земле к тяглой, к черной"; "купити... черных тяглых земель", "земли Великого Князя черными тяглыми"; "пустошь наша тяглая черная волостная" (13), и т. д., и т. д. Черная земля является тяглой по существу, землей предназначенной быть источником тягла.

(11) ГГД I 35 (1389); 45 (1433); 78 (1451) и др.

(12) ГГД I 33 (1388), стр. 57.

(13) АЮ 4 (пр. 1490); 9 (1503); АЮБ I 52 II (1462—1505); там же, 52 III, (пр. 1490); АР 34 (1505/33).

II.

Черные земли — земли тяглые. Черные люди — люди тяглые. Источники свидетельствуют о несомненной и неразрывной связи между ними. Договор Дмитрия Донского помогает определить эту связь.

Люди нетяглые не должны покупать у черных людей их земли. Если такая продажа совершилась, она должна быть расторгнута. Если продавцов уже нет налицо, нетяглый покупатель должен тянуть тягло. В противном случае "земли черным людям даром". Черные земли предназначены для черных людей. Только черным людям предоставлено занимать их.

Мы видели, при изучении черных крестьян, что делалось это совершенно свободно. Заняв участок черной земли, поставив свой двор, расчистив свой участок для пашни, для сенокоса и т. п., черный человек уже в силу этого становился владельцем своей деревни, получал на нее право в размерах приложенного труда, "куда соха коса топор ходили". Он становился черным крестьянином. Единственная обязанность, которая на нем лежала, это нести тягло с участка "по силе", т. е. в размерах занятого участка, вложенного им труда. И он сохранял свое право, доколе не передавал его такому же черному человеку, как он сам, что делалось совершенно свободно, или пока он не покидал занятого участка, что, при господстве свободного крестьянского выхода, происходило также совершенно свободно.

Черные земли всегда открыты для черных людей, ибо они предназначены для несения тягла. Это и выражено в договоре Дмитрия Донского в словах "земли черным людям даром". Можно даже предположить, что самое означение этих земель черными произошло от имени черных людей, коим исторически принадлежит приоритет.

Напротив, для нетяглых людей черные земли закрыты. Они не могут занимать эти земли, осваивать их. Не могут и приобретать их без специального на то княжеского разрешения. Но если такое разрешение дано, земля выходит из категории черных земель. "Ослюбодил есми отцу своему Фотию, митрополиту Киевскому и всеа Руси, купити на Талше деревню Яковльскую волостную", пишет в. к. Василий Дмитриевич (14). "Пожаловал есми Злобу Васильева

(14) АЭ I 20 (1421); см. о той же деревне Яковлевской грамоту Василия Васильевича — Горчаков, стр. 13 II (1456).

стану, становщику или к сотскому (25). Междукняжеский договор 1388 г., определяя положение служилых людей, купивших черные земли, постановляет "ине потянут к черным людям". В жалованной грамоте Ивану Кафтыреву, в. к. Василий Дмитриевич, представляя срочную льготу сидящим на его земле крестьянам, говорит о них: "а отсыдят свой урок, и они потянут в дань мою по силе, а судом к городу" (26).

Когда появляется крестьянская волость, на место выражения "тянуть к черным людям" употребляется выражение "тянуть к волости". "Земля наша волостная черная тяглая", говорят Залесчане, крестьяне волости Залесья, "а тянула та земля к Залесью всемя потуни" (27). Знохари Южской волости показывают: "мы, господине, помним за пятьдесят лет, что те пустоши Великого Князя, а тянули к Югу" (28). Староста и крестьяне Залеской волости выражаются так: "те наволоки тянули к нашей земле к Овсяниковской, к тяглаю, к черной, из старины" (29).

Мы можем заключить из этого, что волость моложе, нежели черные земли. Черные земли существовали, когда еще волости не было.

С другой стороны, когда крестьянская волость уже возникла, не все черные земли были волостными, тянули к волости. Ряд актов конца XV и XVI вв., относящихся несомненно к черным землям, занятым отдельными крестьянами, не только не содержат никаких указаний на волость, но, напротив, своим содержанием приводят к убеждению, что сидящие на них крестьяне в состав волости не входили.

В двух правых грамотах последней четверти XV в. мы видим двух истцов, Гридку Голузнивого и Ондрейку Пелепелкина, которые ищут своих участков, захваченных, по их словам, у первого — Симоновым монастырем, у второго — митрополичьим поселским. Первый из истцов обозначает свой участок "землею Великого Князя черною тяглою". Второй говорит о "земле великого князя" и употребляет при этом выражение "селище" (30). В процессе начала XVI в. два брата, Докуня и Сила, излагают свое дело так: "а то, господине, пожня наша черная, на которой стоите, роз-

(25) ГГД I 3 (1270); 27 (1362); 33 (1388); 35 (1389).

(26) Юшков, 4 (1424).

(27) АГР (1505/33).

(28) АЮ 3 (1485/505), стр. 5.

(29) Там-же, 4 (пр. 1490).

(30) АЮБ I 52 И (1462/505) и 103 П (1481/505).

чить, господине, отца нашего, а отец наш, господине, косил лет семдесят, а опосле, господине, отца своего косим ее мы с своим братом Докунею дватцать лет" (31). В процессе Николаевского Корельского монастыря с двумя ответчиками относительно деревни и полудеревни в Карзиной Курье, якобы захваченных ответчиками, были представлены несколько отступных 1537 г., 1545 у. и 1559 г., по которым владельцы уступили свои участки. Участки эти характеризуются продавцами, как "земли Великого Князя, а своего владенья" или "земли Великого Князя, отца своего статка, а своего владенья", и продавцы мотивируют продажу участков тем, что они "не измогли еся" платить дани великому князю и служить его службу, "хлеб посыпной в житницу сыпати" и нести "всяких розрубов земских" (32).

Во всех этих актах прямо указано, что дело идет о черных землях. Что сидевшие на них владельцы были обычными крестьянами явствует из целого ряда указаний. На это указывает обозначение земли землей великого князя с характернейшей прибавкой "а своего владенья". Об этом свидетельствует тягло, о котором говорится в актах. Наконец, самый способ, коим означенные лица вошли во владение своими участками, говорит за это. Докуня и Ондрейко свою пожню называют рощистью своего отца. Пелепелкин обозначает свой участок словом "селище", т. е. местом, которое он заселил. И при всем том нигде абсолютно ни малейших признаков волости, ни ее присутствия, ни ее вмешательства.

Мы можем почерпнуть в этих актах и некоторые данные, объясняющие как возникали такие крестьянские участки вне волости.

Отец Докуни и Силы произвел "рощисть". Дело шло, очевидно, о совершенно девственных местах, до того момента оставшихся вне всякого поселения. Ондрейко, который употребляет необычное выражение "селище", тоже, повидимому был первым поселенцем на данном месте. Если это имело место в достаточном отдалении от прочих крестьянских поселений, то эти крестьяне могли долго оставаться вне волости, которая возникала лишь в местах более или менее сплошного заселения. Такие одиночки оказывались вне волости и тянули судом и данью непосредственно к княжеским данщикам и доводчикам, да и то лишь в той мере, в какой эти лица до них добирались. Мы найдем в XVII в. в Сибири целые поселения, которые оставались вне всякого воздействия властей и по отно-

(31) Лихачев, XIII (1504/5), стр. 237.

(32) АЮ 23 (1571).

шению к которым центральная власть принимала меры, чтобы привлечь их к обложению. В XV в. то же могло иметь место и в Европейской России, особенно на Севере.

III.

Остается еще один, четвертый, термин, который применяется к черным землям, правда, не всегда, а начиная с последней четверти XV и, по преимуществу, в XVI вв. — “земля Великого Князя”. Какое бы содержание ни вкладывать в этот последний термин, характеризующий черные земли, несомненно одно: он указывает на какую-то непосредственную связь черных земель с князем. И первый вопрос, который возникает, это — все ли земли великого князя являются черными землями, или это только одна из категорий земель, принадлежащих великому князю или имеющих к нему отношение.

На этот вопрос мы имеем в источниках совершенно определенный и неподлежащий сомнению ответ.

Достаточно вспомнить хотя бы неоднократно упомянутую нами грамоту в. к. Василия Ивановича относительно Сестры реки (33), чтобы убедиться, что князья определенно противопоставляли черных крестьян крестьянам “моим Великого Князя”. А так как крестьяне именовались по землям, на которых они сидели, то очевидно, что были два разряда земель, имеющих отношение к великому князю. И, действительно, какую бы категорию документов, затрагивающих княжеские земли ни взять, всюду мы найдем, кроме черных земель, земли, к которым князья прилагают обозначение “мой”. Чрезвычайно характерно, что к этим последним землям князья применяют неизменно выражение, которое является техническим для обозначения частновладельческих сельско-хозяйственных земель, выражение “село”. Как источники говорят о селах боярских, митрополичьих, монастырских, владычных, так имеются и села княжьи. Князья говорят: “дал есмь свое село”, “село наше купля”, “что есмь купил” (34), а правые грамоты: “Великого Князя Шипинского села”, “Великого Князя Борисовского села” (35).

(33) Воспроизведена в правой грам. 1539 — АГР 49.

(34) См. любое княжеское завещание, напр. Ивана Калиты — ГГД I 21 и 22 (1328); Дмитрия Ивановича — там-же, 34 (1389). Жалов. грам. — АИ I 15 (1404); АЭ I 64 (ок. 1460); АИ I 165 (1556).

(35) АГР 53 (1540); 56 (1542).

Напротив, никогда мы не найдем выражения село в применении к черным землям. Они обозначаются исключительно или словом земля, или более точным указанием на род угодья: пустошь, пожня, пашня, лес. Когда речь идет об участках, занимаемых черными крестьянами, употребляется выражение “черная деревня”: “пожаловал есми... своими Великого Князя деревнями черными” (36) или “всем крестьяном, которые в тех черных деревнях живут” (37).

Таких образом, черные земли резко отделяются от земель, принадлежащих лично князьям, и обозначаемых обычным для частных владений именем села.

Чрезвычайно поучительным для выяснения сущности различия между черными землями и личными владениями князя является анализ княжеских духовных грамот.

Прежде всего, останавливает внимание один факт: черные земли как таковые никогда в этих завещаниях не упоминаются. Это тем более достопримечательно, что в этих завещаниях с необыкновенной тщательностью перечисляется всякое имущество, включая отдельные ценные вещи.

Нам приходилось уже констатировать (38), что в своих духовных грамотах князья определенно различают передачу княжества и распределение своего личного имущества. “Приказывал” свою отчину сыновьям, он распределяет между ними свой стол, свою княжескую власть. Если сыновей несколько, это ведет к созданию нескольких княжений, нескольких уделов. Разделение княжения производится по городам с тяготеющими к ним административными округами, волостями. “Роздавал есмь сыновом своим города своеа отчины по частем, на чем имя княжити”, выражается летопись о Дмитрии Донском (39). “А дал есмь, читаем мы в древнейшем известном нам княжеском завещании, Ивана Калиты, сыну своему болшему Семену Можайск со всем волостми, Коломну со всеми коломенскими волостми... А се даю сыну своему Ивану Звенигород” (40).

Рядом шло распределение личного имущества князя. При этом личные земельные владения князя фигурируют, под именем сел, во всех без исключения княжеских духовных грамотах. Порядок

(36) АЮБ I 30 III (1516).

(37) Дьяконов, II 15 (1550), ср. АЮБ III 286 (1555).

(38) См. выше стр. 166 сл.

(39) Воскрес. сп. под 1389 г., стр. 56.

(40) ГГД I 22 (1328).

распределения здесь неодинаков в различных завещаниях. Иногда села распределяются поименно между сыновьями. “А дал есмь сыну своему болшему Семену.... село Астафьевское, село на Северьеце в Похрянском уезде, село Костянтиновское... А се дал сыну своему Ивану... село Рюховское, село Каменечское...” (41). Иногда же дается разом группа сел, тяготеющих к данному городу. Во втором завещании того же Ивана Калиты мы находим, между прочим, такую формулу: “А одричь Московских сел, даю сыну своему Семену села своя купленная: село Авоковское” (42).

Порядок распределения между детьми отдельных сел представлял значительные неудобства. Село одного брата оказывалось в княжнии другого, что ставило первого в зависимость от княжеской власти другого и могло породить конфликты. Поэтому в последующем устанавливается обычно порядок распределения сел по группам в зависимости от судьбы города, к которому села тяготели. “А се даю сыну моему князю Дмитрею: Можаяск со всеми волостми, и с селы и бортью и с тамгою и со всеми пошпинами... А се даю сыну своему князю Ивану: Звенигород со всеми волостми и с мытами и с селы...” (43).

Села следовали за городом с его волостями. Так складывается формула “с волостми и с селы” (44), или “с волостми, с путми и селы” (45), для обозначения всей передаваемой территории.

При таких условиях не может подлежать сомнению, что черные земли, о которых в завещаниях никогда прямо не упоминается, входили в состав волости. Говоря волость, князь тем самым говорит о черных землях, составляющих территорию данной волости. Волость, как административная единица, есть совокупность черных земель в границах волости. Выделяются лишь села с тяготеющими к ним деревнями, частные владения, самих ли князей, или их бояр, служилых людей или церковных установлений.

Черные земли, таким образом, следуют за княжением. Они попадают во власть того князя, в чьем уделе они расположены. У всякого удельного князя свои черные земли. Это все земли, находящиеся в пределах его удела, но не состоящие ни в чьем частном владении, в том числе и самого князя.

Источники дают непосредственные доказательства, что у всех

(41) Там-же, 21 (1328).

(42) Там-же, 22 (1328).

(43) Там-же, 25 (1356).

(44) Там-же, 39 (1406); 41 (1423).

(45) Там-же, 51 (1434); 105 (1477); 121 (1486); 144 (1504).

владельцев князей, а не только у великих князей, были черные земли.

“Се яз князь Юрий Васильевич... променял есмь им свои земли тягале...” (46). Другой удельный князь, Михаил Андреевич, пишет: “Променил есми Олешке... свои земли черны...” (47). Проси о размежевании земель, Троицко-Сергиев монастырь обращается к к. Андрею Васильевичу (одному из двух Андреев, сыновей в. к. Василья Васильевича) с заявлением: “заныжо твой крестьянин Кобылинского стану... называет наши деревни монастырьские... твоими княжими Андреевыми Васильевича”. Князь удовлетворяет просьбу монастыря на том основании, что крестьяне “тех земель, деревень и пожень не искали за полгредьятать лет” (48). Из определения, добавленного к слову крестьян “Кобылинского стану”, явствует, что дело идет не о личных землях (“селах”) к. Андрея Васильевича.

Черные земли всякого владетельного князя, будь то великий князь, или рядовой удельный князь, являются его землями потому, что они расположены в пределах подвластной ему территории. И князья определено различают эти земли от земель, принадлежащих им лично, как владельцам. Идея территориального верховенства, в отличие от частного права, присуща уже тогдашнему правосознанию. Разительное доказательство тому мы имеем в завещании в. к. Василья Васильевича. Говоря о пожалованных и проданных им его селах, он распоряжается: “ино те мои села моим детем, в чьем уделе будут, ино тому то и есть” (49). Это не значит, что эти села должны быть отобраны у приобретателей, и возвращены его детям, но что на них будут распространяться верховные права князя удела, где они находятся.

И язык, которым князья говорят о земельных владениях, принадлежащих им лично, совершенно определено подчеркивает, что они отдают себе полный отчет, что право их на эти земли совершенно отлично от той власти, которую они имеют по отношению ко всей территории своего княжения. “Села своя купленная”; “а

(46) АЮБ II 156 VI. Дело идет о брате Ивана Третьего, скончавшемся в 1483 г.

(47) Там-же, 156 VIII (ок. 1479). О черных землях этого же князя свидетельствует и правая грамота в. к. Василья Ивановича по спорному делу крестьян с Ферапонтовым монастырем — АЮ 11 (1504), стр. 21.

(48) Мейчик, стр. 114 (1467). Та же грамота, без точной даты, АГР 9.

(49) ПГД I 86 и 87 (1462), стр. 205-6.

что есмь купил село... половину есмь купил, а половину есмь сменил"; "своего прикупа село"; "а кому буду давал своим Князьям и Бояром и детям боярским свои села в жалованье или хотя и в куплю кому дал" (50). Те же самые выражения находим мы и в уставных грамотах (51), и в жалованных грамотах (52). Особенно характерно здесь сопоставление: "что их села в Оуглечском оуезде, и которые люди от них вышли из их сел в мои села великого князя или в села в мое великое княгыни и в боярские села" (53). или употребленное еще в XIV в. выражение: "а ям... коли мои села Князя Великого дадут тогда и митрополич дадут" (54).

Так обозначилось совершенно отчетливо противоположение черных земель и сел лично княжеских, которое в последующем выступает с полной яркостью. В дошедших до нас писцовых книгах 1539/40 г. (по Тверскому уезду) мы читаем: "Волость Захожье, а в ней великого князя села и деревни... В той же волости деревни черные..." (55). Так же и для других волостей (56). Особенно характерна одна запись: "Великого Князя деревня Суково, а бывала черная" (57). Эту деревню князь взял в свое личное владение:

В XVII в. земли черные и личные царские продолжают противоборствовать одни другим с той же отчетливостью. "Поимали государевы дворцовые села и черные волости в поместья и вотчины", рассказывает Соборный Приговор 1620 г. (58).

Источники свидетельствуют, что черными землями князь распоряжался на тех же основаниях и в тех же формах, как он распоряжался, вообще, своим княжением.

Черные земли предназначены для насаждения тягла. Определенные тягла есть прерогатива князя. Он всегда может заменить обычные формы обложения оброком. "По Государеву и Великого Князя Федора Ивановича всея Руси слову... дал на оброк, впервые. Ун-

(50) Там-же, 21 и 22 (1328); 34 (1389); 86 и 87 (1462) и др.

(51) «Пожаловал своих подклетных сел, Села Ивановского крестьян...» АИ I 165 (1550).

(52) Там-же, 15 (1404).

(53) АЮБ I 37 (1455/62). Та же грамота в менее исправном виде АЭ I 64.

(54) АЭ I 9 (1389 или 1404).

(55) Писцовые книги XVI в., II, стр., 40 и 49.

(56) Напр., волость Суземье, там-же, стр. 61 и 64.

(57) Там-же стр. 59.

(58) АЮБ III 275 (1620).

жевского уезду Спаские волости крестьянину... Куские волости дикой пустой лес..." (59).

Князь жалуется черные земли за службу. "Пожаловал есмь, пишет в. к. Василий Иванович, Василья Тимофеева сына Алексеева... своими великого князя деревнями черными..." (60). Великий князь означает здесь черные деревни своими, как он говорит о "моих боярах" или о "моих боярских детях". Жалуя Покровскому женскому монастырю 21 деревню черную, царь Иван Васильевич говорит просто "черные земли", не прибавляя "свои" (61).

Совершенно так же, осуществляя свои верховные права, князь меняет черные земли (62), как он может произвести обмен части своей территории или уступить часть территории.

Наконец, в том же порядке князь дает разрешение нетяглым людям на приобретение черной земли или санкционирует их захват черной земли (63). Здесь особенно ярко выступает, что дело идет не о личной земле князя.

Во всех этих актах князь действует не как владелец земли, а как правитель или, выражаясь на языке современных понятий, как носитель верховной власти.

В изучаемую эпоху было уже совершенно ясно осознано, что, распоряжаясь черными землями, князь действует иначе, чем когда распоряжается своими личными селами, что отношение его к тем и другим различно. Но дальше этого дело не пошло, и здесь расхождение древнего правосознания с современным. Для нас тогдашние черные земли это государственное имущество. Тогдашнее правосознание не дало до обособления идеи государства от идеи князя-государя, главы государства. В лице князя олицетворялось само государство. Нужен был еще длинный исторический процесс, чтобы образовалось абстрактное понятие государства. Образованию этого понятия препятствовало, прежде всего, раздробление государства на уделы. Должна была не только родиться, но и окрепнуть идея "всея Руси", идея единой державы. Только после бедствий смутного времени, после избрания новой династии, укрепилась в народном сознании идея государства, как такового, и государя, как его представителя.

(59) АЮ 172 (1587). О такой же оброчной черной земле идет речь в челобитной 1586/7 г., воспроизведенной АЮ 26 (1612).

(60) АЮБ I 30 III (1516). Та же грамота — АЭ I 162. См. также Ошков 81 (1511); 96 (1515) и др.

(61) Дьяконов II 15 (1550).

(62) АЮ 104 (1566).

(63) См. выше стр. 185 сл.

Однако, — и это факт чрезвычайно интересный, — проблески идеи государственного характера черных земель находят уже тогда свое выражение в народном языке.

Начиная с последней четверти XV в. крестьяне, в своих выступлениях на суде или в совершаемых ими актах, желая точно охарактеризовать земли, на которых они сидят, к их характеристике: черные, тяглые, волостные, присоединяют еще определение: “великого князя”: “пустоши Великого князя пашие волости Южские”; “земли Великого Князя Лихуржской волости тяглые наши”; “земля и пожня на которой стоиш Великого Князя черная нашей деревни Зубцевские” (64). Когда дело идет об участке отдельного крестьянина, указание на великого князя сопровождается определением “а моего владения” (65). Иногда даже ограничиваются для характеристики земли одним этим эпитетом “великого князя”. Жалуясь на Симонов монастырь, крестьяне Перхарской волости говорят: “а се, господине, церковь святыи Спас, и озера, и деревни, и пустоши твои великого князя” (66). В процессе против Ферапонтова монастыря крестьяне обвиняют монастырь: “нас в Великого Князя землях волочит и продает” (67). Такой же оборот речи употребляют и отдельные крестьяне: “а мне, господине, тот лес дала волость, ...а то, господине, лес Великого Князя, Волоцкой” (68). Или: “то, господине, селище Поповское земля великого князя” (69). Однако, даже в XVI в., когда эта прибавка становится обычной, она неоднократно отсутствует (70).

Какое содержание вкладывается крестьянами в это выражение?

Самый яркий ответ на этот вопрос дает ответ крестьян на суде в одном процессе 1534 г.: “и ответчики Гридя Череп с товарищи тако ркли: то, господине, земля на которой стоиш, Божья да Государя Великого Князя Есюинские волости; а роспаша и ржи наши: а нашим, господине, те лесы мы” (71). Земля — великого

(64) АЮ 3 (1485/505); 8 (1498/565); АГР 13 (1485/1505); 21 (1506).

(65) См. несколько отступных 1537, 1559, 1563 гг., воспроизведенных в правой грамоте 1571 г. — АЮ 23. Ср. также там же 26 (1612).

(66) АЮБ I 52 I (1462/4).

(67) АЮ 11 (1504).

(68) Там же, 6 (пр. 1490).

(69) АЮБ I 103 II (1481/505); см. также там же, 52 II (1462/505); АГР 19 (1505).

(70) См., напр., АЮ 4 (пр. 1490); АЮБ I 52 III (1490); Лихачев XIII (1504), стр. 237; АГР 15 (1505); АЮБ I 52 VI (1555).

(71) АЮ 20 (1534).

князя в том же смысле, в каком она Божья. Она находится под властью Бога и Великого Князя. Крестьянина лишь то, во что он вложил свой труд: роспаша и ржи. Никому больше она не принадлежит. Великий князь взят здесь как символ, как воплощение земной власти. Идея, по существу, совершенно та же, которая в нашем языке выражается обозначением “земли государственные”.

Именно потому, что великий князь берется здесь, как олицетворение, как символ государства, употребляется это абстрактное обозначение, без указания на правящего в тот момент великого князя. И вот почему всегда говорится великого князя, хотя черные земли были расположены и в уделах. Может быть, самое появление этой формулы “земля Великого Князя” только к концу царствования Ивана Третьего и распространение ее при Василье Ивановиче обусловлено было возникновением и укреплением идеи единодержавия.

Так сложилось столь необычное обозначение черных земель не по владельцу земли, а по разным признакам, из которых ни один не является достаточным, чтобы охарактеризовать ее. Земля черная, но черные люди сидят и не на черных землях. Земля тяглая, но тягло несут и крестьяне, сидящие на прочих землях. Земля волостная, но есть черные земли не волостные. Определенного владельца, указанием на которого определялся бы характер земли, у черной земли нет. Когда является сознание, что это общее достояние, открытое для всякого желающего на ней трудиться, это находит свое выражение в формуле: земля Божья и Великого Князя.

П Р И Л О Ж Е Н И Е.

“КРЕСТЬЯНЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ”

Выяснение значения термина “великого князя” в применении к черным землям дает нам возможность охарактеризовать и выражение “Крестьяне Великого Князя”.

Нам приходилось уже неоднократно сталкиваться с этим выражением в применении к черным крестьянам (72). С другой стороны, мы видели, что в. к. Василий Иванович определенно отграничил черных крестьян от тех, кого он назвал “моя Великого Князя сельчане” (73). Это последнее наименование он применяет только к крестьянам, сидящим в его личных, великого князя, селах. И акты также называют этих крестьян, сидящих на личных княжеских землях, крестьянами великого князя (74). Но этим применение этого выражения не ограничивается.

В правой грамоте конца XV в. свидетели со стороны Симонова монастыря показывают: “ведомо, господине, то суседом старожилцом великого князя людем, которыи тее земли и пустоши пахали на монастырь” (75). Крестьяне старожильцы пахали на монастырь, т. е. были монастырскими крестьянами, и, тем не менее, их именуют людьми великого князя. То же самое находим мы в разъезжей грамоте 1507 г. Размежовывались “архангелские пеньи земли Плотницкие да Чудовского монастыря земли Уваровские” и “обои испи положилися о тех землях на старожылцов великого князя хрестьян Арханьильских хрестьян на Плотницких, да на Чудовских хрестьян на Уваровских” (76). Относительно Плотницких земель еще можно предположить, что дело идет о черных зем-

(72) АЮ (3) (1485/505); Лихачев V (1505), стр. 137.

(73) АГР 49 (1539).

(74) Там-же 56 (1542); 19 (1505) — здесь лицом является крестьянин «Великого Князя Михайловские деревни Ивачевского села».

(75) АЮБ I 52 П (1462/505).

(76) Там-же, 53 П (1507).

лях, находящихся в пользовании у архангельских попов. Но Чудовские земли это земли монастырские и Чудовские крестьяне крестьяне монастырские.

Если прибавить к этому, что выражение “у нас на то старожильцы Великого Князя крестьяне” становится в XVI в. стереотипной формулой при ссылке на свидетелей, то можно предположить, что именем крестьян великого князя стали обозначать всех вообще крестьян, как людей тяглых, повинных тяглом великому князю, как государю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗЕМЛИ ВЛАДЕТЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ

II. КНЯЖЕНЬСКИЕ СЕЛА (1).

I

Земельные владения владетельных князей были, с начала изучаемой эпохи, очень значительны. Это определялось уже количеством владетельных князей. Всякий князь, имевший свой удел, должен был быть отнесен к этой категории. Всякий из них осуществлял в своем уделе власть государя, и в пределах его удела права его были столь же велики, как права князя, сидевшего на великокняжеском столе. Любое завещание удельного князя свидетельствует об этом (2).

Уже в силу этого он находился, по отношению к своим личным земельным владениям, расположенным в его уделе, в ином положении, нежели все прочие землевладельцы, ограниченные в своих правах на землю верховными правами князя.

Это особое положение князя-землевладельца не только было осознано в ту эпоху, но из этого были сделаны и практические выводы. Отсюда проистек тот отмеченный выше порядок, в силу которого князья, при распределении между своими детьми своих земельных владений, стремились, чтобы села каждого находились в его собственном уделе. Этим избегались столкновения между правами на землю одного из них с верховными правами другого. Отсюда же и распоряжения в завещаниях: "а детям моим брату в

(1) Термин заимствован из Губной Московской записки второй половины XV в. — АЭ I 115 (пр. 1486). О значении этого термина см. ниже.

(2) ГГД I 96 (1472) — брату Ивана Третьего, Юрия Васильевича; 112 (1481) — его же брата Андрея Васильевича меньшого; 122 (1486) — Верейского князя Михаила Андреевича.

братне уделе сел не купити" (3). Этим же объяснялось и постановление в междукняжеских договорах: "а тебе брату моему молодшему в моем уделе сел ти не купити" (4).

Это положение верховного властелина по отношению к своему уделу удельный князь занимал, по какому бы титулу этот удел к нему ни дошел. "И под тобою нам блюсти, пишет в. к. Василий Васильевич в договоре с Дмитрием Шемякою, твоее вотчины што аз Князь Великий чем тебе пожаловал в вотчину и в уделе Городцом с волостми и с пошлинами..." (5). Или: "да что мя еси, Господине Князь Велики, пожаловал своего брата молодшего, дал ми еси Вышегород с волостями и с путями и с селы в вотчину и вудел, как было, Господине, за тобою за Великим Князем" (6).

В таком же положении верховного владыки по отношению к своим селам могла оказаться и вдова князя. Об этом можно судить по духовным завещаниям некоторых князей. Особенно характерно в этом отношении завещание удельного князя Владимира Андреевича (племянника в. к. Василия Дмитриевича) (7). Выделив себе своей ряд волостей и сел, он пишет: "а дами детям моим на мере не своей уделе и на селех не имати" и далее: "а судит Княгини мой удел свой и те села и бояр свои сама". И он распространяет на удел княгини упомянутое выше запрещение детям приобретать там села. В. к. Василий Дмитриевич распоряжается в своем завещании: "а не тех волостей и с сел, што есм писал Княгини своей, хто ся имет жаловаться на Волостелей, или на тиунов, или на посельских или на доводщиков, то судит Княгини моя, или кому прикажет; а сыну моему Князю в те суды не вступатися" (8). Вся власть в отведенных княгине волостях и селах принадлежит ей. Она же собирает там дань.

В свою очередь в. к. Василий Васильевич, также выделяя своей княгине волости и села, пишет: "а переменит Бог Орду, и моя Княгини и мои дети возмут дань себе с своих уделов, а сын мой Иван (которому передавался великокняжеский стол) в то не

(3) Там-же, 40 (1410), стр. 77.

(4) Там-же 27 (1362); ср. 33 (1388) и 133/134 (1504). Распространение этого запрещения на бояр другого князя вызывалось стремлением не создавать конфликтов на почве подчинения бояр одного сына другому, если села первого будут расположены в уделе второго.

(5) Там-же, 80/81 (1451), стр. 186.

(6) Там-же, 75 (1450); ср. 38 (1405); 49 (1433).

(7) Там-же, 40 (1410), стр. 77.

(8) Там-же, 39 (1406), ср., 2-е и 3-е завещания того же князя — там-же, 41 (1423) и 42 (1424).

вступается. А где есмь ни подавал своей Княгини волости и села в уделех детей своих, в чьем ни буди, и те волости и села дахью и судом погянут к моей Княгини, а дети мои в то не вступают-ся" (9).

Практика жалованных грамот, коими эти княгини предоставляли в своих владениях податную и судебную льготы, ярко выявляет их положение, как владетельных князей (10).

Но независимо от количества владетельных князей, количество земельных владений, принадлежащих отдельным из них, было чрезвычайно значительно. Об этом дает представление ознакомление с их завещаниями. Иллюстрацию к этому мы можем найти в духовных грамотах московских князей, начиная с Ивана Калиты.

Тем удивительнее крайняя скудость документального материала, относящегося к этим земельным владениям. Объяснения надо, повидимому, искать в характере дошедшего до нас актового материала. Это, по преимуществу, жалованные льготные грамоты и правые грамоты. Первые, по отношению к землям владетельных князей, отпадают по самому своему существу. Что касается вторых, то процессы, по поводу княжеских владений, были в принципе вполне возможны и разрешались, по имеющимся примерам, в общем порядке. Но на практике они были, повидимому, очень редки. Споры, повидимому, разрешались, в громадном большинстве случаев, по челобитью обиженных, самим князем, без особого процесса, оставляющего след в правой грамоте.

В вопросе о княжеских земельных владениях приходится поэтому, в дополнение к скудному, для изучаемого периода, материалу, прибегать к умозаключениям от источников позднейших и к сопережениям общего характера.

II.

Источники не оставляют сомнения, что села владетельных князей составляли, в правосознании той эпохи, особую группу земельных владений, отличную от прочих категорий земельных владений. На это указывает уже употребляемое для их обозначения

(9) Там-же, 86 (1462), стр. 205.

(10) АЮБ I 31 X (1448) — в. княгиня Софья Витовтовна (супруга в. к. Василья Дмитриевича); АИ I 81 (1464/1501) — в. княгиня рязанская Анна Васильевна; Юшков, 57 (1504) — в. к. рязанская Аграфена Васильевна; с 1453 г. по 1473 г. мы имеем пять жалованных грамот в. к. Марьи Ярославны.

выражение. "Княженские села", "княжи земли", "княжи крестьяне" мы вправе рассматривать как технические термины.

Губная московская запись последней четверти XV в., давая перечисление земель, "гинувших душегубством к Москве", т. е. подсудных по делам об убийстве московским учреждениям, выражается так: "Серпухов со всеми волостями и со княженскими селы и с монастырскими селы... А в Московском уезде во всем по Коломенский уезд и по Дмитревский, княженских сел"...." (11), Василий Третий, перечисляя все категории крестьян, называет, рядом с крестьянами боярскими и черными, крестьян "княжих" (12). Так как он говорит особо о "моих Великого Князя сельчанах", то под княжими крестьянами он мог разуметь только крестьян, сплывших на землях оставшихся удельных князей.

Еще характернее выступает это в формуле, которую мы находим в актах начала XVI в. Мы увидим, что тогда входит в обычай предоставление земель в пожизненное пользование. Чтобы обеспечить себя от возможной утраты своего права на землю, владелец земли выговаривает: "а тех ему деревень, ни селищ, ни пустошей... не освоивати, не окняжити, ни обоярити, ни продати, ни заложити, ни по душе не дать... занеже то земли и леси и воды извечные домовные Пречистые Богородицы и великих Чюдотворцев Петра и Алексея и Ионы". Эту формулу употребил митрополит Даниил (13). Подобную же мы находим при предоставлении своих деревень в пожизненное владение Сологичинским монастырем. Жалуемые лица обязываются: "а мне Федору... тое деревни... не освоивати, ни окняживати, ни продати..., а то деревня починок и земля Пречистой монастыря Сологичинского и онрхимандрита Досифея с братею" (14). Пожизненный владелец обязывается земли не отчуждать, т. е. не продавать и не закладывать, но также и не объявлять себя независимым владельцем ("не освоивати"), что выразилось бы в отказе платить оброк или нести службу с земли, не "обояривати", не признать хозяином занимаемой им земли боярина и начать нести повинности на него. К этому прибавляется обязательство "не окняживати". Это может означать лишь одно: признать, что земля принадлежит князю и начать нести повинности на него (15).

(11) АЭ I 115 (пр. 1486).

(12) АГР. 49 (1539).

(13) АЭ I 74 IV (1527).

(14) АИ I 118 (1510).

(15) Нельзя, впрочем, отрицать, что обозначение «княжеский»,

В XVI в. появляются и другие термины для обозначения княжеских сел. В одном процессе 1540 г. крестьяне истцы, на вопрос судьи: "почему вы называете те луги по реке Клетме земли Великого Князя Шипинского села своих деревень", отвечают: "те, господине, старожилцы земли Великого Князя луги по реке Клетме Шипинского села подклетного наших деревень знают" (16). То же выражение находим мы в ту же эпоху и в других грамотах, правых (17) и жалованных: ("пожаловал есмь... своих подклетных сел крестьян...") (18), в Таможенной грамоте 1563 г.: "в царевых Великого Князя подклетных селех" (19), и даже в летописях: "в иных городех села подклетные государь ему подавал" (20).

Рядом с термином подклетный акты той же самой эпохи употребляют и термин "дворцовое село" (21).

То и другое выражения совершенно тождественны. Об этом с полной несомненностью свидетельствуют документы, относящиеся к селу Борисовскому Володимирского уезда. "Тягались Великого Князя крестьяне из Володимирского уезда Борисовского села подклетного...". В процессе выяснилось, что оброчной грамоты на спорный луг у крестьян не оказалось. Суд установил, что истцы "писали одни дворцовые села, а не большое писмо" (22). Через восемь лет в другом процессе между теми же сторонами по поводу тех же лугов село Борисовское отнесено к числу "дворцовых сел Володимирских" (23). Еще через 25 лет село Борисовское фигурирует в описи дворцовых сел "во Володимире", как "Царя и Великого Князя село Борисовское" (24).

Дело филологов определить, откуда произошел термин подклетное для обозначения дворцового села. Термин "дворцовое се-

могло сохраниться, как исторический пережиток, для обозначения земель бывших владетельных князей и тогда, когда они утратили свое суверенное положение — см. об этом выше, главу, посвященную служебным князьям. Этим, вероятно, объясняется употребление слова «княжчина» для обозначения земель бывших удельных или служебных князей. См., напр., АЮБ I 103 I (1462/4).

(16) АГР 53 (1540).

(17) Там-же, 56 (1542).

(18) АИ I 165 (1556).

(19) АЭ I 263 (1563), стр. 296.

(20) Никанов, сп. (под 1558 г.), стр. 293.

(21) Правые грамоты: АГР 56 (1542); 67 (1550); жалованные грамоты: Юшков, 91 (1514); 92 (1514); 96 (1515); 97 (1515); Писц. книги XVI в., стр. 40, 50, 59, 65, 80, 113.

(22) АГР 56 (1542), стр. 12.

(23) Там-же, 67 (1550).

(24) Там-же, 83 (1585).

ло" ясен сам собою. Он происходит от дворца, указывает, что село приписано к дворцу, находится в ведении дворецкого (как была "пошлина дворецкая", упоминаемая в последнем из цитированных только что актов).

Труднее ответ на вопрос, какие именно села обозначались именем подклетных или дворцовых, была ли это особая категория княжеских сел, или все княжеские села могли быть обозначены этим именем, другими словами, дворцовое село было одним из обозначений всякого княжеского села.

Мы склонны ответить на этот вопрос в последнем смысле, и вот по каким основаниям.

Втечение ряда веков мы не находим абсолютно никаких указаний на существование разных категорий сел, принадлежавших князьям. Если бы в XVI в., когда появляется это новое наименование села подклетного, дворцового, произошло бы выделение этой новой категории из общего числа княжеских сел или образование нового разряда княжеских сел, которые были бы поставлены в иное юридическое положение, хотя бы только в порядке управления ими, то это наименование, отличающее данное село по его положению от прочих княжеских сел, должно было быть неизменно употребляемо при указании на такое село. Между тем, мы видим как раз обратное. Одно и то же село обозначается либо с указанием "подклетное", "дворцовое", либо без такового. Взять хотя бы названное выше село Шипинское. Правая грамота начинается с указания: "тягались Шипинского села крестьяне", и следует перечисление деревень этих крестьян. Судья формулирует свой вопрос: "почему вы называете те луги земли Великого Князя Шипинского села своих деревень". Только в ответе крестьян появляется это обозначение: "Шипинского села подклетного своих деревень" (25). То, что для судьи село Великого Князя, для крестьян — село подклетное. То же самое и по отношению к селу Борисовскому. Истцы характеризуют его как подклетное. Но старожилцы показывают: "то, господине, луг к селу Борисовскому; косяг, господине, ево крестьяне Великого Князя Борисовского села; а дают оброк Великому Князю з году на год по 5 рублей самой год" (26). И в следующем процессе, 1550 г., это село Борисовское фигурирует без эпитета дворцовое. Лишь один раз говорится, что оно входит

(25) Там-же, 53 (1540).

(26) Там-же 56 (1542), стр. 91.

в число дворцовых сел Владимирского уезда (27). Еще показательнее описание этого села в сотной грамоте: “В Володимирском уезде в Боголюбском стану Ц. и В. Кн. село Борисовское... да в селе двор Ц. и В. Кн., а живет в нем поселской” (28). Описание ограничивается указанием, что село царское, без прибавки “дворцовое”, что было бы необходимо, если бы это была особая категория княжеских сел.

Одно и то же село обозначается безразлично терминами “Великого Князя” или “дворцовое”. Очевидно, оба термина равнозначущи. Выбор того или другого был случаен или определялся особенностями данного случая. Когда в эпоху семибоярщины дается уставная грамота селу Высоцкому, оно обозначается поименно, безо всякого эпитета: “пожаловал есми Высоцкого села старосту и всех крестьян, селчан и деревеньщиков...” (29). Но когда такая же уставная грамота была дана целой группе сел, то чтобы определить, о каких селах идет речь, грамота гласит: “пожаловал есми, в Переславском уезде, своих подклетных сел...” и следует перечисление (30).

Таким образом, термины: села подклетные, дворцовые являются в Московской Руси одним из обозначений княжеских сел. К концу изучаемой эпохи это уже единственно села великого князя, ибо других владетельных князей не остается.

Этой терминологии вполне соответствует и словоупотребление, которое мы находим в позднейшее время.

Когда Соборный Приговор 12 марта 1620 года говорит: “многие бояре и окольные и дворяне... в смутное время при царе Василье и после того... поймали государевы дворцовые села и черные волости в поместьи и вотчины неправдою мимо старых писцовых книг...” (31), он, конечно, имеет в виду не одну какую либо категорию государевых сел, а все государевы владения, захваченные боярами.

Это словоупотребление помогает правильно понять записи дошедших до нас писцовых книг по Тверскому уезду.

При описании отдельных волостей мы неоднократно встречаем там рубрики: “а в ней великого князя государя села и деревни

(27) Там-же 67 (1550).

(28) Там-же 83 (1585), стр. 232.

(29) АИ 1 137 (1536).

(30) Там-же 165 (1550). К числу таких же княжеских, дворцовых сел должно быть отнесено село Федоровское в АЮ 150 (1554).

(31) АЮБ 111 275 (1620).

дворцовые, а розданы помещикам... В том же стану великого князя села и деревни за помещики... В той же волости деревни черные...” (32). Нужно принять, что в первой рубрике речь идет о личных селах великого князя, розданных им в поместья, а во второй — о черных землях, розданных помещикам и ставших, таким образом, селами. Обозначение черных земель землями великого князя становится, как мы видели, в ту эпоху уже обычным. В том же самом описании мы находим выражение: “в той же волости великого князя деревни черные...” (33).

III.

Насколько можно судить по тем скудным и отрывочным данным, коими мы располагаем, княжеские села, с точки зрения хозяйственной, ничем не отличались от сел всех прочих категорий земледельцев.

Прежде всего, с внешней стороны. Село состояло из господского двора, окруженного дворами слуг и холопов. Эта картина ясно отразилась в источниках. Вот как изображается в сотной грамоте подклетное село Борисовское: “да в селе двор Царя и Великого Князя, а живет в нем поселской... а делают тот двор селом Борисовским крестьяне... а крестьянских дворов в селе... (следует перечисление 199 дв.)” (34). Деревни тяготеют к селу. Про другое подклетное село, Шипинское, крестьяне выражаются: “те дуги... Шипинского села подклетного наших деревень” (35). Великий князь жалует “всех крестьян, селчан и деревеньщиков” села Высоцкого, т. е. крестьян, живущих в самом селе и в тяготеющих к нему деревнях. Мы узнаем из грамоты, что там семь деревень, кроме починков и новых починков, “которые сели после письма” (36). Это обычная система расселения крестьян вокруг села. Крестьянские дворы расположены в полях и лесах — с тех и других взимается разное пожилое (37).

(32) Писцовые книги XVI в., II стр. 40, 48, 49, 50, 55, 59, 61, 64, 65, с. 113, 133.

(33) Там-же, стр. 64/5. Ср. стр. 75; «великого князя деревня Кулатино, 3 дв.; а поставили ту деревню Вышковцы же, перелезучи за рубеж из Новоторжского уезда». (Вышковцы — сельчане Вышковского села Новоторжского уезда, упомянутого раньше).

(34) АГР 83 (1585), стр. 232.

(35) Там-же 53 (1540).

(36) АИ 1 137 (1536).

(37) Там-же 165 (1556), стр. 317.

Поскольку княжеское хозяйство ведется несвободным трудом, можно с уверенностью сказать, что все положение на этих княжеских землях, и с точки зрения хозяйственной, и с точки зрения правовой, было совершенно тождественно с положением на всех прочих владельческих землях.

Повидному, то же самое приходится сказать о хозяйстве крестьянском, расположенном на княжеских землях.

Мы видели, при изучении поземельного права крестьян, что их положение на княжеских землях было то же, что положение всех прочих крестьян. Точно так же они ведут самостоятельное хозяйство на своих участках. Точно так же они имеют на эти участки самостоятельное право до тех пор, пока они работают на них. Точно так же они самостоятельно защищают свое право на суде. Подобно всем прочим крестьянам, княжеский крестьянин может свободно погнать свой участок. Ограничения в этом отношении для княжеского крестьянина те же, что и для прочих крестьян. Это ярко подчеркнуто в жалованной грамоте Ивана Грозного «своим подклетным селам» Переславского уезда: «а крестьянам отказыватися из города в волость, и из волости в город, на один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделя по Юрьеве дни». Царь определяет при этом размер пожлого, уплачиваемого выходящим крестьянином за двор (38).

Это тождество положения княжеских крестьян с прочими особенно подчеркивается тем фактом, что князья так же, как, напр., монастыри, и в тех же условиях, приходят на помощь своим крестьянам, предоставляя им ссуды денежные и хлебные. Крестьяне серебрянники или крестьяне, получившие зерно на обсеменение, явление на княжеских землях распространенное. Обычай освобождать в завещаниях таких крестьян, полностью от их долга или частично, засвидетельствован нам в ряде княжеских духовных грамот (39). «А что в моих селех на Вологде и на Торусе на христианех мое серебро издельное и ростовое, и мое жито на них заемное и оброчное... и яз то свое серебро и жито все отдаю христианом»,

(38) Там-же.

(39) ГГД 1 112 (1481). Другой брат Ивана Третьего, Юрий, давая свое село с деревнями по своей душе Троицко-Сергиеву монастырю, распоряжается: «а что в том селе и в деревенке серебра на людех, ино того серебра половина великой Троице, а другая половина тем христианом... А что моего хлеба заемного на людех, а тот хлеб и есть, за кем что будет того хлеба» — там-же 96 (1472). Ср. 122 (1486) и «летнее серебро на людех» в жалов. грамоте в. к. Василья Третьего — АИ 1 54 (ок. 1453).

нишет в своем завещании брат Ивана Третьего, Андрей Васильевич.

Однако, в двух пунктах исключительное положение хозяина-владельца князя не могло не отразиться на хозяйственной организации его владений и на положении сидящих на его земле крестьян — в области «дани» и в области «суда». Дань и суд — как раз те две прерогативы, которые, в тогдашних представлениях, символизировали положение князя.

Дань истари была исключительной прерогативой князя. Он устанавливал все сборы и повинности и собирал их чрез своих даньщиков и сборщиков. Носителями тягла являлись все черные люди. На чьих бы землях они ни сидели, они должны были платить дань князю, нести на него тягло. Если то была земля черная, ни в чем специально владении не состоящая, все установленное князем тягло шло на него, все сборы стекались в его казну. Но положение совершенно меняется, если земля, на которой оседает крестьянин, находится в чьем-либо владении, монастыря, митрополита, боярина и т. д. Крестьянину приходится нести повинности и на князя, и на землевладельца. При определении этих повинностей один факт являлся решающим: при обложении крестьянина нельзя было выйти за известные пределы. Не только потому, что это значит уничтожить ту силу, которая несет тягло, но, прежде всего, потому, что это неминуемо привело бы к немедленному уходу крестьянина с земли. Задача, которая ставилась самой жизнью, было распределение тягла, которое могло быть возложено на крестьянина, между князем и землевладельцем. На разрешение этой задачи была направлена, в течение столетий, практика княжеских льготных податных грамот. Мы имели случай ознакомиться с этой практикой при изучении монастырских крестьян (40). К этому вопросу придется вернуться и при изучении боярского землевладения.

Совершенно иным являлось положение крестьян на княжеских землях. С нашей современной точки зрения, то обстоятельство, что владельцем земли был князь, не должно было ничего мешать. Часть тягла, которая, согласно выработавшейся практике, шла в пользу государства, должна была бы идти в казну, а крестьянин должен был бы, сверх того, нести повинности на князя, как на всякого землевладельца.

Если бы в ту эпоху уже сложилась идея государства и взгляд на князя лишь как на главу этого государства, то такое обособле-

(40) См. выше, разд. 1, гл. 3-ю, парагр. 3 и 4.

ние одной категории повинностей от другой было бы естественным. Но не только в ту эпоху, но и много позднее этой абстрактной идеи государства еще не существовало. Князь был воплощением государства, от этого последнего неотделимым. Только ломка, произведенная Иваном Грозным, и проведенные им реформы дали толчок к образованию абстрактной идеи государства. Еще в эпоху Алексея Михайловича, в период существования Тайного приказа с самостоятельным хозяйственным ведомством в его составе, частное хозяйство царя и государственное хозяйство не только тесно переплетались, но иногда были нераздельны.

Ни в сознании самого князя, ни в крестьянском сознании границы, где кончается князь — глава государства — и где начинается князь — хозяин, обозначены не были. А следовательно, не могли быть определены и границы между крестьянином-тяглецом и крестьянином-хозяином на княжеской земле. Если из сел брали работников для винокурения или возлагали на них обязанность перевозить известь для построек (41), никто из участвующих в этом лиц не мог бы определить, было ли это княжым или государевым делом в смысле работы на князя-государя или князя-хозяина. Грань между тяглом в техническом смысле и повинностями на хозяина стиралась.

Это предоставляло князю-владельцу неизмеримо большую свободу в организации своего хозяйства, чем то имел всякий другой владелец. Последний был ограничен теми рамками, в которые его ставило княжеское тягло, лежащее на крестьянине. Он мог использовать крестьянина лишь в пределах тех экономических возможностей, которые оставались после выполнения крестьянином своего тягла. Именно в этом лежало экономическое основание для предоставления князем землевладельцу льготного срока при призыве последних новых крестьян на свои земли. В этот льготный срок садившийся на землю крестьянин мог установить свое хозяйство, и определялись отношения между крестьянином и землевладельцем с учетом того тягла, которое, по истечении урочных лет, придется нести крестьянину.

В княжеском хозяйстве все это было проще и легче. Хозяйственное использование крестьян в ущерб тяглу было всегда во власти князя. Он мог, в порядке льготы, освободить частновладельческих крестьян от тягла на известный срок, он мог освобождать

(41) Примеры заимствованы из работы Заозерского, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, 1917, см. стр. 120 и 184.

этих крестьян от тех или иных повинностей. Само собою разумеется, что он мог регулировать тягло, возлагаемое на крестьян, сидящих на его земле, по своему усмотрению. Агенты, взимающие это тягло, были княжеские агенты. Столь абстрактный вопрос, как: являлись ли они агентами князя, как главы государства, или князя-хозяина, не возникал, да и не мог, по господствующим тогда понятиям, возникнуть.

Князь имел полную возможность — и фактически пользовался ею — устанавливать для своих владений нормы как для податей и повинностей, входящих в состав тягла, так и для сборов и работ хозяйственного порядка.

Если умозаключать от того, что мы знаем для более позднего времени, можно было бы предположить, что общих норм для этого, вообще, не было, а производилось это в порядке управления, в зависимости от хозяйственных потребностей данного момента. Такое впечатление, по крайней мере, оставляет практика Тайного Приказа при Алексее Михайловиче (42).

Но современный актовый материал, правда, очень скудный, заставляет предполагать, что обычно устанавливались общие нормы для данного селения или для группы селений.

Мы упоминали уже о существовании, в первой половине XVI в., в Володимирском уезде подклетного села Борисовского. От конца этого столетия до нас дошел судный список, касающийся этого селения, и в этом списке приведены данные из сотной грамоты и из обысков относительно лежащих на крестьянах платежей и повинностей (43). Вот эти повинности. “В селе двор Царя и Великого Князя... а делают тот двор селом Борисовским крестьяне”. Дело идет, очевидно, о хозяйстве, заведенном при этом дворе. Далее сообщается о количестве крестьянской пашни и указывается, что “положено на выть по шти десятины и с тою десятиною, что им дано для посонного хлеба”. Определено общее количество посонного хлеба, которое крестьяне должны сдавать. Вместо посонного корма установлены денежный оброк. Таковой же оброк “по дворцовым книгам” установлен “за мелкой доход”. Затем определены “пошлины дворецкие и диачие”, “ямские и дани поляничные” “по разводу” и указано: “городовое дело делати и посонная служба служит”. “А за дань оброков на них не наложено, по-

(42) См. работу Заозерского, гл. 4-ю (стр. 108-162) и 5-ю (стр. 163-209).

(43) АГР 83 (1585), стр. 232.

тому что им давати ямские денги и поляничные, да им же давати на Царя и Великого Князя 2 рубля 4 гривны с выти по альтыпу, а посельскому им пошщины давати с выти по 4 денги, итого полтора рубля”.

Как мы видим, перечисляются безраздельно хозяйственные сборы, и повинности, и кормы, и оброк. Устанавливается это obligation для одного только села, но в форме постоянной нормы, для чего в сошной прибавлено: “ся сотная являти приказщиком”.

Для определения некоторых сборов, устанавливаемых для крестьян княжских владений, служили также уставные грамоты. Мы располагаем двумя такими грамотами. Первая — изданная для села Высоцкого (44). В ней определяются, прежде всего, кормы, даваемые волостелю, его тиуну, правецкику, и доводчику. Интересно отметить, что в течение урочных лет, т. е., пока не истекла податная льгота, крестьяне освобождены и от уплаты кормов. Затем определяются судебные пошщины и различные административные сборы: со свадеб, “новоженный убрus” и “выводная куннина” и пошщины с сделок по продаже.

Разнообразнее содержание второй уставной грамоты, для подклетных сел Переславского уезда (45). Этим селам предоставляется самим выбирать судей, устанавливаются процессуальные правила для этих судей и размер пени, устанавливаемой за бесчестье. Следует запретение служить займодавцу “за рост”, с соответствующей санкцией. Право крестьянского выхода ограничивается Юрьевым днем и определяется размер пожилого. Выборным судьям предоставляется держать лошадиное пятно и взимать со свадеб новоженный убрus и выводную кунницу. Наконец, устанавливается для крестьян оброк в замену “присуда” ключничка и поселничка и всех прочих пошлян.

Все это восстанавливает знакомые черты крестьянского быта и свидетельствует, что правовое положение княжеских крестьян принципиально ничем не отличалось от положения прочих крестьян. Но с точки зрения экономической и бытовой особое положение князя-землеладельца оказывало влияние на положение его крестьян. Князь пользуется большей свободой по отношению к обычным формам тягла. В связи с этим мы можем констатировать широкую практику перевода разных повинностей и сборов на оброк. В уставной грамоте Переславским подклетным селам оброк устанавли-

(44) АИ 1 137 (1536).

(45) Там-же 165 (1550).

вается вместо судебных и разных сельских пошлян. В селе Борисовском переведены на денежный оброк посошный корм, пошщины дворецкие и дьячьи, мелкий доход владельца-князя. Еще резче подчеркивается эта черта в писцовых книгах XVI в. для земель в. к. Симеона Бекбулатовича (46). Из повинностей остаются лишь посошный хлеб. Все остальное заменяется оброком. “Оброку крестьяном платити в в. к. казну в Дворцовый приказ 6 руб. и 7 алт. с денгой с выти... Да мелкого доходу платит...” В Новгородской писцовой книге дворцовых земель (47), указано: “а оброку на них за обежную дань и за хлеб 3½ рубли новгородских”.

Князья пользуются своим положением, чтобы переходить в своих владениях на новые формы хозяйства.

Повидимому, здесь, в области княжеского землевладения, зародилась и новая повинность, в форме “десятинной пашни”, которая в следующий период получила столь большое развитие на черных землях. В писцовых новгородских книгах дворцовых волостей мы встречаем такие записи: “а пашут те крестьяне на великого князя 24 десятины”; “царя и великого князя села и деревни, дворцовые, которые на царя и великого князя пашут и которые не пашут” (48).

Уставная грамота Переславских подклетных сел показывает нам, какое воздействие оказывала на жизнь княжеских владений вторая прерогатива князя, как государя, — право суда. Князь единственный источник судебной власти. Всякий суд творится его именем. Когда дело идет о частных владениях, суд над крестьянами осуществляется, в принципе, княжескими наместниками и волостелями и их органами. Но князь мог, особыми жалованными грамотами, предоставить право суда землеладельцам — монастырям, боярам и прочим служилым людям, в той мере, в какой он считал нужным.

И в этом отношении княжеские земельные владения находились в ином положении. Различение между княжскими органами, облеченными публичными функциями и хозяйственными, было тогдашнему правосознанию столь же чуждо, как различение действий самого князя в качестве главы государства и в качестве хозяина.

(46) Писцовые книги XVI в., стр. 293/4 (1580/1).

(47) Под 1501 г. — стр. 4 и под 1551 г. — стр. 45 об. Книга эта рукописная, хранится в Московском Архиве Министерства Юстиции и воспроизведена в отрывках у Сергеевича, Древности русского права, 111, стр. 29 и 125.

(48) Там-же, под 1501 г. — стр. 4 и под 1551 г. — стр. 36 об.

Уставная грамота 1550 г. говорит о “ключниче суде” и о “поселниче суде”, заменяя его выборным судом. Ключники это были служебные люди при дворе. “А во Дворце розделень: дворец Хлебной, дворец Кормовой, дворец Сытной, а у них по ключнику степному, а по ключнику путнему да и по подключнику” (49), Посельские — это князьи приказчики, поселенные в его владении, в княжьем дворе (50). Им было поручен суд по крестьянским делам. Более серьезные дела ведались Большим Дворцом в Москве, который являлся высшим судом для княжеских крестьян (51). В Губной Московской грамоте, при перечислении земель, которые тянули душегубством к Москве, указаны “княженьские села” (52).

Из уставной грамоты Переславских сел можно усмотреть, что и по отношению к суду князя располагали в своих селах исключительной свободой. Они не стеснялись установившимися порядками и, когда считали нужным, приспособляли как самый порядок суда, так и разные процессуальные нормы к местным условиям.

Не отражаясь прямо на характере отношения князя к его земле, эта сторона его положения выделяла его из ряда всех прочих землевладельцев.

Если подойти к характеристике прав князя, как землевладельца, с критериями, заимствованными из современного правоведения, придется сказать, что они представляют нераздельное сочетание элементов публично-правовых и частно-правовых. Влияние публичного права на право собственности, как институт частного права, чрезвычайно сильно и в современном праве, по сравнению с римско-правовой собственностью и с кодексами конца XVIII и начала XIX вв. Притом, оно имеет тенденцию все возрастать. Но характер отношения публично-правовых и частно-правовых элементов там совершенно иной, нежели в праве наших князей на землю. Современные тенденции направлены на все большее ограничение правомочий собственника, на все большее стеснение его в исключительном характере его права. В праве древне-русского князя на землю сочетание публично-правовых элементов с частно-правовыми, напротив, выделяло его из числа всех прочих земледельцев и делает невозможным умозаключение от его положения к характеристике права прочих владельцев на землю.

(49) АИ 11 355 (1610/13).

(50) АГР 83 (1585), см. выше, около прим. 43. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 3, 1884, стр. 83, 85 и 160, говорит о суде приказчиков и поселских.

(51) Котошихин, стр. 160.

(52) АЭ 1 115 (пр. 1486).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗЕМЛИ СЛУЖЕБНЫХ КНЯЗЕЙ (1)

I.

В актовом материале изучаемой эпохи, где отразилась повседневная жизнь и быт того времени, мы не находим никаких свидетельств о земельных владениях служебных князей, даже следов этих владений. Между тем, прочий исторический материал, летописи, междукняжеские договоры и княжеские духовные грамоты, даже законодательные акты не только свидетельствуют об этих владениях, но даже позволяют умозаключить, что они сыграли заметную роль в истории нашего поземельного права.

Изучение вопроса о владениях служебных князей объясняет эту аномалию.

Служебные князья, князья Рюриковичи и Гедеминовичи, поступающие на службу к другому князю, явление достаточно древнее. Их упоминает летопись уже под 1258 г.: “служащие же князи Данилови” (2).

Источники нам сообщают о двух категориях служебных князей, определенно этими источниками разграничиваемых: служебные князья без вотчин и служебные князья с вотчинами. В 1406 г. “князь Юрьи Святославович Смоленски прииде из Новгорода на Москву, и дает ему князь велики (Василий Дмитриевич) Торжок” (3), а в 1408 г. “прииде изъ Дьбрянска князь Литовьский Швитригаило Олгердовичь служити... да с ним же князь Патрекей Звенигородский (следует перечисление других князей и бояр),

(1) Мы принимаем это наименование, как более древнее и основное. Лишь в конце XV и в XVI вв. оно уступает место выражению «князья служилые», может быть, в связи с изменениями, произошедшими в составе этих князей.

(2) Ипатьевский список, под 1258 г., стр. 556.

(3) Воскресенск. сп. под 1406 г. — стр. 81 под 1408 г. — стр. 82.

князь же великий Василей Дмитриевич приат его с честию, и даст ему..." (4).

С другой стороны, в 1490 г. "приеде служити к великому князю Ивану Василювичу на Москву князь Дмитрий Федоровичь Воротынский и со своею отчиною от Литовского короля Казимира. Того же лета приехаша на Москву от короля Казимира к великому князю Ивану Василювичу служити князь Иван Михайлович Перемышльский и с своею отчиною, и князь Иван Белевской (с) своею братьею, с князем Андреем да с князем Васильем, и с своими вотчинами" (5).

Междукняжеские договоры, наш главный источник осведомления о служебных князьях, так же четко различают князей с вотчинами и князей без таковых и предусматривают для них, как мы увидим, разное юридическое положение.

Когда князь бросает свою вотчину (6) и поступает на службу к другому князю, этот последний принимает меры для его обеспечения. Это происходило двояким путем. Князь-господин давал своему новому служебному князю в кормление волости. О вышеупомянутом Швитригайло летопись рассказывает: "князь же великий Василей Дмитриевич... даст ему град Володимерь со всеми волостми и с пошлянами и с селы и с хлебом, а также и Переславль потому же и Юрьев Польский, и Волк Ламский, и Ржеву и половицу Коломны" (7).

Другой способ был предоставление служебному князю земельного владения в пределах княжения. Ниже мы познакомимся с примерами этого.

Более сложное положение создавалось, когда служебный князь переходил на службу, принося с собою свою вотчину. Это означало, что не только он сам становился на службу к другому князю, но передавал под его политическую власть свое княжение. Это явление, несомненно, столь же древнее, как переход на службу без вотчины. Источники содержат указание на него начиная с конца XIV в. (8). Но если уже в ту эпоху князья начинают борьбу с этим явлением, то, очевидно, оно было в ту эпоху уже явлением распространенным.

(4) Там-же, под 1408 г., стр. 82.

(5) Там-же, под 1490 г., стр. 219.

(6) По каким либо политическим причинам или потому, что был лишен своей вотчины — см., напр., АЭ 1 70 (1461/2).

(7) Воскрес. сп., под 1408 г., тр. 82, ср. там-же, стр. 81.

(8) Муханов 1 (1395); АЭ 1 14 (ок. 1398).

Таким образом, мы можем принять, что уже с начала возникновения института служебных князей поступление одного князя на службу к другому выливалось, с точки зрения интересующего нас в этой связи вопроса, в одну из трех форм: князь переходил на службу с вотчиной, "служил из своей вотчины", по выражению в. к. Василя Васильевича (9); князь поступал на службу, покинув свою вотчину, но получая взамен этого земельные владения от князя господина; князь, поступая на службу, получает кормление.

Источники свидетельствуют, что в течение изучаемого периода все эти формы подверглись изменениям. Этот процесс представляет для нас особый интерес, ввиду того света, который он проливает на разные вопросы развития поземельного права. Мы имели уже случай указать на это в вопросе терминологическом, об изменении значения самого термина "вотчина".

II.

Приезд одного владетельного князя на службу к другому владетельному князю "с вотчиной" и "служба из вотчины" создавали своеобразное и двойственное положение.

Приехавший князь оставался, в принципе, владетельным князем, свободно распоряжающимся собою и своею вотчиною. Сам по себе этот переход не лишал его никаких из принадлежавших ему прерогатив и прав. Но на практике положение было другое. И, прежде всего, во вне, по отношению к другим владетельным князьям. Служебный князь переставал быть, с точки зрения этих третьих князей, самостоятельной политической фигурой. Его заслонял князь-господин. Междукняжеские договоры отражают это положение с полной определенностью. Князь-господин, договариваясь с другими князьями, берет своих служебных князей под свою защиту, мы сказали бы, под свой протекторат. "А которые князи служат мне Великому Князю Василею, и моей братьи молодой из своих отчин, и тебе Королю и Великому Князю их блюсти, а не обидити.. А князь Василей Иванович Туруский и с братьею и с братанычи служат мне Великому Князю Василею. А тебе Королю и Великому Князю в них не вступатися. А Федора Блудова и Александра Борисова сына Хлепенского и князя Романова Фоминско-

(9) Муханов 7 (1449).

те и их братья и братаньчев отчины, земли и воды все мое, Великого Князя Васильево” (10).

Последнее выражение: “отчины, земли и воды — все мое” особенно показательно. Оно свидетельствует, что отныне князь-господин рассматривает прежние самостоятельные княжения, как входящие в состав его княжения или, выражаясь нашим языком, состоящие под его верховенством.

Служебные князья попадают, с точки зрения внешних отношений, отношений с другими владетельными князьями, в положение, близкое к положению бояр. Суздальские князья Василий и Дмитрий Юрьевичи выговаривают у Дмитрия Шемяки: “а что, Господине, в наше неверемя ваши Князи служилые и ваши Бояре покупили в нашей отчине в Суздаде у нас и у наше братья, и у наших Бояр и у монастырей волости и села... ино те все купили не в куплю, и те все волости и села нам по старине и нашим Бояром...” (11). В договоре в. к. Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой последний обязывается: “Што будет недруг твой Князь Василей Юрьевич поимал твою казну Великого Князя... и Князей твоих служебных и Бояр и детей Боярских... и мне то, Господине, тебе Великому Князю отдать все по докончанию” (12).

Такое положение неизбежно должно было породить у князя-господина стремление рассматривать вотчины служебных князей как нечто уже неотторжимое от его княжения. Стремление это намечается уже в древнейших дошедших до нас свидетельствах о служебных князьях (13). Борьба за сохранение за собою вотчин служебных князей ведется упорно в течение столетий. Главным орудием борьбы является включение в междукняжеские договоры соответствующих взаимных обязательств.

Самый принцип свободного отъезда служебных князей, пови-

(10) Там-же. Так выражается в. к. Василий Васильевич. Уже его отец, Василий Дмитриевич, в договоре с рязанским в. к. Федором Ольговичем выговаривает: «а со князем Семеном с Романовичем с Новосельским и с Тарускими князи тако же взяти ти любовь по давным грамотам, и жити с ними без обиды занеже те князи со мною один часю-бек» — ГГД 1 36 (1402). Князь Новосельский и князь Тарусские охарактеризованы у в. к. Василия Васильевича как служебные. Василий Дмитриевич не употребляет выражения «служат», — да мы и не знаем, когда это выражение было введено в ход. — но не может быть сомнения, что включение их в к. Василием Дмитриевичем в договор означает, что по существу они уже были в политическом отношении зависимы от него.

(11) ГГД 1 62 (1446).

(12) Там-же 56/57 (1436).

(13) Муханов 1 (1395).

димому, долго оставался невыблемым и сомнению не подвергался. Вопрос шел только о судьбе их вотчин. И здесь мы находим различные формулы, все направленные на ту же цель — удержать вотчину отъезжающего князя за собою. Первая — чисто отрицательного характера: обязательство не принимать к себе чужих служилых князей с вотчинами: “А который всхочет к моему господину к деду к Великому Князю Витовту, со отчиною, и моему господину деду, Великому Князю Витовту, со отчиною не приймаи” (14). Ту же формулу: “а князей ти моих служебных с вотчиною себе в службу не приймаи” мы находим во всех договорах русских князей между собою (15). Так как количество князей соседей, к которым служебный князь мог переехать с вотчиною, было ограничено, то фактически такие договоры, поскольку они соблюдались, действительно обеспечивали князя-господина от отъезда служебного князя с вотчиною.

Но оставался второй вопрос. Служебный князь отъезжал без вотчины, но вотчина оставалась за ним, и была опасность, что его новый господин будет пытаться осуществлять по отношению к этой вотчине свои права верховенства.

На этот случай в договорах включалось дальнейшее обязательство, которое мы находим также с древнейших времен. “А в тех ти вотчины не вступатись, ни твоим детям, ни своим братаньчем”, читаем мы в договоре в. к. Василия Дмитриевича и удельных князей с Тверским в. к. Михаилом Александровичем (16). Эта же формула воспроизводится в договорах между московскими и тверскими великими князьями и позже (17).

Совсем иной подход к вопросу находим мы для той же эпохи в договорах, которые заключали, с одной стороны, московские великие князья и, с другой, тверские великие князья, также претендовавшие на первенствующее положение среди великорусских князей, с прочими великорусскими и литовскими князьями.

В. к. Тверской Борис Александрович, в договоре с в. к. Витовтом, выговаривая у последнего обещание не принимать его служебных князей с вотчинами, указывает и на последствия такого отъезда служебного князя: “пойдет ли который к моему господину деду Великому Князю Витовту, и он отчины лицен и в вотчине

(14) Там-же.

(15) ГГД 1 43/44 (1428); 56/57 (1436); 58/59 (1436); 61 (1445) и т. д. до 125/6 (1486).

(16) АЭ 1 14 (ок. 1398), стр. 10.

(17) ГГД 1 76/77 (1451); 88/89 (1462).

его волея я Великою Князь Борис Александровичъ; а моему господину деду Великому Князю Витовту не вступатися” (18). Провозглашается принцип, что отъехавший служебный князь лишается своей вотчины.

Тот же принцип начинает проводить в своей практике и московский в. к. Василий Васильевич. В договоре своем с Юрпом Дмитриевичем Галицким он устанавливает: “а князей ти моих служебных с вотчиною себе на службу не примати; а которых имут тебе служити, и им в вотчину в своею не вступатися” (19).

Василий Васильевич здесь как будто бы не договаривает. Отъехавший князь лишается лишь возможности управлять своею вотчиною. Через пять лет формулируется уже принцип окончательной потери вотчины: “и вотчины лишены” (20). Затем великий князь употребляет еще более определенную формулу: “а Князей ти с отчинами не примати, а примешь и он вотчины лишен” (21).

Освоение этого принципа, установление положения, что вотчина служебного князя, раз вошедшая в состав Московского княжества, становится окончательно его составной частью, было вполне естественно со стороны именно в. к. Василия Васильевича, заложившего первые камни московского единодержавия. Затем этот принцип настолько укрепляется, что во всех последующих договорах московских великих князей этот вывод “и вотчины лишен” даже не оговаривается — он понятен сам собою, как вывод из постановления договора: “князей с вотчинами не примати”. Этот порядок мы находим как для эпохи Василия Васильевича (22), так и для эпохи Ивана Васильевича (23).

Тот же самый принцип провозглашает, для обеих сторон, и договор Тверского в. к. Бориса Александровича с польским королем Казимиром (24).

Любопытно, что как будто бы не признают еще, до поры до времени, этого принципа в отношениях между собою Москва и Тверь. Они продолжают употреблять прежнюю формулу. “А кто из

(18) Муханов 1 (1398).

(19) ГГД 1 43/44 (1428).

(20) Там-же 49/50 (1433).

(21) АЭ 1 29 (1435).

(22) ГГД 1 56/57 (1436); 58/59 (1436); 61 (1445); 64 (1447); 71/72 (1448); 73/74 (1448); 75 (1450).

(23) Там-же 90/91 (1463); 93/94 (1465); 97/98 (1473); 101/102 (1473); 106/107 (1481); 108/109 (1481); 111 (1481); 113 (1482); 118 (1483); 123/124 (1486); 125/126 (1486).

(24) Муханов 8 (1449).

моих (тверских) Князей служебных к тебе отъедет, в тех ти отчину не вступатися, кого ми Бог поручил, ни твоим детем, ни твоей братье младшей”, читаем мы в договоре 1451 г., того же Василия Васильевича с тем же тверским князем Борисом Александровичем (25). И эта же формула повторяется в договоре тех же тверских князей с Иваном Васильевичем в 1462 г. (26). Может быть, это было следствием того, что Москве и Твери, двум наиболее сильным княжествам, приходилось особенно считаться друг с другом. Во всяком случае, в. к. Иван Васильевич покончил и с этой особенностью. В договорах с Тверью 1483 и 1486 гг. мы находим уже обычную для того времени формулу: “а Князей служебных с вотчинами нам Великим Князем от тебя не примати, а тебе от нас Великих Князей служебных Князей с вотчинами не примати” (27).

Таким образом, к последней четверти XV в. принцип, что вотчины служебных князей, раз вошедшие в состав княжества, становятся его неотъемлемой частью, является уже общим принципом. Князья торжественно обязываются в договорах служебных князей с вотчинами не принимать. На практике, правда, мы встречаем и другое. Под 1490 г. летопись рассказывает: “тое же осени, декабрия, приеде служити к великому князю Ивану Васильевичу на Москву князь Дмитрий Федорович Воротынский и с своею отчиною от Литовского короля Казимира. Того же лета приехаша на Москву от короля Казимира к великому князю Ивану Васильевичу служити князь Иван Михайлович Перемышльский и с своею отчиною, и князь Иван Белевской (с) своею братею и с князем Андреем да с князем Василием, и с своими вотчинами” (28). Не подлежит сомнению, что принятие таких служебных князей с вотчинами рассматривается уже как нарушение принципа и как акт враждебный, покушение на чужую территорию.

III.

Чтобы правильно оценить эту эволюцию, приведшую к положению, что отъехавший служебный князь теряет свою вотчину, нужно учесть один факт: бояре были в ином, и гораздо более благоприятном, положении. Они могли свободно отъезжать, сохраняя

(25) ГГД 1 76/77 (1462), стр. 173.

(26) Там-же 88/89 (1462), стр. 212.

(27) Там-же 119/120 (1483) и 123/124 (1486).

(28) Воскрес. сп., под 1490 г., стр. 219.

свои земельные владения. Это формулировано уже в древнейшем из известных нам междукняжеских договоров. Симеон Гордый договаривается со своими братьями: “а Бояром и слугам волным воля; кто поедет от нас к тебе, к Великому Князю, или от тебе к нам, нелюбя вы не держати” (29). Что значит последняя фраза, видно из договора Дмитрия Донского с тверским в. к. Михаилом Александровичем: “а кто Бояр и слуг отъехал от нас к тебе, или от тебе к нам, а села их в нашей вотчине в Тфери, в ты села нам и тебе не вступати”. Договор добавляет и на будущее время: “а Боярам и слугам волным воля” (30). И это положение проходит красной нитью по всем междукняжеским договорам. Мы находим его и в договорах Василья Васильевича, того самого князя, который более всего способствовал установлению противоположного принципа для служебных князей (31), и в договорах Ивана Третьего (32), и позднее (33).

Объяснение этого различия между служебными князьями, с одной стороны, и боярами, с другой, лишь в одном: в их различном положении по отношению к их земельным владениям, к их вотчинам — у одних, и к их селам — у других.

Переходя, со своею вотчиною, на службу к другому владельческому князю, становясь служебным князьям, князь не утрачивал еще, в силу одного этого, своих прерогатив и прав по отношению к своей вотчине. Во внешних отношениях он терял свою независимость, но в пределах своей вотчины он остается, по крайней мере, первоначально, тем же владельческим князем, каким был. То, что составляло, в глазах тогдашнего мира, главные прерогативы владельческого князя, “дань и суд”, остаются у него незатронутыми. В его верховные права по отношению к его вотчине князь-господин не вступает.

Ценное свидетельство тому дает соглашение князя Новосельского и Одоевского с королем Казимиром. “Я князь Федор Львович Новосельский и Одоевский был семи челом Великому Князю Казимиру Королевичу, якобы мене принял в службу, и В. К. Казимир

(29) ГГД 1 23 (1341).

(30) Там-же 28 (1368).

(31) Там-же 56/57 (1436); 76/77 (1451).

(32) Там-же 97/98 (1473); 125/126 (1486); 127 (1496). См. также 133/134 (1504) — договор между детьми Ивана Третьего.

(33) Там-же 160/161 (1531). Утверждать, как это делают новейшие историки, что формулы междукняжеских договоров, гарантирующие право отъезда вольных слуг, несомненно, пережили живое значение соответственных явлений (Пресняков), значит отбрасывать несомненное свидетельство источников во имя предвзятых теорий.

мир Королевич по моему челобитью мене жаловал принял мя в службу, по Князя Великого Витовту докончанью. И мне ему служити верно... А Великому Князю Казимиру, по моему животе и моим детям и моему наместнику, в отчину князя Федора Львовича в земли и в воды не вступатися, поколь рубеж Новосельской земли и Одоевской его отчине, опроче того, што давно отошло. А што смыслит Бог на князем Федором Львовичем, а хто останется детей его, тому вся отчина держати; а В. К. Казимиру по моем животе и грамоту докончальную такову дати, как сия грамота” (34). Та же самая заключительная формула, несколько оттененная, в соглашении другого князя Новосельского и Одоевского, Ивана Юрьевича, с тем же Казимиром, ставшим уже королем. “А хто ся останет, по нашем животе, детей наших, и Королю и В. К. Казимиру се отчин наших их не рушити, а в земли и в воды и в отчину не вступатися, покуль рубеж Новосельской и Одоевской земли, опричь того што здавно отошло” (35).

Князь-господин обивывается в вотчину служебного князя не вступаясь, не вмешиваясь, ни при жизни его, ни после смерти, и блюсти границы этой вотчины. В пределах ее служебный князь остается независимым владельческим князем. Все прерогативы верховного владыки, право управления, право суда и обложения принадлежат ему, в силу, выражаясь современным языком, его верховенства, а не в силу пожалования. Это его исконные, а не производные права.

В этом основное отличие права князя на его вотчину от права боярина на его земли. Боярину князь может частично уступить право суда и управления, может поступиться в его пользу частью тягла. Но у боярина это права пожалованные и всегда ограниченные. У служебного князя эти правомочия вытекают из его права на вотчину и потому ничем не ограничены. Дальнейшая эволюция по отношению к нему может идти лишь в сторону ограничения этих правомочий, в сторону видоизменения самого права на вотчину. Вот почему, как мы увидим, мы не найдем ни одного случая предоставления служебному князю князем-господином податной льготы или несудимой грамоты. Служебному князю все это принадлежало в силу его собственного права.

Источники свидетельствуют, что эта особенность положения служебного князя была осознана уже в ту эпоху.

(34) Муханов 4 (1447).

(35) Там-же 9 (1459).

Прежде всего, за это говорит уже словоупотребление источников. С выражением служебный князь непременно сопряжен термин вотчина. Он приезжает, он отъезжает «с вотчиною»; он служит «из вотчины»; он лишается «вотчины». Мы знаем, что в ту эпоху этот термин служил для обозначения княжения. Напротив, бояре оставляют за собою «села», а не вотчину. «А кто Бояр и слуг отъехал от нас к тебе, или от тебе к нам, а села их в нашей вотчине, в Великом Княжестве или в твоей вотчине в Тфери, в ты села нам и тебе не вступатися», пишет еще Дмитрий Донской (36). Еще показательнее одно место из завещания Волоцкого князя Бориса Васильевича (брата Ивана Третьего) (37): «а что есмь пожаловал Бояр своих Князя Андрея Федоровича и Князя Петра Микитича, подавал есмь им отчину в их отчины место...» (38).

Волоцкий князь, чтобы обезопасить себя от последствий отъезда служебных князей и связанных с этим возможных столкновений с более могущественными соседями, к которым может отъехать его служебный князь, прибегает к простому средству: он обменивает их вотчины на другие земельные владения, по отношению к которым служебный князь уже не является владельческим князем, а где его права такие же, как любого боярина. Отсюда и своеобразная терминология «пожаловал Бояр своих Князя»...

Сознают свое особое положение по отношению к своим вотчинам и сами служебные князья. Это явственно выступает в данной князя Карголомского: «се аз князь Иван Федорович Карголомской дал есмь... в своей вотчине... по своих родителей деревню Сырнево и со всем с тем, что к той деревне потягло из старины... и с судом и с данью и со всеми пошлинами» (39). Князь жертвует свою деревню с теми правами и преимуществами, которые принадлежат ему, в силу его положения, по отношению к его вотчине.

Различные положения служебного князя по сравнению с боярином ярко подчеркнута и в завещании Ивана Васильевича Третьего. «А что есмь променял Князю Михаилу Мезецкому на его жребий

(36) ГД I 28 (1368), стр. 48.

(37) Служебные князья были не только у великих князей, но и у прочих удельных князей. Кроме указываемого примера, мы находим их и в договоре в. к. Василья Дмитриевича и удельных князей Владимира Андреевича и Юрия Дмитриевича с тверским в. к. Михаилом Александровичем от 1398 г., где Василий Дмитриевич пишет: «а кто моих князей отъедет к тебе, кого мне Бог поручил и моей братья молодой...» — АЭ I 14 (1398), ср. также Муханов 7 (1449).

(38) ГД I 105 (1477).

(39) Воспроизведена Мейчиком, стр. 17, из Отводной книги 1482 г.

на Месческ в Стародубе Олексин, и он держит по меновой грамоте; а суд и дань сына моего Васильево» (40). Иван Третий обменял вотчину служебного князя на свое владение Олексин. Он считает нужным, подтверждая права князя Мезецкого на Олексин, подчеркнуть, что права, присущие владельческому князю, право дани и суда, принадлежат не князю Мезецкому, а его наследнику, в. к. Василию Ивановичу.

Вот в этом особом положении служебного князя по отношению к его вотчине, в принадлежащих ему, как владельческому князю, самостоятельных правах на обложение, на суд, на управление, и лежало главное основание, почему князь-господин не мог допустить, чтобы служебный князь, отъехавший от него, сохранял права на свою вотчину, ставшую составной частью его, князя-господина, княжения. Это значило бы передать в чужие руки верховные права на часть своей территории. Отсюда и вытекла первоначальная формула, воспринятая отъехавшему служебному князю управлять своею вотчиною: «а им в свою отчину не вступатися». Следующим шагом, логически отсюда вытекавшим, было постановление о лишении отъехавшего князя всяких прав на свою вотчину, в отличие от бояр, сохранявших права на свои села (41).

(40) ГД I 144 (1504), стр. 390.

(41) Вот почему совершенно не требуется, для объяснения утраты отъезжающим служебным князем права на свою вотчину, предполагать наличие «клятвы», создавшей особую нравственную связь между князем - господином и служебным князем, как-то делает Загоскин, Очерк организации и происхождения служилого сословия в до-Петровской Руси, Ученые Записки Казанского Университета, 1876, № 5, стр. 697 сл. На правильном пути для объяснения этого явления стоял Градовский, История местного управления, I, 1868, но его формулировка совершенно недостаточна: «они (служебные князья) не только владели селами и деревнями, как каждый частный вотчинник, но, кроме того, пользовались разными доходами и повинностями» (стр. 42). Суть как раз в том, что служебный князь вовсе не был «частным вотчинником, а пользовался в пределах своей вотчины верховными правами. Частью тягла пользовались и бояре-землевладельцы, но это было не в силу их собственного права, а по пожалованию.

Неудачна и формулировка Владимирского-Буданова: «право свободного перехода с сохранением вотчины прежде всего было отнято у служилых князей, между тем как бояре еще сохраняли его» (стр. Обзор, 120). Служебные князья утрачивали при отъезде свои вотчины именно потому, что, в отличие от бояр, их право носило совершенно другой характер.

Утверждение Сергеевича (т. II, стр. 309): «Отчина служебных князей превращается, таким образом, в поместье» находится в полном противоречии с историческим ходом вещей. Самое понятие поместья в ту эпоху еще не сложилось, и вотчина служебных князей не стала еще вотчиной, в смысле антитезы: к поместью. Она была вотчиной - княжением.

IV.

Служебный князь, утративший политическую независимость, но сохраняющий верховные права на свою вотчину, не единственная фигура в этом роде в Московском государстве. В таком же положении были удельные князья, утратившие свою политическую независимость, но не лишившиеся своих вотчин. В пределах этих вотчин князь сохраняет все те прерогативы и правомочия, которые принадлежали ему до сих пор. Еще во второй половине XVI в., когда принимаются особые меры по отношению к вотчинам князей, в перечислении даются рядом имена князей, как служебных, так и бывших удельных, безо всякого различия: Ярославских, Стародубских, Ростовских, Суздальских, Тверских, Оболенских, Белозерских, Вортыньских, Мосальских, Трубецких, Одоевских. Здесь все эти князья обозначены одним именем “служилых”: “и заными служилыми князьями” (42).

Наши историки, говоря о боярах, обнимают этим именем одинаково князей и бояр, прибавляя иногда для точности “бояр титулованных и нетитулованных”, но не придавая этому различению никакого значения. Все они сливаются, для историков, в одну политическую и социальную группу.

В действительности, полное слияние этих двух категорий есть явление позднейшее. Особое общественное положение “служилых” князей пережило не только крушение удельной системы, но и период утверждения единодержавия при Иване и Василье Третьих. Завершается оно, в сущности, только во вторую половину царствования Ивана Грозного, в результате реформ, радикально перестроивших систему поземельных отношений в России. Обычное двойное обозначение “князья и бояре” вполне соответствовало реальному положению вещей. Составление “Государева Родословца” и урегулирование местнических счетов при Иване и Василье Третьих и имело, как раз, своей задачей подготовить почву для слияния этих двух элементов в одну общественную группу.

То, что разделяло эти два элемента — служилых князей и бояр, — это не было служебное положение или большее или меньшее богатство. То и другое зависело, одно — всецело, другое — в значительной степени, от великого князя, от его назначений и пожалований. Не играла решающей роли даже знатность происхождения. Были боярские роды, восходившие до призвания варягов.

(42) АИ I 154 XVIII (1562). См. об этом ниже.

То, что действительно определяло общественное положение той и другой группы, это было их различное положение в пределах их земельных владений. Служилые князья, в пределах своих вотчин, имели совершенно иное положение, нежели бояре в отношении своих сел и деревень, “Судом и данью” вотчины служилых князей тянули к ним, а не к великим князьям. Они сохраняли здесь свои верховные права. Они имели здесь своих черных крестьян. Тягло шло им в силу их собственного права и, первоначально, целиком, а не в силу пожалования и частично, как боярам. И суд они осуществляли в силу собственного права, а не вследствие княжеского пожалования.

Таков был исходный момент, и таково было положение в течение столетий. Но по мере развития идеи единодержавия тенденция к ограничению прерогатив служилых князей и в пределах их вотчин должна была сказываться все сильнее. Это была одна из форм общего процесса сближения служилых князей с боярами.

Средства были разнообразны. Одним из них была “мена” вотчины между великим князем и служилым князем. Великий князь брал себе вотчину служилого князя и жаловал ему взамен землю. Примеров тому мы имеем немало. Иван Третий производит такую мену с князем Мезецким (43). Его брат, Волоцкий удельный князь Борис Васильевич, делает то же самое по отношению к своим “боярам”, князю Андрею Федоровичу и князю Петру Микитичу” (44). Здесь интересно свидетельство, что и удельные князья проводили ту же политику по отношению к своим служебным князьям. Даже для первой половины царствования Ивана Грозного мы находим жалованную грамоту, касающуюся такой же мены, и притом, чрезвычайно показательную (45).

Характерно уже вступление: “се яз Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Русии взял есми у боярина у своего у князя Михайла Ивановича Кубенского его вотчину, село Боборыкино и с деревнями и с починки..., а против того села Боборыкина пожаловал есми боярина своего князя Михайла Ивановича, в мену, своим селом, в вотчину ему и его детям впрок... с деревни и с пустошми”. Указываются права, которым пользуется новый владелец: “и волен боярин наш... то его село и деревни и починки с пустошми продати и променити и по душе и роду своему дати, и кому хочет отдати”. Но самое интересное в этой жалованной гра-

(43) См. выше, прим. 40.

(44) См. выше, прим. 38.

(45) АЭ I 215 (1547).

моте это та податная льгота и то право суда, которые предоставляются ему на новые земли. В противоположность обычным жалованным грамотам боярам и монастырям, податная льгота дается князю Кубенскому без обычных ограничений, и не частичная, а полная. Не устанавливается никаких сроков, не делается никаких различий между категориями крестьян — старожильцами или вновь призываемыми. Люди Кубенского освобождаются от всего тягла, не исключая даже яма и тех повинностей, которые оставались обычно за великим князем: “от всякого дела... и двора моего не делают... и подвод с них на нашу службу и не яму не емлют и на дела на наши не наряжают”.

Необычна по объему и несудимая грамота. Не делается никаких изъятий, ни для разбои, ни даже для душегубства: “а ведает и судит тех своих людей и христиан князь Михаил Иванович сам во всем или кому прикажет”. Наконец, включается в жалованную грамоту и совсем особая льгота. Объявляются неприкосновенными леса нового владельца: “что у него в том селе и в деревнях и в починках и на пустошах лесу, и того у него лесу моим подклетным селам и боярским и монастырским и всем без омены, чей кто нибули и волостным и станovým сечи не велел”.

Можно предположить, что отнимая у бывших владетельных князей их вотчины, лишая их их верховных прав в пределах их земельных владений, великия князья старались компенсировать их объемом предоставляемых льгот. Но сущность дела от этого не менялась. Все эти привилегии по тяглу и по суду принадлежали теперь этим князьям уже не в силу их особого положения, а, как и всем вообще боярам, в силу княжеского пожалования. Раз данные льготы всегда могли быть ограничены или отняты. Юридически князья переходили и в этом отношении на положение бояр.

Однако, процесс полного слияния служилых князей и бояр в области поземельного права совершается с чрезвычайной медленностью. Не только при Василии Третьем, но еще и при Иване Грозном мы находим определенные следы особого положения “старинных” вотчин служилых князей, следы их бывшего положения владетельных князей.

В одном процессе, который вели в начале XVI в. “Князь Данило, да князь Давыд княж Юрьевы дети Кемьского со княже Федоровою княгинею Кемьского с Анною...”, воспроизведена купчая, по которой “князь Афонасей Давыдовичь Кемьской купил есми у своего брата, у князя Федора, его удел, в Кеме, его вотчину, Доринское село с деревнями, со всем с тем, как држал мой брат

князь Федор ту вотчину за собою, с судом и с данню” (46). Продажа совершена покойным мужем ответчицы, княгини Анны, и относится, вероятно, к концу XV или к началу XVI в. Вотчина обозначена словом “удел”. покупается “с судом и с данню” — все термины, употребляемые князьями в их отношениях между собою касательно их вотчин.

В процессе 1566 г. между Спаским Еуфимьевым монастырем и князьями Вяземскими (47) мы находим у одного из князей “додводчика”, судебный орган, который действовал в пределах княжеской юрисдикции, а не в юрисдикции грамотчика, действующего на основании несудимой грамоты.

Но наиболее показательными являются два соборных приговора эпохи самостоятельного управления Ивана Грозного. Первый из них, 1562 г. (48), касается исключительно вотчин служилых князей. “Которые вотчины за князьями Ярославскими, за Стародубскими, за Ростовскими, за Суздальскими, за Тверскими, за Оболенскими, за Белозерскими, за Воротынскими, за Мосальскими, за Трубецкими, за Одоевскими и за иными служилыми князьями вотчины старинные, а тем князем вотчин своих не продавать, не менати, и за дочерьми своими и за сестрами в приданые не давати; а которого князя бездетна не станет, и те вотчины имать за Государя... А который князь вотчину свою напишет брату своему родному, или двоюродному, или племяннику, своего родного брата сыну... и Государь того, посмотря, по вотчине, и по духовной, и по службе, кому которую вотчину напишет, велит указ учинити... А кто тех князей продаст свою вотчину кому, сыну боярскому, и какому человеку ни буди, опричь своея братьи и племянников, а та вотчина взять на Царя Государя безденежно”. Далее устанавливается ничтожность продаж вотчин, учиненных этими князьями ранее “иногородцам”. И эти вотчины отбирались на государя, безденежно, если продажа учинена была более чем за десять лет до приговора, и за вознаграждение, по усмотрению князя, — если позднее.

Уже самый факт издания исключительных правил для старинных вотчин служилых князей свидетельствует, что эти вотчины продолжали занимать положение особое, отличное от обычных боярских вотчин. По существу это было запрещением распоряжаться этими вотчинами каким бы то ни было путем и в пользу кого бы то

(46) АЮ 13 (1508). стр. 76.

(47) АГР 78 (1565).

(48) АИ I 154 XVIII (1562).

ни было. Изъятие для завещаний в пользу братьев и племянников было только кажущимся — судьба этих вотчин определялась тогда царскими указами. Ссылка на службу помогает объяснить характер всего этого мероприятия.

И следующий соборный приговор, 1573 г., (49), говорит “вотчины княжецкие и боярские”. Поскольку вотчины “не давались в продажу, ни в мену, ни в приданое, ни роду, ни по душе”, т. е. сохранили родовой характер, приговор оставляет в силе указы, изданные ранее “про Ярославские вотчины, и про Ростовские, и про Оболенские, и про Рязанские, и про Тверские, и про Мосальские, и про все вотчины княжия такие же один приговор”. “Вотчины Государскаго данья” должны идти “кому какова грамота будет дана”. “А не будет у кого Государевой грамоты”, они отбираются на государя. Также отбираются на государя все вотчины, и княжецкие, и боярские, у которых вотчици вымрут: “а дале внучат вотчин не отдавати роду”.

Соборный приговор 1562 г. был одной из мер, принятых Иваном Грозным для осуществления задуманной им грандиозной земельной реформы. Для этого ему, прежде всего, надо было радикально покончить со всеми остатками привилегированного землевладения бывших владетельных князей.

Приговор 1573 г. пошел еще дальше, отбирая на государя все жалованные вотчины, на которые не сохранилось грамоты, и ограничивая для всех без исключения вотчин право наследования.

(49) Там-же, 154 XIX (1573).

ГЛАВА ПЯТАЯ

«БОЯРСКИЕ» ЗЕМЛИ

I.

Наряду с землями черными, с “моими Великого Князя селами”, с “княжими вотчинами” мы находим в источниках неизменно “боярские” земли. “Боярские села”, “боярские отчины и купчи”, “папины боярские” — это все подлинные термины источников.

Мы видели, что земли бояр-князей, князей служебных и бывших удельных, под эту категорию не подходили. При перечислении земель источники называют княжьи вотчины рядом с боярскими, княжьи крестьян — рядом с боярскими, отделяя, таким образом, одни от других.

Какие именно земли именуются боярскими?

С первого взгляда, вопрос как будто бы ясен. Это земли бояр, “лучших людей”, высших служебных чинов, крупных служилых землевладельцев. Но такое отождествление выражения “боярские земли” с выражением “земли бояр” вызывает одно неразрешимое недоумение.

Перебирая все упоминаемые в источниках разряды земель, обозначаемые по категориям владельцев: княжеские села, вотчины служебных или служилых князей, земли митрополичьи, земли владычьи, земли монастырские, мы находим рядом с ними еще только один: земли боярские. Если бы кроме бояр никто из свободных нетяглых людей не владел землями, все было бы понятно. Но источники свидетельствуют с полной несомненностью, что землями владели не только бояре, но и остальные упоминаемые источниками категории владельцев. Достаточно взять хотя бы обычную формулу междукняжеских договоров: “а кто бояр и слуг отъехал от нас к тебе, или от тебе к нам, а села их в нашей отчине...” (1). Значит,

(1) ГГД I 28 (1363).

села были не только у бояр, но и у прочих вольных слуг, которые могли свободно отъезжать от князя. В. к. Василий Иванович пишет в жалованной грамоте жителям Смоленска: “также есмь пожаловал околичных, и князей, и бояр, и всех людей Смоленской земли, которые их отчины за ними...” (2). Отчины не только у князей и бояр, но и у других людей.

Как же могло случиться, что эти земли не князей и не бояр актами не затрагиваются и в актовом материале не упоминаются?

В действительности, если вчитаться внимательно в относящиеся сюда тексты, мы увидим, что выражение “боярские земли” относятся не к одним только землям бояр.

В меновой грамоте в. к. Ивана Васильевича с полоцкими князьями Федором и Иваном мы читаем: “а которые земли в тех волостях в их отчине Бугороде и в Колпи Боярские и Монастырские их отчины и купли, и те земли ведают князь Федор и князь Иван судом и данью” (3). Само собою разумеется, что суд и дань полонных князей распространяются не только на земли, находящиеся во владении монастырей и бояр, но и на все прочие, в чем бы владении они ни находились, и грамота употребляет выражение “земли боярские” для обозначения всех владельческих земель, кроме монастырских. То же словоупотребление находим мы и в жалованной грамоте в. к. Василья Васильевича Троицко-Сергиеву монастырю: “что их села в Оуглечском оуезде, и которые люди от них вышши из их сел в мои села великого князя или в села в мое великие княгини и в боярские села сего лета, не хотя ехать на мою службу великого князя к берегу...” (4). Крестьяне Троицко-Сергиева монастыря разбежались по разным селам, великий князь распоряжается о их возвращении, о чьих бы селам дело ни шло, даже о его собственных селам и о селам в княгини. Термин “боярские” и здесь должен был обнять все прочие села.

И в договорной грамоте в. к. Ивана Васильевича с его братом Андреем, когда они пишут: “а что мати наша Великия Княгини к своим селам к куплям своим ко всем, которые села тебе подавала, приняла земель Боярских и монастырских, и служных, и черных: и нам тех земель обыскати, очистити” (5), они имеют в виду дать исчерпывающее перечисление земель. Земли черные и земли служ-

ни (6), — земли зависимого владения, — затем, монастырские и боярские обнимают все земли частновладельческие.

Особенно ярко выступает это значение слова “боярская земля”, когда боярская земля противопоставляется другим категориям земель.

В процессе конца XV в. некий Данило Блин, бывший владетель пустоши, пожертвованной им монастырю, возражая истцам, волостным крестьянам, говорит на суде: “а те, господине, земли истарины боярские, а не черные” (7). Сказать этим, что это были истарины земли бояр, Блин не хотел и не мог. Даже допуская, что сам Блин был боярином, земля, о которой шла речь, не была у него родовой. Он сам приобрел ее, как видно из фигурировавшей на суде купчей, у некоего Москостиньева, а в чьих руках она была раньше, неизвестно. То, что Блин хотел установить, возражая крестьянам, это — что земля не черная, а, выражаясь современным языком, частновладельческая.

Совершенно так же употреблено это слово в жалованной грамоте угличского князя Андрея Васильевича Троицко-Сергиеву монастырю: “что сважют себе купили в моей вотчине в Угличской... деревни Татаринскую, землю боярскую, у Филипа и у его братья у Васильевых детей у Микитина...” (8). Монастырь не утверждал, что он купил землю у бояр, он определил только характер земли: купил землю частновладельческую.

Дальнейшее развитие этого термина определенно подтверждает, что “земля боярская” отнюдь не означала “земля боярина”.

В описании одного владения во второй половине XVI в. мы читаем: “вотчины Уланова, по князь Федорове описи, сельцо... деревня..., пашни боярские и крестьянские...” (9). Пашни боярские означает здесь пашни владельца. Землевладелец этот, Улан Айгустов, подьячий, по тогдашней оценке, человек “худого чина”, занимавший в служебной лестнице одно из низших мест.

В конце XV и в начале XVI вв. появляется термин “боярщина”, для обозначения отдельного владения, впервые в Новгородских писцовых книгах, составленных московскою властью после утраты Новгородом независимости. Такие выражения как — “деревень во всех в пяти боярщинах”, “да тое же боярщины пустошь”, мы встречаем здесь на каждом шагу. Обозначаются этим

(2) Там же, 148 (1510).

(3) Там же 129 (1497).

(4) АЮБ I 37 (1455/64) = АЭ I 64.

(5) ГГД I 106 (1431).

(6) О землях служных, см. ниже.

(7) АЮ 3 (1485/505), стр. 6.

(8) АИ I 74 (11462/7).

(9) АЭ I 280 (1571).

именем владения самые незначительные, напр., “во всех трех боярщинах деревень пять, а дворов тринадцать”. Если даже принять, что в происхождении этого термина сыграло роль положение новгородских бояр, бывших землевладельцев, употребление его в писцовых книгах уже совершенно не зависит от звания прежнего владельца. Мы находим слово “боярщина” в применении к деревне, “что была Аркажа монастыря” (10). Встречается боярщина кульца (11). Характерно противопоставление “во всех в десяти боярщинах да в дву монастырских деревень восемь, а дворов в них дватцать” (12).

В XVII в. мы находим этот термин и вне новгородских владений. “Да пришли де те крестьяне в Олексеевскую вотчину из-за розных боярщин, тому де больше двадцать лет”, гласит правая грамота 1648 г., говоря об Угличском Олексеевском монастыре (13). Или: “учну где на стороне во крестьяне рядитца, или в иную монастыршину, или пойду в иную боярщину за кого нибуду жити...”, пишет крестьянин в порядной грамоте 1630 г. Тихвинскому монастырю (14).

Наконец, отсюда же произошло выражение “крестьянская барщина”, работа крестьянина на землевладельца, которое входит затем в повседневный обиход.

II.

Обозначение всякого частного земельного владения именем “боярское” может немало помочь в будущем, при исследовании происхождения у нас этого землевладения, в эпоху, предшествующую изучаемому периоду. В настоящий момент это ставит перед нами новый, и довольно темный, вопрос: из каких элементов складывается этот класс свободных землевладельцев?

Прежде всего, это были, само собою разумеется, бояре, “лучшие люди”, приближенные князи, выполнявшие при нем наиболее важные военные и гражданские функции. Все они были землевладельцами и, по тогдашнему масштабу, более или менее крупными. Если кормление могло давать средства к их существованию, то земля была единственной формой капитала, обеспечивавшего боя-

(10) НПК IV, стр. 7 и 8.

(11) Там же. II стр. 54.

(12) Там же III стр. 4-5.

(13) АГР 118 (1648), стр. 147.

(14) АЮ 196 I (1630).

рина и его семью. О землях бояр говорят все дошедшие до нас договорные княжеские грамоты, начиная с древнейших. Предоставляя боярам переходить на службу от одного князя к другому, эти договоры сохраняют за ними их земли. “А кто Бояр... отъехал от нас к тебе, или от тебе к нам, а села их в нашей вотчине в Тфери, в ты села нам и тебе не вступати” (15). В других договорах это же положение выражено в формуле: “на тех нелюбья не держати” (16).

Покупка боярами земель, и притом в разных уделах, была явлением распространенным. Об этом мы можем судить по тому, что в договорных грамотах мы находим обычно ограничения для бояр, сидящих под одним князем, покупать земли в уделе другого без на то его согласия: “а сел не купити... нашим Бояром без твоего веданья” (17). “А у кого будет у Бояр... дворы их отчины и купли, и сыи мой Василей в те дворы у них не вступается”, пишет в своем завещании в. к. Иван Васильевич (18).

Во всех упомянутых актах, да и в других актах того же характера, рядом с боярами неизменно и нераздельно называются дети боярские. Все постановления, касающиеся бояр и их земель, распространяются на детей боярских с их землями.

Что такое дети боярские выясняется сразу же из сопоставления различных грамот одного и того же характера. В более ранних из них употребляются формулы: “а бояром и слугам межи нас волным воля” (19), “а кто бояр и слуг отъехал от нас к тебе или от тебе к нам” (20). Со времени в. к. Василья Васильевича между боярами и слугами начинают добавлять “дети боярские”: “иметь жити твоих бояр, и детей боярских, и слуг...” (21), “а бояром, и детем боярским, и слугам межи нас волным воля” (22), хотя продолжает употребляться и старая формула (23). В. к. Иван Ва-

(15) ГД I 28 (1368), ср. 88 (1462), стр. 212: «а домы им свои ведати, а нам ся в них не вступати».

(16) См., напр., там же 23 (1341), 27 (1362).

(17) См., напр., там же 27 (1362); 40 (1410); 74 (1448), стр. 167 и др.

(18) Там же 144 (1504), стр. 390.

(19) Там же, 23 (1341) 33 (1388); 37 (1405); 40 (1410); 57/58 (1430) и т. д.

(20) Там же, 23 (1341); 28 (1368). В наиболее древнем из дошедших до нас договоров, между Новгородом и в. к. Тверским Ярославом Ярославовичем (1265): «ни Бояром твоим, ни твоим Дворяном...».

(21) Там же, 64 (1447); 69 (1448).

(22) Там же, 127 (1496); 133/134 (1504); 160/161 (1531) и др.

(23) Там же, 76/77 (1451); 88/89 (1462).

силевич в своем завещании говорит иногда коротко “бояре и дети боярские” (24).

Не подлежит сомнению, что все эти формулы имеют одно и то же содержание. Дело идет всегда о княжеских служилых людях. Бояре это высшие служилые чины, слуги — низшие. Первоначально все низшие обозначаются одним этим именем, а позднее начинают выделять более значительных между ними под именем боярских детей. Вряд ли между двумя последними категориями была определенная граница. В. к. Василий Иванович адресует в 1509 г. свою грамоту: “От Великого Князя Василия Ивановича князем, и бояром, и детям боярским, и всем служилым людям (25).

То, что особенно существенно для нас, это — отношение договоров к этим различным категориям служилых людей. Все постановления, касающиеся земель всех этих категорий, совершенно тождественны, называются ли в договоре бояре, боярские дети или слуги (26). И это совершенно естественно. Тот экономический момент, который определял их отношение к земле, был совершенно одинаков для них всех. Как боярин был и сотрудником князя, и землевладельцем, так и все прочие служилые люди. И по тем же самым основаниям. Земля была единственным средством вознаграждения за службу и обеспечения экономического положения служилого человека. Естественно, что бояре были, как правило, крупными землевладельцами, а боярские дети — более мелкими. Но все они одинаково владели землей и сидели на ней. Правая грамота первой половины XV в., говоря о розъезде земель, упоминает, что в нем участвовали, рядом с старожильцами, “дети боярские, тутошние жилцы” (27). При объявлении похода извещения рассылаются по их землям: “послали... к детям боярским и велели им спешити...” (28).

Где лежала нижняя ступень той лестницы слуг, свободных землевладельцев, на верхушке которой стояли бояре?

Источники позволяют ответить на этот вопрос с достаточной определенностью.

В духовных и договорных грамотах удельные князья проводят резкое разграничение между двумя категориями слуг: бояре, дети

(24) Там-же, 144 (1504).

(25) АЭ I 151 (1509).

(26) О «слугах под дворьским», составляющих особую категорию, см. ниже.

(27) АГР 8 (1425/1462).

(28) Воскресен. сп, под 1537, стр. 294.

боярские и слуги, с одной стороны, и “слуги под дворьским”, с другой. Дворьский, позднее дворецкий, это заведующий княжеским двором. “А бояром и слугам, кто будет не под дворьским, вольным воля” (29). Первые — это свободные слуги: они могут свободно бросать службу и переходить на службу к другим князьям. “Слуги под дворьским”, по происхождению, также свободные люди, а не холопы. Но они порядились на службу и тем связали себя. Князья принимают все меры, чтобы удержать их на своей службе. В междукняжеских договорах мы постоянно находим постановление: “а которые люди потягли у дворьскому... тых на службу не примати” (30). Эти договоры употребляют выражение “люди”. Из каких людей вербовались слуги под дворьским, вскрывается из дубовиной грамоты удельного князя Владимира Андреевича (двоюродного брата Дмитрия Донского) (31). Перечисляя разных слуг, сидящих на его землях: “бортников, или садовников, или псарей, или бобровников...”, он распоряжается для тех из них, кто “не въсхочет жити на тех землях, ни земли лишеш, поиди прочь, а сами сыну Князю Ивану не надобе, на которого грамоты полные не будет”. Следовательно, между этими слугами были и холопы (“полные грамоты”), и люди свободные, надо предположить, набранные из людей тяглых.

Предположение это превращается в уверенность, если остановиться на вопросе, который нас, в этой связи, особенно занимает: о землях этих людей. Регулируя отношения между сыновьями, Владимир Андреевич устанавливает: “а кто будет под дворьским слуг, тех дети мои промежи собою не принимают, ни от сотников, а кто тех выйдет из уделов детей моих и Княгини моея, ни земли лишеш, а земли их сыну моему, чей будет удел” (31-а). О землях слуг под дворьским говорит и Дмитрий Донской в договоре с тем же Владимиром Андреевичем. “А которые слуги к дворьскому... тых в службу не принимати..., а земли их не купити” (32). Он обозначает ниже эти земли термином: “земли служни”. Так же называет их и в. к. Иван Васильевич в договоре со братом: “а что мати наша Великия Княгини... приняла земель Боярских, и монастырских, и служниих, и черных” (33).

(29) ГГД 40 (1410), стр. 77.

(30) Там-же, 27 (1362); 35 (1389); 45 (1437); 78/79 (1451).

(31) Там-же, 40 (1410), стр. 74/75.

(31-а) Там-же, стр. 77/78.

(32) Там-же, 33 (1388), стр. 56.

(33) Там-же 106/7 (1481), стр. 258.

Земли служни это земли, предоставляемые князем, из числа ли черных земель, или своих собственных, тяглым людям, но не из тягла, а из службы. "Слуги под дворьским" так же тянут к дворьскому, как крестьяне к сотнику: "а которые слуги потягли к дворьскому, а черныи люди к сотником..." (34), или "а которые слуги к дворьскому, а черные люди к становщику... земель их не купи-ти" (35). Права тех и других на землю совершенно одинаковы. Потому то князья и называют их рядом. Различие лишь в том, что одни несут с земли тягло, а другие — службу. Как крестьянин сох-раняет свое право на землю, пока он трудится на ней, так и слуга под дворьским, пока служит князю: "а кто выйдет... ин земли лишен" (36).

Подобно крестьянину, и слуга под дворьским может отчуж-дать свою землю служню. Последствия этого совершенно тожест-венны. В договоре Дмитрия Донского с двоюродным братом устана-вливается: "а которые люди к дворьскому, и черные люди к ста-новщику... земель их не купи-ти... А кто будет покупили земли дан-ные, служни или черных людей... те хто возможет выкупити, ине выкупят; а не возмогут выкупити, ине потянут к черным людям; а хто не възсочет тянути, ине ся земли съступят, а земли черным людем даром..." (37). Покупатель может избежать этих последст-вий лишь при одном условии: если он получит от князя разреше-ние на покушку земель черных или служних. "Се яз князь Андрей Васильевич пожаловал еси Злобу Васильева сына, ослободил еси ему на Вологде купи-ти земли, на соху, боярских и служных и черных тяглых земель, кто ему продасть; а с тое земли с слугами и с черными людьми не тянет; а служити своею братьею с детми с боярскими" (38).

В описании Тверского уезда мы находим реальную картину таких служних земель. "В Захожской волости села и деревни служ-ни: Васюка Мятлева с братьею дер. Филова, пашни полполотрети сохи. Васюка Мятлева, да племяна их Богданца... Васюк Мят-лев служит царю и великому князю в посешных восводках, а брат его и племянник не служат... Василья Матвеева сына Ржевского дер. да два починка; пашни полполотрети сохи. Василья в жи-

(34) Там-же, 27 (1362).

(35) Там-же, 33 (1388).

(36) Там-же, 40 (1410), стр. 78.

(37) Там-же 33 (1388), стр. 56/57.

(38) Воспроизведено в судебном списке 1503 г. — АЮ 9 (1503), стр.

18. Ср. в. к. Ивана Васильевича тому же Злобе Васильеву АЭ I 111 под 1484 г.

воте не стало, а ныне Окулины Васильевой жены Ржевского да ее детей Ондриуши, да Матвейка, да Пятого. Ондрей служит царю и великому князю, а братья его не служат..." Находим мы там и списание деревень царских псарей, сокольников и т. п. (39).

Мы видим, что в источниках земли служни противопоставляются боярским. Это не есть форма частного землевладения. По своей юридической природе она приближается к крестьянскому владению, как одна из форм владения землею тяглого населения.

III.

Ограничивались ли категории "земель боярских" лишь зем-лями бояр, детей боярских и слуг не под дворьским, т. е. земля-ми служилых людей? Не было ли других разрядов землевладельцев, владеющих не условно, как тяглые люди, а также свободно, как служилые люди?

Это один из самых темных вопросов землевладения для изу-чаемой нами эпохи. Мы склонны дать на него утвердительный ответ.

Главная трудность при изучении этого вопроса заключается в том, что актовый материал лишь в самых редких случаях дает ответ на вопрос о социальном положении лица, о котором идет речь. В купчих указание на него почти всегда отсутствует. Неопре-деленность в этом отношении жалованных льготных грамот поро-дила, как мы увидим, неверные представления о категории земле-владельцев, которым льготы предоставлялись.

В правых грамотах и судебных списках характер земли, явля-ющейся предметом спора, должен, по существу, выступать с пол-ной ясностью. Но и здесь эта ясность налицо лишь тогда, когда дело идет о землях черных, монастырских, митрополичьих и вла-дычных. Как только появляются земли частновладельческие, вла-делец обозначается по имени, но о его социальном положении, в лучшем случае, можно лишь догадываться. Иван Левонтьев сын Злобин, в судебном списке 1503 г. (40), был, по всем видимостям, служилый человек, так же, как Чудин Окинфов (41). Но о Даниле Блине, пожертвовавшем пустошь монастырю (42), мы уже не мо-жем ничего сказать. Кто были Ондрейка и Бориска, которые ищут

(39) Писцовые книги XV в. II стр. 146 сл. 160.

(40) АЮ 9 (1503).

(41) Там-же, 17 (1525).

(42) Там-же, 3 (1485/535).

оставленной им отцом Иваном Онисимовым сыном пустоши (43)? Или Лева Зайцев, дед которого Микита заложил свою деревню Кириловскому монастырю за три рубля (44)?

При таком отсутствии в актовом материале непосредственных свидетельств по вопросу о существовании неслужилого землевладения приходится искать указаний другого характера.

В этой связи привлекает к себе внимание, прежде всего, одно позднейшее, но чрезвычайно характерное свидетельство.

В Наказе писцам 1626 г. мы находим нижеследующую инструкцию: “а которыми будет вотчинами и поместными землями владеют хотя и по крепостям неслужебные люди, попы не к церквам, или к церквам, по сверх указа, и торговые мужики, и монастырские служки или холопи боярские... и писцам те земли отписывать на государя” (45).

Относится это к эпохе, когда в землевладении уже совершился полный переворот, определивший все дальнейшее развитие как поземельного права, так и, как следствие, крестьянского права. Правительство принимает меры к ликвидации неслужилого землевладения. Уже самый факт принятия этих мер свидетельствует, что мы имеем дело с явлением установившимся, давним. Еще характернее примеры, которые дает Наказ. “Попы не к церквам”. Служение при церкви рассматривается как служба. Но поп на покое или пои сверх штата (“сверх указа”), не может сохранить свои земли. “Торговый мужик”. Это крестьянин, который в свое время отбился от земли и занялся торговлей. “Монастырские служки”. Дело идет не о чернецах и черницах, в юридическом положении которых монашество ничего не меняло, а о лицах, обслуживающих монастырь, которые не могли нести службы с своей землей. Наконец, “холопи боярские”, которые, с разрешения своих господ, могли владеть имуществом и нередко таковыми и владели.

Наказ говорит об этих лицах, как владеющих “по крепостям”. Значит, они владели землями, опираясь на юридический титул. И все это были лица, которые никак под понятие служилых людей подведены быть не могут. По своему происхождению люди тяглые, они окольными путями пришли к приобретению земель в порядке, открытом только для людей нетяглых. Именно это и побудило объявить конфискацию всех этих земель, ибо привлечь к службе их

(43) АГР 23 (1510).

(44) АЮ 15 (1511).

(45) Акты писцового дела. I. 1915, стр. 432.

владельцев нельзя было. Ясно само собою, что это явление — овладение, в порядке юридического, землей лицами, вышедшими из черных, тяглых людей, — было явлением, возникшим задолго до Наказа первой четверти XVII в.

Но рядом существовало и явление, отражающее как будто бы движение в противоположном направлении. Люди, вышедшие из служилого класса, приближаются, по своему экономически-социальному положению, к крестьянству. Мы имеем в виду существование, в изучаемый нам период, мелкого трудового землевладения, нетяглых землевладельцев, трудящихся на принадлежащих им участках.

Ценный материал в этом отношении дают нам, прежде всего, Новгородские писцовые книги. Мы оставляем пока в стороне вопрос, в какой мере можно умозаключать от хозяйственно-правового строя Новгорода к общерусскому, вопрос о том, как особенность исторического пути Новгорода отразилась на его правовом и социально-экономическом укладе. Здесь мы можем отметить, что параллельное изучение новгородского гражданского строя с общерусским чрезвычайно помогает уяснению и того, и другого.

В Новгородских писцовых книгах бросается в глаза общая схема описания земель. Для каждого погоста описываются сначала земли “сведенных” землевладельцев или бывших монастырских, с указанием нового положения земель: “великого князя волости оброчные”; великого князя волости... за... в поместье”; “деревни монастырские...”. В конце описания погоста мы обыкновенно находим: “в Локотцком погосте деревни своеземцевы”; “в Креченьском же погосте деревни своеземцевы” (46). Если этой рубрики нет, это значит, что в данном погосте они вообще отсутствовали. Земли своеземцев противопоставляются, таким образом, не только землям монастырским, но и землям бояр, “боярщинам” (47).

В чем их особенность?

На этот счет изучение описаний своеземцевых земель не оставляет ни малейшего сомнения. Своземец это мелкий землевладелец, трудящийся на своей земле. “В Шегринском же погосте деревни своеземцевы. Деревни Фомкины да Микиткины, Ларивоно-

(46) Берем примеры на выдержку: НПК II (Деревская пятница): описание земель сведенных землевладельцев ст. 1-91; Локотцкий погост: своеземцевы деоревни ст. 98; Островской пог. ст. 98 и 120; Белской пог. ст. 411 и 424; НПК III (Вотская пятница): Гринг-Кречневской пог. ст. 1 и 6; Сабелской пог. ст. 106 и 142; НПК V (Шелонская пятница); Навской пог. ст. 80 и 87; Цирской пог. ст. 102 и 115.

(47) Причем и здесь термин «бояре» обнимает разнообразные категории лиц. Тут и кучи, и попы, и монахи.

вых детей Лавошинского своеземцы. Д. Болтино: сам Микитка, сеет ржи 6 коробей; а сена косит 30 копен..." (48). Или: "Деревни Сенкины да Якушovy Патрекеевых Сидорова. Д. Рыбенко: дв. двор сам Якуш, а подворник у него дв. Онфиловко Кирилков, сеют ржи 5 коробей, а сена косят 50 копен, 2 обжы. Дв. Кукolino: дв. сам Сенка, сеет ржи по — 3 коробей, а сена косит 20 копен, обжа" (49).

С хозяйственной точки зрения, это обычное крестьянское хозяйство. Но своеземцы не крестьяне. Они резко противопоставляются крестьянам. "Д. Ветол Фомкина Феофанова: дв. сам Фомка, а христьян дв. Бориско Сычев, сеют ржи 5 коробей..." (50). "А по новому писму в дву деревнях в вопчих один двор, и в нем христьян два человека да два двора своеземцовых, а в них сами своеземцы два человека, две обжы" (51). Или: "Дв. сам Матфейко, а христьян (два двора)... А обжу Матвейка пашет на себя" (52). Различие между теми и другими в их различном правовом положении, точнее, в различном характере их права на землю. Крестьянин имеет право трудиться на земле, и это его право охраняется государством. Своземец — землевладелец, его право основано на том титуле, в силу которого он это право приобрел, совершенно так же, как право любого землевладельца. То, что их сближает, это тожество их экономического положения: те и другие трудовые земледельцы. С точки зрения в. к. Ивана Васильевича, с точки зрения политической, своеземцы представляли столь же мало опасности, как и крестьяне, хотя, по исключению, были "сведенные" своеземцы, как были сведенные крестьяне (53).

Своземец трудится сам на своей земле: "а пашут своеземцы сами" (54). Это не значит, однако, что они владеют всегда лишь участком, для обработки которого достаточно сил своеземца и его семьи. Если участок превышает эти силы, своеземец берет себе работника, "подворника". Писцовые книги тщательно отделя-

(48) НПК II 235.

(49) Там-же, II 236. Это лишь отражение общей картины. См., напр., ст. 92, 94, 96: 120; 424 сл. III ст. 6 и сл.; 48 и сл.; 142 сл.

(50) Там-же, II 96 ср. 120, 321 и мн. др.

(51) Там-же, III 49 ср. 102; 142; 182 и т. д.

(52) Там-же III 439

(53) Там-же, II 242: «В Полянском же погосте в. к. Д. Чернячи Онтловская Иванова своеземцова», Ср. I 35, 248.

(54) Именно это обстоятельство и является отличительным признаком этой категории землевладельцев, обозначаемых в писцовых книгах термином «своземец». Поэтому нельзя говорить, как это делает Сергеевич, III стр. 7: «сведенные бояре и боярники были тоже своеземцами».

ет такого подворника от крестьян. Живет подворник обычно в особом дворе, но пашню делает он с своеземцем вместе: "Д. Хотинец Ивашкова Гридина: а в ней дв. сам Ивашко да сын его Савелько, дв. подворника их Васко, сеют ржи 5 коп., а сена косят 40 коп. 2 обжы" (55). Когда деревня не могла прокормить своеземца, он покидает ее, но может оставить там подворника. "Д. Остречна Трофимкова, Юшкова сына Матвеева, дв. подворник его Ивашко, худ, в обжи не положен". "И в сей деревне двор, человек, и в обжи не положен худ" (56).

Если у своеземца земли больше, нежели нужно для прокормления его с семьею его собственной работою, ему открыт тот же путь, что всем свободным землевладельцам, путь привлечения на его землю крестьян. Крестьяне на своеземцевых землях — явление обычное. "Дв. сам Лаврок, дв. христьянин его Самойлик..." (57); или: "в дву деревнях в вопчих своеземцевых и с христьянскими дворов пять, а в них четыре человека своеземцов, да один человек христьян, а обжы пять, две сохи без трети" (58).

Отношения своеземца с крестьянином выливаются совершенно в те же формы, что у всех прочих землевладельцев.

Сидя на чужой земле, крестьянин несет повинности в пользу своеземца. Писцовые книги обозначают их специальным термином "доход". Если на своеземцевом участке крестьян нет, писец отмечает: "а пашет Ивашко (Павлова Глугово) на себя, дохода нет" (59). Для деревни, где сидит, кроме своеземца, крестьянин, описание указывает: "а с обжы полторы гривны, а из хлеба четверть" (60). При описании двух деревень, где живут и работают и своеземцы, и крестьяне, мы читаем: "в дву деревнях и вопчих один двор, а в нем христьян два человека, да два двора своеземцевых, а в них сами своеземцы, два человека, две обжы, соха без трети. а доход своеземцом, с обжы четь из хлеба; а обжу пашут на себя" (61). Или: "в дву деревнях в вопчих своеземцовых и с христьянским дворов пять, а в них четыре человека своеземцов да один человек христьян, а обжы пять, две сохи без трети, а доход своеземцом с обжы половине из хлеба; а четыре обжы пашут на себя" (62). У упомянутого выше Ивашки Глугово была еще дру-

(55) НПК II 94 ср. там-же, 95, 122, 142, и др.

(56) Там-же, II 557.

(57) Там-же, III 143.

(58) Там-же III 102.

(59) Там-же, III 20.

(60) Там-же III 142/3.

(61) Там-же III 49.

(62) Там-же III 102.

гая деревня, описанная особо, где был и его двор, и крестьянский. Здесь "доход своеземцу денег гривна, а из хлеба треть; да на Иванку косят поженку под тою же деревнею" (63), т. е., кроме денского и натурального оброка есть и барщина. Имеются случаи, когда у своеземца, кроме деревни, где он живет и работает, есть еще деревня в другой пятине. "В Кречневском же погосте деревни своеземцевы Онтамонка да Степанка Миклиных детей Юшкова... Дв. Давыдко Тимохин... а доходу своеземцом денга, поклону пяток лну, а из хлеба полове; а сами живут в Шалонской пятине" (64).

Эта картина своеземцева хозяйства, даваемая нам писцовыми книгами, ярко отражает две основные черты землевладения своеземцев. Они трудятся на земле наравне с крестьянами, совершенно так же, как эти последние. Но правовое их положение по отношению к земле иное, нежели положени крестьян. Они работают на своей земле, тогда как крестьянин работает на чужой земле. Вследствие этого крестьянин становится к своеземцу совершенно в те же правовые отношения, в которых находится крестьянин к владельцам земли, на которой он трудится.

Уже тот факт, что своеемец может принять на свою землю крестьянина, свидетельствует, что своеемец распоряжается своею землею так же, как прочие землевладельцы. Мы знаем, что призыв на свою землю крестьянина означал установление на эту землю права крестьянина, имеющего все признаки вещного права. Для той эпохи призыв крестьянина на свою землю было таким же актом распоряжения землею, как отчуждение или заклад земли. Не подлежит никакому сомнению, что своеемец мог и отчуждать свою землю.

До нас дошел ряд новгородских купчих, относящихся к XIV и XV вв. (65). Так как социальное положение продавца, по обыкновению, в купчих не указано, то мы не можем с уверенностью утверждать, что та или другая из этих купчих совершена лицом, подходящим под обозначение своеземца. Но по отношению к одной купчей это несомненно: "Се купи Тирун у Нестора у Павлова сына пожню, на Налестрове... а купи одерень себе и своим детям. А буде Тируну не до земли, ино мимо земца не продати" (66).

(63) Там-же III 20.

(64) Там-же III 6.

(65) АЮ 71 I-XXXVII (XIV и XV вв.).

(66) Там-же, 71 XXIII. О соотношении терминов земец и своеземцов см. ниже.

Отметим, что по отношению к участкам своеземцев мы находим и совладение. Поскольку дело идет об общем владении нескольких своеземцев (67), это вполне естественно. Но своеемец мог владеть участком и сообща с землевладельцем другой категории, напр., общее владение своеземца с монастырем. "В Завержье ж обжи своеземцевы... в сельце в Концах в вопчем в Богдановском Еснова... вопче с Никольским монастырем с Вяжытским, на своеземцевых шостонадцатом жеребье: на дву дворех сами живут сеют... две обжи, соха без трети" (68). (Монастырское владение описано отдельно ниже). Владельцы разнородны, и каждый хозяйничает по своему: своеземцы сами пащут, монастырь ведет обычное монастырское хозяйство. Происхождение такого общего владения объясняется легко. Один из совладельцев своеземцев мог пожертвовать свою часть монастырю.

Еще любопытнее совладение своеземца с великим князем. "В Климязтском же погосте в Тесовском деревни своеземцовы Филипка, Фомина сына, и Сверчина, да Ондрейка Матфеева сына. Сочевича. В в. к. деревне в Сверчине в дворцовой в вопчей на земцовых пятом жеребье два села, сами живут, сеют ржи"... "Да Ондрейка же Сочевича одна в великого князя деревне в Коречинской в дворцовой в вопчей" (69). В дворцовой деревне, которая сохраняет название по имени своеземца, хотя является уже дворцовой, на своеземцевом жеребьи живут и пащут своеземцы. Та же картина в Шелонской пятине: "В Завержье ж своеземцы: Прокоша да Ивашка Офонасьевых детей Мяколова двор великого князя в вопчих деревнях во дворцовых... и всех дворов 5, а людей 6 человек, оприч своеземцев, и обеж 4, соха с третью... И из тех обеж пащут своеземцы 2 обжи, а з дву обеж емлют доход полове из хлеба" (70).

Можно предположить, что часть своеземцев, сидевших на жеребьях, была сведена, их жеребьи обращены во дворцовые, оставшиеся же своеземцы продолжают владеть уже в общем владении с великим князем.

Это свидетельствует о полноте и самостоятельности прав своеземцев на принадлежащие им земли.

Но не есть ли своеземческое землевладение особенностью правового уклада Великого Новгорода?

(67) «А в вопчем сельце в Заречье своеземцы по жеребьем: дв...» НПК II 97 ср. там-же 395; III 101.

(68) Там-же, III 27.

(69) Там-же, III 75 и 76.

(70) Там-же IV 17

Ни в истории самого Новгорода, ни в истории остальной тогдашней России мы не найдем ничего, что могло бы оправдать подобное предположение. Нам придется убедиться, что особенности политического и социального уклада Великого Новгорода не были таковы, что они могли отразиться на этой стороне дела. В области отношений, которые мы означаем ныне именем частно-правовых, мы имеем все основания предполагать в Новгороде общерусские черты.

В. к. Иван Васильевич, сохраняя в Новгороде мелкое трудовое землевладение своеземцев, не вводил в общерусское право новшества, не узаконял нового бытового явления, а лишь сохранял в Новгороде то, что существовало и в остальной России.

Несомненен факт существования и в остальной России мелкого землевладения, настолько мелкого, что только трудовое хозяйство могло оправдать его существование. Наличие такого землевладения подтверждается всеми источниками.

Одна из правых грамот первой половины XVI в. дает нам яркий пример такого мелкого трудового землевладения (71). Борисовская деревня в Лялиной Курье (близ Холмогор) была разделена на две части, из коих каждая имела особую правовую судьбу. Истец Матвей Кузьмин ищет у Григория Кологривова половины деревни. Вот ее описание: “а то, господине, полдвора, где вы стоите, моя; а на моей половине двора хоромов стоит, изба с мшенихою, да два сеника на подклетах, да клетка малая, да мылна...”. Далее следует описание земли: “а то, господине, огород моей половины двора и с гумном по задней угол овина, а от угла, господине, от овинного межа была прямо к пути, а нынеча, господине, та межа посеяна житом... От двора по правую сторону по Лялинскую землю, а от Лялинской земли поперег пожни по ивовою куст, а от ивового куста путем к тому же двору привел”. При разборе дела обнаруживается, что деревня Борисовская была названа по имени прадеда истца, Бориса, и перешла к внучке этого последнего, Марии, матери истца. На суде выяснилось, что в этой половине жила и работал не Матвей Кузьмин, а его брат, Ефим, который и продал эту половину ответчику Григорию Кологривову. Юридический характер этого владения вполне определяется приведенной в правой грамоте купчей: “се яз Ефим Кузьмин сын продал есми Григорию Иванову Кологривову вотчину свою, полдеревни в Лялине Курье Борисовской, где сам живу, что ми ся достало от братьи с делю...”.

(71) АЮ 19 (1532).

Что же касается хозяйственной стороны, то она определяется всецело заявлением истца Матфея, который искал, сверх земли, тридцати рублей убытку: “убыток, господине, мне от Григория тот, другой год, господине, пашни отстал, хлеба не сеял и сена не косил, да в том, господине, у меня и живот измерли лошадь и скотина, да и промыслу есми, господине, всякого отстал”. Трудовое земледельческое хозяйство — промысел владельца земли.

Того же характера и владение, которого касается позднейшая правая грамота 1613 (72), но история которого восходит за несколько поколений. В приведенной здесь закладной владельца ее пишет: “в тех есми денгах яз Дарья заложила... вотчину свою в Курьестрове деревне Онфиловскою Невенинщину, отца своего Безсона оставление, двор со всеми хоромами без вывета и дворнице..., чем владел дед мой Онфим, и отец мой Безсон, тем и Евсею владети тою моею Дарьиною вотчиною Онфиловскою деревнею Новейничино”.

Существование мелкого трудового землевладения и в других, кроме Новгородской области, частях России подтверждается и данными, извлеченными из архивов Колязина Троицкого монастыря, Троицко-Сергиевой Лавры и Кириллова монастыря, С. Б. Веселовским (73). В районе Троицко-Сергиевой Лавры Веселовский обнаруживает “множество мелких вотчинников”. Имеются владения в 3,4 деревни, в одну шестую деревни, даже в одну десятую деревни. Каковы размеры такого владения, видно из того, что одна четверть деревни расценивалась в 2 1/2 рубля (74).

Не подлежит сомнению, что подавляющее большинство таких владений обрабатывалось личным трудом владельцев, в лучшем случае, с помощью холопов, примеры чему указывает Веселовский.

Своеземец, мелкий землевладелец, сам обрабатывающий свою землю, явление, не специально новгородское, а общерусское. И, повидимому, особенно это мелкое землевладение было распространено на Севере России, в области Двины. Что еще можно было бы приписывать Новгороду, это самый термин “своеземец”. Но и на этот счет возникают сомнения. Даже в Новгородских писцовых книгах это не исключительный термин. Рядом с ним мы находим выражение земец, для обозначения того же мелкого землевладельца. При описании Шелонской пятины этот последний термин уло-

(72) АГР 91 (1613).

(73) Село и деревня на Северо-Востоке России, 1937.

(74) Цит. соч. стр. 59-67.

ребляется даже по преимуществу (75), хотя и здесь появляется иногда выражение своеземец (76). Для других пяти преимущественное выражение своеземец, а земец лишь по исключению (77). Вообще, термин земец коренное новгородское выражение. В летописях земцы противопоставляются черным людям (78). Выражение "земец" было известно и в других частях России, хотя значения определенного термина оно не получило (79). Допустимо даже предположение, что выражение "своеземец" не было коренным новгородским термином, а было создано самими писцами, коим было поручено описание земель, именно, чтобы оттенить, что речь идет о владельцах земли. На это предположение наводит то обстоятельство, что когда не может быть сомнения, что дело идет именно о землевладельце, те же писцовые книги говорят просто "земец": "а людей три человека опричь земца" (80). То же самое и в новгородской купчей: "ино мимо земца не продали", когда дело идет о праве продавца на преимущественную обратную покупку (81).

Таким образом, на высшей ступени той социальной лестницы, которую источники объедают именем "боярские земли", стоят мелкие трудовые землевладельцы. Эти землевладельцы располагают всеми теми же правомочиями, что титулованные и нетитулованные бояре и служилые люди. Они могут продавать свои земли, закладывать их (82); приобретая землю, они приобретают ее в "одерень себе и своим детям" (83), следовательно, передают ее по наследству; они могут располагать ее по завещанию (84). Это те же самые правомочия, коими располагают все служилые люди и которые указывают князья, когда жалуют им земли: "а пожаловал ес-

(75) НПК V 1-68.

(76) См., напр., там же, V 29, 115, 117.

(77) Там же, III 20 и 21; IV 17/18 и др.

(78) Никон. сп., под 1555, стр. 247.

(79) Он употребляется для указания на связь с землек «а земских людей были...; а монастырских людей были...» АГР 17 (1495). Более близко к новгородскому словоупотреблению «земецкая жеребья» (в озере) в правой грамоте 1456/83 г. — Юшков 13 (ср. Лихачев, стр. 242). Здесь мы находим и выражение земцы. Ср. также Шахматов. Исследование о двинских грамотах, 1903, стр. 52.

(80) НПК III 21.

(81) АЮ 71 XXIII (XV в.). Ср. Грам. Наместнику 1555 г.: «Грамоты во все пятины к Новгородским помещиком и земцам...» — ДАИ I 65.

(82) АЮ 19 (1532); АГР 91 (1611).

(83) АЮ 71 XXIII (XV в.).

(84) В неоднократно упоминаемом процессе 1532 г. истец говорит про землю: «подлеглии называю своею, потому что дала ми, господине, матка моя, опосле своего живота». АЮ стр. 39.

ми слугу своего... впрок ему и его детям, волен Дмитрий и его дети то село и деревни кому дати, и продати, и променяти, и в закуп дати, и по душе дати" (85). Наконец, так же, как прочие землевладельцы, они могут привлекать на свои земли крестьян. Тогда они становятся по отношению к этим крестьянам в то же самое положение, что служилые люди.

IV.

Чрезвычайное социальное и экономическое разнообразие тех элементов, которые обнимаются в источниках общим обозначением боярских земель, ставит нас перед очень сложной проблемой. Сюда подпадают, начиная с обширных владений титулованных бояр, бывших удельных и служебных князей, земли старинных боярских родов, пожалованные земли позднейших бояр, земли разных категорий служилых людей, наконец, земли свободных людей, которые сами трудятся на своей земле. Поскольку речь шла о правомочиях землевладельца по отношению к его земле, это различие в социальном и экономическом положении землевладельца не препятствовало, как мы видели, полной тождественности этих правомочий. Картина меняется, когда мы подходим к той сфере отношений, в которой родились столь распространенные в нашей исторической литературе представления о "сеньеральном режиме", "иммунитетах", "вотчинном режиме". Легко представить себе владение служебного князя или большого боярина в форме "древне-русской сеньерии". Менее вяжется это с владением среднего или мелкого служилого человека. Уже совершенно отпадает возможность применения этих категорий к трудовому землевладению.

Наши представления об этих явлениях основываются на жалованных льготных грамотах, и это одинаково, как для тех авторов, которые считают, что эти грамоты лишь подтверждали тот порядок, который в древнейшие времена существовал сам собою и по общему правилу, так и для тех, которые считают, что этот порядок был создан жалованными грамотами. На этих грамотах и предстоит нам остановиться (86).

(85) АЭ I 160 (1515) ср. там же, 165 (1518).

(86) Вопрос о жалованных льготных грамотах, который мы затрагиваем в связи с изучением поземельного права, мы поневоле должны касаться в разных местах, в связи с разными категориями землевладения. Чтобы избежать, по возможности, повторов, мы, вопросы о связи податных грамот с несудимыми, о их цели, о политике, которую князья проводили в грамотах, о структуре этих грамот излагаем в

В то время, как для монастырей мы имеем жалованные льготные грамоты уже от начала XIV в., а точные свидетельства относительно этих грамот уже для XIII в., старейшие т. наз. боярские жалованные грамоты, т. е., жалованные грамоты частным землевладельцам, относятся к концу первой четверти XV в. (87). В другой связи мы попытаемся дать объяснение этому факту. Сейчас нам важно лишь установить, что к моменту появления боярских льготных грамот их практика уже совершенно сложилась, и весь строй отношений, с ними связанных, может почитаться вполне установившимся. Так как ко второй половине XVI в. выдача таких жалованных грамот совершенно прекращается, то период существования боярских жалованных грамот оказывается, в исторической перспективе, сравнительно кратковременным.

То, что для нас особенно существенно в настоящей связи, это выделение вопросов, каким категориям землевладельцев давались жалованные льготные грамоты и были ли эти грамоты одинаковы или различны для разных категорий этих землевладельцев.

Первое, что приходится здесь констатировать, это факт отрицательный, но чрезвычайно многозначительный: полное отсутствие жалованных льготных грамот для титулованных бояр (88), т. е., князей служебных и бывших удельных или их потомков. Из сьбыше ста опубликованных грамот, льготных податных и несудимых, нет буквально ни одной, которая касалась бы их отчин.

Факт этот тем более показателен, что титулованные бояре составляли не только большинство, но подавляющее большинство боярства. По подсчету Ключевского, на основании родословных, раз-

связи с землевладением монастырей, для которых мы располагаем гораздо более древними и более многочисленными грамотами. См. об этом ниже главу шестую, и выше, ч. I-ую, гл. § III-VI.

(87) Жалованная грамота, данная в. к. Васильем Васильевичем Ивану Петелину в 1450 г., начинается словами: — см. выше, разд. I, стр. прим. 38: — «По правде своего грамоте, великого князя Ивана Даниловича (следует ссылка на прочих предшественников Василья Второго) пожаловал есмь Ивана Петелина...», Утверждать, однако, на этом основании, что уже Иван Калита дал податную льготу или право суда предкам Петелина, нельзя. Какого рода были жалованные грамоты праотцам И. Петелина, мы не знаем. Во всяком случае, грамота Василья Васильевича не является воспроизведением предыдущих грамот. Это видно уж по языку, из сопоставления этой грамоты с подлинными древними грамотами.

(88) Эти князья именуются «боярами-князьями». См., напр., ГГД I 105 (1477): «а что есмь пожаловал бояр своих, князя Андрея Федоровича и князя Петра Микитича...» или АЭ I 215 (1547): «у боярина у своего у князя Михаила Ивановича Кубенского...».

рядных и боярских книг (89). титулованная знать послала, в XVI в., в думу, в звании бояр, около 65%, а нетитулованная — около 35%. Несомненно, что это преобладание было еще большим в XV в., ибо количество титулованных бояр было ограниченным, с трудом поддающимся увеличению, а количество нетитулованных могло возрастать.

То, что мы знаем о положении служебных князей и потомков бывших удельных князей, дает нам полное и исчерпывающее объяснение этого явления.

Обе эти категории князей располагали, в пределах своих вотчин, правами, составляющими предмет жалованных грамот, уже в силу своего прежнего суверенного положения, и располагали, по крайней мере, до первых десятилетий XVI в., в большей мере, нежели предоставляемые жалованными грамотами. Источник их привилегий, по отношению к их вотчинам, это их исконное верховенство по отношению к их земле. Былую государственную власть, связанную с этим верховенством, они утратили, утратив свою независимость. Но они сохраняют еще правомочия, вытекавшие из этого верховенства — дань и суд, — по отношению к населению своих земельных владений. Для создания этих правомочий жалованные грамоты великих князей им не были нужны. Только постепенно, путем административной практики, их правомочия, в этом отношении, уравниваются с прочими, нетитулованными, землевладельцами.

Отсутствие жалованных грамот, предоставляющих привилегии и преимущества этой категории крупнейших и влиятельнейших бояр — землевладельцев, преимущества, которыми были наделены прочие бояре, да и другие свободные землевладельцы, служит непровержимым доказательством, что эти землевладельцы обладали этими правомочиями в силу своего собственного права.

Рядом с этим отрицательным доказательством мы имеем и положительное свидетельство, тем более показательное, что оно относится к эпохе, когда центральная московская власть была далека от желания расширять преимущества отдельных бояр — землевладельцев.

В 1547 г. уже после фактического вступления в управление Ивана Грозного, по неизвестной нам причине, у князя Михаила Ивановича Кубенского была взята его вотчина и ему даны «в мену» разные земли (90). При этом ему предоставляются в этих землях такие привилегии и правомочия, каких мы в нормальных жа-

(89) Боярская Дума. 5-е изд., стр. 217, ср. 203.

(90) АЭ I 215 (1547).

лованных грамотах никогда не находим. Его людям и крестьянам предоставляется полное и бессрочное освобождение от какого то ни было княжеского тягла и повинностей. Его леса объявляются запovedными для чьих бы то ни было крестьян, даже великокняжеских. "всем без омены, кто чей нибудит... сечи не велет". Вся дань остается князю Кубенскому. Нечего и говорить, что ему передается право суда, причем — явление исключительное — безо всяких изъятий: "а ведает и судит тех своих людей и христиан Князь Михайло Иванович сам во всем, или кому прикажет". Возможное объяснение этого исключительного явления одно: Кубенскому предоставляются в обмениваемых ему землях те же правомочия, кои ему принадлежали в его вотчине, как потомку владетельных князей.

До нас дошли еще шесть жалованных грамот, относящихся к землям титулованных бояр. Но все они касаются не их вотчин, а отдельных земель, им жалуемых или ими приобретаемых.

Удельный пронский князь Федор Иванович жалует своему дяде землю и предоставляет ему на эту землю срочную податную льготу и право суда (91). Такую же срочную податную льготу и несудимую грамоту дает в. к. Василий Васильевич князю Ларе Хотетовскому, жалует ему два селыца с деревнями (92). В. к. Василий Иванович дает несудимые грамоты на жалуемые им земли князьям Козловским (93) и Сокольскому (Чегодаеву) (94). Наконец, совершенно тот же характер носит и пожалование несудимой грамоты княгине Анне Пенковой (95). То обстоятельство, что грамота была дана на пожалованную ей часть бывшей вотчины ее сына, ничего в этом не меняет. Никаких прав на эту вотчину у Анны Пенковой уже не было. Да и самое пожалование последовало в эпоху (1562 г.), когда уже не осталось никаких следов от прежнего положения служебных князей (96).

Таким образом, нужно признать, что для значительнейшей части крупного боярства никакие льготные грамоты не были нужны. Они обладали соответствующими правами и преимуществами независимо от жалованных грамот и притом не в силу какого то "общего порядка, который существовал по общему правилу" с

(91) Юшков 11 (вторая пол. XV в.).

(92) Там-же, 15 (1461).

(93) Там-же, 79 стр. 80 (обе грам. 1510).

(94) Там-же 119 (1524).

(95) Исторические Акты Ярославского Спасского монастыря I № 27 (1562).

(96) См. выше стр. 229 сл.

древнего времени. Это были сохранившиеся элементы их бывшего положения в качестве владетельных князей.

Для других разрядов землевладельцев, подпадающих под понятие боярского землевладения, определение, к какому из этих разрядов относится та или иная жалованная грамота, есть задача чрезвычайно трудная, по причине, на которую нам приходилось уже указывать. В грамотах обозначается обыкновенно лишь имя без дальнейшей характеристики грамотчика. Лишь изредка прибавляется "дворецкого своего", "ключника своего путного" или "сына боярского". Сергеевич пришел к заключению, что предоставление жалованных грамот было общим правилом, а не исключением, на том основании, что в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки (97). Признак этот чрезвычайно шаткий. Мы находим в изобилии эту уменьшительную или ласкательную форму — "Сенька, Миколка, Фетка, Васюк"; — в ряде грамот, относящихся если не к "лучшим" боярским фамилиям, то, во всяком случае, к хорошим боярским родам (98).

Приходится искать других указаний.

Есть жалованные грамоты, где характер земельного участка, на который предоставляется льгота, позволяет умозаключить о землевладельце.

В конце XV в. волоцкая "Княжа Борисова Васильевича Княгини Ульяна" жалует "Орину Баламутову да ее сына Васюка, что их деревня Матфеевская..." (99). Несколько раньше такую же льготную и несудимую грамоту дает белозерский князь Михаил Андреевич Гриде Степанову на его отчину Грипинскую деревню и пустошь (100). Судя по объектам, здесь дело идет о княжьих служебных людях, но низшего порядка.

То же самое надо предположить относительно "Ивановых детей Микифорова Кострова, Митюка, да Романа, да Тимошку", которых в. к. Иван Васильевич жалует "селцом Любош с деревнями" и дает им при этом льготную и несудимую грамоту (101). А при пожаловании этим же великим князем Ивашки Михайлова сы-

(97) Юридические Древности I, 2-е изд., стр. 366.

(98) Ельчаниновы, на имя которых до нас пошли 4 грамоты XV и XVI вв.; рязанские бояре Бузовлевы, потомки татарского выходца. (грамоты от 2-ой четв. XV в. и до 1547 г.), Писаревы и др. — см., напр., Юшков 8 (1427/31); 26 (1464); 27 (1464); 31 (1483); 70 (1507); 94 (1514).

(99) АЭ I 132 (1495).

(100) Там-же, 379 (1484).

(101) Муханов 226 (1487), стр. 608.

на Глядящего нельзя быть даже уверенным, что дело идет о служилом человеке. Великий князь дает ему льготную и несудимую грамоту, "что был челом моей Великой Княгине Софии и с своею вотчиною, с половинным селом Глядящем, что в Муроме" (102).

Если только что приведенные примеры создают впечатление, что и податная льгота, и право суда жаловались и мелким землевладельцам, то имеются и грамоты, где подобные же привилегии предоставляются, повидимому, трудовым землевладельцам.

В. к. Василий Иванович показовал "Степанка, да Осифька, да Володку Федоровых детей Лукина, да Ромашка Фролова сына, в Устюжском уезде... лесом диким, старым... а на том де лесу дворы и пашня ов... (пропуск в тексте). И оже будет так, и яз Князь Великий пожаловал... поставят себе в том лесу дворы...". Великий князь предоставляет им перезывать на поставленные ими дворы крестьян, освобождая этих последних на 15 лет от дани и пошлин, и предоставляя поименованным лицам право суда над крестьянами (103). Тот же великий князь, жалует Василью Тимофееву сыну Олексееву черные деревни "впрок ему и его детем", жалует эти деревни "в вотчину и с судом опричь душегубства и розбою с полячным" (104).

Можно предположить, что предприимчивые люди поставили на черной, еще нерасчищенной земле дворы, и великий князь предоставляет эту землю с правом поселять на них крестьян и дает им на эту землю льготу.

Во всяком случае, можно признать за несомненное, что податная льгота и несудимая грамота предоставлялись всем без исключения категориям свободных землевладельцев.

V.

Изучение льготных грамот, начиная с древнейших, относящихся к монастырям и кончая последними грамотами XVI в., обнаруживает одно удивительное явление: необыкновенную их устойчивость и с точки зрения формы, и с точки зрения их содержания. Язык, конечно, несколько меняется, обновляется, но и то в незначительной степени. Но вся их концепция, соотношение элементов, руководящие идеи, даже формулировка остаются теми же. Наиболее

(102) АЭ I 120 (1487).

(103) Там-же, 163 (1517).

(104) Там-же, 162 (1516).

резкое различие по форме между двумя группами грамот, которое можно пронаблюдать, есть результат не исторической эволюции, а определялось географическим моментом: грамоты рязанского края с самого начала получили иную форму, и эта особая форма, незатрагивающая существа, сохранилась до конца. Нам придется ознакомиться с этим в другой связи. По содержанию льготных грамот историческое развитие отразилось лишь на том, что два основных элемента грамот — податная льгота и предоставление права суда — первоначально нераздельно, даже незаметно слитые, постепенно обособляются внешне, с тем, чтобы совершенно отделиться один от другого. Как раз по отношению к интересующим нас в настоящий момент грамотам можно констатировать, что из дошедших до нас жалованных грамот свободным землевладельцам до 1519 г., после которого мы не находим, вообще, за немногими исключениями, грамот с податной льготой (105), грамот с этими двумя элементами только немного более половины (28 из 50), остальные же грамоты содержат лишь несудимую грамоту. Мы увидим, чем это определялось. Некоторые технические различия в грамотах — срочность или бессрочность податной льготы или большие или меньшие ограничения права суда — определялись колонизационной политикой князей или разной политической различными категориями землевладельцев, которым даются грамоты, мы не найдем, и не только для свободных землевладельцев, но даже при сравнении грамот монастырям и землевладельцам.

Мы видели, изучая положение монастырских крестьян (106), на какой почве возникла податная льгота. Крестьяне, сидя на монастырской земле, должны были нести повинности в пользу монастыря. Но в то же время они, оставаясь тяглыми, наравне с черными крестьянами, должны были нести тягло на князя. Сохранить в полном объеме это последнее тягло было невозможно. На монастырской земле не осталось бы ни одного крестьянина. Необходимо было разграничить те и другие повинности. Эту задачу и разрешила практика льготных грамот. Князья, в конечном счете, сохранили за собою только часть тягла, предоставив монастырю использовать остаток платежеспособности крестьян.

(105) Две последние грамоты с податными льготами, от 1519 г., даны рязанским в. к. Иваном Ивановичем — Юшков 110 и 111. См., впрочем, там-же 187 (1562). Текст грамоты ниже, стр. 258. Относительно исключений см. выше стр. 89-90.

(106) См. ч. I, главу 3-ью, §§ III-V.

Совершенно ту же функцию и в тех же формах выполнили податные льготные грамоты по отношению к частному землевладению. И здесь, как и для монастырей, мы находим грамоты бессрочные и срочные. Но не надо забывать, что льготные грамоты на земли частных землевладельцев появились более чем на столетие позже грамот монастырям. За это время изменилось самое понятие бессрочных грамот. В то время, как первоначально бессрочная льгота длилась без срока, практика постепенно превратила все грамоты в ограниченные сроком. Грамота почитается утратившей свою силу, поскольку вновь севший на стол князь не подтверждает ее. Отсюда постоянное подтверждение льготных грамот новыми князьями, отсюда формула “по грамоте отца своего”. В связи с этим, бессрочные грамоты исчезают раньше полного прекращения льготных грамот вообще. Последняя известная нам бессрочная льготная грамота свободному землевладельцу относится к 1485 г. (107).

Не только техника податных льготных грамот, но и те решения, которые были даны в них поставленной перед ними проблеме, совершенно тождественны с монастырскими грамотами.

Землевладельцу предоставляется, по отношению к точно обозначаемому в грамоте участку земли, получаемому им от князя или приобретаемому им иным путем или даже находившемуся в его владении раньше, освобождение для призываемых на этот участок крестьян от всякого княжеского тягла, в широком смысле этого слова. “И кого к себе перезовет на те на свои земли люди... и тем не надобедь моя дань... ни ям, ни подвода, ни пшчая белка, ни пная некоторая пошлина...” пишет в. к. Василий Дмитриевич Ив. Кафтареву (108). Рязанский князь Иван Федорович выражается в грамоте Афанасию и Васьеке Бузовлевым столь же определенно, хотя еще короче: “И кого перезовут к себе на то место новых людей... дань и ям не надобя им, ни которая тягость...” (109). Иногда грамоты стараются дать еще более точное определение тягот, от которых освобождаются крестьяне: “не надобе... ни которая дань, также им не надобе ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни к дворьскому ни к десятковому с тяглыми людьми не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в разметы, ни иные некоторые пошлны не надобе” (110).

(107) Юшков 31 (1485). Жалованная грамота рязского удельного князя Ельчанинову от 1502 г. — там-же 55 (1502) — не предоставляет бессрочной льготы, а устанавливает оброк вместо всякого обложения.

(108) Там-же 4 (1424).

(109) Там-же 8 (1427/56).

(110) Юшков 55 (1502).

Это освобождение от всякого княжеского обложения имело одну цель: дать крестьянам время наладить свое хозяйство, а землевладельцу — возможность наладить свои отношения с крестьянами, считаясь с возобновлением княжеского обложения.

По истечении срока, установленного в грамоте, или после окончания действия, вследствие ее невозобновления, крестьяне должны были начать нести княжеское тягло. Но — и это и есть ключ для понимания всей техники податных льготных грамот — они несли уже не все тягло, которое падало на черных крестьян и от которого они были освобождены льготной грамотой, а только часть его. В льготных грамотах землевладельцам это выражено со всей возможной ясностью. И элементы тягла, которые ложились по истечении срока на этих “боярских” крестьян, совершенно те же, что и возлагаемые на монастырских крестьян. “А отсыдят свои уроки, и они потянут з боярскими сиротами к черным людям в дань мою по силе”, пишет в. к. Василий Дмитриевич в жалованной грамоте Ив. Кафтыреву (111). Совершенно ту же формулу находим мы в грамотах в. к. Василья Темного Семену Писареву, Марии Копниной, Ал. Краснослезу (112). Дань по силе — это обещанная дань, денежный сбор, взимаемый по количеству обрабатываемой земли. Только эти денежные сборы остаются на “боярских” крестьянах, как они оставались на монастырских крестьянах. В некоторых грамотах это подчеркивается еще с большей силой.

“А отсыдят свой урок, пишет белозерский князь Гриде Степанову, ино дают с тое деревни и с тех пустошей моему данцику Белозерьскому, в мою дань, по четверти; а к старосте им к Шубачскому с тяглыми людьми не тянути, ни в какие проторы, ни в разметы, ни в какие дела” (113). Кроме денежных сборов, остающихся на них, эти крестьяне освобождаются от всех повинностей, лежащих на черных крестьянах.

То же самое находим мы в цитированной выше грамоте в. к. Василья Ивановича на дворы и пашни, построенные и разделанные группою лиц в диком лесу в Устюжском уезде: “о отсыдят свои урочные лета пятнадцать лет, и им давати мне Великому Князю дань и всякие пошлны” (114). И здесь крестьяне должны нести в пользу княжеской казны лишь денежные платежи.

(111) Там-же, 4 (1424).

(112) Там-же, 10 (1441); АЭ I 44 (1449); Юшков 14 (1461).

(113) АЭ I 379 (1484).

(114) Там-же, 163 (1517).

Сомнения возникают лишь по отношению к ямским деньгам, посошным службам и городовому делу. На монастырских крестьянах эти повинности оставались. Имеются основания предположить то же и для землевладельческих крестьян, по крайней мере, поскольку дело идет об яме и посошных службах. Основания эти можно извлечь из позднейшей грамоты Ивана Грозного Грише Колосову на поместье. К этому времени окончательный порядок обложения частновладельческих крестьян уже совершенно сложился, и грамота воспроизводила, несомненно, общий порядок. То, что она касалась поместья, роли не играет, так как положение крестьян было совершенно одинаково, или ли дело о вотчинах или поместьях. Льгота дается Колосову на десять лет: «а кого Гриша в то поместье крестьян за себя призовет... а в те им десять лет дая и великого князя дани и ямских денег и посошные службы не давати, ни городского, ни ямского, ни мостового, ни засечного дела не делати... А как те крестьяне те урочные десять лет отседят, и им дая и великого князя дани и ямские деньги давати, а тяглы им с тяглыми людьми тянуть по книгам, чем их писцы опишут» (115).

«Тяглы, чем их писцы опишут», это и есть, именно, посошные службы, то дело, которое крестьяне должны были нести с «сохи», в соответствии с книгами. Привлекательны ли землевладельческие крестьяне к городовому делу, мы проследить по источникам не могли.

Во всяком случае, ко второй четверти XVI в. круг повинностей, падающих на владельцев крестьян, может почитаться окончательно установленным (115а). Отпадает та функция, которую выполняли податные льготные грамоты. К этому присоединяется и то обстоятельство, что меняется и колонизационная политика. Сейчас уже не приходится говорить о переселении землевладельцами крестьян на их земли. Ближе время, когда на очередь становится противоположная задача: ограничить по возможности переход крестьян с места на место.

Податные льготные грамоты исчезают.

(115) Юшков 187 (1560).

(115а) Каким неправильным представлением о льготных грамотах, в частности, о податной льготе, укоренились у нас, видно из заявления такого осторожного и вдумчивого историка, как С. Ф. Платонов: «За богатых и льготным владельцем и крестьяне пользовались преимуществами его иммунитета; за бедными и рядовым помещиком они «тянули тягло» безо всяких льгот» — Платонов, Иван Грозный, 1924, стр. 113. В смысле податного положения абсолютно никакой разницы между крестьянами крупных и мелких землевладельцев не было.

Уже при изучении монастырских крестьян пришлось отметить, что жалованные грамоты, содержащие податную льготу, неизменно (116) содержали в себе элементы того, что позднее получило название несудимых грамот (117). Каким образом возникло соединение, можно сказать даже, слитность этих по существу разнородных элементов, это можно будет выяснить при изучении монастырского землевладения. Здесь мы должны отметить, что в XVI в. судьбы их разделяются, элементы податной льготы исчезают раньше и остаются одни несудимые грамоты. Что еще существеннее, это та историческая роль, которую пришлось сыграть этим элементам жалованных грамот, и как раз в сфере боярского землевладения.

Уже тот факт, что не было жалованных льготных грамот без льгот в области суда, свидетельствует, что эти последние льготы касались всех без исключения категорий свободных землевладельцев.

В основе всякой несудимой грамоты лежало положение, которое мы находим уже в древнейших дошедших до нас грамотах и которое неизменно воспроизводится в последующих грамотах: «а мои наместники костромские и их тиуны... к тем людям приплыл и старожильцем кого к себе призовет не высылают ни по што, ни доводчики их у них побора не берут...» (118); «а волостели мои Кинельские и их тиуны доводчиков своих не высылают к Ивану и ко всем его людям ништо...» (119), или, как выражаются, в их лапидарном стиле, рязанские грамоты: «а волостели мои в околицу их не высылают» (120).

Земли грамотчика оказываются закрытыми для княжеских ор-

(116) Нам неизвестна ни одна жалованная грамота, которая содержала бы только податную льготу.

(117) Термин «несудимая грамота» есть термин аутентичный, термин источников. В 1545 г. у Васука и Иванка Корондышевых во время нападения татар пропала жалованная грамота. По их челобитью им была выдана новая. «И яз, князь великий ... пожаловал, дал есми им сю грамоту жалованную несудимую» — Юшков 146 (1545). Так же 160 (1548).

(118) Грамота в. к. Василья Дмитриевича Ив. Кафтыреву — Юшков 4 (1424).

(119) АЭ I 46 = Муханов 120 грамота в. к. Василья Васильевича Ив. Петелину (1450).

(120) Грамота ряз. в. к. Ивана Федоровича Бузовлевым — Юшков 8 (1427/56).

ганов. Первое последствие этого формулировано в к. Васильем Васильевичем в только что цитированной петелинской грамоте: “ни кормов не емлют” (121). При существовавшей тогда системе кормления, когда все содержание княжеских чинов падало на местное население, освобождение от этой обязанности являлось для грамотчика и его крестьян чрезвычайно ценным дополнением к податной льготе.

К тому же результату вел и второй вывод, вытекавший из запрещения княжеским властям въезжать на земли грамотчика: “а наместницы мои коломенские и их тиуны к тем их людям не выслают ни по што... не судят их...”; или: “а наместницы мои суздальские и деминские волостели и их тиуны Алексея и его людей не судят ни в чем...” (122).

Непосредственным следствием этого было: “а доводчики побор у них не берут”. Гораздо более существенным, с исторической точки зрения, было другое следствие, отсюда вытекающее: “а ведает и судит своих людей Алексей сам во всем...” или “и судят Писаревы тех своих людей сами или кому прикажут”. Право суда над крестьянами из рук княжеских чинов переходило в руки землевладельца.

Переход суда над крестьянином в руки землевладельца есть неизбежный принцип всех несудимых грамот. Но пределы судебной власти землевладельца не во всех грамотах одинаковы. Суд по важнейшим делам князь сохраняет за собою, что выражается формулой “опроче...”, и следует указание дел, решение по коим принадлежит князьемому суду. Формул таких три, и можно, как будто бы, установить некоторую закономерность в их употреблении. Наиболее редкая формула “опроче душегубства”, изъятие из юрисдикции землевладельца одного убийства. Нам известны таких грамот: одна — в к. Василья Дмитриевича (123), три — в к. Василья Темного (124), и пять — удельных князей (125). В остальных

(121) См. также грамоту в к. Василья Васильевича Гридке Свиньину — Юшков 9 (1434); в к. Ивана Васильевича Писаревым — там же, 31 (1485).

(122) Только что цитированная грамота в к. Ивана Васильевича Писаревым и грамота в к. Василья Темного А. Краснослепу — Юшков 14 (1461).

(123) Юшков 4 (1424) — грамота, вообще, исключительная — см. ниже.

(124) Там-же, 9 (1434); 10 (1441) — см. Юшков, стр. XIV; АЭ I 44 (1449).

(125) Дмитровского АЭ I 371 (1446) и 373 (1475); Белозерского — там-же, 374 (1455) и 379 (1484); русского — Юшков 42 (1498). Две грамоты с подобной краткой формулой носят иной характер, ибо они даны служебным князьям, т. е., они не предоставляют право суда, а огра-

грамотах мы находим одну из двух формул: более обширную, с изъятием трех деяний “опроче душегубства и разбоя и татьбы с поличным” и более краткую, с изъятием двух деяний “опроче душегубства и разбоя с поличным”. Первую мы встречаем во всех грамотах до начала XVI в. (126). В XVI в. татьба с поличным отходит уже к юрисдикции землевладельца, и в ведении княжеских властей остаются только убийство и разбой с поличным (127).

Подведомственны суду землевладельца были исключительно люди, сидящие на его земле: “судит Александр свой люд сам”; “а ведают и судят тех своих людей Костя и Данилко сами”; “кого к себе перезовет людей... а судит тех людей припых сам Иван”; “кто у них в той деревне учнет жити людей”.

Это ставило вопрос: как быть, когда тяжба возникает не между людьми, сидящими на земле одного и того же землевладельца, а между ними и лицами посторонними, “з городскими людьми или с волостными”, или, как выражаются более поздние грамоты: “а случится суд сместной тем его людям з городскими людьми или волостными”.

Ответ на этот вопрос дает постановление о так наз. смешном суде. “И наместницы и волостели и их тиуны судят, и Иван (грамотчик) с ними судит или кому прикажет, а присудом ся делят”, или, как уточняет другая грамота. “ся делят наполю” (128, 129).

Если оставить в стороне рязанские грамоты с их особой формой, то постановление о смешном суде мы находим почти во всех

начинают существовавшую до сих пор их неограниченную юрисдикцию — Юшков 79 и 80 (1510).

(126) АЭ I 46 = Муханов 120 (1450); Юшков 14 (1461); 25 (1462); 26 (1462/92); 27 (1464); АЭ I 111 (1484); Юшков 31 (1485); АЭ I 120 (1487); 132 (1495).

(127) Юшков 55 (1502); АЭ I 141 (1505); Юшков 66 (1506); 67 (1506); 70 (1507); 71 (1507); АЭ I 149 (1509); Юшков 81 (1511); 82 (1511); 83 (1511); 91 и 92 (1514); АЭ I 160 (1515); Юшков 96 и 97 (1515); АЭ I 162 (1516) и т. д., до второй половины XVI в. — Юшков 168 (1553) и 173 (1554). Изъятием являются грамота, данная вятским князькам, и позднейшая из жалованных грамот, данная Иваном Грозным «дьяку своему введенному» Василью Яковлевичу Щелкалову — АИ I 180 I (1571). Здесь употреблена трехчленная формула. Двухчленная формула фигурирует и во всех поместных льготных грамотах — Юшков 150-170. Относительно ввозных и послушных грамот см. т. II.

(128) Юшков 4 (1424), 118 (1523), ср. 173 (1554).

(129) Уклонение от этого мы находим в грамоте ярославского князя Александра Федоровича от первой четверти XV в. — Юшков 3. Здесь устанавливается «прибыток по человеку: чей человек, того и прибыток». Присуд поступает судье той стороны, чей человек оказался превым.

несудимых грамотах. Исключения чрезвычайно редки (130), и мы увидим, к чему эти исключения ведут.

Заканчиваются несудимые грамоты, за ничтожным исключением (131), формулой: “а кому будет чего искати на Иване или его приказшике, ино их сужу яз сам Князь Велики или мой боярин введеный”. Если грамота дается на имя нескольких человек, то перечисляются все они: “а кому будет чего искати на Андрее и на Иване и на Миките и на их приказшике, ино их сужу яз сам Князь Велики, или мой боярин введеный” (132).

Смысл формулы ясен. Все процессы, в которых грамотчик является стороной, изъяты из компетенции княжеских чинов, наместников и волостелей, и подчинены суду самого князя или специально им назначенного лица. Но чем это постановление вызвано и какое его значение?

В поисках аналогий между западно-европейским феодализмом и явлениями русского права русские авторы увидели в этом постановлении особую привилегию, предоставленную русским сеньерам.

Действительность чрезвычайно далека от этого. И дело не только в том, что несудимые грамоты предоставлялись не только крупным землевладельцам, но и самым мелким, по своему социально-экономическому облику недалеко ушедшим от крестьянина. Достаточно вчитаться в самый текст формулы, чтобы убедиться, что здесь речь идет о совсем другом. Формула неизменно гласит: “а кому будет чего искати на самом Сенке или на его приказшике...”. Всегда в этой формуле фигурирует приказчик (133). Приказчик представитель интересов землевладельца. Грамота провозглашает принцип, что всякий, чьи интересы нарушены самим ли землевладельцем, или его представителем, может искать защиты: “кому будет чего искати на самом.. или его приказшике...”. Естественно, что этой защиты можно искать не у самого землевладельца. Но также и не у местных органов, которые заседают в смесном суде вместе с землевладельцем или его приказчиком. Особенное значение это имело, когда дело шло о защите интересов крестьянина, когда

(130) Грамота белозерского князя Михаила Андреевича 1484 г. — АЭ I 379; грамота в. к. Ивана Васильевича 1545 г. — Юшков 146.

(131) См. Юшков 3 и 4 — обе грамоты первой четверти XV в.

(132) АЭ I 46 = Муханов 120 (1450); Юшков 20 (1462/1505).

(133) В жалованной грамоте чернице Анне Федоровой — АЭ I 371 (1446) — соответствующее постановление упоминает только приказчика: «а кому буде до приказшика до ее дело, ино сужу яз сам...» Сама черница была изъята из-под княжеского суда.

крестьянин почитал свои права нарушенными землевладельцем или его приказчиком.

Изучение правых грамот не оставляет ни малейшего сомнения, что процессы крестьян по поводу земли восходили до суда самого князя или назначенного им судьи и тогда, когда спор шел между крестьянами разных волостей, и тогда, когда судились крестьяне разных землевладельцев, или когда им приходилось защищать свои права по земле против третьих лиц (134). Мало того, имеются и непосредственные свидетельства о разрешении судом князя споров между крестьянами и владельцем земли, на которой они сидели. Правда, эти свидетельства касаются монастыря и его крестьян (135). Но при полном тождестве жалованных грамот монастырских и частновладельческих, при полном параллелизме в их земельных отношениях, мы не имеем никаких оснований сомневаться, что таково же было и положение частновладельческих крестьян.

Таким образом, все дела, где стороной является землевладелец, подведомственны суду самого князя, хотя бы другой стороной был крестьянин, сидящий на земле данного землевладельца. Когда же шел суд между этими крестьянами и третьими лицами, дело подлежало разбору смесного суда. Но вот что особенно интересно. Мы видели, что были грамоты, правда, редкие, которые не знали смесного суда. Тогда непосредственно на суд князя восходили не только дела против землевладельца, но и дела против его людей и крестьян. Княжий суд заменял смесной. “А кому будет какво дело до Гриди и его детей, или до его людей, пишет в несудимой грамоте Гриде Степанову с детьми белозерский князь Михаил Андреевич, ино их сужу яз сам князь Михаилу Андреевичь, или мой боярин введеный” (136). Еще точнее выражается в. к. Иван Васильевич в грамоте Васюку да Иванке Ивановым детям Корондышева: “о кому будет до Василья и до Ивана и до их людей и до крестьян какво дело, ино их сужу яз, князь великий, или мой боярин введеный” (137).

(134) См. об этом Раздел 1-й стр. 128 сл.

(135) Д. Лебедев, Собрание историко-юридических актов И. Д. Бе-
льева, 1881, стр. 7-9 (1490/94) и АИ I 134 (1533), — выше стр. 101.

(136) АЭ I 379 (1484).

(137) Юшков 146 (1545).

VII.

Чтобы покончить с теми последствиями, которые влекло за собою устранение княжеских чинов от вмешательства в жизнь владения землевладельца, надо остановиться еще на одной стороне дела.

Мы видели, при изучении положения разных категорий крестьян, что они подлежали разнообразным административно-финансовым сборам при совершении разных актов и сделок: продаже и покупке, совершении свадеб, пятнании лошадей и т. п. Очевидно, что такие формулы, как “не въезжают и не всылают ни по што”, “не надобе ни иная никакая пошлина”, должны были устранить княжеские власти от взимания этих сборов. В свою очередь, выражения вроде “ведает и судит своих людей Алексей (грамотчик) сам во всем” передавали все такие действия и связанные с ними сборы в руки грамотчика. Материал рязанских грамот, относящийся к этому вопросу, довольно скудный. Это грамота ярославского князя Александра Федоровича Александру Рудневу, где мы читаем: “...и тем людем Александровым неадобь им никакова... (пош)лин, ни тамга, ни явка, ни новоженая кунница. А што Александровы люди купят или продадут, и они являют своему старшему Александру” (138). Грамота в. к. Ивана Васильевича Ивашке Глядящему изъемяет из передачи пятнание лошадей: “а купит Ивашко или выменит какову лошадь, или его люди, и пятенщики мои Муромские лошадь у них пятнят, и емлют у них с лошади по денге” (139). Мы вправе сделать отсюда вывод, что все прочие сборы перешли к Ивашке Глядящему. Аргументом за переход к грамотчикам всех этих сборов служит и аналогия с монастырскими грамотами, по своему содержанию вполне совпадающими с грамотами частным землевладельцам.

VIII.

Всекие сомнения на этот счет рассеиваются, если мы обратимся к разбору рязанских грамот.

То, что выделяет рязанские грамоты из общей массы жалованных грамот, это их своеобразная форма, более сжатая и носящая более архаический характер. И эта их форма еще более неизменна,

(138) Юшков 3 (нач. XV в.).

(139) АЭ I 120 (1487).

нежели форма прочих жалованных грамот, начиная с древнейшей рязанской грамоты, дошедшей до нас, от второй половины XIV в. (Солотчинскому монастырю) (140), и кончая позднейшей, от XVI века (141).

По существу, рязанские грамоты содержат в себе все те же составные части, что прочие льготные грамоты. В части, касающейся податной льготы, бросается в глаза лишь большая краткость формулы. Называется лишь дань, ям и добавляется “и ниготорая тягль”. Все податные льготы срочные (142).

Своеобразнее часть грамоты, посвященная суду. “А волостели мои в околицу их не въеждают, ни ямщик, ни бобровник, ни боровщик, закосник, а резанка 60, вина и поличное к волостелю моему от них из околицы нейдет, ни татин рубль, что учинитца татба, в их околицы промеж их которог людий. А пожаловал есмь их с окольничем Григорьем Давыдовичем да чашником своим Федором Юрьевичем”. До конца XV в. эта формула воспроизводится почти без видоизменений (143). В последующих рязанских грамотах слова “резанка и 60” заменяются выражением “явка”: “а явка и вина и поличное у него из околицы нейдет, ни татин рубль” (144).

И здесь, как в прочих русских льготных грамотах, в основе лежит положение, что местные княжеские власти, рязанские волостели, не должны вступать во владения грамотчика: “в околицу его не въеждают”. Вывод отсюда делается тот же, что и в прочих грамотах, но в иной форме, именно, с точки зрения финансовой. Все причитающиеся при осуществлении суда сборы остаются в руках грамотчика: “вина и поличное к волостелю моему от них из околицы нейдет, ни татин рубль”. Все это остается в руках грамотчика, “в околице”. В этой образной форме определена уже юрисдикция грамотчика. Вина и поличное, — это дела по разбою с поличным, татин рубль, — это по делам кражи. То и другое передается грамотчику, изъемяется лишь душегубство, которое остается за княжескими властями. Конечно, дела эти подведомственны грамотчику, когда речь идет о его людях. Рязанские грамоты прямо это формулируют: “что

(140) Юшков 2 (1351/1402).

(141) Там-же, 111 (1519).

(142) Там-же, 8 (1427/56); 11 (вт. пол. XV в.); 12 (тоже); 26 (1464); 40 (1498); 53 (1501); 54 (1502); 57 (1504); 110 и 111 (1529).

(143) Там-же, 8 (1427/56); 11 (вт. пол. XV в.) — это грамота процкого князя; 12 (вт. пол. XV в.), 26 (1464).

(144) Там-же, 34 (1491); 40 (1497); 53 (1501); 54 (1502); 57 (1504); 110 и 111 (1519).

учиница в их околицы промеж людей их и крестьян, ни не вступит (княжеский волостель): ведают то их волостели" (145).

Рязанские грамоты не содержат постановления о смешном суде. Но это не есть, как мы видели, исключительная особенность рязанских грамот. Попадают с подобным изъятием и общерусские грамоты. Только то, что там исключение, здесь является общим правилом. Последствия отсутствия специального постановления в обоих случаях одинаковы. Все дела против крестьян грамотчика подлежали непосредственно суду князя. В двух рязанских грамотах это выражено прямо: "а кому будет до Сунбуловых людей дело, ино их сужу яз, великия княгиня, сама" (146). В других случаях это подразумевается само собою.

Что касается дел против самого грамотчика, то все рязанские грамоты снабжены пожалованием специального боярина для решения этих дел.

Остается в вышеприведенной формуле рязанских грамот еще один элемент, незатронутый нами. Это загадочное постановление относительно "резанки и 60", замененных впоследствии "явкой". Нам приходилось уже указывать мнение С. Б. Веселовского, что этими именами обозначаются те пошлины, которые обычно обозначались именем мыт и промыт (147). Это толкование представляется наиболее обоснованным. И позднейшая замена этих терминов словом "явка" вполне подходит под это объяснение, ибо явка есть общий термин для всех пошлин с сделок и актов, совершаемых крестьянами (148).

Во всяком случае, мы имеем здесь несомненное подтверждение, что закрытие владения грамотчика для княжеских властей влекло за собою передачу грамотчику не только осуществления судебной власти, но и административной и административно-финансовой. К нему переходили и все связанные с соответствующими действиями пошлины.

Таким образом, рязанские грамоты целиком укладываются в общую систему общерусских жалованных льготных грамот. Они отличаются только особой формой. После прекращения независимого существования рязанского удела исчезает и эта особенность, и грамоты, выдаваемые рязанским землевладельцем, уже ничем не отличаются от общерусских грамот (149).

(145) Там-же, 12 (вт. пол. XV в.); ср. 8; 26; 34; 40; 53.

(146) Там-же, 54 (1502) и 57 (1504).

(147) См. Разд. I стр. 86.

(148) См. источники, указанные в Разд. I стр. 94.

(149) Юшков, 154 и 155 (1547).

Мы можем подвести итог показаниям источников относительно той категории земель, которую источники обозначают именем "земли боярские".

Категория эта обнимает земли всех свободных землевладельцев. Мы находим среди них лиц разного общественного положения и социального значения. Сюда входят, прежде всего, земли подлинных бояр, сотрудников князя, разделяющих с ним бремя управления и выгоды власти, образующих правящий класс.

Но боярскими называются также и земли многочисленного класса служилых людей низших порядков, обслуживающих княжеский двор и выполняющих разные функции военного и гражданского управления.

Наконец, в эту же категорию входили и земли свободных, нетяглых, бывших служилых людей или их потомства.

Несомненно, что преобладающую массу земель представляли земли служилых людей всех разрядов. Но говорить для изучаемого периода о служилом землевладении в том смысле, какой придается этому в последующем, не приходится. Земли раздавались за службу, но связь между службою и землею была, пока что, только фактической. Владение землею не влекло за собою обязанности службы. Лишь позднее связь между землею и службою превращается в юридическую, и землевладельцы становятся служилым сословием.

С точки зрения правовой, положение разных слоев боярского землевладения было совершенно одинаковым. Мы не найдем решительно никаких указаний на какие либо преимущества в этом отношении бояр перед прочими свободными землевладельцами. Все они обладают одинаковыми полномочиями, все одинаково свободны в распоряжении своей землею при жизни и на случай смерти, все одинаково независимы в выборе способов и форм хозяйничанья. Несомненно, что владения бояр были крупнее владений прочих свободных землевладельцев. Это могло обуславливать различие в хозяйственном отношении. Крупные землевладельцы в большей степени располагали несвободным трудом, владели большим количеством холопов, легче могли привлекать на свои земли и создавать формы зависимого, связанного труда (кабальные холопы, серебряники). Но принципиально все эти формы были открыты каждому свободному землевладельцу.

По отношению к главной форме труда, к крестьянскому труду, положение всех слоев свободных землевладельцев было также

совершенно одинаковым. Даже мелкие трудовые землевладельцы, которые работали на своей земле рядом с крестьянином, стояли, с правовой точки зрения, к своему крестьянину в тех же юридических отношениях, что крупный землевладелец-боярин. На чьей бы земле крестьянин ни сидел, его право на его участок было совершенно тем же, одинаково охранялось против всякого покушения, даже со стороны землевладельца, судом князя — юридически, возможностью уйти с земли данного землевладельца на другую землю — фактически. Конечно, крупному землевладельцу легче было создать экономическую зависимость крестьянина, при помощи ссуд, превращавших крестьянина в крестьянина-серебренника, крестьянина должника. Но и эта экономическая зависимость крестьянина от крупного землевладельца на практике совсем не обеспечивала от возможного ухода крестьянина. Об этом свидетельствует та борьба с отказом задолженных крестьян, о которой повествуют источники позднейшего периода.

Сомнения могут возникнуть только в связи с практикой жалованных грамот. Не создавали ли эти льготные грамоты особую группу привилегированных землевладельцев, которые обладали особыми правами, отсутствующими у прочих землевладельцев?

Пока наши авторы стояли на точке зрения, что льготы эти, или, как стали выражаться более поздние авторы, иммунитеты, были достоянием крупных землевладельцев, такое противопоставление крупных землевладельцев прочим было естественно. Однако, более пристальное изучение источников с полной несомненностью обнаруживает, что льготные грамоты давались всем разрядам свободных землевладельцев. Это в корне подрывает самое учение о существовании у нас подобных привилегированных землевладельцев. Установление факта, что крупнейшие и знатнейшие из этих землевладельцев — бояре-князья, — обладали связанными с жалованными грамотами льготами и привилегиями совершенно независимо от этих грамот, уже в силу исторического происхождения их землевладения: ознакомление с исторической функцией податных грамот; выяснение связи между податной льготой и несудимой грамотой и почвы, на которой возникла эта последняя; наконец, установление причин прекращения выдачи льготных грамот (150) — все это приводит к несомненному убеждению, что ни о какой группе

(150) О всех этих вопросах см., с одной стороны, выше Разд. 1-й, главы о монастырских и о боярских крестьянах, и Разд. II-й, гл. о служилых князьях, с другой — ниже, главу о монастырском землевладении, а также Послесловие.

крупных землевладельцев, снабженных особыми привилегиями, у нас говорить не приходится.

Податная льгота была вызвана необходимостью дать землевладельцу возможность заселить свою землю, и ее основной исторической функцией было распределение тягла между князем и землевладельцем. И то, и другое касалось всех без исключения разрядов свободных землевладельцев.

Судебно-административная власть землевладельца была, по происхождению своему, неразрывно связана с податной льготой. Ею также снабжались свободные землевладельцы всех разрядов. Никакого влияния на правомочия землевладельца на землю предоставления ему известной власти над крестьянами не оказывало. Не отражалось это, пока что, и на положении крестьян, которые только, в известных отношениях, переходили из ведения княжеских чинов в ведение землевладельца.

Может, конечно, возникнуть сомнение, неужели, действительно, выдавались такие грамоты мелкому землевладельцу с одним-двумя крестьянами. Возможно, что порядок испрошения жалованной грамоты был слишком сложен для подобного случая. Но не подлежит сомнению, что установившийся с течением времени, благодаря жалованным грамотам, общий порядок распространился, в конце концов, на всех свободных землевладельцев. Все эти землевладельцы представляли, в юридическом отношении, однородную картину.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗЕМЛИ ЦЕРКОВНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ.

1. ЗЕМЛИ МОНАСТЫРСКИЕ

1.

Изучение монастырского землевладения представляет особый интерес с разных точек зрения.

Наибольшее количество дошедших до нас свидетельств относится именно к монастырским землям. В этом большую роль сыграло, конечно, то обстоятельство, что монастырские архивы лучше сохранились, но также и то, что материал, извлеченный из них, начал опубликовываться раньше всего.

Есть и другая причина сравнительного изобилия материала, касающегося монастырских земель. Монастырское землевладение и количественно занимало особое место. Иностранный путешественник, посетивший Россию в конце изучаемого нами периода (1533 г.), пишет: «tertiam fundorum partem tenent monachi» (1). Не следует, конечно, принимать на веру, без достаточной проверки, подобные утверждения путешественников. Но цифровые данные, которыми мы располагаем, делают утверждение Клемента достаточно вероятным. Монастыри возникли у нас тотчас же после крещения Руси и стали возрастать с чрезвычайной быстротой. Уже к началу XII в. их было 20, к концу этого века — 70, а к концу XIII в. — 100. К концу XVII в. число монастырей достигло более 350 (2). Каково было количество земель у отдельных монастырей,

(1) *Verum moscovitarum auctores varii*. Frankfurti, 1600, стр. 153, (Adamus Clemens).

(2) Цифры эти заимствованы у Ключевского, Курс II 2-е изд., стр. 303. Согласно Милютину, О недвижимых имуществах духовенства в России, 1862, стр. 133, в России было в 1762 г. 966 мон.

об этом дают представление “вкладные” или “кормовые” книги” (3). Как пример можно указать на Троицко-Сергиев монастырь, правда, наиболее богатый (4). Он владел обширными землями, раскиданными по всей тогдашней России, по счету на позднейшие губернии, в 15 губерниях.

При большом количестве монастырских земель естественно, что количество относящихся к ним исторических свидетельств особенно значительно. Это дает возможность яснее представить себе монастырское землевладение не только со стороны экономической и статистической, но и со стороны правовой. Ознакомление с монастырским землевладением облегчает поэтому выяснение юридического положения других категорий землевладения, по отношению к которым документальный материал много беднее.

Но есть и другое основание, которое делает изучение монастырского землевладения особенно поучительным.

На примере княжеских земель или земель служебных князей мы видели, что их политическое положение не могло не отразиться, в той или иной степени, на их правовом положении в качестве землевладельцев. Изменения в течение времени в положении служебных князей влекло и изменение их отношений к земле. Мы увидим, что особое положение митрополита также оказывало влияние на его положение землевладельца.

Этот политический момент совершенно исключен по отношению к монастырскому землевладению. Монастырское землевладение может рассматриваться, как наиболее чистая историческая форма землевладения, и изучение его облегчает понимание других категорий землевладения.

В одном пункте это выступает особенно ярко. Это в вопросе о той роли, которую сыграли в развитии русского поземельного права княжеские жалованные льготные грамоты. Этому вопросу русские историки посвятили много внимания. Но они подошли к нему, по преимуществу, с точки зрения землевладения служилых людей, и это привело к ряду гипотез, мало или совсем необоснованных. В этом вопросе изучение монастырского землевладения дает возможность не только проверить выставленные здесь гипотезы, но и установить происхождение льготных грамот, их функции и связь между отдельными элементами льготных грамот.

(3) См., напр., отрывки из кормовой книги Симоновского монастыря у Карамзина, V, прим. 122.

(4) По переписи 1774 г. ему принадлежало 106.600 душ из общего количества 660.185 душ, числящихся за монастырями.

II.

Сосредоточение в руках монастырей, в изучаемый нами период, большой массы земельных владений свидетельствует, что они уже с давних пор обладали имущественной правоспособностью, другими словами, были наделены юридической личностью. Мы увидим, что это восходит, по крайней мере, к началу изучаемого нами периода, но, всей же вероятности, возникло еще раньше.

Состояние источников позволяет нам установить, с достаточной вероятностью, как складывалась юридическая личность монастырей.

Рядом с большим количеством документальных данных, рисующих нам монастыри в качестве самостоятельных хозяйствующих субъектов, имеется некоторый актовый материал, где монастырь является объектом сделок, объектом прав.

В середине XV в. ряд крестьян Перхорской волости ищут “за вею волость Перхорскую” с Симонова монастыря разные земельные угодья, в том числе монастырь: “владеют, господине, твоими, великого князя, монастырем... и озером... и деревнями, и пустоши: а се, господине, церковь и деревни и пустоши твои, великого князя”. Симонов монастырь признает, что все эти владения “твои, великого князя, истарины”, но добавляет: “менялся, господине, твой прадед, князь Дмитрий Иванович, на ту церковь... и дал на Симонов ту церковь” (5). Симонов монастырь представляет на суде и соответствующие грамоты. В них мы, между прочим, читаем: “се яз Пов, поп Симоновский, купил себе есмь до своего живота... монастырец... и с лесом, и с бортью, и с болотом, и с перевесью, и деревнями и пустоши...”.

Означенная сделка на монастырец имела место при Дмитрии Донском, следовательно, во второй половине XIV в. А от XV в. до нас дошла давшая, по которой “княгиня Ографена княжа Афанасьева Иванович с своими детьми” жертвует Троицко-Сергиеву монастырю монастырек Св. Николу “в своей отчине на Шохъстне” (6). Совершенно такое же пожертвование монастыря находим в 1442/3 г.: “Стыя деля Трци се яз князь Иван Ондреевич пожаловал есмь игумена Зиновья с братею дал есмь в дом стон Трци в Сергиев монастырь в своей вотчине монастырек Юрьи стын в Раменце да По-

(5) АКОБ I 52 I (1462/4).

(6) Там же, 63 VII (1432/43).

повские на реце на Шекъсне, со всем тем, што к тому монастырку и к Поповским издавна потугло, куда топор, коса ходили...” (7).

Владельцы земли, князья и бояре, строили на своих землях монастыри, которые рассматривались, как их владение. Они жертвовали их монастырям, как жертвовали прочие владения.

Но чаще монастыри возникали не в порядке постройки домовых монастырей, а в качестве самостоятельного учреждения.

Мы, конечно, не можем ожидать от наших источников изображения картины возникновения древнейших наших монастырей. Достаточно напомнить, что к концу XIII в. у нас уже было около 100 монастырей, а наш документальный материал едва восходит до конца XIII в. Но и в этом материале можно найти указания, иногда даже яркие, на те пути, коими шло образование таких самостоятельных монастырей.

Лаврентьевская летопись рассказывает, под 1051 г. (8): “Антоний же... посла единого от братье ко Изяславу, река тако: “княже мой! се Бог умножити братью, а мезьца мало; дабы ны дал гору ту, яже есть под печерою. Изяслав же слышав и рад бысть, посла мужа своа, и вда имь гору ту”.

Судя по житиям святых и церковным преданиям, стремление уединяться, чтобы в молитве и посте искать спасения, было в первые века христианства на Руси явлением очень распространенным. “Искатели пустыни”, по выражению Сергия Преподобного, уходили в незаселенные еще места, что там предаться своему молитвенному подвигу. За такими подвижниками тянулись и другие молитвенники, и возникали, таким образом, те “пустынные” монастыри, которыми была богата древняя Русь. Такой монастырь, чтобы пропитать себя, неизбежно должен был занимать и расчищать прилегающие земли. Он превращался в хозяйственную единицу.

Наши историки отметили, что за такими монастырскими поселениями тянулись и крестьяне, ищущие новых земель. Монастырская колонизация встречалась с крестьянской, “служила ей невольной путеводительницей”, как выражается Ключевский. Позднее, уже укрепившиеся и разросшиеся монастыри продолжали эту колонизационную работу. Из таких монастырей, как Троицко-Сергиев или Кирилло-Белозерский, вышли десятки новых пустынных монастырей-колоний.

Актовый материал своеобразно отразил это движение. Еще

(7) Там же, 30 I (1442/3).

(8) Лаврентьев, сп., стр. 155.

в XVI в., в одной из грамот Ивана Грозного (9), мы читаем: “Что бил ми челом (игумен Федор), сказываючи, что де он строит пустынку и церковь поставил Боголепное Преображение Господа нашего Иисуса Христа... на моем Великого Князя на черном лесу на ликом, промежь Вологодского уезда и Каргополоского и Важского”. Спасо-Прилуцкий монастырь создает новый монастырь в девственном лесу. Сделал он это, не испросив разрешения великого князя, т. е. совершил захват черной земли. Чтобы узаконить положение монастыря бил челом великому князю, который и удовлетворяет это ходатайство, при чем разрешает монастырю “рубить тот лес и рощичать во все стороны от монастыря на двенадцать верст”. Характерно, что давая им льготы на эту землю, великий князь обозначает занятые монастырем земли именем “займища”.

В сотной “с книг с Белозерских письма Фед. Фед. Хидвырщикова с товарищи”, воспроизведенной в правой грамоте половины XVI в., мы читаем: “в волости в Череповской, монастырек Воронина пустынка, на ямской дорозе, стал ново после писма на В. Князя лесу на черном” (10).

Бывали случаи, когда инициатива создания такого монастыря принадлежала крестьянам. В царевой грамоте, посланной Иваном Грозным на Двину земским судьям, повествуется: “Били нам челом... и во всех крестьян место Чюхченемские волости... и сказали: есть де в их Чухченемской волости убогой монастырь, особняк, и в нем две церкви... и к тому де монастырю четырнадцать деревелек, в их в Чухченемской волости одиннадцать, а в Ровдогорской волости три деревни; а поставили де те церкви и монастырь строили из тех волостей, а те де деревни к тому монастырю подпущали и прикупали прадеды и деды и отцы их, а прочили де себе и своим детям и внучатам на постриганье и на поминок...” (11).

Каким бы путем такой монастырь ни возникал, каким бы путем он ни приходил к владению землею, на которой он стоял и вел хозяйство — было ли то завладение еще незаселенным участком, легализованное затем пожалованием князя, или хотя бы записью в писцовые книги, или эти земли жертвовались ему кем либо — раз монастырь начинал самостоятельно владеть землею и вести самостоятельное хозяйство, он становился правоспособным субъектом или, выражаясь в более современных терминах, облекался юри-

(9) АЭ I 208 (1546).

(10) АГР 63 (1549), стр. 116.

(11) АИ I 211 (1582). Продолжение цитаты и характеристику юридического положения этого монастыря, см. ниже.

дической личностью. Само собою разумеется, что происходило это не в силу каких либо осознанных правовых принципов, а силою вещей, проводившей в жизнь идеи и формы, заимствованные извне.

Путь, которым пришли к нам эти идеи и формы, совершенно очевиден. Они заимствованы из греко-римского права и пришли к нам вместе с прочими каноническими нормами и формами. В основе лежит идея, которая определилась уже в первый момент государственного признания христианской церкви, в Миланском эдикте 313 года: каждое церковное установление, каждая община, каждый монастырь рассматривается как самостоятельная юридическая единица. Стереотипная формула, которую мы встречаем в каждой жалованной грамоте монастырю: “пожаловал есмь игумена... с братьею”, отражает основной взгляд римских юристов на членов общины, как на истинных носителей корпоративных прав (12), а часто встречающаяся прибавка: “а кто по нем иной игумен будет” (13) должна отнестись к идею монастыря, как единого целого, несмотря на смену составляющих его лиц. Есть все основания предполагать, что именно чрез монастыри проникла к нам самая идея юридической личности.

Таким образом, уже с самого начала мы находим у нас две категории монастырей: монастыри, построенные владельцами земли и составляющие лишь часть их владения, — их можно обозначить именем домовых монастырей, как были домовые церкви, существовавшие рядом с самостоятельными церквами, — и монастыри, являвшиеся самостоятельными хозяйственными единицами, снабженными юридической личностью (14).

На практике, это не были две совершенно обособленные группы. Домовые монастыри очень легко превращались в монастыри самостоятельные. Для этого нужно было только, чтобы владелец такого домового монастыря открыл ему возможность самостоятельного хозяйствования. Достаточно было предоставить монастырю особое

(12) Ср. Елиachevitch, La personnalité juridique en droit privé romain, 1942, стр. 189, сл., 292 сл., 337 сл.

(13) Горчаков, Приложения, стр. 17, VII (1465); АЮБ I 30 П (1479) и др. или «игумени с братьею, который имеет петию»... Горчаков, Прил. стр. 21 XII (1475).

(14) Мы избегаем в дальнейшем выражения «субъект права» и употребляем, по преимуществу, выражение юридическая личность. Ответ на вопрос, является ли социальное образование, снабженное юридической личностью, субъектом права, или нет, зависит от решения чисто теоретического вопроса: что такое субъект права, вопроса, крайне спорного — см. об этом только что указанную работу Ельашевича, стр. 362.

имущество для обеспечения его существования или разрешить ему принять со стороны подобное пожертвование, чтобы монастырь преобразился из домового в самостоятельный. Даже с точки зрения тогдашнего правовоззрения, подобный монастырь выступал уже как самостоятельная хозяйственная единица.

Такой путь приобретения хозяйственной и правовой самостоятельности можно предположить для Ольгова монастыря в Рязанском княжестве. На эту мысль наводит выражение, употребленное в к. Олегом Ивановичем в его грамоте середины XIV в. Жертвуя этому монастырю село, великий князь говорит: “коли ставили по первых прадеди наши Святую Богордцю, князь Великий Ингвар, князь Олег, князь Юрь...” (15). Повидимому, такой же правовой эффект имела и вкладная грамота преподобного Варлаама, конца XII в., по которой он предоставил Хутыньскому монастырю землю, рыбные ловли и другое имущество (16).

Выше мы уже указывали на монастырь, устроенный, по их словам, крестьянами Чухченемской волости (17). Строили они его не на их земле, а на земле черной, прилегавшей к их участкам. Крестьяне “подпущали и прикупали” деревни к этому монастырю. Уже из этого выражения видно, что монастырь хозяйствовал самостоятельно. Крестьяне и различают свои деревни от деревень монастыря “и к тому де монастырю четырнадцать деревень”. Это и дает повод к челобитной. Монастырь запустел, запустели и монастырские деревни, и власти требовали податей с крестьян. Последние и ходатайствуют, чтобы деревни были переданы им. Для обоснования своего ходатайства они ссылаются на происхождение монастыря. Они утверждают: “монастырем де и церковною казною и теми деревнями владели они ж, и казну монастырскую у себя в волостех держали”. Но если бы деревни принадлежали, действительно, не монастырю, а им, то самое ходатайство было бы беспредметным.

Еще ярче вырисовывается это различие двух видов монастырей на т. наз. митрополичьих монастырях, по отношению к которым сохранился более богатый материал.

Митрополичьи монастыри явление древнее. Уставная грамота конца XIV в. в. к. Василья Дмитриевича и митрополита Киприана говорит о Константиновском монастыре, как о “митрополичьем из-

(15) Жал. гр. Ольгову мон. 1371 г.

(16) ДАИ I 5 (1192/207).

(17) Выше прим. 11.

вечном” (18). Были они довольно многочисленны, и к концу XVI в. их насчитывалось до 35. Именовались они митрополичьими потому, что они были неразрывно связаны с митрополичьей кафедрой (19). По большей части они и строились по инициативе митрополита. В грамоте митрополита Ионы переславльскому Покровскому монастырю 1452 г. (20), мы читаем: “и который игумен имет в том монастыре пети, и яз ему приказал тот монастырь строить, чтобы нам тут всегдашнее богомолье было”. Строился такой монастырь, конечно, на земле, принадлежащей митрополичьей кафедре, и тем самым он становился составной частью ее владений. В таком же положении находились и монастыри, пожертвованные митрополиту владельцами земель, на которых они поставили монастыри, или купленные у таких владельцев (21).

По своему правовому положению эти монастыри ничем не отличались от земельных владений митрополита. Они рассматривались, как часть этих владений. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к писцовым книгам конца XV и начала XVI в. “Митрополич же монастырь на Волосове, читаем мы в писцовой книге гор. Володимера 1499 г., церковь Святой Никола, а у него игумен, да поп черный да два попа белых, да два дьякона” (22). То же самое в ростовских книгах 1501 г.: “В Караше на митрополичьих землях погосты и монастыри... монастырь Николая Святой, дв. поп Порфирей, дв. дьякон...”. “Монастырь на Нерли, в нем церковь Дмитрий Святой, дв. поп Денисей...” (23).

Очевидно само собою, что подобный монастырь не является самостоятельной хозяйственной единицей, никакою землею он не располагает. Им митрополит распоряжается, как всяким своим недвижимым имуществом. “Придал есмь тот монастырь (Нафанайлову пустынь около Владимира) к своему Сновицкому монастырю со всем по старине” (24).

Но рядом с такими монастырями мы находим митрополичьи монастыри, которые по самостоятельности своего хозяйственного и правового положения ничем не уступали крупнейшим из немитрополичьих монастырей.

Константиновский монастырь, принадлежавший прежде к Вла-

(18) АЭ I 9 (1389 или 1404).

(19) См. об этом ниже, гл. VII, о митрополичьих землях.

(20) Горчаков, Прилож. стр. 37 I (1452).

(21) АЮБ I 63 XI (1454); II 147 П (1511).

(22) Горчаков, Прилож., стр. 4.

(23) Там-же, стр. 6.

(24) Там-же, стр. 39 IV (1465).

димирской епархии, присоединенный к митрополичьей кафедре после перенесения ее во Владимир и именуемый "извечный митрополичь", обладал крупным земельным имуществом. В Уставной грамоте в. к. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана он упоминается с прибавкою "и с селы". В таком же положении и Борисоглебский монастырь в Переяславле, и при нем указаны "сезы" (25). Благовещенский монастырь в Нижнем Новгороде, именуемый домовым митрополичьим, также обладал крупным недвижимым имуществом.

С точки зрения своего правового положения эти монастыри ничем не отличаются от независимых немитрополичьих монастырей.

Писцовые книги их определенно различают от митрополичьих монастырей без самостоятельного имущества. В тех же ростовских писцовых книгах 1501 г., в той же Караше, где мы нашли монастыри "на митрополичьей земле", мы читаем: "В Караше ж сельце Семеновское Воскресенского монастыря; а в нем христиан... И всех деревень к сельцу двадцать и одна... А всего в Караше митрополичьих и монастырских шесть сел, а деревень двести и три" (26).

В книгах Переяславльского уезда 1492 г. Борисоглебский монастырь фигурирует в такой форме: "В Никицком стану, сельцо Никитское митрополичь Борисоглебского монастыря... а в нем двор монастырской, а христиан... Их же село Добрилово дв..." (27). В книгах города Переяславля (1520 г.) имеется запись: "дворы Борисоглебского монастыря..." (28). По книгам Нижегородского уезда можно проследить записи имущества Благовещенского монастыря (29).

Таким образом, имущества таких митрополичьих монастырей значатся на их имя. Само же имущество обозначается как имущество монастырское. "Монастырские Костянтина и Елены деревеньки... называются своими деревнями", жалуются архимандрит митрополичьего Константиновского монастыря, "а великого князя Алексея письма Подуктова те деревеньки писаны монастырские Костянтина и Елены" (30).

Жалованные грамоты даются князьям на имя самих монасты-

(25) АЭ I 9 (1389 или 1404), стр. 11 (1391).

(26) Горчаков, Прилож., стр. 6.

(27) Там-же, стр. 2.

(28) Там-же, стр. 9.

(29) Там-же, стр. 10.

(30) Там-же, стр. 51 II.

рей (31). На их же имя делаются данные при пожертвованиях им земель частными лицами. "Се яз, пишет Савва Сюзов, дал есми в дом святого Спаса и святого Благовещения... свою вотчинную пустошь, селище Спаское... со всем покामест плуг ходил и коса..." (32). Так же совершаются купчие, меновые, закладные (33).

Все, приобретенное этими самостоятельными митрополичьими монастырями, становится его неотъемлемым достоянием. Когда митрополит предоставляет своему монастырю землю, он предоставляет ее навеки: "А Фотей митрополит тую землю со всем с тем дал в новый свой монастырь Введению Св. Богородицы на присну" (34). Очень характерно выражает это положение игумен митрополичьего монастыря в земельном споре: "та, господине, земля митрополича, а отчина, господине, и дедина истари наша" (35). Даже если сама митрополичья кафедра желает приобрести землю митрополичьего монастыря, она уплывает за это (36).

Особенно ярко различие митрополичьих монастырей, облеченных юридической личностью, и неимеющих таковой, выступает в таких случаях, когда один такой монастырь принадлежит другому. Б. К. Иван Васильевич, давая льготную грамоту митрополичьему Сновицкому монастырю, пишет, между прочим: "что их села... да Ильин починок... да что их монастырь Успенья святые Богородицы..." (37). Перечисляя владения Сновицкого монастыря, на которые распространяется льгота, грамота указывает и на Успенский монастырь. Из грамоты митрополита Фотия от того же года мы знаем о другом несамостоятельном монастыре: "придал есмь тот монастырь (Нафонайлову пустынь) к своему Сновицкому монастырю со всем по старине" (38).

Весь этот материал ясно выявляет, каким образом митрополичий монастырь приобретает юридическую личность. Для этого нужно было только, чтобы сам митрополит или, с его разрешения, постороннее лицо предоставили митрополичьему несамостоятельному

(31) См., напр., АЭ I 17 (1410/17); 18 (тоже) — Благовещенскому мон. Горчаков, Прилож., стр. II I (1426) — Константиновскому мон.; там-же, 16 VI (1463) — Борисоглебскому мон.

(32) Муханов 118 (1398), (та же данна, с датой 1399 — АЮБ I 63 V); ср. АЮБ I 63 VI (1416/17).

(33) АЮБ II 126 II, (нач. XVI в.); 156 X (после 1495).

(34) Обводная запись — см. Горчаков, Прилож., стр. 81.

(35) Там-же, правая грам. 1473/89 г., стр. 50, I

(36) АЮБ II 155 XII (1499).

(37) Горчаков, Прил. стр. 17 VI (1465).

(38) Там-же, стр. 39 IV (1465).

монастырю землю, в качестве его самостоятельного имущества. Из этого факта уже рождалась правоспособность монастыря. Митрополит Фотий задумал строить монастырь Введения Св. Богородицы. Жена князя Володимера Андреевича дает митрополиту, на помин души по ее муже и родителям, землю, которую тот и передает новому монастырю. В обводной записи, из которой мы почерпнем эти сведения (39), указаны и юридические последствия этой передачи для монастыря: “и при животе Фотия митрополита в том монастыре многие игумены были и тою церковною землею владели”.

Выше мы упоминали монастырь Св. Покрова, построенный митрополитом Ионою (40). Приказывая игумену строить монастырь, митрополит добавляет: “и на церковные земли приказал есмь людей звать, что подавали те земли в дом Пресвятыи Богородицы честного ее Покрова Филипп Маков сын Богонский да братанич его Лев чернец”. Митрополит предоставляет будущему монастырю почетную и судебную льготу, подчеркивая тем его правоспособность и самостоятельность.

III.

Правоспособность, вытекающая из юридической личности, не есть нечто неизменное, всегда само себе равное. Эта правоспособность не только складывалась исторически и изменялась в этом историческом процессе, но и в одну и ту же эпоху она была различна для различных социальных образований. Мы лучше всего ознакомимся с правоспособностью монастырей в изучаемую нами эпоху, исследуя, каким образом образовался в их руках тот громадный фонд земельных имуществ, каким они владели.

Мы указали только что, монастырь приобретал правоспособность, получая в свое владение землю, на которой он заводил самостоятельное хозяйство.

По тем двум путям, по которым шло образование русских монастырей, эта земля должна была доходить до него, неизбежно, в различных юридических формах.

Если лицо или лица, замыслившие основать монастырь, не обладали своею землею, и таковая им никем предоставлена не была, то единственным средством для создания монастыря было устройство его на пустынной, никем до сих пор не занятой земле. Это и

(39) Выше, прим. 34.

(40) См. выше, прим. 20.

был тот обычный путь, коим шла монастырская колонизация. Создатели монастыря оседали в пустынной местности, расчищали место для постройки монастыря, занимали прилегающие места для добывания пропитания.

В цитированной уже нами грамоте эпохи Ивана Грозного, где излагается челобитная игумена Федора с братиею: “бил челом сказываючи, что де он строит пустынку и церковь Боголепное Преображение Господа нашего Иисуса Христа на моем Великого Князя на черном лесу на диком...”, употреблено затем характерное выражение для обозначения занятого строителями монастыря места: “а кого к себе на тот лес и на те займища призовут жити людей...” (41). Займище! Это слово, в более современной форме, дошло и до нашей эпохи: заимка. В Сибири это слово было в большем ходу (42). Земля становилась владением лица или учреждения, потому, что данное лицо или учреждение заняло эту землю. С первого взгляда кажется, что мы имеем пред собою институт оккупации, овладения, унаследованный современным правом от римского. Но надо с большой осторожностью пользоваться этой аналогией. Оккупация, в подлинном смысле слова, предполагает наличие земли, никому не принадлежащей. Между тем, в изучаемую нами эпоху и, надо предполагать, уже со времени консолидации княжеской власти, вся территория княжения рассматривалась как владение князя и, поскольку не находилась в частном владении определенного лица или учреждения, относилась к категории черных земель. Занятие земли под монастырь, создавая уже из монастыря самостоятельного хозяйствующего субъекта, давая ему даже, в области процессуальной, известное правовое положение, не создавало для него настоящего правового титула. Для такого титула необходимо было признание факта захвата со стороны князя. Без такого признания монастырь всегда мог рассматриваться как самовольный захватчик черной земли (43). Естественно, что монастырь стремился добиться со стороны князя этого признания и превратить, таким образом, факт в право. Признание это могло быть сделано в различных формах.

(41) АЭ Ч 208 (1546).

(42) Ср. ДАИ VIII 51 IV (1679) где про Туринскую волость говорится: «и от тех заимок... чинятся многие у иноземцов споры». Под сымом Иркутском дожил до нынешнего века очень большой лесной участок, принадлежащий архиерейской кафедре, и застроенный дачами и именуемый «архиерейская заимка». Это наименование свидетельствует о происхождении этого владения.

(43) То же юридическое положение создавалось, когда черную землю занимал уже существующий монастырь для разработки или для постройки пустыни — ср. ниже, прим. 45.

Наиболее торжественной была грамота, даваемая по челобитью самого монастыря. Пример тому мы видели, когда игумен Федор с братьями били челом в. к. Ивану Васильевичу Четвертому, "что де он строит пустыньку и церковь... на великого князя на черном лесу на диком промеж Вологодского уезда и Каргопольского и Важского" (44). То же самое находим мы в грамоте в. к. Василья Ивановича: "се яз Князь В. Василей Иванович всея Руси пожаловал есми Троецкого монастыря, что на Кашире на Белых песках... что посадил на моей В. К. земле на черной в Каширском уезде в Туравской волости... три починки..." (45).

Чрезвычайно многочисленные льготные грамоты монастырям, предоставляя льготу, обыкновенно указывали, каким путем была приобретена земля, на которую давалась льгота: "а пожаловал есми село", "что их купля", "а дал им..." (следует имя лица, пожертвовавшего землю монастырю). Но имеются грамоты, где обозначается земля без указания способа ее приобретения. В таких случаях с большой вероятностью можно принять, что земля, на которую дается грамота, была занята монастырем самовольно. Испрашивая льготную грамоту и получая ее, монастырь легализовал свое положение по отношению к земле. За это говорит и то обстоятельство, что льготные грамоты обыкновенно фигурируют в земельных процессах в качестве главного доказательства прав монастыря на землю.

Но путь испрошения грамоты был путь сложный, мало доступный для маленьких заброшенных в даль монастырей. Недаром подавляющее большинство льготных грамот относится к известнейшим крупным монастырям (46). Проще и доступнее была другая форма официального признания занятия черной земли: внесение в книги и описи великокняжеских писцов.

В одной "с книг с Белозерских письма Фед. Фед. Хидыршикова с товарищи" (1541) (47), мы находим запись: "в волости Череповской монастырек Воронина пустынка, на ямской дорозе, стал ново после писма на Великого Князя лесу на черном". Речь идет об Успенском монастыре: "на всю братью Успления Пречистые Череповские волости", читаем мы в той же грамоте, из которой извлечена сотная.

(44) См. выше, прим. 41.

(45) АГР 57 (1542).

(46) Хотя и здесь надо учитывать, конечно, факт большей сохранности и большей разработки архивов крупных монастырей.

(47) Из правой грамоты 1549 г. — АГР 63, стр. 116 и 115.

Когда зашел спор о двух деревнях Константиновского монастыря, архимандриты, жалующиеся от имени монастыря, указывают: "называют своими деревнями... а великого князя, господине, Алексея письма Подуктова те деревеньки писаны монастырские Костянтина и Елены" (48).

Многочисленны были случаи, когда занятие черной земли монастырем не было санкционировано никаким актом княжеской власти. Это создавало юридически неопределенное положение и вызывало те процессы между волостными крестьянами и монастырями, число которых, судя по количеству дошедших до нас и относящихся сюда правых грамот и судебных списков, было громадно.

В одном из таких процессов крестьянин истец изображает создавшееся положение совершенно точно: "земли Великого Князя наши волости Шуктовские; а старцы Кириловские те деревни поставили на Великого Князя лесу и на Шуктовских; а тому, господине, сорок лет" (49).

Кириловский монастырь занял черную землю сорок лет тому назад. Сидящие в той же местности черные крестьяне, образующие Шуктовскую волость, продолжают считать землю своей волостной. В таких случаях решение принадлежало суду. И если он высказывался в пользу монастыря, это санкционировало занятие земли. Правовой базой для такого решения могла служить давность, как мы то видим в решении аналогичного дела, касавшегося Троицко-Сергиева монастыря. Последний прибегает к суду "занеж, господине, твой крестьянин Кобылицкого стану Иванько Кореловский называет наши деревни монастырские твоими княжими Андреевыми Васильевича". Князь отступился от земель в пользу Троицко-Сергиева монастыря с мотивировкой: "тот крестьянин Иванько Кореловской и иные крестьяне тех земель деревень и пожен не показали за полтрьятчат лет" (50). Если бы занятие черных земель создавало непосредственно право монастыря на землю, князю не пришлось бы, для мотивировки решения, ссылаться на то, что мы именуем исковой давностью.

Иногда юридически неопределенное положение, вытекающее из занятия монастырем незанятых черных земель, разрешалось полюбовным соглашением. "Что есмя били челом игумену Варламу Кирилова монастыря и всем соборным старцем о спорной земле, и

(48) Правая грам. 1492 г. — Горчаков, Прилож. стр. 5 II.

(49) АГР 13 (1485/1505).

(50) Там-же, 9 (не позже 1494).

мы ту спорную землю розъехали полюбовно”, читаем мы в “памяти” старосте Мите Титову сыну во всех крестьян место Робоземские волости черные (51).

Совсем иным было положение при создании монастыря на земле, уже находящейся в частном обладании.

Постройка монастыря на собственной земле не требовала никаких юридических действий. Но, как мы видели, это и не влекло за собою создание самостоятельного монастыря. Чтобы вновь выстроенный монастырь стал самостоятельным, чтобы он получил юридическую личность, необходим был со стороны владельца земли акт, из коего явствовалась бы его воля выделить из своих владений определенный участок земли и передать его в распоряжение монастыря. Только после этого акта создавалось самостоятельное учреждение с своей самостоятельной сферой обладания.

Это с достаточной ясностью выступает в источниках (52). Подобный акт воли владельца земли, с точки зрения современной теории права, может быть назван учредительным актом. Мы уже отмечали, что такого акта было достаточно для приобретения монастырем юридической личности. Никакого разрешения или согласия на то со стороны княжеской власти не требовалось.

Такой же акт учредительной воли следует видеть в разрешении, даваемом владельцем самостоятельного монастыря на пожертвование этому последнему земельного имущества. Когда митрополит Иона дает согласие на пожертвование братьями Филиппом и Львом Богонскими строящемуся Покровскому монастырю земельных участков (53), воля создать самостоятельный монастырь очевидна и подчеркивается еще предписанием игумену заселить эти земли крестьянами и предоставлением монастырю податной и судебной льгот.

IV.

Ознакомление с актами, относящимися к приобретению земель уже существующими монастырями, не оставляет сомнения, что монастырям уже с древнейших пор были открыты все без исключения способы приобретения земель: безмездные и возмездные, по сделкам между живыми и на случай смерти. Другими словами, имущественная правоспособность монастырей была с самого начала ни-

(51) Там-же, 85 (1586).

(52) См. источники, указанные выше в прим. 15, 16 и 34.

(53) Горчаков, Прилож. стр. 37 I (1452).

чем неограниченной. Попытки ограничить ее являются много позже (при Иване Третьем), но результатов, как мы увидим, не дают.

Главные акты, создавшие богатство монастырей, были акты безмездные. Начиная с князей, все без исключения классы населения жертвуют земли монастырям.

Княжеские акты пожертвования монастырям засвидетельствованы нами с древнейших времен и повторяются с неослабной силой в течение всего изучаемого нами периода (54). Совершаются эти пожертвования в форме особой “данной” грамоты, обозначаемой так по выражению, обычно употребляемому в этих грамотах: “дал есмь в дом стои Трци в Сергиев монастырь...”, “дал есмь Святой Богородици дому Арестовское село” (55). Это выражение отражает дарственный характер акта. Рядом употребляется выражение, обычное во всех актах княжеской милости: “пожаловал есмь игумена Зиновья с братьею дал есмь...”, почему наши исследователи говорят о пожалованиях, хотя этот термин более оттеняет предоставляемые обыкновенно, рядом с дарением земли, податную и судебную льготу.

Дарения монастырям глубоко вошли в нравы князей. Начиная могущественнейшими и богатейшими князьями московскими, тверскими, рязанскими, и кончая наиболее мелкими, до нас дошли сведения о таких пожертвованиях. Жертвуют различные земельные владения: села с деревнями, отдельные села и отдельные деревни, пустоши, варницы (56) и даже монастыри с прилегающими к ним землями (57).

Однако, под понятие дара могут быть подведены лишь те пожертвования, объектом которых являются земли, входящие в состав личных земель князя. Предоставление монастырям черных зе-

(54) Древнейшие из документально известных нам дарений монастырям относятся ко второй четверти XII в.: в. к. Мстислава и Всеволода Новгородскому Юрьеву мон. — ДАИ I 2 (1128/32). Затем, ряз. в. к. Олега Ивановича Ольгову мон. — жал. грамота Ольгову мон. 1371/2 г., где упоминается пожертвования прадедов этого князя; его же Солотчинскому мон., конца XIV в. АИ I 13, ср. Юшков 2.

(55) — АЮБ I 30 I (1443/8), АИ I 2 (1352/87); ср. АИ I 54 (1453) и 84 (1472).

(56) Ср. Жал. гр. Ольгову мон 1371/3 г.; АИ I 15 (1404); 84 (1472); АЭ I 15 (ок. 1400); 31 (ок. 1437); 37 (1440); 136 (1500); 164 (1517); АЮБ I 63 III (не позже XV в.); VII (1432/43).

(57) АЮБ I 30 I (1442/3): «дал есмь в дом стои Трци в Сергиев монастырь в своей вотчине монастырек Юрьи стый в раменнице»; ср. «пустынку» в жалованной грамоте Нижегородскому Благовещенскому монастырю — АЭ I 18 (1410/17).

мель носило совершенно иной юридический характер. Черные земли были землями государственными. Ими князь распоряжался в качестве главы государства, и акт распоряжения этими землями не может быть подведен ни под какие частно-правовые категории. Как многие другие акты княжеской власти, эти акты также облакались в форму: "пожаловал есмь". Но форма их все-таки отличается от актов дарения монастырям, и это свидетельствует, что различие между этими двумя категориями актов было осознано уже в ту эпоху. Мы видели, что монастыри, заняв черные земли, ходатайствуют затем о признании этого захвата князем. Признание совершается в форме жалованной грамоты, но мы не найдем здесь выражения "дал есмь", характерного для дарственных актов. Даже тогда, когда монастырь обращается к князю с предварительным ходатайством о разрешении занять черную землю, ответ носит не форму дара, а форму административного распоряжения: "а около деп того монастыря места пустые, лес дикой и болота: и мне бы игумена... с братьею пожаловати...". Соответственно с этим ходатайством великий князь разрешает: "лес сечи, и дворы ставити, и людей к себе называти, и папню пахати" (58). Совершенно так же Иван Грозный, жалующ деревнями черными Покровский женский монастырь, делает это в такой форме: "пожаловал есми теми двадцатью одною деревнями черными Покровского монастыря игуменью Васалису с сестрами. И вы бы (грамота адресована крестьянам волости Толши) игуменьи с сестрами и их приказчиков слушали во всем и папни на них пахали где себе учинят, и оброк им платили, чем вас изоброчат" (59).

По тем же самым соображениям не подходило под понятие дарения, в техническом смысле этого слова, и пожалование монастырей оброчными деревнями. Иван Грозный жалует Благовещенский монастырь "деревнею оброчною..., что была та деревня за Нижегородцы за дегми боярскими... И оброку им с тое деревни мне царю и в. к. с году на год давати постаринеж по два пуда меда да пошлин с пуда по пяти денег" (60). Это не дар, а сдача с оброка. То же порядка и пожалование в. к. Софией Солотчинскому монастырю бортей и рыбных ловель: "а давает игумен к Зачатью с году на год... по осми пудов Рязанских, а и рыбою подымать празник игумену" (61).

(58) АИ I 147 (1547).
(59) Дьяконов II 15 (1550).
(60) АЮБ I 30 IV (1554).
(61) АИ I 80 (1464/501).

Земли жертвовались монастырям в большом количестве и частными лицами. И в этих актах употребляется постоянно то же самое выражение: "дал те земли в Кирилов монастырь Есип Пикин" (62); "что ему (игумену Троицко-Сергиева монастыря) дал Федор Иванович на Кисме пустоши" (63); "штыо придал Оксен Бесков куплю свою село Чютюевское Пречистой Солодьшенской" (64). Самый акт пожертвования гласит так: "Се яз Иван Юрьевич Конюшей дал есми Рожеству Пресвятей Богородицы игумену Мартенниану с братьею свои земли в Яньгосаре, что есмь купил у Петра Карповича, и со всем что к ним потягло, его вотчину, и с лесы и с пожнями и с селищи" (65). Акт этот именовался "данная". По своей юридической природе это акт дарения.

Особый оттенок приобретал этот акт, когда он совершался лицом, вступающим в монастырь чернецом. Это был тогда вклад, и самый акт именовался вкладной. "Ту, господине, деревню, показывае в одном процессе XV в. представитель Кирилова монастыря, дал нам к манастырю Арсеней чернец Микитин сын, да подавал нам, господине, и грамоты тое деревни" (66). Известный пример такого дара являет вклад, сделанный в конце XII в. преподобным Варлаамом Хузьинскому монастырю Св. Спаса. Он дал на монастырь и земли, и огороды, и ловища рыбные и гоголиные, и пожни. (67).

Особенно распространены были в ту эпоху пожертвования на монастырь на помин души, "по душе", как говорилось тогда. "Что им дадут земель по души в моей вотчине", пишет Звенигородский князь Савво-Сторожевскому монастырю в жалованной грамоте (68).

Иной юридический характер получал акт пожертвования на монастырь, когда он основывался на последней воле умершего. Эти акты имеют для нас особый интерес в связи с характеристикой правоспособности монастырей.

Воля покойного могла быть выражена двояким образом. Он мог прямо отказать определенное имущество монастырю. "Дал есми Пречистой Богородици в дом на Симонов... свои сельца и с дерев-

(62) АГР 41 (при в. к. Иване Васильевиче).
(63) АЮБ I 31 I (1391/425); ср. там-же, 63 I (1253), II (не позже XV в.).
(64) АИ I 81 (1464/501).
(65) АЭ I 41 (1448), в приложении.
(66) АГР 4 (между 1403 и 1447).
(67) ДАИ I 5 (1192/207).
(68) АИ I 15 (1404) ср. 29 (после 1425).

ниями в Переяславском уезде... меновые и купленные”, читаем мы в духовной XV в. (69).

Но завещатель мог также возложить на своих наследников обязанность дать монастырю известное земельное имущество. “По приказу своею оспожи, своею матери Великой Княгини Софии... дал есмь в дом Живоначальной Троицы... села ее и с деревнями...” (70). Или: “по дхвной грамоте князя Дмитрея Ивановича, се яз книги его Олена дала есмь в дом великого Спса в Ефимьев монастырь... село... и с деревнями, и с пустошми, и с водами, и с лесы и со всем, что к ним потягло из старины, куда плуг, соха, топор, коса ходили” (71).

Пред нами характерные завещательные легаты, отказы, в пользу монастырей.

Это свидетельствует, что наши монастыри обладали способностью быть назначаемы по завещанию как наследниками, так и отказоприемателями, другими словами, что они пользовались неограниченной пассивной завещательной правоспособностью — явление, по отношению к юридическим лицам, особенно, такого характера, как монастыри, достопримечательное. Не подлежит сомнению, что эта способность принадлежала им с самого начала их возникновения и проникла к нам также из греко-римских церковных книг.

Таким образом, по отношению к безмездным сделкам, как *inter vivos*, так и *mortis causa*, монастыри обладали полной пассивной правоспособностью.

То же самое можем мы констатировать и для оборотных сделок. И здесь монастыри пользовались неограниченной правоспособностью. Они могли приобретать недвижимые имущества всеми известными тогда способами.

Они совершенно свободно приобретают земли покупкою и, судя по количеству дошедших до нас свидетельств, пользуются этой свободой чрезвычайно широко. Они приобретают всевозможные недвижимые имущества: и пустоши, и лес (72), и села (73), и отдельные деревни (74), даже отдельные двory (75). Приобретали

(69) АЮБ I 85 (пр. 1460).

(70) АИ I 54 (ок. 1455).

(71) АЮБ I 63 III (не позже XV в.).

(72) АЭ I 47 (1450/76).

(73) АЮБ I 52 IV (1534), ст. 174, где воспроизведена подобная

купчая.

(74) АИ I 74 (1462/67): «деревню Татариновскую, землю боярьскую; АЮБ I 52 III (пр. 1490), купчая 1544 г. в правой грам. 1613 г. АГР 91.

(75) АЭ I 79 (1465).

они и черные земли (76), но это требовало специального разрешения князя: “ослородил есмь им (Ферапонтовой пустыне) купити у Тушига” (77).

Возможна была для монастыря и мена недвижимыми имуществами. О такой мене между Дмитрием Донским и Симоновым монастырем рассказывает правая грамота XV в., воспроизводя и оригинальную меновую грамоту (78). Такой же обмен землями находим мы при размежевании земель в Волоцком уезде между Кирилловым монастырем и крестьянами Масленской волости (79).

Несколько неожиданной является еще одна форма приобретения земель монастырями. Это раздача ими денег под заклад недвижимых имуществ. В древне-русском праве закладная влекла за собою передачу имущества во владение залогодержателя и переход этого имущества в окончательное владение залогодержателя в случае неуплаты в срок. При обилии денег в руках монастырей операция эта была распространена, и подобные закладные до нас дошли (80). Жалобы на эту практику привели к запрещению на соборе 1581 г.: “монастырем земель... в закладе не держати” (81).

V.

Если правоспособность монастырей по отношению к приобретению недвижимых имуществ была неограниченной, то иной представляется картина, когда мы обращаемся к вопросу об их распоряжении этими имуществами. Здесь мы, прежде всего, встречаемся с ограничениями, вытекающими из природы монастыря как юридического лица. По самому существу отпадают акты распоряжения имуществом на случай смерти. Монастырь может прекратить свое существование, но судьба его имущества не зависит тогда от его воли. Она определяется действующими на сей предмет правилами или распоряжениями высшей духовной или правительственной власти.

Совершенно также несвойственны природе монастыря, снаб-

(76) Это явствует из отступной 1586 г., воспроизведенной в АЮ 26 (1612), стр. 66.

(77) АЭ I 36 (1438).

(78) АЮБ I 52 I (1462/4) стр. 165.

(79) АЮ 151 (1555). Ср. ДАИ I 14 (1471); 17 (1479), 21 (1499).

(80) АГР 128 (1662), где воспроизведена такая закладная; АЮ 232 (1428/34); 234 (1499); 241 (1559) и др.

(81) АЭ I 308 (1581).

женного имущественной правоспособностью для определенных целей, дарственные акты по отношению к принадлежащим ему землям. Эти имущества должны были служить монастырю хозяйственной базой для выполнения его задач, и все акты распоряжения монастыря его земельными имуществами должны были иметь под собою хозяйственную основу.

При наличии этого последнего условия монастыри не были ограничены ничем в своей правоспособности. Все акты возмездного распоряжения своим имуществом были им открыты. Они свободно продавали свои земли (82), они могли их менять (83). Не подлежит сомнению, что они могли их закладывать. В этом отношении монастыри были, в изучаемую эпоху, в том самом положении, что и землевладельцы, обладавшие наилучшим правом.

По отношению к хозяйственному использованию земель монастыри были в несколько ином положении, нежели бояре, если не с правовой, то с фактической стороны.

Монастыри, которые возникали в порядке колонизационном, на до сих пор необитаемых землях, монастыри пустынные, могли организовать необходимое для поддержания своего существования хозяйство лишь на началах трудовых, на труде самих старцев. Монастыри, сидящие на пожертвованных или пожалованных землях, могли строить хозяйство на тех же двух основаниях, на которых строилось, в изучаемую нами эпоху, всякое владельческое хозяйство: на труде несвободном, холопском, или на труде свободном — крестьян. По господствующему у нас мнению, хозяйство княжеское и боярское было построено в более древнюю эпоху на началах подневольного труда. Можно было бы предположить то же и для монастырей. Источниками древнейших времен нам засвидетельствовано, что монастыри могли владеть холопами (84). Но для изучаемого периода все источники, относящиеся к монастырям, говорят лишь о крестьянском труде (85). Если оставить в стороне труд самих монахов, крестьянское хозяйство было исключительной формой монастырского хозяйничания. Идет ли речь о крупных монастырях, или о вновь создающихся, всегда мы находим по отношению к ним формулу: “а кого зовет к себе людей”; “а кого к себе игумен при-

(82) См., напр., купчие на монастырские земли АЮБ II 147 I (1453); АЮ 257 II (XV в.); 78 (1526); 80 (1539).

(83) См. выше, прим. 78 и 79.

(84) ДАИ I 5 (1192/207).

(85) О формах связанного труда, труда, основанного на договоре, о половниках и монастырских серебряниках, см. выше разд. I, гл. 6 пар. I

зовет людей”; “кого призовут на те земли на пустые жити людей” (86).

Призыв монастырем на свои земли крестьян был формой организации монастырского хозяйства. Но с точки зрения юридической, это был акт распоряжения землей. Последствием его было обременение земли вещным правом, правом крестьянина на обрабатываемую землю.

При изучении монастырских крестьян мы видели, в какие формы выливались отношения монастыря и крестьян.

Раз крестьяне были допущены осесть на монастырской земле и начали трудиться на ней, а тем более, когда они уже сидели на приобретенной монастырем земле, они имели на свой участок право, которое уже не могло быть отнято у них односторонне, которым крестьянин мог свободно располагать и которое переходило к его наследникам. Даже неисполнение крестьянином его повинностей по отношению к монастырю не давало последнему права самоуправно согнать крестьянина с занятого им участка. Как мы видели, монастырь должен был для этого идти общим судебным порядком (87).

Монастырю, в качестве владельца земли, принадлежало право на извлечение дохода из труда сидящих на его земле крестьян. Крестьяне несли всякие повинности в пользу монастыря, с которыми мы ознакомились при изучении положения монастырских крестьян. Мы должны здесь напомнить только одну черту, касающуюся крестьянского тягла на монастырь, ибо эта черта особенно характеризует правовые отношения монастыря с его крестьянами. Тягло это определялось не индивидуально по отношению к каждому крестьянину, не договорным их соглашением, а общими нормами. Повинности неслись крестьянами “по старине”, “по пошлине”, и односторонне изменяемы быть не могли, а лишь по обоюдному соглашению монастыря с крестьянами.

Монастырям принадлежали и разные хозяйственные угодья, рыбные ловли (88), борти, варницы (89) и т. п. С точки зрения юридической их положение ничем не отличалось от положения прочих монастырских земель. Эксплоатировались они также при помощи крестьянского труда. Различие было лишь в форме дохода, извлекаемого из них монастырем. Повидимому, оброчная система, ко-

(86) Грамоты XIV в.: Юшков 2 (1351/404); АИ I 13 и 14 (пр. 1402); ср. АЭ I 4 (1338/40). Грамоты XV в.: АЭ I 17 и 18 (1410/17); АЮБ I 31 XIX (1471) и др.

(87) АИ I 134 (1533) и выше, стр. 100 сл.

(88) АГР 49 (1539).

(89) АЭ I 300 (1578).

торая в области земледелия монастырского была позднейшего происхождения, здесь применялась уже с ранних времен. Но правовые отношения с крестьянами складывались, повидимому, совершенно по образцу отношений с владельческими крестьянами. Даже по отношению к тем сторонам, которые определялись льготными податными и несудимыми грамотами, положение было тождественно. Льготы по отношению к крестьянам, привлекаемым на эти угодья, давались совершенно так же (91).

Чтобы покончить с характеристикой правового положения монастырей по отношению к принадлежащим им землям, мы должны указать, что в полном соответствии с их имущественной правоспособностью стояла их ничем неограниченная процессуальная правоспособность. Монастыри могли искать и должны были отвечать на суде. Среди дошедших до нас правых грамот и судебных списков в преобладающем большинстве фигурируют в качестве истцов и ответчиков монастыри. То, что заслуживает быть отмеченным, это необыкновенная широта, с которой трактовался в эту эпоху вопрос о процессуальном представительстве монастырей. В процессе всегда выступает монастырь, как таковой, в качестве юридического лица. Это выражается в формуле, в которой, с современной точки зрения, имеются все признаки воззрения на монастырь, как на корпорацию. "Искал Богословской игумен Офонасей с братьею на Иване на Гридине сыне на Батурине", пишет в. к. Василий Иванович (92). И "мы, в тех землях и починках и в деревнях, Феропонтова монастыря игумену Гурию с братьею дали судью тебя Третьяка Гневашова..." читаем мы в грамоте в. к. Ивана Васильевича (93).

Но в качестве представителя монастыря мог выступить в процессе любой старец монастыря. "Тягался Гридка Голузниной с Спмоновским старцем с Семеном" (94). "Тягался Великого Князя хрестьянин Митя Климов сын с Кириловскими старцы" (95). Но в процессе мог выступать от имени монастыря приказчик монастыря, да и всякий, кому монастырь даст поручение: "Тягался Симановского монастыря слуга их Михал Митин с Кириловского мона-

(91) См. прим. 89.

(92) АИ I 134 (1535).

(93) АЭ I 209 (1546).

(94) АЮБ I 52 II (1462/505).

(95) АГР 19 (1505).

стыря старцем Ионою" (96), или "тягался Чудовского монастыря приказчик... с Ивашком, да с Федьком с Петелиным детьми Соловина" (97, 98).

VI.

Один из вопросов, наиболее тесно связанных с монастырским землевладением, это вопрос о жалованных льготных грамотах. Нам уже пришлось указывать, что льготные грамоты монастырям засвидетельствованы нам по крайней мере на сто лет раньше, нежели для боярского землевладения (99), и количество монастырских грамот несравненно больше, нежели боярских. Наши историки, увлеченные идеей русского феодализма, посвятили главное свое внимание боярским грамотам. Между тем, только изучение монастырских грамот может дать ответ на ряд основных вопросов касательно льготных грамот: о происхождении этих грамот, о тех задачах, которые привели князей к мысли об этих грамотах о той исторической роли, которую эти грамоты фактически выполнили, о своеобразной структуре этих грамот и т. д.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с этими грамотами, в той мере, в какой они опубликованы, это их распределение. Чем крупнее монастырь, тем большее количество грамот, к нему относящихся. Чтобы дать об этом представление, возьмем монастырь, который в этом отношении находился, повидимому, в наиболее благоприятном положении, Троицко-Сергиев.

В самом конце XIV или в начале XV вв. в. к. Василий Дмитриевич жалует "игумена... што ему дал Федор Иванович на Киеме пустоши... и игумен кого к себе на те земли призовет людей..." (100). В 1414 г. углицкий князь Андрей Владимирович предоставляет монастырю льготу "что у него село и деревни на Угличе, в Прилуце..." (101). Углицкий же князь Дмитрий Юрьевич распространя-

(96) Там-же, 20 (1507).

(97) Там-же, 21 (1506).

(99) В нашем изложении мы совсем не коснулись предоставления монастырями своих земель в пожизненное пользование, о чем нам свидетельствуют источники: АЮБ I 69 I (1474); II (1486); там-же, 118 IV (1492); АИ I 185 (1513), 186 (1513), 118 (1570), 190 (1574). Этого вопроса мы коснемся ниже, в главе, посвященной зачаткам поместного землевладения — см. главу 10.

(99) См. выше стр. 76 сл.; 126.

(100) АЮБ I 31 I (1391/425). Последующий список не претендует на полноту.

(101) АЭ I 19 (1414).

ет льготу: “что их села и с деревнями в моей вотчине...” (102). Почти в то же самое время в. к. Василий Васильевич дает льготу “что их село в Переславском стану... Сватковское с деревнями” (103), и на село Воздвиженское в Прилуце (104), а его племянник, Иван Андреевич, князь Можайский, жалует Троицко-Сергиеву монастырю монастырек и земли Поповские, предоставляет на них льготу (105). В свою очередь, мать Василия Васильевича, в. к. Софья Витовтовна, жалует монастырю льготу “што у них село в моей волости в Нерехте Кувакинское и с деревнями и с пустоши...” (106), а ее невестка, жена Василия Васильевича, в. княгиня Марья Ярославовна, дает льготу на расположенную в ее волости деревню Микулинскую (107). Тот же Василий Васильевич, жертвуя, во исполнении воли своей матери Софьи Витовтовны, “села ее и с деревнями”, дает на них льготу (108). В 1445 г. он же дает Троицко-Сергиеву монастырю две грамоты: одну — на село Поповское с деревнями в Ростове (109) и другую на села в Углицком уезде (110). Около 1460 г., по окончании своей борьбы с Шемякой и его родичами, Василий Васильевич считает нужным подтвердить Троицко-Сергиеву монастырю льготу, данную этими князьями (111). В свою очередь, новый углицкий удельный князь, Андрей Васильевич, дает этому монастырю льготу “что скажут себе купили в моей отчине в Угличской, в Кинелском стану, деревню Татариновскую, землю боярскую...” (112), и на “их земли в Бежицком Версе” (113).

Тверской в. к. Михаил Борисович дает Троицко-Сергиеву монастырю льготу, “что себе купили двор с поляною в моей вотчине...” (114).

Грамоты в. к. Ивана Васильевича Троицко-Сергиеву монастырю даются на “их села Медна и Куланцово с деревнями в моей вот-

- (102) АЮБ I 31 IV (1434/47) = АЭ I 28.
 (103) Там-же, 31 V (1439).
 (104) Там-же 31 VII (1445/6).
 (105) Там-же, 30 I (1442/3) = АЭ I 38.
 (106) АЮБ I 31 X (1448).
 (107) Там-же, 31 XII (1453); ср. также АИ I 53 (того же года).
 (108) АИ I 54 (ок. 1453).
 (109) АЭ I 51 (1455).
 (110) Там-же, 56 (1455).
 (111) Напр., АЭ I 64 = АЮБ I 37 (ок. 1460).
 (112) АИ I 74 (1462/7).
 (113) АЭ I 81 (1466/78).
 (114) Там-же, I 79 (1465).

чине Торжку” (115), на село Илемна с деревнями (116), и на села Присецкое в Бежецком версе (117).

В XVI в. число грамот, вообще, значительно уменьшается. Князья по преимуществу подтверждают льготные грамоты своих предшественников, по отдельности (118), или для всего полученного ими удела, как, напр., брат Василия Ивановича, Симеон Иванович — для Бежитцкого Верха “что их села и деревни в моей отчине” (119), или другой брат, Юрий Иванович, на села и деревни в его Дмитровском уезде (120). Новые грамоты в. к. Василий Иванович дает на села, варницы и пустоши в Переславском уезде (121) и в Московском уезде (122).

Еще скуднее материал льготных грамот в эпоху Ивана Грозного. Случаев подтверждения старых грамот не мало (124). Но свидетельства о новых очень мало. В одной из них Иван Грозный указывает: “а грамоты у них (у Троицко-Сергиева монастыря) жалованные не рудили до их урочных лет” (125). Любопытно, что для этой эпохи имеется также грамота удельного князя — старецкого, Владимира Андреевича, племянника Ивана Грозного, в знакомой нам форме: “что их земли монастырские в нашей отчине” (126).

Совершенно аналогичную картину мы получим, если возьмем грамоты какого-либо другого монастыря. Чем крупнее монастырь, чем крупнее его экономическое могущество, тем больше количество даваемых им тем или иным путем земель. То, что кладется в основу льготной грамоты, то, что является исходным ее моментом и ее объектом, это земельный участок, земельное угодье. Льготная грамота направлена на то, чтобы дать возможность монастырю хозяйственно использовать этот участок. Только исходя из этого, мы можем не только объяснить строение грамоты, но и выяснить ее происхождение, выяснить ту политику, которую преследовали князья в этих грамотах, выяснить соотношение отдельных элементов этой грамоты.

- (115) Там-же, 118 (1486).
 (116) Там-же, 122 (1488).
 (117) Там-же, 131 (1494).
 (118) См., напр., подтверждение 1506 г., там-же, 53 и 122.
 (119) АИ I 117 (1509).
 (120) АГР 32 (1513).
 (121) АЭ I 164 (1517).
 (122) Там-же, 166 (1520).
 (124) См., напр., АЭ I 53 (подт. в 1534); 166 (1551); Дьяконов II 64 (тоже).
 (125) Дьяконов II 14 (1548), где указаны две грамоты Троицко-Сергиеву монастырю 1544 и 1548 гг.
 (126) АЭ I 217 (1548).

Уже в древнейших дошедших до нас грамотах с полной отчетливостью формулирована руководящая идея льготных грамот. “Сез Князь Велики Иван Данилович всеа Руси пожаловал есм архимарита Есифа и всей братьи: что земля Святого Юрья на Волоцце, кто съедет на земли Святого Юрья, дал есм им волю, ненадобе им потягнути...” (127). “Яз, князь Великий Олг Ивановичь... продоли (придал) есми святей Богородице на Солотну игумену Федору Федорково селище. Ато зовуг к себе людей, и тягость им ненадобна три лета...” (128). “И кто имет жити у Савы на тех землях людей...”, пишет Дмитрий Донской (129). Крестьяне, призываемые монастырем на землю, являющуюся объектом льготы, освобождаются, в известных границах, от тягла. И во всех последующих грамотах мы находим то же самое. Это основная тема всех без исключения льготных грамот.

Какую цель преследуют при этом князья, очевидно само собою: это заселение и обработка невозделанной до сих пор земли. В только что приведенных грамотах идет дело именно о пустых землях. “Селище”, говорит Олег Иванович. “Земля Святого Юрья”, выражается Иван Калита. Так обозначалась только пустая земля, ибо иначе это было уже село или деревня. В. к. Василий Дмитриевич дает Троицко-Сергиеву монастырю на Кисме пустоши с тем, чтобы они призвали на них крестьян (130). Он же жалует Спасско-Благовещенский монастырь “что у него пустоши монастырские... да пустынка... и кого к себе на те пустоши перезовет людей...” (131). Более чем через столетие, в эпоху Ивана Грозного, Спасо-Прилуцкий монастырь получает разрешение расчищать дикий черный лес “во все стороны от монастыря по двенадцати верст”. Грамота добавляет: “а кого к себе на тот лес и на те займища призовут жити людей, и тем их людям ненадобеть...” (132).

Колонизационная политика проходит красной чертой чрез все льготные грамоты.

В одной из старейших грамот мы читаем: “а архимариту тяглых людей Волоцких не примати, такоже и из очины Князя Великого из Москвы людей не примати” (133). А затем эта формула

(127) Там-же, I 4 (1338/49).

(128) Юшков, 2 (1351/402) = АИ I 13. Мы принимаем чтение Юшкова.

(129) Грамота воспроизведена в правой грамоте 1462/4 — АЮБ I 521.

(130) АЮБ I 31 I (1391/425).

(131) АЭ I 21 (1423).

(132) Там-же, 208 (1546).

(133) Там-же, 4 (1338/40).

повторяется неоднократно: “а моих людей великого князя не примати ему” (134); “а тутошних людей станowych игумен в монастырь не примает” (135); “а тяглых людей им моих Великого Князя даньских писменных в то им село и в деревни к себе не примати” (136).

Князья заботятся о том, чтобы земли заселялись новыми, пришлыми крестьянами. Они прямо запрещают перезывать местных крестьян или даже крестьян из того же удела. Формула: “изыных княженей, а не из нашее отчины” встречается очень часто (137).

Та же самая цель, заселение местных незанятых земель крестьянами из чужих областей, достигалась искусной дозировкой податных льгот.

Понятно, что льгота была тем привлекательнее, чем она была длительнее. На этом была построена система льгот различной длительности для разных категорий крестьян. “А кого к себе на те пустоши перезовет людей тутошних старожилцов, пишет в упомянутой выше грамоте Спасско-Благовещенскому монастырю Василий Дмитриевич, и тем людем на три года ненадобе... а кого к себе перезовет людей из иных Княженей, а не из моего отчины из Велико Княженей, и тем людем пришлым на десять лет ненадобе некоторая моя дань” (138). В льготной грамоте Солотчинскому монастырю рязанский в. к. Иван Федорович устанавливает: “а люди к себе зовет из иных сторон, и кого к себе призовет из иного княжения и яз тем людем дань свою и ям отложил на три года, и в одном княжене кого к себе призовет людей, тем на два года не надобе ни дань, ни ям” (139).

Лишь другой стороной той же колонизационной политики князей было предоставление, благодаря податной льготе, возможности переселившимся на новые места крестьянам поставить и наладить свое хозяйство, а монастырю — установить свои отношения с крестьянами. Сохранение платежеспособности крестьянского населения была в интересах одинаково как князей, так и монастырей, и к тому моменту, когда срок льготы истекал, когда, по выражению грамот, “как отсидят те люди пришлые свои урочные лете, и они

(134) АЮБ 31 I.

(135) АЭ I 17 (1410/17).

(136) Там-же, 60 (1456).

(137) См., напр., кроме цитированных выше грамот, АИ I 28 (1425); АЮБ I 63 VII (1432/43); 31 IV (1434/47); VI (1441/2); X (1448); XII (1453); АЭ I 41 (1443); 44 (1449); АИ I 74 (1462); 108 (1449).

(138) АЭ I 21 (1423).

(139) АИ I 36 (1430/56).

потянут дань с монастырскими людьми по силам" (140), равновесие между различными платежами, лежащими на крестьянах, уже устанавливалось.

Когда дело шло о уже заселенных землях, жалуемых ли монастырю князем, или приобретенных им каким-либо иным путем, этот второй, дополнительный мотив играл основную роль. Надо было дать монастырю время установить с крестьянами приемлемые для обеих сторон отношения.

"Пожаловал есми (Толгский монастырь) деревню Кукольциным... и кто у ней имет жити крестьян и тем крестьяном не надобно..." (141); "Се яз княз Борис Васильевич... дал есми Прчстои в дом (Исифо-Волоколамскому монастырю) деревню Спировскую... и кто у них в той деревне жити людей"... (142). Тому же самому монастырю следующий волоцкий князь, Федор Борисович, дает податную льготу на деревню, которую он предоставляет монастырю в обмен на другую (143). Углицкий князь дает Троицко-Сергиевскому монастырю льготу, "что скажут себе купили в моей вотчине.... деревню Татарновскую... и кто у них в той деревне имет жити людей..." (144).

Льготные податные грамоты были для князей орудием их земельной колонизационной политики. Но мы видели, при изучении монастырских крестьян, что на практике они разрешили и другую задачу. Посредством них было установлено разграничение между княжеским тяглом и повинностями в пользу монастыря. Предоставляя освобождение от различных форм тягла, князья устанавливали, какие повинности, по истечении срока льготы или после прекращения действия грамоты, крестьяне должны будут нести на князя. От прочих они освобождались навсегда. Окончательное установление этой границы потребовало вековой работы. В конечном результате, князья сохранили за собою денежное посошное обложение. "А отсидают те их люди свои урочные лете, и они потянут в мою Великого Князя днаь по силе" (145). Остаются за ними также ям и посошная служба. В одной из последних дошедших до нас жалованных грамот, Антошневу Софийскому монастырю, как бы

подведен итог этой работы льготных грамот. Освобождая монастырь от вмешательства княжеских властей и от каких бы то ни было сборов и платежей, грамота эта говорит: "а дан мою великого князя и ямские денги и посошную службу и кони... дают по книтам и по имен жалованным грамотам" (146).

VII.

В жалованных льготных грамотах свободным землевладельцам два основных элемента грамоты — льгота податная и несудимость — выступают как внутренне между собою ничем не связанные, да и внешне соединенные лишь механически. Совсем иную картину являют более старые грамоты монастырям.

В старейшей известной нам льготной грамоте, Ивана Калигы Новгородскому Юрьеву монастырю, мы читаем: "се яз Князь Велики Иван Данилович всеа Руси пожаловал есм, Бога дела и святого дела Юрья архимарита Есифа и всей братьи: что земля святого Юрья на Волоце, кто сядет на землю святого Юрья, дал есм им волю, ненадобе им потягнути к городу ни в которую дань, ни в подводу, ни в кормы, ни в стан ни в который протор; а волостелем их Волоцким не судити опроче татбы и розбоя и душегубства, а то судит их человек Святого Юрья промеж собою" (146-а). Льгота выражается в полном освобождении от всяких повинностей и платежей, от кормления княжеских чинов и их поборов. Исключение сделано для трех важнейших правонарушений. Как логический вывод отсюда следует передача суда (по всем остальным делам) монастырю.

То же, в еще более определенной форме, находим мы в двух грамотах второй половины XIV в. рязанского великого князя Олега Ивановича. Форма особая, свойственная всем рязанским грамотам и носящая арханческий характер. "Аз, княз великий Олг Иванович придал есми святей Богородице на Солотшу игумену Федору Федорово селище. Ато зовут к себе людей, и тягость им ненадобна три лета. А волостель мой в околицу не въезжает, ни ямщик...; а резальною 60 виною и поличным, а те знают святую Богородицу игумена" (147). Здесь княжеские власти отстраняются от вмешательства

(140) АЭ I 18 (1410/17).

(141) АЭ I 15 (ок. 1400), ср. АИ I 28 (1425).

(142) АЮБ I 30 II (1479), ср. АЭ I 136 (1500).

(143) АЮБ I 31 XXII (1511).

(144) АИ I 74 (1462/7).

(145) АЭ I 20 (1421); ср. АИ I 25 (пр. 1418); АИ I 38 (1479); Дьяконов II 6 (1532).

(146) Сборник грамот Коллегии Экономии, т. I, 1922. № 109 (1545).

(146а) АЭ I 4 (1338/40).

(147) Юшков, 2 (1358/1402) = АИ I 13. См. об этой формуле выше, стр. 265 сл.

ства в жизнь монастырского владения: “в околицу не въезжают”. Все действия, которые лежат на их обязанности, отходят к монастырю. “Ать знают дом Святой Богородицы; а волостели мои ать не вступаются в них ни о котором же деле” (148): к этим двум положениям сводится сущность всякой несудимой грамоты. “Тако же и наместницы наши и волостели ать не въездыт и не судят тех людей и не высылают к ним ничто; и данници наши, ямыщницы, и писцы, и пошлинники, кто ни буди, ать не въездыт, не высылають к монастырским людям ничто. Про все те люди знают архимандрита службою и подможденем дому церковному святое Богородици” (149). “А наместницы мои Звенигородские и волостели Звенигородские... и их тиуни на тех хрестьянех на монастырских кормов своих не емлют, не высылают к ним ни по что, а ведает игумен Сава сам свои люди и во всех делех и судит сам во всем... Игумен Сава вину возмет на монастырь” (150).

Какие мотивы могли привести князей к подобной передаче всех этих функций в руки монастырей?

Уже самый текст льготных грамот не оставляет на этот счет сомнений. Князья устраняют местные чины от вмешательства в жизнь монастыря, чтобы избавить его население от расходов по их содержанию и от их поборов. “Кормов у них не емлют”; “не высылают к ним ни почто”, “а праветчики и доводчики ни поборов своих у них не берут и не въезжают к ним ни почто” (151); “а резальника 60 вина полинная и татин рубль из его села из уезда к волостелю моему неидет” (152). Только этим и объясняется, что два столь разнородных, по нашим понятиям, элемента, как податная льгота и освобождение от судебно-административной власти местных чинов, оказываются в древнейших грамотах нераздельно слитыми. Соединение в одном документе податной льготной грамоты и несудимой грамоты сохраняется неизменно во все время существования льготных грамот, кроме самого конца, когда, как мы увидим, льготные податные грамоты изживают себя несколько раньше несудимых...

Исследователи русского феодализма склонны были видеть в

(148) Жал. гр. Ольгову монаст. 1371/2 г.

(149) Из грамоты Каширских и Гзерских удельных князей Тверскому Отрочу монастырю — АЭ I 5 (1361/5).

(150) АИ I 15 (1404).

(151) Из грамоты Ивана Третьего Борисоглебскому мон.—Горчаков, Прил., стр. 17 VI (1463).

(152) Юшков, 7 — АИ I 36 (1351/402).

несудимой грамоте уступку землевладельцу, в частности, монастырям известных элементов верховной власти. Можно с полной уверенностью сказать, что подобная точка зрения была совершенно чужда тогдашнему правосознанию. Это была эпоха, когда князья не поступались своей государственной властью, а расширяли и консолидировали ее. Никаких оснований умалять ее, поступаясь частью своих прерогатив, у князей не было, да и быть не могло. Цель, которую они преследовали, была совсем иного порядка. Снимая с крестьян в возможно большей степени экономическое бремя, которое накладывало на тяглое население тогдашняя финансовая и судебно-административная система, князья хотели создать возможно более благоприятные условия для хозяйственного преуспевания сельского населения. Эта цель совершенно совпадала с одной из задач податной льготы, чем и определялась связь этих двух элементов в льготных грамотах.

Насколько можно проследить по источникам, уже с древнейших времен князья жаловали земли со всей полнотою доходов, которые можно было извлечь из сидящего на них крестьянского населения.

В одном из старейших документов, дошедших до нас, от третьего десятилетия XII в., мы читаем: “се яз Мстислав Володимеров сын... повелед сыну своему Всеволоду отдать Боуцу Святому Георгиеви с данию, и с вирами и с продажею и с вено” (153). Великий князь жалует Новгородскому Юрьеву монастырю село со всеми без исключения доходами, в том числе, с судебными сборами (вира, продажа и вено).

В начале XIV в. рязанский в. к. Михаил Ярославич жалует храму Бориса и Глеба село Владычное с уездом “с резанкою, и с 60, с виною, с полничным” (154).

В первой четверти XV в. вдова нижегородского князя Даниила Борисовича, Мария, “дала свое село Омупкое по душе своего Князя и по своей душе, Спасо-Евфимиеву монастырю”, “с судом, и с татьбою, и с полничным, и с тамгою, и со всеми пошлинами” (155).

Передавая монастырям в жалованных грамотах осуществление

(153) Арх. Макарий, Списание Новгородского Юрьева монастыря, 1858, стр. 51-52. Та-же грамота у Карамзина II, прим. 256 и ДАИ I 2 (1128/3).

(154) Заимствовано у Веселовского. К вопросу о происхождении вотчинного режима, прим. 71. Веселовский цитирует по редкому изданию: Воздвиженский, Историческое обозрение Рязанской иерархии, 1820.

(155) АИ I 29 (после 1425).

суда и связанные с этим доходы, князья лишь следуют по пути, установленному вековой практикой.

Чтобы понять ту легкость, с которой совершалось перенесение судебно-административных функций из рук княжеских органов в руки монастырей, и, вообще, землевладельцев, необходимо учесть одно обстоятельство. Подобное перенесение не только не нарушало уже существовавшего тогда государственного строя княжества, но развивало ее. Внедрение в пределы княжения вотчин служебных князей, которое, как мы знаем (156), имело место уже с XIII в., создавало уже в пределах одного государственного целого самостоятельные замкнутые земельные единицы с самостоятельной судебной организацией. Позднее к тому же результату вело прекращение политической независимости отдельных уделов. Первоначально объем судебно-административной автономии таких титулованных бояр был значительно шире, нежели у обычных грамотчиков. Правда, мы видели (157), что в древнейших жалованных грамотах монастырям еще не было ограждений их юрисдикции. Но в жалованных грамотах эти ограничения появляются очень быстро. Процесс уравнивания в этом отношении титулованных и нетитулованных землевладельцев еще не изучен, но мы можем предположить, что ограничения с этой стороны потомков бывших служебных и бывших удельных князей последовали много позже.

Несудимые грамоты только раздвигали границы той судебно-административной организации, которая создавалась в результате внедрения в княжество отчин других князей. По мере развития практики жалованных льготных грамот децентрализация судебной организации распространялась все шире. Можно с уверенностью сказать, что все монастыри, может быть, за исключением совершенно безвестных, были вооружены этими функциями.

Несудимые грамоты выполнили в этой области ту же работу по организации государственного строя, какую, в области финансовой организации, выполнили податные льготные грамоты.

VIII.

Уяснение тех задач, которые ставили жалованным льготным грамотам князья, и тех функций, которые они фактически выполни-

(156) См. выше стр. 215 и стр. 222 сл.

(157) См. выше, в главе, посвященной монастырским крестьянам — стр. 97 сл.

ли за более чем два столетия своего, нам известного, существования, позволяет понять внешний ход их истории.

Мы видели, что монастырские жалованные грамоты более чем на столетие старше т. наз. боярских. Это объясняется очень легко, если учесть ту роль, которую монастыри играли в колонизации России. Князья старались облегчить и поощрить эту колонизацию. Льготные грамоты служили им к тому средством. Между тем, для этой более ранней эпохи следов колонизационной работы отдельных служилых людей мы не находим, да и по существу дела трудно было бы предположить ее существование. Наиболее крупные из княжских слуг, титулованные бояре, не нуждались, в пределах своих вотчин, в жалованных льготных грамотах, а вряд ли можно предположить, что владательные князья поощряли их к распространению их владений за пределы их вотчин. Более мелкие слуги не были, разве лишь по исключению, в состоянии предпринимать такую колонизационную работу.

Только с конца первой четверти XV в. появляются льготные грамоты свободным землевладельцам. Но количество их растет с большой быстротой. Это можно объяснить только тем, что за истекшее столетие формы отношений, сложившиеся на почве жалованных льготных грамот как в области податной, так и судебно-административной, настолько уже сложились и укоренились, что все свободные землевладельцы стали добиваться распространения этих форм и на них. Это приближало их, по их положению в качестве землевладельцев, с одной стороны, к монастырям, с другой — к титулованным боярам землевладельцам. Князья охотно шли на это, судя по количеству дошедших до нас льготных грамот.

Каждая новая льготная грамота была новым шагом в направлении складывающегося податного и судебно-административного строя. Это был путь конкретного законодательства. Издание общих законов было эпохе несвойственно.

В грамотах XV и начала XVI вв. податная льгота и несудимая грамоты уже не представляются органически связанными между собою. Каждая из них излагается самостоятельно. Каждая из них выполняет свою самостоятельную функцию. Почва для их разделения подготавливается.

Дело податной организации завершается ранее. Разграничительная линия между княжским тяглом и повинностями на землевладельца устанавливается с полной определенностью. К концу княжения в. к. Василия Ивановича этот процесс может почитаться за-

конченным. Податные льготные грамоты того типа, с которыми нам пришлось иметь дело, прекращаются. То, что встречается позже, это уже льготы иного юридического порядка: освобождение от княжеского тягла по поводу той или иной катастрофы (159), не говоря уже о так наз. обельных землях, институте последующей эпохи, другого характера.

Только тем обстоятельством, что податная организация оказалась сложившейся раньше, нежели судебная, может быть объяснен тот факт, что с начала XVI в. князья все чаще и чаще выдают жалованные грамоты, содержащие в себе лишь одну судебную льготу. В этой области, в организации суда, принцип передачи судебной власти в руки землевладельца, повидимому, еще не вошел окончательно в правосознание. Чрезвычайно характерно, что эти чисто несудимые грамоты даются почти что исключительно частным землевладельцам (160). Такие грамоты монастырям чрезвычайно редки (161). Монастырский суд, возникший ранее на столетие, если не больше, укоренился раньше, и не были больше нужны особые грамоты, чтобы устранить местную власть от вмешательства в жизнь монастыря.

Во всяком случае, ко второй половине XVI в. суд землевладельца становится общим правилом и для частных землевладельцев, и выдача им несудимых грамот также прекращается (162).

IX.

Суммируя все данные, извлеченные из источников и касающиеся монастырского землевладения, мы можем так характеризовать имущественную правоспособность монастырей.

Самостоятельные монастыри, т. е., монастыри, снабженные юридической личностью, обладали неограниченной способностью приобретения недвижимых имуществ. Все формы приобретения этих имуществ были им открыты. По отношению к принадлежащим им

(159) См. выше, разд. I, стр. 89 сл.

(160) АЭ I 141 (1505); 149 (1509); 160 (1515); 162 (1516); АГР 49: несудимая грамота «сытнику Курбатке», воспроизведенная в судебном списке 1539 г.; Юшков, 66 (1506); 67 (1506); 70 (1507); 71 (1507); 79 (1510); 81 (1511); 82 (1511); 83 (1511); 91 (1514); 92 (1514); 96 (1515); 118 (1523); 119 (1524).

(161) Грамота Ферапонтову монастырю АГР 42 (1534).

(162) Относительно грамот на поместья, см. т. II.

землям они обладали всей той полнотой прав, которая только совместима с их характером юридических лиц. Они могли совершенно свободно распоряжаться своими землями. Ничем они не были ограничены и в смысле хозяйственном, в смысле эксплуатации своих земель.

Если монастыри имели на своих землях крестьян, то правовые отношения между ними и крестьянами складывались совершенно по тому же типу, что у всех других землевладельцев, не исключая и князей. Садясь на монастырскую землю, крестьянин приобретал право на свой участок, право, носящее все признаки вещного права, которое, тем самым, ограничивало право монастыря на землю. Зато монастырь приобретал право на извлечение дохода из крестьянского труда и на известные повинности со стороны крестьян, причем то и другое определялось не односторонней волей монастыря, а исторически сложившимися нормами и обоюдным соглашением.

В области монастырского землевладения зародились и сложились те своеобразные институты, которые глубоко вторглись в поземельные отношения и которые у нас принято обозначать терминами податной льготы и несудимой грамоты. Выросли они на почве княжеских жалованных льготных грамот, выполнивших большую историческую работу. При помощи них были разграничены сферы княжеского тягла и землевладельческого обложения. Несудимые грамоты ввели в область русского землевладения элементы, которые, с нашей современной точки зрения, должны быть охарактеризованы, как публично-правовые элементы. Землевладельцу отводилась определенная сфера судебно-административной власти по отношению к сидящим на его земле крестьянам.

Сами по себе эти новые элементы несколько не отражались на земельном праве ни монастырей, ни крестьян. Отсюда не вытекали ни новые правомочия землевладельца по отношению к земле, ни новые обязательства крестьянина по отношению к землевладельцу. К монастырю, как землевладельцу, переходил ряд функций, которые до сих пор лежали на княжеских властях. Для рассматриваемой эпохи, пока еще существовало право свободного крестьянского выхода, это не только не обременяло крестьянского положения, но скорее облегчало. Зависимость от монастыря, который был заинтересован в хозяйственном благополучии своих крестьян, была легче, нежели зависимость от писших местных властей. От произвола же со стороны землевладельца крестьяне были ограждены правом всег-

да покинуть землю. При обилии земель в ту эпоху это была не теоретическая, а реальная возможность.

При этом не следует забывать, что право крестьянина на землю охранялось по отношению к монастырю княжеским судом.

Поземельное право монастырей может быть охарактеризовано для данной эпохи, как наиболее полное и наиболее свободное от влияния всяких политических моментов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЗЕМЛИ ЦЕРКОВНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ.

II. ЗЕМЛИ МИТРОПОЛИЧЬИ.

I.

Изучение монастырского землевладения обнаруживает с полной несомненностью, что из двух возможных путей юридической мысли — признания имущественной правоспособности Церкви, как таковой, в ее целом, или признания правоспособности за отдельными церковными установлениями, — наша юридическая мысль с самого начала пошла по второму. Весь документальный материал изучаемой эпохи подтверждает это и для других церковных установлений. Достаточно заглянуть в постановления духовных Соборов 1580 (1) и 1584 гг. (2), чтобы убедиться в этом. Здесь устанавливается запрещение давать по душам “в митрополии и в епископиях и по монастырям”, и постановляется: “а митрополиту и владыком или монастырем земли не покупать и в закладе не держати”, вообще, “а вперед Митрополиту и Владыком и монастырем земель не прибавляти некоторыми дель”. Именно благодаря этому началу “землевладельческий тип нашей церкви сложился не по канонической догме, а по национальному типу вотчинного права”, как формулировал А. С. Павлов. Нам придется убедиться в этом при изучении землевладения всех наших церковных установлений, в частности, и митрополичьих владений.

Но вот что очень характерно. Идея Церкви, как верховной обладательницы всех имуществ, посвященных культу, как определенного правового единства в области имущественной, идея, занесенная к нам с Запада, где она в средние века пробивала себе путь, не осталась чуждой и нашему церковному правосознанию. И это

(1) ГД I 200 (1580).

(2) Там-же, 202 (1584).

должно было, естественно, сказаться прежде всего на митрополичьих имуществях, ибо митрополит являлся воплощением единства нашей церкви. Выявляется это в своеобразном обозначении митрополичьих земель. “Освободил есмь ему пахати церковную землю Пречистые Богородицы и свою митропольскую и архангельскую”; или “воды церковные и Пречистые Богородицы и свои митропольские”, выражаются сами митрополиты (3). “Землю церковную Введения Пречистые Богородицы Нового твоего монастыря”, пишет митрополит в докладе митрополиту (4). Нечуждо это словоупотребление и князьям. “Что его села домовые церковные Святыя Богородицы в Юрьеве”, пишет в. к. Василий Васильевич в грамоте митрополиту Ионе (5). Еще ярче выражается киевский князь Александр Владимирович: “придал есмь, по старому, все Церкви Божией и господину отцу своему Сидору, митрополиту Киевскому и всея Руси... что издавна придано к Церкви Божьей (6).

Земля принадлежит не только митрополиту. Она в то же время принадлежит и Церкви. Мы увидим, что это возвращение на митрополичье имущество выражалось не только в словесных формулах. Из него были сделаны и некоторые практические выводы.

Количество митрополичьих земель было значительно. В источниках, касающихся земель церковных установлений, митрополичьи земли занимают первое место после монастырских. Рядом с ними количество источников, относящихся к землям епископов и церквей, ничтожно.

Это естественно. Митрополиты в течение шести столетий стояли во главе нашей Церкви. Для того, чтобы выполнить свою задачу, они должны были широко быть обеспечены средствами, а в то время земля являлась главной формой богатства.

С какой бы осторожностью ни относиться к летописным сказаниям, лет никак их оснований не доверять сообщению летописи о создании в XI веке митрополитом Ефремом в Суздали церкви св. Дмитрия и о снабжении ее селами (7). Преданье с полной определен-

(3) АЮБ II 173 I (1465) и Горчаков, Прил. стр. 40 V (1477).

(4) АЮБ I 69 II (1486).

(5) Горчаков, Прил. стр. 15 V (не позже 1461).

(6) АИ I 259 (1441).

(7) «Повеле (Олег Святославович) зажечь город Суздаль, токмо остана двор монастырск Печерского монастыря и церкви, яже тамо есть св. Дмитрия, юже бе дал Ефрем и с селы» — Ипатьевский сп. (под 1096, стр. 226). Так же Лаврентьевский сп., стр. 238. В Никоновском сп., мы читаем: «остая точно двор и монастырь митрополичь и церкви, яже тамо есть св. Дмитрия, юже бе дал Митрополит Ефрем и с селы» — стр. 128.

ностью утверждало, что уже первые митрополиты были наделены всякого рода земельными владениями. В приведенной выше грамоте киевского князя Александра Владимировича 1441 г. говорится, что князь “придает” митрополиту “по старому” все, что при “великих благоверных и благородных князях и княгинях, великих прородителех... издавна придано было к церкви Божьей” и затем повторяется: “как держали изстарины первыи Митрополиты” (8). В последующем эти земельные владения должны были все увеличиваться. Первый из московских митрополитов, св. Петр (сконч. в 1326 г.) располагал такими средствами, что мог приобрести целый город с уездом: “Город Олексин, место домовое Святыя Богородице... что купил Чудотворец Петр Митрополит, с волостями и с селы, и с водами, и реки, и с озеры, и о бобровыми ловлями, и с бортными ухажми, и со всеми угоды, что ни потягло изстари ч городу Олексину” (9). К концу XV и началу XVI вв. митрополичьи владения были расположены в 15 тогдашних уездах. (10).

Однако, уже из древнейших дошедших до нас документов можно усмотреть, что под властью митрополита находились и его именем обозначались земли разных юридических категорий, и далеко не все они могут быть отнесены к “митрополичьим землям”, в тесном смысле этого слова.

В конце XIV или в начале XV вв. между в. к. Васильем Дмитриевичем и митрополитом Киприаном состоялось соглашение, определяющее юридическое положение различных земель, находящихся под властью митрополита. “Се яз Князь Великий (Василий Дмитриевич), говорится в вводной фразе этого соглашения (11), сед с своим отцем... Митрополитом Киевским и всеа Руси, управил есмь о домех о церковных и о волостех, и о землех, и о водах, и о всех пошлинах церковных”.

В этой т. наз. Уставной грамоте с полной определенностью различаются три комплекса имуществ. Прежде всего, речь идет о Луховце и Сенеге. Затем делается переход: “а что села отца нашего митрополичь церковны”. Когда заканчивается регламентирование положения этих сел, речь переходит на “Константиновский монастырь

(8) АИ I 259 (1441).

(9) Там же 215 (1584), грамота царя Федора Ивановича, из которой мы узнаем, что митрополит Киприан (ск. 1407) уступил гор. Алексин в. к. Василью Дмитриевичу в обмен на другие владения.

(10) См. перечисление их у Горчакова стр. 54-60.

(11) АЭ I 9 (1389 или 1404).

извечный митрополичь и с селы, а также и Борисоглебской монастырь и с селы”.

Что такое “села митрополичьи церковные” это ясно само собою. Именем сел обозначались личные владения князя. Также называются владения бояр. Выражение “села митрополичьи церковные” мы находим и в писцовых книгах, и в актах. Это земли, находящиеся во владении митрополита.

С другой стороны, с Константиновским извечным митрополичьим монастырем “с селы” нам уже приходилось встречаться. Так же, как и Борисоглебский монастырь, это самостоятельные митрополичьи монастыри. Но что такое Луховец и Сенега, противопоставленные в уставной грамоте митрополичьим селам? В самой уставной грамоте мы находим вполне достаточный материал для ответа на этот вопрос.

II.

Первое, что останавливает внимание при обозрении постановлений уставной грамоты, касающихся Луховца и Сенеги, это чрезвычайно характерное ограничение: “а бояром и слугам Князя Великого и митрополичьим земель Луховских не купити, а которые будут покупили, а тем лезти вон, а серебро свое взяти”.

Почему такое ограничение? Если бы Луховец принадлежал к числу обычных митрополичьих владений, это было бы совершенно непонятно, ибо, как мы увидим, никаких ограничений для них не существовало.

Уже одно это наводит на мысль, что дело идет здесь о землях крестьянских. Нам знакомы уже подобные постановления. Это постановление междукняжеских договоров: “а которые черные люди к становицику... а земель их не купити”. И последствия нарушения запрещения такие же. Купивший должен покинуть черную землю.

В уставной грамоте мы находим прямое подтверждение этого предположения. “А имати мне Князю Великому дани с Луху в выход по своей грамоте по оброчной, а лишь того оброку не имати”. Это земли оброчные, тяглые. Этим объясняется и запрещение покупать их служилым людям, все равно, княжеским или митрополичьим. Луховец это крестьянская волость, одна из тех волостей, о которых говорится в введении к уставной грамоте: “управили есмь... о волостех”.

Из дальнейших постановлений уставной грамоты выясняется,

почему пришлось коснуться в грамоте этих волостей, другими словами, в каком отношении эта волость стояла к митрополиту. “Судити Луховцев с волостелем и с доводчиками, а судьи моему Велика Князю не быти”... “А белки и резанки не имать Князю Великому, но Митрополиту”. Суд в этой волости творит митрополит. Ему идут судебные поплина, а также административные сборы. Но волость оставалась великокняжеской оброчной, как оставались великокняжескими волости, отданные в кормление боярам. Митрополит лишь управлял этой волостью и извлекал из нее доходы. Население волости было подчинено митрополиту, но земли, на которых сидели крестьяне, оставались великокняжескими черными и ни в каком отношении к митрополиту не стояли.

В таком же положении, как Луховец (позднейшей Костромской губ.) находилась и волость Сенежская (позд. Владимирской губ.), упоминаемая в уставной грамоте рядом с Луховской: “а Сенеге его по тому как и было и управление по старине: кое Князя Великого, то Князя Великого, а кое церковное Митрополиче, а то митрополиче; а дань имать с Сенгу в выход по моей грамоте по оброчной”.

Нужно предположить, что к концу XIV в., к моменту составления уставной грамоты, Луховец и Сенега были единственными волостями, находившимися в управлении митрополита. Иначе в уставной грамоте было бы сделано указание и на другие подобные волости. В последующем мы находим и другие митрополичьи волости, в довольно значительном количестве: “Вязька митрополича волость”, “в Романовской митрополичей волости” “в Карашской волости в митрополичь” и т. д. (12).

Что для нас существенно, это изменение характера этих волостей.

Если первые волости, переданные в кормление митрополиту, были волостями черными, состоявшими исключительно из крестьянских земель, в которых частное землевладение не было допущено, то в последующем мы находим в этих волостях рядом с крестьянским и частное землевладение. “Что моя деревенка... Борисовская... в Московском уезде... в митрополиче волости в Селцах...” (13). В судебном процессе начала XVI в. крестьяне Романовской митрополичьей волости судятся с Гаврилкой Матвеевым по поводу деревни Голямовской. Из представленных документов выясняется, что де-

(12) Горчаков, Прил. стр. 7 (1502); АЭ I 45 (1450); АЮ 12 (1505/11); там же 17 (1525). См. также источники, приведенные в следующих примечаниях.

(13) АЮБ I 63 XVI (1533/4).

ревня Голямовская была в свое время куплена дедом Гаврилки, который, в свою очередь, продал ее митрополиту (14). Еще раньше, в 1458 г., в той же Романовской волости некто Василий Остеев выменивает “свое село Русановское”... “свою куплю” на землю митрополичью (15). В одном акте XV в. мы находим указание, что в митрополичьей волости “жили дети боярские митрополичьи, отчинники, и которые из них бивали челом митрополитам, чтобы их отчины митрополиты взяли в дом Пречистые Богородичи... и митрополиты им за те отчины деньги платили” (16).

Очевидно, политика в. к. Василия Дмитриевича, стремившегося сохранить за митрополичьими волостями характер чисто крестьянских волостей, результатов не дала. Каким образом черные земли перешли в руки частных землевладельцев, об этом свидетельств у нас не имеется. Возможно, что князьям самим пришлось отказаться от первоначальной политики, может быть, под влиянием митрополитов, и они стали давать разрешения на покупку черных земель в митрополичьих волостях. Но у нас есть прямые указания, что происходило это и путем захватов. В процессе конца XV в. крестьяне ищут земель, которые они характеризуют как “Ликуржские волости наши тяглые”. По их словам, земли эти были захвачены митрополичьими боярскими детьми (17).

То, что для нас еще существеннее, это появление в этих митрополичьих волостях земель, принадлежащих митрополитам, точнее, митрополичьим кафедрам. Мы видели только что (18), что митрополит покупает в своей волости земли у своих боярских детей. В той же волости имеется у него и село Качалка. Точно так же покупается для митрополичьей кафедры “деревня Васильевская Голямова, в Романовском, в митрополичьей волости” (19). В той же волости производится для митрополита и обмен земель с частными землевладельцами (20). Имеем мы и пример отписной грамоты, по

(14) АЮ 12 (1505/11).

(15) АЮБ II 156 П (1458).

(16) Сборник И. Д. Беляева л. 51. Грамота перепечатана у Горчакова, стр. 101 прим. 2.

(17) АЮ 8 (1498/565). Что ликуржская волость была митрополичьей, видно из того, что там действовали митрополичьи волостели — АЮ стр. 15.

(18) См. выше, прим. 16.

(19) АЮ 12 (1505/11).

(20) АЮС II 156 II (1458), Владеет митрополит землями и приобретает их также и «в Московском уезде... в митрополичьей волости в селцах» — там же XV (1514) и XVI (1516); 63 XVI (1533/4).

которой митрополичий дьяк отписывает “село Горки Якшиловское в селцах” и приказывает митрополичим волостелем селецким это село “пахати на государя на митрополита” (21). Даже в той самой Сенеге, о которой договаривался в. к. Василий Дмитриевич с митрополитом Клирианом, мы находим, в конце XV в., земли частных землевладельцев и земли митрополичьи. “Се яз митрополичь дворцкий менял семь землям с Елизаром... его отчину отца его куплю селище Белавинское... а пришло то селище к митрополичей же земле к Сенежской. А променял есмь ему домовое церковное Пречистыя Богородицы митрополичь селище Королевское... а обе те земли в Володимирском уезде в митрополичьей же волости в Сингу” (22).

Уже один этот факт свидетельствует с полной несомненностью, что глубокое принципиальное различие между волостями, находившимися у митрополита в кормлении и управлении, и землями, ему принадлежавшими, было вполне осознано в ту эпоху. Правосознание нашей эпохи укладывает это различие в противоположение публично-правового и частного-правового отношения к земле. Конечно, подобные категории были чужды тогдашнему правосознанию. Но как князья делали точное различие между их личными землями и государственной территорией, так они различали и часть государственной территории, переданную в кормление боярам или митрополиту, от их личных земель. Различие это было осознано не только с точки зрения различного происхождения самого права, но и с точки зрения вытекающих отсюда правовых последствий, с точки зрения правомочий митрополита на ту и на другую землю.

Принципиальное различие этих двух категорий митрополичьих имуществ и строгое различие их продолжает сохраняться в течение всей изучаемой эпохи (23). Оно отражается с полной отчетливостью не только в актах XVI в. но и в писцовых книгах.

От начала XVI в. до нас дошел судный список, касающийся процесса, в котором “ликуржские волости христиане” тягались с митрополичьими детьми боярскими о захваченных последними землях. Крестьяне утверждали, что спорные “деревни и починки из-

(21) АЮБ II 217 (1499).

(22) Там же 156 XI (1498/9).

(23) Приходится особенно оттенить это положение ввиду того, что автор ценного исследования «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода», 1871, Горчаков, выставил утверждение, что земли, предоставленные в управление митрополита, «с течением времени, по отношению к кафедре сравнивались совершенно с землями, состоявшими в ее владении» и говорит об изменении существа права на землю — стр. 105, 126, 129, 216.

старинны земли Великого Князя Ликуржские волости тяглые наши". По расследовании выяснилось, что в волости "митрополичьих земель было изстаринны три селца". Но когда за сорок лет до процесса волостные деревни "опустели от великого поветрия", митрополиты "те земли поимали за себя". Княжеский писец Застолбской, составивший описание Костромского уезда, в которой входила волость, и разбивавший это дело, "оправил" боярских детей потому, что крестьяне "не искали тех земель за сорок лет" и не могли указать митрополита, который "поимал земли за себя" (24).

Из этого судебного списка, на котором мы останавливаемся именно потому, что им оперирует Горчаков для доказательства своего утверждения, видно, что не вся земля митрополичьей волости (25) рассматривается как принадлежащая митрополиту, а только определенные участки, приобретенные митрополитом тем или иным порядком. Говорится о трех "селцах", принадлежащих митрополиту. Самый спор о землях идет между волостными крестьянами и митрополичьими боярскими детьми. Последние, как мы только что видели, были самостоятельными "вотчинниками", и свои земли продавали митрополиту.

Совершенно то же самое мы можем усмотреть из писцовых книг начала XVI в. Возьмем хотя бы описание Карашской волости Ростовского уезда (26). Что Карашская волость волость митрополичья, это нам прямо засвидетельствовано (27). Между тем, при описании там перечисляются отдельные владения митрополита, села и деревни. Имеются в Карашской волости земли самостоятельного монастыря, Воскресенского. Все описание заканчивается формулой: "И всего в Караше митрополичьих и монастырских шесть сел, а деревень двести и три". А через четверть века в Карашской волости имеется частный землевладелец, Чудин Окинфов, на земле которого сидели крестьяне (28).

Нет, таким образом, никаких оснований говорить пока что "о перемене самого существа права кафедры по отношению к волости". Власть митрополита над волостью и его право на владение митрополичьей кафедрой продолжают строго различаться и противопоставляться. Чтобы земельный участок в пределах митрополичьей

(24) АЮ 8 (1498/505).

(25) Что Ликуржская волость есть волость митрополичья, см. выше прим. 17.

(26) Горчаков, Прил. стр. 5/6 (1501).

(27) АЮ 17 (1525), стр. 34.

(28) АЮ 17 (1525).

волости стал рассматриваться как земля митрополичья, необходим был особый юридический акт. Отожествление митрополичьих волостей и митрополичьих земельных владений произошло много позже, уже в патриарший период, под влиянием совсем других условий, и не в направлении приближения волости к частному владению.

При изучении митрополичьих земель мы должны оставить митрополичью волость в стороне.

Совершенно так же мы должны оставить в стороне и третью категорию земель, о которых говорит уставная грамота в. к. Василия Дмитриевича, земли митрополичьих монастырей. Мы видели при изучении монастырских земель, что поскольку митрополичий монастырь получал в самостоятельное управление земельное имущество, он приобретал юридическую личность, становился, с юридической точки зрения, самостоятельным обладателем этих имуществ. Его правовое положение ничем не отличалось от положения немитрополичьих монастырей. Большая зависимость его от митрополита была административного характера и на частно-правовом его положении, как владельца имущества, не отражалась.

III.

При обозрении актов матерьяла, касающегося митрополичьих земель, прежде всего бросается в глаза своеобразная формула, употребляемая для обозначения митрополичьих земель.

В то время, как в обычной речи они именуется просто митрополичьими, и так же обозначают их неизменно крестьяне, в языке самих митрополитов и в официальном языке актов употребляются иные, осложненные и более торжественные, формулы.

В известной уже нам уставной грамоте в. к. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана о землях этих говорится: "а что села отца нашего митрополичьих церковные". Землям митрополичьим присваивается наименование церковных, что, впрочем, мы видели уже по отношению к монастырским землям. Сами митрополиты именуют свои земли, по преимуществу, владениями Пречистыя Богородицы: "приказал ему ведать варницу Пресвятыя Богородицы", "ослободил есмь ему пахати церковную землю Пречистыя Богородицы и свою митрополичью" (29).

(29) Горчаков, Прил. стр. 38 II (1455), 39 III (1462).

Но уже в более древнем акте, в данной некоего Юрья Юрьевича, мы находим более развернутую формулу: "дал есмь в дом пречистые Богородицы и великим чудотворцем Петру и Алексею и господину своему Киприяну митрополиту всеа Руссии в слободку в митрополию в Карашь святому Василью починок..." (30). Здесь земля дается уже "в дом Пречистые Богородицы" и к имени правящего митрополита прибавляются имена его знаменитых предшественников.

В последующем обозначение митрополичьих владений именем "домовных" становится обычным: "что села его домовные церковные святяга Богородицы" (31), или "земли церковные Пречистые Богородицы да и митропольские домовные" (32). Оно употребляется во всех без исключения видах актов, в купчих (33), в даных (34), отводных, в жалованных грамотах митрополитам (36).

Пред нами чрезвычайно интересная попытка найти юридическое выражение для явления, уже тогда правильно расцениваемого, но не укладывающегося ни в одну из известных тогда юридических категорий.

Когда сам митрополит или великий князь называют митрополичьи села церковными, они хотя и отнеки, что имущества эти предназначены служить Церкви. Может быть даже, здесь уже явилась идея Церкви, как единого целого с точки зрения имущественной. Указание на Богородицу еще более подчеркивало эту идею, персонифицировало ее. Митрополит выступал при этом, как представитель этой единой Церкви. Этой же цели служило упоминание предшественников данного митрополита, причисленных к лику святых, и тем стяжавших себе бессмертие, сначала, св. Петра, затем св. Алексия, а позже и св. Ионы (37). Присоединение к этому выражения "дать в дом" и обозначение самых имуществ, как домовных, имело в виду подчеркнуть, что речь идет не о данной личности митрополита, а о митрополите, как таковом.

Мы можем с полным основанием утверждать, что наша древ-

(30) Там же, стр. 73 I (не позже 1385).

(31) Там же, стр. 15 V (не позже 1461); 23 XVI (1524).

(32) Там же, стр. 76, № 6 (не позже 1473).

(33) АЮБ II 147 V (1506/7); VI (1508); VII (до 1511); IX (1512).

(34) Горчаков, Прил. стр. 73 II (не позже 1431).

(36) АЭ I 139 I (1504).

(37) АЮБ II 147 IX (1512/3); 217 (1499).

ность подошла к той же идее, которую мы выражаем в понятии митрополичьей кафедры, как юридического лица (38).

Вопрос об имущественной правоспособности митрополичьей кафедры значительно более сложен, нежели вопрос о правоспособности монастырей.

Как свидетельствуют источники, правоспособность кафедры по отношению к приобретению недвижимых имуществ была ничем не ограничена. Ей была открыта возможность приобретения земель всеми возможными способами. Покупка земель кафедрой была обычной сделкой, примеры которой дошли до нас десятками (39). Если здесь существовали ограничения, то они лежали не в правоспособности кафедры, а в свойствах приобретаемого имущества. Так, для приобретения черных земель необходимо было для кафедры, как и для всех прочих, княжеское разрешение. "Освободил еси, пишет в. к. Василий Дмитриевич, отцу своему Фотию, митрополиту Киевскому и всеа Руси, купити в Талше деревню Яковльскую волостную..." (40). Открыт был кафедре и обмен земель (41). Кафедра давала даже деньги под заклад недвижимых имуществ (42), что при невыкупе влекло приобретение этого имущества (43).

Источники, относящиеся к приобретению земель митрополичьей кафедрой путем безмездных сделок, очень редки по сравнению с монастырями. Это неудивительно. Пожертвования земель, как князьями, так и частными лицами, делались, главным образом, на помин души лиц ранее умерших или самих жертвователей. Для этой цели монастыри, конечно, были более предугазаны. До нас дошли не-

(38) Так как и митрополичьи волости находились в управлении митрополита как такового, то и по отношению к ним употреблялась та же формула: «Волость и село Качалки с реками... и со всем угодыми с погнями Пречистые Богородицы и великих чудотворцев Петра и Алексея и митрополита всеа Руси истаринная...» — см. выше прим. 16.

(39) См., напр., АЮБ II 147 II (до 1461); III (то же); V (1506); VI (1508/9) и т. д. или купчую, воспроизведенную в АЮ 12 (1505/11).

(40) АЭ I 20 (1421) ср. грамоту в. к. Василья Васильевича — Горчаков, Прил. стр. 13 II (1456).

(41) См., напр., АЮБ II 156 I (1456); II (1458); III (1464). Наиболее известный пример такой меры относится к гор. Алексиному — см. ссылку в АИ, I 215 (1584).

(42) См., напр., АЮБ II 126 V (1517/8): «Се яз Григорий Васильев сын Чертов занял еси у митрополита казначеа Макарья пять рублей денег государских митрополичих. А в тех еси денгах заложил деревню свою...»

(43) Деревня, заложенная только что упомянутым Григорием Чертовым, перешла чрез 8 лет к митрополичьей кафедре по отступной — АЮБ I 119 II (1525/6).

которые акты этого характера, так наз. данные. “Се яз Василей Константинович дал есмь святей Богородице соборной на Москве и великому чудотворцу Петру митрополиту Киевскому и всеа Русии и господину своему Фотею митрополиту Киевскому и всеа Русии в дом свою отчину селцо...” (44). Имеется и данная на пожертвование митрополичьей кафедре монастыря “святого Савы на Москве на Посаде, и со всем с тем, что к тому монастырю из старины потягло, и земля и лугов и Собавинская пустошь” (45). Саввин монастырь стоявился, таким образом, самостоятельным митрополичьим монастырем.

Жертвовали митрополитам земли и князья. Под 1410 г. летопись повествует: “представись Князь Володимер Андреевич... и зявца Княгини своей и детем своим дати в дом Христов и Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев Петра и Алексея в митрополичь всея Русии и отцу своему пресвященному Фотею митрополиту Киевскому и всеа Русии, по себе и по своему роду, село свое Кудрино и з деревнями...” (46).

Это свидетельствует, что митрополичья кафедра обладала пассивною завещательною правоспособностью.

В какой мере право митрополита на приобретение земель представлялось в ту эпоху незыблемым, видно из того факта, что в 1551 г., когда Иван Грозный предпринял попытку ограничить право духовенства на приобретение недвижимых имуществ, это ограничение коснулось лишь архиепископов, епископов и монастырей (47). На митрополита это ограничение было распространено лишь Соборным приговором 1581 г. (48).

Когда от приобретательной правоспособности митрополичьей кафедры мы обращаемся к другой стороне имущественной правоспособности, к праву кафедры на отчуждение принадлежащих ей недвижимых имуществ, картина получается иная, нежели та, с которой мы познакомились при изучении монастырей.

Прежде всего, бросается в глаза полное отсутствие актов по продаже митрополичьих земельных имуществ. На десятки дошедших до нас актов по покупке земель митрополичьей кафедрой нет

буквально ни одного акта по продаже (49). Предположение, что это дела случая, было бы, при наличии большого количества актов покупки и актов обмена митрополичьих земель, неправдоподобно. Объяснения надо искать в том принципе неотчуждаемости церковных имуществ, который был формулирован в византийском законодательстве, проник в наше церковное сознание и ревностно защищался нашими митрополитами (50). Его наши митрополиты выражали в формуле, включаемую ими в акты, исходящие от митрополичьей кафедры: “то земли и леса и воды извечные домовные Пречистые Богородицы и великих чудотворцев Петра и Алексея”.

Принцип этот не претворился, в течение изучаемого периода, в правовую норму, в юридическое ограничение имущественной правоспособности митрополичьей кафедры. Он оставался пока моральным регулятором поведения митрополитов. Стремясь к признанию принципа неотчуждаемости церковных имуществ, митрополиты, в порядке самоограничения, отказывались продавать земли, принадлежащие кафедре.

Именно на почве этого принципа и вырос, как мы увидим, в практике митрополитов, тот институт, которому было суждено сыграть решающую роль в истории русского поземельного права — предоставление земель, в вознаграждение за службу, в пожизненное владение и пользование.

Что мы имеем здесь дело не с юридической нормой, а с моральным принципом, установленным самими митрополитами, несомненным доказательством тому служит тот факт, что митрополиты широко пользовались другой формой отчуждения по отношению к своим землям — меною (51). Это есть тоже одна из форм распоряжения или отчуждения земли. Но митрополиты считали себя вправе прибегать к ней, ибо это не уменьшало земельного фонда кафедры. Напротив, мена землями производилась кафедрой тогда, когда это,

(49) АЮБ II 147 I (1461), на который ссылается, как на пример продажи, Горчаков, стр. 133, прим. 2, таковым не является. Здесь некто Пополутов покупает село Спасское не у кафедры, а у Пречистые Введенья Нового монастыря, «доложа Ионы, митрополита Киевского и всеа Руси», т. е., с разрешения митрополита. Из отводной, на которую ссылается покупатель, видно, что село Спасское было, в свое время, отведено монастырю митрополитом, т. е., перешло во владение самостоятельного монастыря.

(50) «Не велено святителем и монастырем церковных стяжаний недвижимых ни продати, ни отдати», пишет Собор начала XVI в. в. к. Ивану Васильевичу. (Напечатано Калачовым со списка, хранящегося в библиотеке Моск. Дух Академии, (Чтения в О-ве Ист. и Древностей России, 1847 г. № 3, прим. 15 на стр. 41-44).

(51) См. источники, указанные выше прим. 41.

(44) Горчаков. Прил. стр. 73 II (прежде 1431).

(45) АЮБ I 63 XI (1454).

(46) Никонов сп., стр. 214.

(47) АЭ I 227 (1551).

(48) Там же, 308 и ГГД I 200 (1581).

по тем или иным основаниям, представлялось, с точки зрения земельного обеспечения кафедры, выгодным. Интересная деталь сохранилась во внешней форме акта при совершении мены. Акты мены землями между великим князем и митрополитом устанавливают лишь факт мены (52). А современные им акты мены между кафедрой и частными лицами начинаются формулой: “доложа своего государя великого князя...” (53), или даже “по государеву слову в. к.” (54). Ссылкой на согласие князя митрополиты как будто бы хотели подчеркнуть, что интересы кафедры меною не нарушаются. С конца XV в. эта ссылка на князя выходит из употребления (55).

Нечего и говорить, что при таком отношении митрополитов к отчуждению земель кафедры, о безмездном ее отчуждении и речи быть не могло. Лишь чисто формальным исключением, но никак не исключением по существу, было создание митрополитом самостоятельного митрополичьего монастыря. При основании такого монастыря земля, на которой монастырь был расположен, становилась самостоятельным владением монастыря.

Установление принципа “неподвижности” церковных земель, который пытались установить соборы 1580 и 1584 гг. “а впредь митрополиту, и владыкам, и монастырям земель не прибавляти ни которыми делы — жити им на тех землях, что ныне за ними” (56), лежит уже за пределами изучаемого нами периода.

IV.

Положение, занимаемое митрополитом в качестве главы Церкви, его отношения с князем (князья неизменно пишут в грамотах: “отца своего Митрополита...”) должны были оказать влияние на все стороны его жизни. Не могли они не отразиться и на земельном вопросе.

Сравнительно мало сказалось это на чисто хозяйственном использовании земель. Однако, и здесь можно отметить кое-какие особенности.

Нам приходилось отмечать, что холопский труд в области част-

(52) См., напр., АОБ II 156 III (1467/73); АИ I 215 (1584).

(53) АОБ II 156 I (до 1456); II (1458); IV (1468/73).

(54) Там же, 156 V (1467).

(55) Там же, 156 X (1493); XI (1498/9); XII (1499); XIV (1509); XVI (1516).

(56) ГГД I 200 и 202 (1580 и 1584).

ного землевладения продолжал играть значительную роль и в изучаемый период. Мы не знаем, применялся ли он в митрополичьем хозяйстве в древнейшую эпоху. Возможность этого не исключена. Летописи сохранили указания на холопов высшего духовенства (57). Но в изучаемую эпоху митрополиты на своих землях холопским трудом не пользовались. У них мы находим только свободный труд, только крестьян. В описании митрополичьих земель это ярко выступает. Когда речь идет о селах и деревнях самого митрополита, там только крестьяне. Когда рядом описываются села и деревни, переданные митрополичьим боярским детям или его же низшему духовенству, неизменно рядом с крестьянами фигурируют люди, т. е. холопы. “Села и деревни митрополичи: село Каринское, а в нем двор митрополич, а христиан...” “Село Степурино, Семена... Юрьсва, а в нем двор его, а людей его дв. Ивашко (и т. д. 3 двора), а христиан...” (58). Или, из другого описания: “село митрополиче Ильинское, а в нем христиан...”, “село митрополиче Богоявленское за дьяком за Левашею Левашевым, люди: дв. Фомко... а христиан...”; “село митрополиче Добричево за Никитою за Даниловым, а в нем его люди: дв. Захарко..., а христиан...” (59). Очевидно, митрополиты устроили в своем хозяйстве холопский труд по моральным соображениям, ограничиваясь лишь свободным крестьянским.

При изучении положения крестьян мы видели, что митрополичьи крестьяне находились совершенно в том же положении, что крестьяне других разрядов, обладали теми же правами на землю, несли то же княжеское тягло, что прочие владельческие крестьяне, и несли повинности на митрополита. Хотя они подлежали судебной власти митрополита, в силу ли того, что они сидели в митрополичьей волости, или в силу специальных несудимых грамот, но их собственные земельные права были ограждены подчинением этих споров непосредственному суду князя (60).

С полной силой особенности митрополичьего землевладения выступают, когда мы обратимся к другим формам использования земель митрополичьей кафедры.

Митрополиты нуждались в землях не только для своего содер-

(57) См., напр., Новгородские лет. стр. 3 (под 1058), 130 (под 1061), 185 (под 1068).

(58) Из книг Переславльского уезда (1492) — Горчаков, Прил. стр. 1.

(59) «С. Юрьевских книг писма Константина Заболоцкого», там же стр. 2 (1498). Ср. там же описаное Владимирского уезда 1499, стр. 3-5. Упоминаемые на митрополичьих землях дворы дворника или посельского относятся к митрополичьим свободным служилым людям.

(60) См. обо всем этом выше, Разр. I стр., 123 сл.

жания. Для выполнения лежащих на них задач, административных и хозяйственных, им нужно было сотрудничество лиц как духовных, так и светских. Это привело к образованию довольно многочисленной, судя по частому упоминанию о них в источниках, категории митрополичьих служилых людей, митрополичьих боярских сыновей, как именуют их документы той эпохи. Нам неоднократно приходилось указывать, что единственно возможной, по экономическим условиям эпохи, средством их обеспечения было предоставление им земель.

Но на пути к раздаче митрополитам земель за службу в той форме, как это практиковали князья, стоял поддерживаемый митрополитами принцип неотчуждаемости церковных земель.

Выход из этого был найден митрополитами в форме, для той эпохи чрезвычайно оригинальной. Старейшее сведение об этом дошло до нас от второй половины XV в., когда митрополичью кафедру занимал митрополит Феодосий (1461-1466). В дошедшей до нас грамоте митрополит пишет: "Се яз Феодосий, Митрополит всеа Руси, пожаловал есмь Бориса Матфеева сына Тютшева селом церковным и своим до его живота... А Борису тою церковные земли и наши митропольские ни жене своей, ни детям своим не дати, не осваивати, ни меняти ни с кем, ни продати, ни отдати никому, занеж то есть земля церковная Пречистыи Богородицы и митрополича; а опосле Борисова живота то село... опять в дом Пречистыи Богородицы" (61). До нас дошла и ответная запись, выданная Борисом Тютшевым митрополиту, где получающий землю повторяет обязательство "не осваивати, ни меняти ни с кем, ни продати, ни отдати никому, зане то есть земля церковная..." (62). Последующие дошедшие до нас подобные грамоты митрополитов точно воспроизводят эту формулу, иногда с теми или иными чисто словесными изменениями: "а впрок им себе тех деревень и селищ... не освоить, ни продати, ни закабалити, ни по душе не дати, ни иною некоторою хитростию от церкви Божией не отстаивать, занеже те деревни Церковные Пречистыи Богородици и Святых Чюдотворцев Митрополитов Петра и Алексея и Ионы и наши митрополския изстарины" (63).

(61) АЭ I 74 I (1461). Нужно принять этот год, а не 1462, как указано в издании Археогр. Ком., ибо этим годом отмечена ответная запись Бориса Тютшева.

(62) АЮБ I 118 II (1461).

(63) Грамота Некрасу и Дрозду Юрьевичам, воспроизведенная в правой грамоте 1498/505 г. — АЮ 8. Ср. грамоты и ответные записи: АЮБ I 118 III (1461/4); V (1493); VI (1496); VIII (1508); Относительно АЮБ I 68 (1464) и АЭ I 74 IV см. ниже.

Пожалованный митрополичьей землею получает, таким образом, право пользоваться ею, как пользуется всякий владелец. "А ведают и папуг те деревни и селища Некрас да Дрозд на себя" (64) или, как еще подробнее указано при пожаловании Федору Викентьеву: "а взял есмь то село пусто без людей, и мне Федору то село ведать и пахать на себя до своего живота и лес сечи и расселивати и людей в то село призывати" (65).

С этой стороны, пожалованные митрополичьи боярские дети ничем не отличаются от всех прочих землевладельцев. Они владеют и пользуются землею наравне с ними. Право приывать на эти земли крестьян особенно подчеркивает их положение, как настоящих хозяев земли. Их отношения с крестьянами складываются совершенно по образцу всех владельческих крестьян.

Рядом с таким ничем не ограниченным правом владения и пользования мы находим у них полное отсутствие каких либо ни было правомочий, входящих в наше понятие права распоряжения. Получивший митрополичью землю не может отчуждить ее каким бы то ни было способом, возмездным или безвозмездным. Он не может распорядиться ею и на случай смерти.

Если прибавить к этому, что земля остается в его обладании до его смерти, мы имеем все признаки того института, который именуется в теории права пожизненным пользованием.

В поисках примирения между жизненными потребностями и проповедуемым ими принципом, митрополиты приходят к созданию нового в русском праве института. Они предоставляют своим служилым людям, в вознаграждение за их службу, земельное обеспечение, не отчуждая, в то же время, земель митрополичьей кафедры.

Этой новой формой митрополиты воспользовались не только для обеспечения своих служилых людей. К тому приводили и чисто хозяйственные соображения.

"Мя пожаловал, пишет некий Данило Монастырев, господин мой Феодосей, митрополит всеа Руси, церковною Святой Богородицы и своею митрополскою землею за Волгою... Устьковжскими пустошми... и Устьковжским езом, и велел ми на тех пустошех на церковных людей сажати... и пожаловал мя... теми церковными пустошми да и езом до моего живота... а опосле моего живота ино

(64) АЮ 8.

(65) АЮБ I 118 VI (1496).

опять и земля и ез церковное и митрополиче со всем по старине... А с тое земли да и с езу давати своему господину Феодосию митрополиту всеа Русии, на всякой год оброком на его дворец к погребу по десяти осетров вялых Шохонских” (66).

Повидимому, нечто подобное мы видим и при следующем митрополите Филиппе. “По господина своего Филиппа митрополита всеа Русии, доложа в. князя Ивана Васильевича, се яз Иван Григорьев сын Киселева дал есию грамоту своему господину Филиппу митрополиту в том, что мене пожаловал господин ми святей митрополит Филип всеа Русии пустошию Пречистые да и своєю митропольскою Пертовское до моего живота, а та пустош в Муромском уезде... а мне Григорию тое пустоши себе не осваивать, ни продать, ни променити, ни по душе не дать...” (67).

Прямо отмечен этот хозяйственный мотив в позднейшей грамоте митрополита Даниила (1522-1539 гг.). “Божею милостию се яз смиренный Данил митрополит всеа Русии, пожаловал есмь, из старинного своего христианина Дементия... Новикова... домовными Пречистыя Богородицы и великих Чюдотворцев Петра и Алексея и Ионы и своими митрополичими деревнями....., а дал есию ему на те старые деревни лготы на десят лет, того для, что те деревни от меженины позапустели; а отсидит десять лет и мне его пооброчить, как будт пригоже; а на селища и на пустоши и на лес людей ему призывать, и деревни ставити, и слободу сбирати, и лготные ему грамоты на уроки давати, посмотри по местом, как будет пригоже. А тех ему деревень, ни селищ, ни пустошей, ни лесов, ни лугов, ни пожен, ни озер, ни рек, ни болот, не осваивати, ни окняжити, ни обоярити, ни продати, ни заложити, ни по душе не дать, ни иною никакою хитростью от Церкви Божией не отставати, занеже то земли и леса и воды извечные домовные Пречистые Богородицы и великих Чюдотворцев Петра и Алексея и Ионы наши митрополичии” (68).

Документ этот представляет интерес с разных сторон, и нам придется еще вернуться к нему. Здесь отметим только, что хотя митрополит именует Дементия Новикова “своим из старинным крестьянином”, но жалует его землями не в качестве крестьянина, а возлагая на него заселение земель и организацию на них крестьянско-

(66) АЮБ I 118 III (1461/4).

(67) АЮБ I 68 (1464). Относительно особенности в форме «доложа в. к. Ивана Васильевича», см. следующий параграф.

(68) АЭ I 74 IV (после 1522).

го хозяйства. Это есть уже митрополичья служба, и за эту службу Новиков получает пожизненное пользование землями.

По каким бы основаниям ни жаловали митрополиты свои земли в пожизненное пользование, количество земель, пожалованных таким образом, было значительно. Об этом мы можем судить не только по дошедшим до нас грамотам, но и по писцовым книгам. При описании митрополичьих земель мы постоянно встречаем: “Село митрополиче за Никитою за Даниловым, а в нем его люди.. а христиан...”, или: “село Будадово деревенька за Васильем за Юрьевым...”; или “деревня митрополича Минадукова за Митей, да за Петрушею, да за Гридею Запщенными, а в ней сами живут”, “деревня митрополича Кривдина за Матвейком за Семеновым с братьею, да в ней сами живут” (69).

Тесно связан с званием митрополита как такового и последний способ использования митрополичьих земель, — создание митрополичьих монастырей. Пока дело шло о постройке несамостоятельных монастырей, это в положении земли ничего не меняло. Земля вместе с монастырем оставалась владением кафедры, ничем от других владений не отличающимся. Иначе стояло дело, когда митрополит передавал землю монастырю, когда, как мы видели, возникал самостоятельный митрополичий монастырь. С формальной точки зрения, здесь было распоряжение землей, ее отчуждение. Но это отнюдь не являлось нарушением принципа, исповедуемого митрополитами, принципа неотчуждения церковных земель. Земля не переставала быть церковной, ни с точки зрения самого митрополита, ни с точки зрения князя, ни по народному воззрению. В записи Ивана Ощеры на землю, полученную им от Новиковского (митрополичья) монастыря, он эту землю обозначает как “церковную Введенья Пречистые Богородицы Новинского твоего (митрополита) монастыря” (70). Так же выражается и игумен того же Новинского монастыря в докладной грамоте митрополиту от 1474 г.: “а тое ему церковные земли... не освоити...: земля церковная Пречистые Богородицы Нового монастыря монастырская” (71). Наконец, и князь характеризует земли Благовещенского митрополичьего монастыря “их земли церковные на Унражи в Ликурзе” (72).

(69) Горчаков, Прил. стр. 2 (1498) «С Юрьевских книг»; стр. 3 и 4 (1498) «Книга города Володимера и волостей володимерских».

(70) АЮБ I 69 II (1486).

(71) Там же, 69 I (1474).

(72) Горчаков, Прил. стр. 20 XI (1474).

Особое место, занимаемое митрополитом в тогдашней общественной иерархии, должно было с еще большей силой отразиться на его положении, как владельца земель, тогда, когда его земли оказывались расположенными в митрополичьих волостях.

В конце XIV в., в эпоху уставной грамоты в. к. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана, это, повидимому, считалось недопустимым. Но мы видели, что в конце XV и в XVI вв. митрополичьи земли в митрополичьей волости явление повседневное.

Есть основания думать, что самое положение митрополита как наместника князя в митрополичьей волости способствовало приобретению ими земель в этих волостях. На эту мысль наводит один любопытнейший процесс конца XV в., с которым нам уже пришлось иметь дело. Волостные крестьяне Ликуржской волости ищут земель, которые они означают "Ликуржские волости тяглые наши", но которые, по их словам, были захвачены митрополичьими боярскими детьми. Старожилы крестьяне показывают: "опустели те земли от великого поветрея, и Митрополиты, господине, те земли поимали за себя, а тому лет с сорок" (73).

В этом процессе митрополичьи боярские дети защищаясь употребляют, для обозначения митрополичьих земель, один необычный термин, который, кажется, позволяет определить, каким путем шло это образование митрополичьих земель в митрополичьих волостях... Они называют спорные деревни и починки "изстарины земли митропольские Селецкие". Это же выражение "селецкий" употребляет и противная сторона, волостные крестьяне: они обещают, что их старожилы "межу укажут от митрополичьих земель от Селецких". Наконец, и судьи также спрашивают: "почему те земли вы зовете землями Селецкими?" Очевидно, это термин общезвестный, общеупотребительный. И насколько мы можем проследить, ни к какой другой категории земель, кроме митрополичьих, он не употребляется (74). Напротив, для обозначения митрополичьих земель его употребляют не только ликуржские крестьяне-костромичи. Мы находим "митрополичьих волостелей селецких" в Московском уезде (75). В этой же волости село митрополита именуется "село Горки Якшилов-

ские в селцах" (76). Это последнее выражение употребляется неоднократно: "те деревенки в Московском уезде... в митрополичьих волостях в Селцах" (77); "а в той волости в селцах жили дети боярские митрополичьи" (78). Его же употребляет великокняжеский писец при описании Костромского уезда (79). В. к. Иван Васильевич в грамоте говорит о "митрополичьих волостях селцах" в Галицком уезде (80). Несомненно, то же происхождение имеет и выражение, употребленное в одной ответной записи митрополиту: "дал мне берег земли церковные Пречистые Богородицы и свое митропольские селятинские на речке на Раменке" (81).

Откуда могло взяться подобное обозначение для митрополичьих земель?

Некоторые указания для ответа на этот вопрос дает, как будто бы, вышеприведенный судный список 1498/505 г. (82). Истцы, волостные крестьяне, и их свидетели старожилы показывают на суде, что "митрополичьих земель было туто изстарины одни три селца, Переднее, да Среднее, да Заднее". После того как деревни волостные опустели от "великого поветрея", "не упомянем, которыхы Митрополит те земли поимал за себя да припустил к селцом". Старожилы прибавляют: "а мы, господине, тем землям от митрополичьих земель от Селец и межу знаем"... То же противоположение делают и ответчики старожилы свидетели: "налеве, господине, земли Великого Князя, Ликуржские волости, на праве земля митрополичья Селецкая".

"Сельцы" это земли в митрополичьей волости, занятые митрополитом. В Ликуржской волости было сначала таких три участка. Самое их обозначение — Переднее, Среднее, Заднее, — свидетельствует, что это не участки, приобретенные путем какой-либо сделки. Такие участки всегда обозначались определенными наименованиями. Затем митрополит "припускает" к этим трем еще новые участки, и вся эта занятая земля обозначается как Селецкая.

И все прочее известное нам содержание источников подтверждает такое предположение.

Свидетели в процессе показывают: "волостели митропольские

(76) Там же.

(77) АЮБ II 156 XV (1514), ср. там же 156 XVI (1516 и I 63 XVI (1533/45).

(78) Сборник И. Беляева, стр. 51.

(79) Горчаков, Прил. стр. 6 (1502).

(80) Там же, стр. 22 XIII (1477).

(81) Горчаков, Прил. стр. 82/83 № 11.

(82) АЮ 8 (1498/505), стр. 15-16.

(73) АЮ 8 (1498/505). О Ликуржской волости, как митрополичьей см. выше, прим. 17.

(74) Выражение это упущено в «Терминологическом словаре», 1937.

(75) АЮБ II 217 (1499).

на тех селцах и на тех деревнях от Митрополитов седали” (83). Митрополиты предоставляли своим волостелям, т. е. своим служилым людям, занятые ими участки для жилья. Указание на митрополичьих волостелей есть несомненное доказательство, что речь идет о митрополичьей волости. Только там могли быть митрополичьи волостели.

Когда село Якшиловское, расположенное в Селцах и находившееся в пользовании у митрополичья боярского сына, отписывается обратно на митрополита, последний приказывает “митрополичьим волостелям селецким им ведать и пахать на государя на митрополита” (84). Митрополичьи волостели, будучи административными органами митрополита наместника, ведут в то же время и его хозяйство.

Таким образом, если двойственное положение митрополита, с одной стороны, как княжеского наместника, с другой — как землевладельца, облегчает ему занятие земельных участков в управляемых им волостях, то оно же превращает его подчиненные административные органы в его приказчиков, в его хозяйственные органы.

Это смешение административной, точнее, судебно-административной власти с властью землевладельца сказывается на всем строе отношений митрополита к крестьянам, сидящим в митрополичьей волости на митрополичьих землях. Судебная и административная власть принадлежит здесь митрополиту не в силу специального пожалования князя, а как наместнику князя, осуществляющему эту власть над всеми жителями волости. “Сий суд судил митрополичь наместник Владимирской Юрьи Григорьев сын Мануйлов, Тягался келарь Сновницкого монастыря... с Яковом Михайловым сыном Внукова” (85). Очевидно, что тем самым отпадали все те ограничения в осуществлении судебной власти, которые содержались обычно в пожалованных несудимых грамотах.

Вопрос об осуществлении судебной власти митрополитами в митрополичьих волостях нас в этой связи не интересует. Но один пункт имеет большое принципиальное значение. Это изъятие из компетенции митрополита судебных споров, касающихся земель митрополичьей кафедры. Это с полной несомненностью явствует из судебного списка 1498/505 г., на котором мы неоднократно останавли-

(83) Там же, стр. 15.

(84) АЮБ II 217 (1499).

(85) АЮ 16 (1518).

вались (86). Спор шел здесь между волостными крестьянами и митрополичьими боярскими детьми. Но судил не митрополичий судья. “Сей суд судил Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси писец костромской Григорей Романович Застолбской”. Дело касается Ликуржекой митрополичьей волости, где осуществляется суд митрополита как наместника. Но принцип, что все земельные крестьянские дела, где замешаны интересы лица, коему передана судебная власть, идут непосредственно на суд князя, остается в силе.

Особенно ярко сказалось исключительное положение митрополита на вопросе о жалованных грамотах, также неразрывно связанном с земельными отношениями.

Предоставление податной льготы и право суда было прерогативой владетельных князей, ибо “дань и суд” принадлежали только им. Тем более многозначительным является факт существования митрополичьих жалованных грамот. В нем особенно ярко отражается исключительное положение, занимаемое митрополитами.

Митрополичьи жалованные грамоты касались различных объектов. Мы можем оставить в стороне грамоты, предоставляющие освобождение от чисто церковных сборов (87). Но и дошедшие до нас жалованные грамоты, касающиеся земель, должны быть разбиты на две категории. Один из них касались земель, принадлежащих митрополичьей кафедре. Вторая категория — это грамоты, даваемые митрополитами в их качестве княжих наместников в митрополичьих волостях.

Старейшая дошедшая до нас жалованная грамота на митрополичью землю принадлежит митрополиту Феодосию (88). Он жалуется “игумена Парфения, что служит в моем монастыре святого Архистратига Михаила”. “Освободил есмь ему пахати церковную землю Пречистыя Богородицы и свою митропольскую архангельскую... и не надобе тому игумену Парфению с тое земли мои дани ни иные некоторые пошлыны; а наместницы мои володимерские и тиуны мои не везжают ни вьсылают к тому игумену Парфению и к его братье к старцам ни почто, ни судят его ни его братья старцов; ведает и судит свою братью старцов сам игумен Парфений”.

По существу, в этой грамоте еще нет ничего, что касалось бы прерогатив верховной власти. Митрополит отказывается от при-

(86) Там же, 8 (1498/505).

(87) См. напр., Гогрчаков, Прил. стр. 37 I (1452).

(88) Там же, 38 III (1462); ср. АЮБ II 173 I, 1 стр.

читающихся ему пошлин, да и то заменяя их маленьким “оброком с году на год на сбор полтредья рубля”. Он поручает суд над братьею игумену. Характерна здесь только форма, воспроизводящая форму княжеских жалованных льготных грамот.

Еще более похожа на настоящие податные льготные грамоты грамота, данная “по господинову слову Зосимы митрополита всеа Русии” его дворецким: “пожаловал есми Саву Микифорова, ослободил есми ему сести на церковной Пречистые Богородицы и на государеве митрополичей пустоши Новинского монастыря на перепечике у Москвы у реки на Березе, что ми бил челом, а хочет на той пустоши себе двор ставить и лес сечи и розселивати. А придасть Бог крестьян сзывать, и тому Саве не надобеть с митрополичими с новинскими крестьяны тянути ни в дань, ни в ям, ни в митрополиче дело, ни в монастырское дело, ни в разметы, ни в какие проторы на четыре годы” (89).

Несмотря на упоминание в льготе яма, мы склонны думать, что дело и тут идет лишь об освобождении крестьян на четыре года от всех повинностей, которые крестьяне должны были нести на митрополита и на монастырь, но не от княжьего тягла. Не видно, на каком основании митрополит мог бы дать освобождение от этого последнего. По тем же основаниям не могло быть речи о льготе в области суда.

То же самое надо сказать и о знакомой уже нам грамоте митрополита Даниила (1522-39) старинному своему крестьянину Новикову (90). И тут дается Новикову податная льгота на десять лет и предоставляется ему давать от себя, очевидно, по его усмотрению, льготы призываемым им крестьянам. Само собою разумеется, что подобную льготу митрополит мог предоставить лишь по отношению к следуемым ему повинностям.

В ином виде представляются жалованные грамоты митрополитов, которые они давали в качестве наместников митрополичьих волостей.

В 1450 г. митрополит Иона дает грамоту некоему Афанасьеву. “Пожаловал есмь Андреа Афанасьева, что сел на своей купле, на Голямовской пустоши, в волости Пречистыа Богородицы и в моей, в Романовском: и кого Андрей на ту пустошь перезовт из иных Княженей, а не из волости ни из сел Пречистыа Богородицы, и тем людем пришьым ненадобе им с моими христианы с волостными тя-

(89) Горчаков. Прил. стр. 82 № 9 (1492).

(90) АЭ I 74 IV.

нути ни в какое дело, ни в какие разметы; ни волостели мои Романовские и их доводщики не въезжают... а ведает и судит тех христип Андрей сам; а кому будет до самого Андреа какво слово, и аз Иона Митрополит сам его сужу” (91).

С внешней стороны грамота совершенно соответствует княжеским грамотам. То же расположение частей, те же по возможности формулы. Так же податная льгота сопровождается несудимой грамотой. Льгота дается, по излюбленной княжеской формуле, лишь крестьянам, призванным из иных княжений. Но митрополит принимает меры и для охранения своих владений. Он прибавляет: “и не из волости ни из сел Пречистые Богородицы”, т. е. не из других владений митрополичьей кафедры. Но и здесь круг повинностей, на которые распространяется льгота, очень ограничен. Это только “дело и разметы”, которые несут местные волостные крестьяне на митрополита. Княжье тягло и здесь остается вне права распоряжения митрополита.

Но зато здесь митрополит, как княжеский наместник, облечен судебной властью. По отношению к крестьянам, сидящим на земле Афанасьева, митрополит передает права суда Андрею Афанасьеву. Из общего запрещения митрополичьим чинам въезжать во владение Афанасьева видно, что этому последнему передаются все судебно-административные действия. Заканчивается эта часть грамоты обычной формулой: “а кому будет до самого Андреа какво слово, и аз Иона митрополит сам его сужу”. Отсюда, вытекает, что дела между землевладельцем и его крестьянами подлежат юрисдикции самого митрополита. Из отсутствия постановления о смешном суде надо сделать тот же вывод и для случаев, когда возникает дело между крестьянами Афанасьева и посторонними людьми.

Предоставление митрополитом отдельным землевладельцам права осуществлять судебно-административные действия по отношению к крестьянам, сидящим на землях этих землевладельцев в пределах митрополичьей волости, вытекало, таким образом, из того, что здесь осуществление судебной и административной власти принадлежало ему, как наместнику князя. Мы только что видели это на примере Андреа Афанасьева, купившего землю в пределах митрополичьей волости. Но совершенно так же митрополит мог предоставить здесь осуществление суда и лицу, слящему на его, мит-

(91) АЭ I 45 (1450). Из позднейшего судного списка мы узнаем, что внук Андреа продолжает через пятьдесят лет сидеть на той же земле в той же митрополичьей волости — АЮ 12 (1505/11).

рополичьей, земле. Пример этого до нас дошел. Митрополит Симон пожаловал в Ликуржской волости, которая, как нам уже неоднократно приходилось отмечать, была митрополичьей волостью, Некраса и Дрозда Юрьевичей “церковными Пречистые Богородицы и Святых Чудотворец Петра и Алексеа и Ионы и своими митрополскими деревнями и селци всеми, на Унораже, в Костромском уезде”. При этом он указывает: “а кто у них в тех деревнях учнут жити христиан, и тех своих христиан Некрас и Дрозд ведают и судят сами”. Это для нас тем интереснее, что Некрас и Дрозд были митрополичьими служилыми людьми, получившими эти земли в пожизненное пользование (92).

(92) АЮ 8 (1498/505).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЗЕМЛИ ЦЕРКОВНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ.

III. ЗЕМЛИ ЕПИСКОПСКИХ КАФЕДР, ЦЕРКВЕЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ДУХОВНЫХ ЛИЦ.

I.

Уже от древних времен дошли до нас летописные предания о земельных владениях, находящихся в распоряжении епископов. Под 1158 г. летопись повествует про Андрея Боголюбского: “сам у Володимири заложил церковь камяну святой Богородицы... и дая и много имения, и свободи (слободы) кушленья, и с даньми, и села лепшая...; сверши же церковь 5 верхов и все верхи золотом украси, и створи в ней епископию”. (1). Через несколько десятков лет епископ Владимирский и Суздальский Симон (1215-1226) пишет: “и кто не весть мене, грешнаго епископа Симона и сея Зборныя (Соборныя) церкви красоты Владимирския и другия Суздальския, юже сам создал. Колико имеет градов и сел! и десятину збирают по всей земли той; а тем всем владеет наша худость” (2).

Упоминание здесь о собираемой по всей земле десятине может навести на мысль, что все эти земли не находились во владении епископов, а им было предоставлено только собирать там десятинный сбор. Но еще от более ранней эпохи (1150 г.) до нас дошло известие об уставной грамоте Смоленского Князя Ростислава Мстиславовича и смоленского же епископа Мануила, где уже совершенно определенно говорится: “село Дросенское со истои и с землею, Святей Богородици и Епископу... и се есми дал землю в Погановичох Мойшинскую Св. Богородици и Епископу...” (3).

(1) Ипатьевский сп., стр. 337. под 1158 г.

(2) Карамзин III прим. 171. стр. 120.

(3) Воспроизведено в ДАИ I 4 I (1150).

И в последующем мы находим указания на недвижимые имущества, принадлежащие епископам. Прежде всего, у каждого епископа был свой двор в городе, где была его резиденция (4). Но и в других городах мы находим дворы, принадлежащие епископам. После московского разорения, по приказу воеводы, Силвестру Архиепископу Вологодскому отводится в Москве в Китай-городе "Пречистыя Богородицы старое купленное место и Силвестру Архиепископу на том месте двор строити и тем местом владети по старым межам, как владел до Московского разоренья" (5). В описании Муромского посада мы читаем: "в Муроме же на посаде двора белые: в Успенской улице двор владыки Резанского, а живут в нем десятильники" (6).

Мало того. Можно с полной уверенностью сказать, что количество земель, принадлежавших епископам, было очень значительное. Об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что когда в 1551 г. была предпринята попытка ограничить количество земель, принадлежащих церковным установлениям, это постановление было обращено, прежде всего, на архиепископов и епископов, не затрагивая митрополита: "что вперед Архиепископом и Епископом и монастырем вотчин, без Царева Великого князя ведома и без доклада, не покупать ни у кого" (7). Более категорическое запрещение Соборов, 1580 и 1584 гг. гласило: "а вперед Митрополиту и Владыком и монастырем земель не прибавляти некоторыми делы" (8). Представление о размерах этих владений может дать тот факт, что по ревизии 1744 г. за 22 архиерейскими домами значилось около 165 тысяч ревизских душ (9).

Тем удивительнее факт почти полного отсутствия актового материала, относящегося к этой категории земельных владений. Приходится здесь довольствоваться отдельными намеками, оперировать аналогиями или априорными соображениями.

Уже по выражению, употребленному одинаково в только что цитированной уставной грамоте Ростислава Мстиславовича, а чрез несколько столетий и в данной казанскому архиепископу Гурию: "дали в дом Пречистой Богородице", можно умозаключить, что

(4) Напр., Новгородская летопись полна указаниями на двор архиепископа Новгородского.

(5) АЮ 118 (1613).

(6) Там же, 229 (1574), стр. 248.

(7) АЭ I 227 (1551).

(8) ГГД I 200 (1580) и 202 (1584).

(9) Милютин, О недвижимых имуществах духовенства в России. 1862, стр., 132-133.

епископские земли, подобно митрополичьим землям, рассматривались не как земли, принадлежащие лично епископу, а как земли церковные, принадлежащие, по выражению источников, "дому", напр., "дому Святой Софьи" (10). Позднее входит в обиход выражение "кафедра", откуда и обычное у нас наименование собора в месте пребывания епископа "кафедральным собором".

Что касается имущественной правоспособности епископских кафедр, то нет никаких оснований предполагать, что в этом отношении было какое-либо отличие от митрополичьей кафедры. Право епископской кафедры приобретать земли покупкой прямо засвидетельствовано нам вышецитированной отводной, где место, принадлежавшее вологодскому епископу в Москве, названо купленным, да и вытекает из постановлений соборов 1551, 1580, и 1584 гг., запрещавших епископам покупать новые земли. Оттуда же вытекает и право епископов принимать земли в заклад. Обладали они и способностью получать земли по завещанию. Так, по крайней мере, можно умозаключить на основании завещания некоего Петра Молечкина, который оставляет село Суцово "по родительских душах и по своей душе", "в Спас Преображенья и владыце" (10-а). Завещатель не упомянул бы епископа, если бы завещательное распоряжение в пользу епископа было бы недействительным.

По вопросу о праве распоряжения епископов по отношению к принадлежавшим кафедре землям надо принять, что положение было совершенно то же, что с митрополичьими землями. Формального запрета отчуждать их не существовало, но епископы придерживались принципа неотчуждаемости церковных земель. К этому заключению приводит тот факт, что епископы, подобно митрополитам, давали своим "боярам", служилым людям, свои земли в пожизненное пользование. До нас дошло немалое количество примеров тому: "Пожаловал Волярина своего Василья Григорьевича Фомина дому Святой Софии Премудрости Божьей помещьем... селом... с деревнями" (11).

И здесь точно так же епископы не рассматривали мену недви-

(10) АИ I 162 (1555).

(10а) АЮ 418 (1524). По существу здесь мы имеем завещательный отказ не в пользу епископа, а в пользу церкви — см. следующий параграф.

(11) АИ I 190 (1574) ср. там же 183 (1572); 185 (1573); 186 (1573); 201 (1578) и др. Правда, все эти источники относятся к Архиепископу Новгородскому. Но нет никаких оснований предполагать, что этот архиепископ был в исключительном положении.

жимых имуществ, как акт, противоречащий принципу неотчуждаемости. Пример такой мены мы имеем (12).

II.

Столь же скудны и сведения, касающиеся земельных имуществ отдельных церквей. Здесь это может быть объяснено меньшим количеством земель, принадлежавших церквям, но, главным образом, конечно, тем обстоятельством, что относящиеся сюда архивы, содержащие эти сведения, меньше сохранились. Не надо при этом забывать, что далеко не все земли, обозначаемые в источниках термином "церковная", принадлежали, действительно, отдельным церквям. Мы видели, что так обозначали, исходя из идеи единства Церкви, и имущества монастырские, и митрополичьи, и епископские (13).

С другой стороны, не все церкви владели имуществом, не все обладали необходимой для этого имущественной правоспособностью. Были церкви, и первоначально, несомненно в большинстве, которые сами рассматривались, как имущество, принадлежали отдельному лицу или определенному установлению, митрополиту, епископу или монастырю. Источники сохранили доказательства тому.

Когда упомянутый уже епископ Владимирский Симон писал игумену Нечеваного монастыря Поликарпу: "и сея зборница церкви красоты Володимирския и другия Суздальския, юже сам создал... и всем тем ввердет наша худость" (14), он вкладал в эти слова определенный юридический смысл. Кто строил церковь, строил ее, прежде всего, для себя и сохранял за собою владение ею. Постоянно строили церкви монастыри, и они рассматривали их как свое имущество. В жалованной грамоте 1546 г. мы читаем: "что ми был челом (игумен Федор с братьею Спасо-Прилуцкого монастыря) сказывают, что де он строит пустыню и церковь поставил... на моем Великого Князя черном лесу..." (15). Митрополит Симон выражается про церковь Успенья в Словоцове: "та церковь стяжанне Сновичного моего монастыря" (16). В правой грамоте 1462/4 г.

(12) АЮБ II 156 IX (после 1490).

(13) См. также указания на эту и некоторые исследователями, специально занимающимися церковными имуществами.

(14) См. выше прим. 2.

(15) АЭ I 208 (1546).

(16) Гочаков. Прил. стр. 40 VI (1495), ср. 42 IX (не позже 1511).

по делу Симонова монастыря монастырский старец показывает: "а менялся, господине, твой прадед, князь великий Дмитрий Иванович, на ту церковь... и дал на Симонову ту церковь" (17).

Строили для себя церкви и частные люди, и располагали ими затем, как своим прочим имуществом. Петр Молечкин завещает в первой четверти XVI в. Троицко-Сергиеву монастырю "село свое Молечкино, вотчина и с деревнями... а в том селе две церкви, Пречистой Рождество да Рождество Христово" (18).

Даже подлинные приходские церкви могли возникать в таком порядке и оставаться несамостоятельными церквями. Яркий пример тому дает грамота Новгородского архиепископа Феодосия. "Были челом, а сказывали (прихожане церкви), пишет он, что поставили оне в своей Юсковской волостки, церковь новую во имя Святого Христова Страстотерпца Георгия в приходе старые церкви Рождества Пречистые Богородицы, что в Остречинах; а приходу деи волостного изстари было у тое церкви, у старья Отречинские церкви сто и сорок и семь обож, а из того деи числа обож от тое от старые церкви отошло приходу к трем выставкам, в Лавру ко Успенью Пречистые Богородицы полпятдесять обож, а в Шолтоозеро к Егорью Великому двадцать обож, а в их, деи, церкви в Юсковичи к Егорью же Великому отошло приходу от тое старые церкви двадцать две обжи... а их деи Юсковской волостки новой церкви Егорьевской поп..., Егорьевскому попу и всему причту церковному великая нужда бывает..." (19).

Крестьяне выстроили у себя церковь, которая существовала сборами с большого прихода в 147 обож. Затем приход распался на три прихода, и доходов стало не хватать для содержания причта. Никакого имущества у этих церквей не было.

Однако рядом с такими церквями, являвшимися объектом владения, были церкви, которые сами владели имуществом, значит, с нашей точки зрения, были наделены юридической личностью. В силу каких обстоятельств и в каких формах совершалось такое изменение?

Несколько дошедших до нас документов проливают очень яркий свет на этот вопрос. Правда, документы эти уже выходят за пределы изучаемого нами периода. Но это делает их тем более убедительными в данном вопросе. Если еще в середине XVI и в нача-

(17) АЮБ I 52 I (1462/4), ст. 164.

(18) АЮ 418 (1524)

(19) АИ I 142 (1543).

ле XVII вв. приходилось разрешать этот вопрос в таком порядке, это свидетельствует, что и до тех пор он не получил никакого иного общего решения.

В 1549 г. Иван Грозный жалует Борисоглебскому собору в Новгороде поляну. Делает он это в такой форме: "Се яз... пожаловал есми, в своей отчине, в Великом Новгороде, Борисоглебских попов, Плотенского Конца, Запольские улицы, попа Илью Филипова сына, да попа Власья Иванова сына, и весь собор Борисоглебской, или по них кто у Бориса и Глеба учнут иные попы вперед служить, дал есми в дом Борису и Глебу свою... полянку" (20).

Называются сначала старшие священники, затем добавляется "и весь собор Борисоглебский", причем слово "собор" употребляется здесь в смысле совокупности лиц, его составляющих, а затем эта концессия распространяется и на будущее время: "или по них кто у Бориса и Глеба учнут иные попы вперед служить". Это та же корпоративная идея юридической личности, с которой мы столкнулись для монастырей: "игумен с братиею". Чтобы еще более оттенить, что дело идет не о личном пожаловании, грамота добавляет: "дал есми в дом Борису и Глебу".

Так же формулирует Борис Годунов свое пожалование Спасо-Преображенскому собору: "Пожаловал есмя протопопа Василья с братиею..." (21).

Наконец, ту же формулу находим мы и в жалованной грамоте Василья Шуйского Преображенскому и Архангельскому соборам в Нижнем-Новгороде. "Се яз... пожаловал из Нижнего Новгорода, собора Преображения Спасова протопопа Саву, протодьякона Ивана, попа Смирнова, да попа Кондратия, да пона... или кто у них у тех соборов иные протопопы, и протодьякон, и попы, и дьяконы будут"... "Также есми Спаского протопопа Саву с братиею пожаловал их старинными церковными угодьями" (22).

Эту форму князья пускают в ход, чтобы оттенить, что имущество передается не тому или иному лицу, а собору как таковому, независимо от тех лиц, которые в данный момент принадлежат к нему. Это тот же путь, которым пошла древне-русская юридическая мысль по отношению к монастырям. И формулируется она таким образом, здесь, как и там, лишь в том случае, когда дело идет о снабжении монастыря или собора самостоятельным имуществом. Собор приобретал юридическую личность в момент, когда он получал от

лица, которое определяло его правовое положение, или с согласия этого лица, самостоятельное имущество.

То же самое надо сказать по отношению к любой церкви. Она оставалась объектом права, пока владелец ее не снабжал ее независимым имуществом или не давал согласия на передачу ей или приобретения ею такого самостоятельного имущества. Никакого особого юридического акта признания юридической личности данной церкви не требовалось.

В. к. Василий Иванович пожаловал церкви Св. Николая Чудотворца в Чухломе деревню, Новый Починок. Если эта церковь была до сих пор несамостоятельной, то она стала таковой в силу этого пожертвования (23). Упомянутый выше Петр Молечкин, кроме пожертвования Троицко-Сергееву монастырю, распорядился еще: "да что моя прикупь деревня Шесникова да пустошь Максимова то же деревни, и яз Петр даю ту деревню и пустошь в Отмици Покрову Пречистой и Борису и Глебу" (24). Мы не знаем, что это за церковь. Но если это была его собственная церковь на его земле, то после такого распоряжения она становилась самостоятельной церковью, одаренной юридической личностью. Иное юридическое положение было в третьем из распоряжений Петра Молечкина: "яз Петр в Спас Преображение и владыце по родительских душах и по своей душе даю село Сущево, да к селу две деревни...". Пожертвование делается также церкви, Спасо-Преображенской. Но упоминание владыки заставляет предполагать, что дело идет о церкви, принадлежавшей епископу. Если епископ примет такое пожертвование, церковь становится юридической единицей.

Источники дают ряд примеров таких церквей, обладающих разного рода недвижимыми имуществами.

Из сотной на волость Иванов Борок, из Пошехонских книг (25), мы узнаем, что в этой волости была "церков Петр и Павел, на реке на Шеексне, у Иванова порогу: дер. Нелидово селище, на речке на Гремихе, церковная Петровская, дв. поп Прокофей, пашни церковные десятина, перелогу десятина же в поле, а в дву полях по тому ж, сена сорок копен и та деревня церковная в сошную пашню и в выти не положена". Сотная на Муромский посад сообщает о церковных лавках: "да с церковных с 5 лавок рубль, оп-

(20) АИ I 151 (1549).

(21) АЭ II 16 (1601).

(22) АИ II 69 (1606), стр. 86 и 88.

(23) См. об этом пожаловании в грамоте Михаила Федоровича — АЭ III 95 (1618).

(24) АЮ 418 (1524).

(25) АЮ 228 (1557), стр. 246.

ричь дву мест безоброчных” (26). Писцовые книги XVI в. дают пример, когда церковь владеет полудеревней: “а другая половина тое деревни Никольская, что Никола Чюдотворец на князь Володимерском городище...” (27).

Свидетельства, касающиеся объема имущественной правоспособности, скудны до крайности. Мы имеем купчую Никольского старосты от 1544 г., где он пишет: “а купи Игнатей в дом Святому Николе Чохченемскому ту деревню...”, свидетельство о приобретательной правоспособности церковей (28).

По вопросу о праве церковей отчуждать принадлежащие им земли мы можем только гадать. Мена нам засвидетельствована, ибо до нас дошла меновая между Архангельским монастырем и Воскресенской церковью (29). Можно было бы предположить, что в этом отношении церкви были в том же положении, что монастыри. Но, с другой стороны, более вероятно, по крайней мере, для кафедральных соборов, что они были связаны разрешением владыки, а эти последние, как мы видели, держались принципа неотчуждаемости церковных земель. Может быть, в связи с этим и стоит вышеприведенная формула в завещании Петра Молечкина: “в Спас Преображение и владыце”.

Что на церковных землях велось хозяйство, это несомненно. Мы видели, что в волости Иванов Борок поп сам пахал свою землю и крестьянских дворов там не было. Останавливает внимание и тот факт, что в Холмогорской епархии, на Ухтоострове, в Спасской деревне, земли церковные, по всем данным, многочисленные (30), сдавались священниками и приказчиками в краткосрочную (5 или 6 лет) аренду, за особую арендную плату, празгу (31). Но тем не менее, можно с уверенностью сказать, что на этих землях было и крестьянское хозяйство. В жалованной грамоте Устюжскому собору говорится: “а ведает те все дрвни, которые за ними, и тех хрестьян всех протопоп с товарищи во всем и судит их и рядит...” (32). Точно так же в жалованной грамоте 1515 г. Дмитровскому собору

(26) Там же. 229 (1574), стр. 247.

(27) Писцовые книги XVI ст. II, Тверской уезд, (1539/40), стр. 138.

(28) Воспроизведено в правой грамоте АГР 91 (1613).

(29) АЮ 100 (XV в.).

(30) До нас отсюда дошло 67 порядных.

(31) Акты Холмогорской кн. ср. XXXVIII (1660); IVP (1572);

I.VIII (14 порядн. 1573-1590). ср. XXVIII (1660).

(32) Мейчик стр. 101 II (1467/81).

во Владимире мы читаем: “а ведают и судят своих хрестиян, и людей, и хоругвоников... Дмитриевские попы сами во всем или кому прикажут...” (33).

III.

Рядом с землями различных церковных установлений мы находим в источниках указания на земли, принадлежавшие духовным лицам как белого, так и черного духовенства. Это ставит перед нами вопрос, накладывал ли духовный сан владельца земли какой либо правовой отпечаток на юридическое положение этих земель. Другими словами: составляли ли земли духовных лиц особую категорию земель?

Состояние наших источников позволяет нам ответить на этот вопрос с полной определенностью.

По рассказу Лаврентьевской летописи, под 1096 г., Олег “повеле зажещи Суждаль город, токмо остался двор монастырск, Печерск монастыря и церкви, яж там есть Святого Дмитрея, юже бе дал Ефрем и с селы”. Из Никоновской летописи мы узнаем, какой это Ефрем: “иже там есть св. Дмитрия, юже бо дал митрополит Ефрем, и с селы” (34). Это можно понять только в том смысле, что митрополит Ефрем соорудил церковь и одарил ее селами, свидетельством, что митрополит располагал своим частным имуществом. Подобный же факт сообщает Степенная книга о митрополите Св. Алексее, создавшем церковь Благовещения в Нижнем-Новгороде “и селы и водами и и всяческими потребами удолив” (35).

Про епископа Ростовского Кирила летопись пишет: “бянет бо Кирил богат zelo кунами и селы, и всем товаром и книгами, и просто рещи тако бе богат, как ни един тако преже бывших его епископов в Ростовской земли” (36). Преподобный Евфросин Псковский закрепляет в завещании за монастырем свою вотчину, сады и клети в городе (37).

(33) АЭ I 159 (1515).

(34) См. выше, гл. 7-ую, прим. 7.

(35) Книга степенная царского родословия. — Полн. Собр. Рус. Лет., т. XXI, стр. 358. Авторами Степенной книги считали, по общераспространенному мнению, митр. Киприана и Макария. Новейший исследователь, Васенко, видит автора в царском духовнике Андрееве-Афанасие, составившем эту книгу, по инициативе митр. Макария, в 1560-63 гг. «Степенная книга царск. родословия», 1904, стр. 243. И в том. и в другом случае известно это, ввиду личности авторов, достоверно.

(36) Патриарший или Никон. сп., стр. 97, (под 1229 г.).

(37) АЭ I 108 (пр. 1489).

Таким образом, наше высшее духовенство, по свидетельству источников, владело землями, свободно распоряжалось ими, как при жизни, так и на случай смерти.

Еще более показательны источники, относящиеся к низшим монашествующим лицам.

Пострижение в монашество не влекло за собою утраты земельного имущества. Таковое оставалось за постригшимся и вступившим в монастырь.

Дмитровский князь Василий Ярославович пишет в жалованной грамоте чернице Анне Федоровой: "что ее село в моей вотчине, в Дмитрове..." (39). Иван Грозный дает "Царевича Михайла Кайбуловича старице Огафье" льготную грамоту на ее вотчину село Юрцово (40).

Мало того. Монахи и монахини приобретают и новые недвижимые имущества, и приобретают всяческим путем. Князья жалуют им земли. В 1570 г. Иван Грозный жалует монахине Александре, вдове князя Юрья Васильевича, Устюжну Железопольскую с деревнями (41). Царь Федор Иванович жалует "Царевичу Князь Ивану Ивановичу Царицу старицу Александру" селом с деревнями "в вотчину" (42). Он же дает ей льготную и несудимую грамоту на эту землю (43).

Покупка земель монашествующими есть вещь повседневная. "Се купи игумен Василей землю, на Малом островки, у Мехия у Фаустова сына... а купил себе одерень и своим детям" (44). В другом случае игумен Василей "купил ту землю (в Заецком поле) себе и в век" (45). Особенно любопытна одна позднейшая купчая, ибо в ней обе стороны являются монашествующими лицами: "се яз Устюжнн Железопольской Воскресенского монастыря старец Антоний, а в мире Истома Васильев сын Швака, продал есми блаженные памяти Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси Царице старице иноке Дарье Алексеевне... отород свой... вырок, без выкупа" (46).

Из этой купчей явствует, что монашествующие лица столь же

(39) АЭ I 371 (1446).

(40) ДАИ I 225 (1581).

(41) АЭ I 279 (1570).

(42) АИ I 218 (1587).

(43) АИ I 226 (1589).

(44) АЮ 71 XXIV (XV в.).

(45) Там же, 71 XXII (то же).

(46) Там же, 98 (1616).

свободно продавали свои земли, как и покупали их. Совершенно так же были доступны им и другие акты распоряжения принадлежащими им недвижимыми имуществами, в том числе и безмездные. До нас дошел целый ряд данных, содержащих в себе пожертвования чернецов и черниц па монастыри. "Се яз Афанасей Данилов, сын Внукова, в иноческом образе Авраамей... те земли... дал есмь в дом Пречистой в Кирилов монастырь игумену Игнатию и его братьи, или кто по нем иной игумен будет" (47).

Был открыт им и путь распоряжения своими имуществами на случай смерти. "Се яз раб Божии Ортемей черноризец, отходя сего света, пишу рукописание: Святому Николе и отцю моему душевному игумену Савастьяну и всему стаду черенцем, четверть наволока, моего участка..." (48). Достопримечательна духовная княгини Александры Беззубцевой, "а во иноцех Ефросиньи": "пишу себе память духовную своим целным умом, кому ми что дати и у кого что взяти". Следует перечисление всех должников завещательницы, а затем распоряжение: "да что ся у меня оставляет животов и статков". Начинается оно с деревень купленных и наследственных (49).

Принятие монашества не накладывало никаких ограничений на имущественную правоспособность постригшегося. Он сохранял совершенно то же имущественное положение, каким пользовался в миру. Изменяется это лишь в XVII в.

Уже из этого можно было бы с уверенностью вывести, что белое духовенство в имущественно-правовом отношении находилось в том же самом положении, что свободные люди недуховного звания. Хотя относящихся сюда источников очень мало, но все-таки мы находим подтверждение этого. Мы видим, что попы, как именуют их тогдашние акты, и прочие лица белого духовенства, владеют землями, свободно их продают, закладывают. "Се купи Михайло Офромеевич у попа у Ортемья село в Кехте..." (50). "В тех место земель взял есмь попову Меллентиеву землю". (51). "Се яз старой протодьякон Никита Афонасиев сын занял есми у Пречистенского протодьякона у Федота у Васильева сына у дьяконова пятнадцать

(47) Там же, 111 (1471/75). См. там же, 121 (1435/47); 110 I (XIV в.); АИ I 163 (1536).

(48) АЮ 409 III, ср. 409 V (XIV-XV вв.).

(49) Там же 419 (1546), ср. 422 (1571).

(50) АЮ 71 IX (XV в.).

(51) ДАИ I 14 (пр. 1471).

рублев денег... А в тех денгах яз протодьякон Никита заложил свой двор, в Бакине улице, белой, нетяглой, церковной... А не посеют деньги на срок, на Евдокеин день, ино на тот на мой на протодьяконов Никитин двор ся кабала и купчая грамота, без выкупа" (52).

Таким образом, если подходить к вопросу с имущественно-правовой стороны, надо признать, что в изучаемую эпоху духовное сословие еще не сложилось. Принадлежность к духовному званию никаких имущественно-правовых последствий за собою не влекла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЗЕМЛИ ГОРОДСКИЕ И ПОСАДСКИЕ СЛОБОДЫ.

I.

Источники противопоставляют "сельских крестьян" и "городецких и посадских людей" (1). Соответственно этому города и посады противопоставляются уезду, стану, волости.

Основной смысл, который вкладывала древняя Русь в слово город, ясно вырисовывается в источниках. "И Пречистые Богородици Тихвина монастыря келарь Никон и казначей старец Стефан... сказали: у нас около дому Пречистые Богородицы осада своя, город рубленой и около города рвы и надолбы построены, и для оберегательства у нас днем и ночью монастырьские служки и посадские людшки стоят безпрестани, своими головами, на карауле" (2).

Город это укрепленное место, крепость. Вот описание города Белоозера в писцовых книгах: "город Белоозеро по осыпи рубленой, на нем восемь башен, крыты тесом; в городе двои ворота; мерою город по осыпи 550 сажень с полусаженью" (3). В городе отсиживаются от осады. "Такоже и городная осада, оже ми, брате, самому сести в городе", пишет в. к. Василий Дмитриевич в договоре с к. Владимиром Андреевичем (4). Или "а городная осада, кто где живет, тому тут и сести в осаде" (5).

В городе сосредоточиваются местопребывание властей, служебные места, склады, амбары. "В городе же двор воеводской... При-

(1) АЭ I 263 (1563), ср. ГГД I 33 (1388); АЭ I 36 (1438); 282 (1571), стр. 322.

(2) АЮ 365 II (1657).

(3) Там же, 231 (1674).

(4) ГГД I 35 (1389), стр. 63.

(5) Там же, 78/79 (1451) — договор в. к. Василья Васильевича с бобровским князем Васильем Ярославичем, стр. 179.

(52) АЮ 249 (1579).

казная изба ветха; губная изба; да тюрьма; да сторожня; да по-роховая да свинцовая казна; да губная старая изба, липуг в ней площадное письмо. Место дворовое преосвященного Симона, Архиепископа Вологодского и Белоозерского” (6).

К городу же издревле тянули и купцы. Летопись упоминает купцов во всех известных городах нашей древности. Роль купцов в Новгороде общезвестна. В борьбе Владимира на Клязме с Ростовом и Суздаlem в XII в., купцы выступают рядом с боярами. Связь купечества с городом становится со временем настолько неразрывной, что царский Судебник устанавливает: “а торговым людем городским в монастырях не жити, а жити им в городских дворах” (7). В город же стекались и другие свободные люди, которых земледельческий труд не держал в деревне.

Когда все это население не умещалось уже в пределах городских стен, оно садилось за городом, “на посадах”.

Посад примыкает непосредственно к городским стенам. “А которые мои дворы, пишет в завещании Иван Третий, внутри города на Москве, и за городом на посадах” (8). “В Муроме же на посаде за городом” (9). “Да на Беле же озере за городом, на посаде...” (10). “В Переславле, в городе, на посаде” (11). Посад сливается с городом. “Городецкие посадские люди”, характеризует таможенная грамота (12).

Та же грамота тут же добавляет “и сельские крестьяне”, выделяя, таким образом, или даже противопоставляя одних другим. Это вызывает у нас привычное нам представление с городами и посадами, с одной стороны, и деревней, с другой, как о двух совершенно различных и обособленных экономических категориях.

Однако, это представление не соответствует той картине, которая вырисовывается нам в источниках.

В. к. Василий Иванович адресует грамоту на Белоозеро: “на Белоозеро на посад и в Белоозерской уезд... всем крестьяном, городским и становым и волостным” (13). Наряду с становыми здесь названы крестьяне посадские. Здесь еще можно было бы предположить, что речь идет о крестьянах, которые не сидят на

(6) АЮ 231 (1674).

(7) Судебник 1550 г., ст. 31.

(8) ГГД I 144 (1504), стр. 390.

(9) АЮ 229 (1571).

(10) Там же. 231 (1674), стр. 256.

(11) АЭ I 143 (1506).

(12) Там же, 263 (1563), стр. 291.

(13) Там же, 177 (1533).

земе, о крестьянах непашенных... Никаких уже сомнений быть не может по отношению к грамоте, которую Иван Грозный посылает “на Устюжню Железопольскую, на посаде: старостам и сотским и пятидесяцким и десятцким и всем крестьяном посадским людем” (14). Царь оповещает крестьян, которых он именует посадскими людьми, что он пожаловал “кнж Юрьеву Васильевича княгню, старицу Александру, Устюжною Железопольскою посадом с деревнями, что к посаду”. Крестьянские деревни тянут к посаду.

Еще показательнее дошедшие до нас описания некоторых посадов.

В сотной на Муромский посад мы находим: “нашии у всего посаду с Московские дороги, и перелог и животного выпуска, во всех трех полях худые земаи... 608 четьи” (15). Здесь и перелог, и животинный выпуск, и три поля — совсем как в любом селе.

В описании посада Чаронды различаются дворы пашенных людей и людей непашенных: “да двор пашенного человека, Мишка Иванова; да двор пуст пашенного же человека Гриши Краскова, а нашии его пол чети выти впусе... Да на Чаронде же на посаде непашенных людей дворы... а платят государевы доходы с непашенными крестьяны вместе с рыбные ловли...” (16).

Таким образом, еще в XVI и в первой четверти XVII вв. крестьяне, занимающиеся своим крестьянским, земледельческим трудом, проживают в посадах и обрабатывают прилегающие к посаду поля. Город и посад нераздельно сливаются с деревней в нашем современном смысле слова.

Крестьянская деревня, основная единица, как мы видели, сельско-хозяйственного поселения древней Руси, может так же тяготеть к посаду, как она обыкновенно тяготеет к селу или монастырю. Того резкого различия между деревней и городом, по занятию их жителей, какое мы наблюдаем в современном мире, изучаемая нами эпоха не знала.

II.

Дошедшие до нас описания городов в писцовых книгах дают ясную картину социального состава населения тогдашнего города.

(14) Там же. 279 (1570), стр. 351.

(15) АЮ 229 (1574), стр. 251.

(16) АЮБ II 128 II (1615), ср. там же, 142 II (1622/3), ст. 287, 290 и др.

Уюмянутая выше сотная на Муромский посад (17), начинается с дворов Государя Царя и Великого Князя. Непосредственно примыкает перечисление торговых помещений: "в Муроме на посаде лавки, и сидят в них Муромцы посадские люди со всяким товаром". Идет перечисление по отдельным рядам, улицам и площадям: колачный ряд, соляной ряд, рыбный ряд, мясной ряд, дубенники. Заключается это перечисление указанием: "в Муроме на посаде Царя и Великого Князя двор гостин, а в нем 17 лавок все пусты, да на дворе же две избы, а в них живут приезжие люди, а дворников в них нет". После лавок описываются, также по улицам, дворы по двум отдельным категориям: дворы белые и дворы черные тяглые.

По тому же плану составлены другие известные нам описания городов и посадов.

В 1615 г. были посланы в Чаронду-посад писцы восстановить сожженные литовцами сотные грамоты и писцовые книги. Составленная ими опись (18), после описания погоста с двумя церквями, начинает также с "двора государя царя и великого князя и на том дворе живут государевы воеводы". Затем указаны двор кабацкий, гостин двор, с оговоркой: "а ставил тот двор Дмитриев человек Годунова Второй Хомутов", и церковный двор. Следует перечисление тяглых дворов, сначала людей пашенных, с итогом "и всего на Чаронде было 6 вытей... а в живущем 5 вытей", а затем: "да на Чаронде ж на посаде непашенных людей дворы, а живут в них непашенные люди, а кормятся рыбной ловлей, а платят государевы доходы с пашенными крестьянами вместе с рыбные ловли".

Напечатанная, к сожалению, с пропусками, выпись из Белоозерских писцовых книг (19), позволяет пополнить эту картину некоторыми живыми чертами, ничего в ней не меняя. Выпись даёт описание как города, так и посада.

В городе, как уже пришлось указывать (20), были сосредоточены различные административные учреждения. Там же находился двор архиепископа Вологодского и Белозерского и другие дворы разных служилых людей: "двор заплечного мастера", "два двора съезжие избы сторожей"; "31 место дворовых, что было преже сего осадные дворы розных чинов людей". Тут же указаны "двор мона-

(17) АЮ 229 (1574).
(18) АЮБ II 128 П (1613).
(19) АЮ 231 (1674).
(20) Выше, около прим. 6.

стырской да два места монастырских же; два места помещиковых" (21).

Описание тяглых дворов в опубликованном тексте опущено. Но в оригинале оно имелось, как несомненно следует из дальнейшего текста: "в городе же на Беле озере и на посаде посадских торговых и которые кормятся черною работою и рыбною ловлею и площадных подъячих и приставов, которые из посадских людей и тягло платят с посадскими людьми, и нововыводных поповых детей, и Москвичь суконной сотни тяглецов, 228 дворов" (22).

Что касается посада Белоозера, то здесь картина совершенно тождественна с уже известными нам посадами. Идет сначала описание общественных мест. "Да на Беле же озере за городом, на посаде, церковь каменная, да осмадцать церквей деревянных, да 8 мест дворовых и огородных владеют к церквам; да Государев рыбный двор, где на обиход Великого Государя собирают оброчную рыбу и денежную казну; двор рыбного двора начальных людей на приезд; таможня; гостин двор; кружечной двор; земская изба". Следует описание лавок и дворов, белых и тяглых: "6 дворов да 5 мест дворовых съезжие избы и рыбного двора подъячих... 17 дворов и дворовых мест поповских нетяглых, да они же владеют тяглыми пятью дворами..." При перечислении людей, живущих на этих поповских дворах, рядом с попами и их семьями указаны "и братья с посадскими людьми в тягле".

В этих описаниях городских земельных имуществ можно различить несколько комплексов. Описи имели своей задачей распределить эти имущества с точки зрения их обложения. Но это даёт и достаточный материал для определения правового положения отдельных категорий городских земель.

Первая категория городских имуществ это та, которая обозначается в описях как "Царя и Великого Князя". Сюда входят, прежде всего, имущества, с которых идет доход на Государя: "Царя и Великого Князя гостин двор". Там помещались лавки, о которых опись говорит: "все пусты". Но тут же имелись "дворы гостины жилые", где помещались приезжие купцы-гости: "а дают Государю с году на год по казенной двор с двора по 2 золотых" (23). Тот же характер носит и "Царя и Великого Князя во-

(21) АЮ 231, стр. 255.
(22) Там же, стр. 256.
(23) АЮ 229 (1574), стр. 249.

щечня, а в нея пробивают воск торговые люди, а окупают ее вместе с тамгою” (24).

С современной точки зрения, это имущество государственное. Для нашей древности это имущество “Царя и Великого Князя”, как воплощения государства. Доходы с него идут “на казенной двор”.

Тот же характер носит и помещающийся “на Беле озере за городом, на посаде... государев рыбный двор, где на обиход Великого Государя собирают оброчную рыбу и денежную казну” (25).

Точно так же под понятие царева имущества подводят описи и дворы, где проживают разные категории людей, служащих государю. “Да на Чаронде ж на посаде двор государя царя и великого князя... и на том дворе живут государевы воеводы” (26). “В Муроме на посаде... Царя же и Великого Князя двор поледенной, а ставятца на том дворе Царя и Великого Князя подключники да новары, коли живут у Государя рыбныя ловли” (27).

Не подлежит сомнению, что к той же категории имуществ должны быть отнесены разные присутственные места, которые в Белоозерской описи названы непосредственно за воеводским двором: “а двор воеводской... да место дворое дяческое... Приказная изба; губная изба; да тюрьма; да сторожня; да погреб где пороховая и свинцовая казна; да губная старая изба, пишут в ней планадное письмо” (28). Лишним доказательством того, что эти места рассматривались как государево имущество, является тот факт, что в Муромской описи зеленой двор назван “Царев и Великого Князя двор зеленой” (29).

Особо должны быть поставлены церкви. Правда, в Муромской сотной, главной целью которой было указание сборов и оброков, поступающих с городских имуществ, церкви служат, главным образом, для определения местоположения: “от Николы Чюдотворца Мокрого...”, “от Вознесения к Ивану Предтечи” (30). Зато Белоозерские писцовые книги посвящают им целые страницы. Если из умолчания Муромской сотной можно сделать некоторые отрицатель-

ные выводы, то выписка из Белоозерских книг дает и некоторый положительный материал для определения положения церквей.

“В городе соборная церковь во имя Преображения Господня (следует описание вместе с описанием образов, утвари и т. д.)... а строена соборная церковь и в церкви образы и книги и всякая церковная утварь казною Великого Государя и подааннем всяких чинов людей. Да соборную же церковь вновь строят каменную, казною ж Великого Государя и подааннем же всяких чинов людей”. “На посаде церковь каменная... во имя Успение Пречистыя Богородицы... А церкви и в церквах образы и всякая церковная утварь строение мирское приходских людей”. И эта формула “строение мирское приходских людей” встречается постоянно (31). Это определяет их юридическое положение. Все эти церкви, не исключая соборной, в сооружении которой участвовала царская казна, составляют достоинство соорудивших их прихожан и находится в заведывании епархиального начальства, поскольку ему подчинено обслуживающее церкви духовенство. Из Муромской сотной мы можем сделать вывод, что никакими сборами церкви обложены не были.

Несравненно больше трудностей представляет определение правового положения той категории недвижимых имуществ, которая фигурирует в описях под рубрикой торговых рядов и лавок.

Первое, что останавливает внимание, это оброк, уплачиваемый за лавки “посадскими людьми со всяким товаром”, занимающими эти лавки: “и всего в Большом ряду... 38 лавок жилых, а оброку 6 рублей и 29 алтын 2 денги” (32). Сотная тщательно исчисляет оброк, взимаемый за разные лавки. Повидимому, это не общегосударственный сбор, а городской. За это говорит то обстоятельство, что описи употребляют разные термины для сумм, уплачиваемых государству, и для сбора с лавок. Для последних это неизменно выражение оброк, тогда как для дворов гостиных мы находим: “2 двора гостиных жилых, а дают Государю с году на год на казенной двор с двора по два золотых” или “Царя и Великого Князя во щечня, а в ней пробивают воск торговые люди, а окупают ее вместе с тамгою” (33). Что оброк в городах и посадах городской сбор, на то имеется и другое свидетельство. Описание Белоозера говорит о дворах, “что отдают из земские избы на оброк”. Земская

(24) Там же, стр. 247.

(25) АЮ 231 (1674), стр. 256.

(26) АЮБ II 128 II (1615).

(27) АЮ 229 (1574), стр. 247.

(28) АЮ 231 (1674), стр. 253.

(29) АЮ, стр. 247. Зеленой двор — двор пушечный, ибо зеленник казенная часть пушки. В Муроме имелась целая слобода пушкарей, стр. 249.

(30) См. там же, стр. 249.

(31) АЮ 231 (1674), стр. 253 сл.

(32) АЮ 229 (1574), стр. 247.

(33) АЮ 229 (1574), стр. 249 и 247.

же изба, по определению того же описания, "где сидят земские старосты с посадскими людьми" (34).

Существование городского оброка с лавок еще не разрешает вопроса о принадлежности лавок: были ли эти лавки городским имуществом, сдаваемым в наем, или они принадлежали самим торговым людям и это являлось их тяглом?

Система описания говорит за это последнее предположение. Для каждого торгового ряда дается перечисление лавок с указанием имени посадского человека, торгующего в ней. Каждой лавкой, повидимому, владел отдельный купец, но владение его было оброчным.

Определенным подтверждением этого предположения представляется нам ст. 9 гл. XIX Соборного Уложения, где предписывается торговых людей, которые поселились в слободах, селах и деревнях "от посадов не близко", "а изстари они были посадские ямщицы и в городех у них лавки и всякие торговые промыслы... взять в те же городы на посад на старые их тяглые места и устроити их с тяглыми посадскими людьми" (35).

III.

Главную часть городских и посадских недвижимых имуществ составляли дворы, застроенные, предназначенные для жилья. Рядом с ними описи называют дворовые места, места незастроенные: "4 двора жилых да 6 мест дворовых пустых" (36); "владеют поны пятью дворами да четырьмя местами" (37).

Описи сразу же дают основу для определения правового положения этих дворов. Они распределяют их на две категории: "в Муроме ж на посаде дворы белые"; "в Муроме ж на посаде дворы черные тяглые" (38). Уже из этой терминологии совершенно ясно, что лежит в основе этого распределения. Дворы черные определяются как тяглые, с них идет тягло. В противоположность им с дворов белых тягло не платится.

Вопрос лишь в том, по какому признаку двор включается в ту или другую категорию.

(34) АЮ 231 (1674), стр. 256 и 253.

(35) Соборное Уложение XIX, ст. 9.

(36) АЮ 229 (1574), стр. 248.

(37) АЮ 231 (1674), стр. 256.

(38) АЮ 229 (1574), стр. 248 и 249.

Анализ списков белых дворов дает возможность вскрыть руководящую идею.

Это, прежде всего, дворы занятые служилыми людьми и служилым людом. "На посаде же дворы белые Муромских розсылщиков на зимнем мыту" (39); "31 место дворовых, что были преже сего осадные дворы розных чинов людей, а ныне огорожены огородами"; "6 дворов да 5 мест дворовых съезжие избы и рыбного двора подъячих" (40). Сюда же должны быть отнесены "двор полачь, двор городской воротник" Муромской сотной (41) и "двор заплечного мастера... два двора съезжие избы сторожей" — Белозерской епископии (42).

Все это люди, несущие службу на государя. Двор предоставляется им за службу, как "двор воеводской" — воеводе. Это казенные квартиры. Естественно, что тягла эти служилые люди не несут. Это прямо и подчеркивается в описях. Муромская сотная указывает: "на посаде ж дворы Царевых и Великого Князя мережников... а с черными людьми не тянут ни во что, а ловят на Государя мережную рыбу" (43). В Белозерской описи объясняется: "приставовы дворы с посадскими людьми в живущее сошное писмо не положены, а положен на них денежный оброк, по прежнему, по гривне с двора, потому что они у Государева дела в розыске" (44). Эти дворы белые, ибо они заняты нетяглыми служилыми людьми.

Что касается вопроса об юридическом характере этих дворов как таковых, то, как правило, это дворы государевы, казенные. Они предоставляются за службу. В этом их назначение, того же характера, как назначение приказной избы, губной избы или покровового погребца. В тот момент, как лицо оставляет службу, оно должно оставить и казенный двор. Повидимому, из перечисленных выше дворов лишь "приставовы дворы" не были казенными дворами, а были городским имуществом. Заняты они посадскими людьми, как подчеркивает опись. Но так как живущие в них люди работают на князя, то дворы не положены в сошное писмо, т. е. являются белыми. Пристава должны за них платить, в пользу герцога, денежный оброк.

Есть и другая категория дворов, относимых описями в разряд

(39) Там же, стр. 248.

(40) АЮ 231 (1674), стр. 255 и 256.

(41) АЮ 229 (1574), стр. 249.

(42) АЮ 231 (1674), стр. 255.

(43) АЮ 229 (1574), стр. 248 и 249.

(44) АЮ 231 (1674), стр. 256.

белых. “В Муроме ж, на посаде дворы белые: ...двор владыки Резанского, а живут в нем десятильники; ...двор Причестеньской протопи Трофим”; “В Муроме ж на посаде... место Николсколицикого монастыря игумена с братьею” (45). “Место дворовое преосвященного Симона, Архиепископа Вологодского и Белоозерского, на том месте живут в трех избах посадские люди 8 человек”. “Двор монастырской да два места монастырских же; два места помещицких” (46). Описи указывают, кому эти места принадлежат. Это — епископы, поны, монастыри. Позднейшая опись, второй половины XVII в., называет и помещицкие дворы. Дворы и места эти белые потому, что ими владеют лица и установления, тяглу не подлежащие. То обстоятельство, что в них проживают тяглые люди, как во дворе владыки Резанского или архиепископа Вологодского, ничего в этом не меняет.

До нас дошел актовый материал, касающийся этих городских владений нетяглых людей. Из этого материала мы можем убедиться, что право этих владельцев на их городские имущества ничем не отличалось от их права на внегородские имущества. Они свободно им распоряжаются. “Се яз Афанасий Прокофьев сын Буйносов продал есми свой двор Петру Данилову сыну Скобельцына на белом месте...” (47). Такую же купчую мы имеем на продажу такого двора “на белом месте нетяглом” Вязитцкому монастырю (48). Эти две купчие относятся к Новгороду. Но такую же купчую мы находим и для посада Иенексы (49). Мог владелец белого двора распоряжаться им и безвозмездно. Он мог пожертвовать его. “Се яз... дала есми Пречистой в дом и Чюдотворцу Кирилу игумену Федосью с братьею, и кто по нем ни игумен будет, двор в Каргополе, на посаде, по души мужа своего и по своей души...” (50). Наконец, владелец мог и завещать его (51).

Вообще, все юридические формы распоряжения были открыты владельцу белого двора. “А нет того моего двора (дело идет о дворе “на белом месте нетяглом”), ни в кабалах, ни в записях, ни в духовных грамотах и ни в каких крепостях, и нигде в закладе” (52).

(45) АЮ 229 (1574), стр. 248 и 249.

(46) АЮ 231, стр. 255.

(47) АЮ 91 (1579).

(48) Там же, 94 (1583), стр. 99 (1631).

(49) Там же 90 (1578). Дело идет о белом дворе, покупателем

является Кириллов монастырь.

(50) Там же, 113 (1525), стр. 117 (1580).

(51) Там же, 114 (1559).

(52) Там же, 94 (1583).

Само собою разумеется, что приобрести белый двор от владельца такого двора мог лишь нетяглый человек или церковное установление. Но как стоит дело с первоначальными способами приобретения? Другими словами, каким путем двор становился белым двором?

Здесь мы имеем полную аналогию с внегородскими землями. Как и там, так и здесь овладение землей, “займище”, было для нетяглого человека невозможно, для внегородских земель, потому, что все эти земли почитались черными, принадлежащими князю, в городах же и посадах — потому, что самый порядок образования городов и посадов исключал понятие никому не принадлежащей земли.

Единственно возможным способом первоначального приобретения городского двора нетяглым человеком было пожалование князя. В источниках мы находим ряд иллюстраций этого положения.

“Здесь мне били челом Пречистые Иосифова монастыря старец Тихон... выгумново место в Данилово с братьею, чтобы мне их пожаловать, дати им место в городе во Твери, двор поставить на осаду”. В. к. Василий Иванович удовлетворяет это ходатайство, дает им место “за владычным двором” (53).

Еще любопытнее другой факт. Когда после московского разорения 1613 г. г. Вологодский архиепископ пожелал отстроить двор, которым он владел в Москве, он должен был испросить для этого особую грамоту. “Дали Сильвестру Архиепископу Вологодскому, в Китае городе... старое купленное дворовое место и Сильвестру Архиепископу на том месте двор строити и тем местом владети по старым межам, как владел до Московского разоренья” (54).

Брошенные их владельцами белые дворовые места на становились ничьими, а перечислялись в черные: “и всего мест дворовых белых пустых, которые приписаны к черным дворам в тягле, 75” (55).

Таким образом, были два рода белых дворов: одни — дворы казенные, предназначенные для разных казенных нужд; другие — дворы, принадлежащие лицам нетяглых состояний. Как с тех, так и с других тягло не шло, что и определило их обозначение белыми, в противоположность дворам черным.

Все прочие городские дворы и дворовые места были черны-

(53) Муханов 126 (1521).

(54) АЮ 118 (1613).

(55) АЮ 229 (1574), стр. 251.

ми. Они были предназначены для несения тягла, и потому источники именуют их дворами черными тяглыми. Как и черные земли, заняты они могли быть только людьми тяглыми. Напротив, в смысле занятий никаких ограничений для тяглых обитателей городов и посадов не было. Мы находим между ними и настоящих крестьян, занимающихся земледелием на прилегающих к посаду землях. Это "люди пашенные", "крестьяне пашенные" (56). Есть рыболовы, торговые люди, ремесленники, каменщики, кирпичники, есть люди, которые кормятся черною работою (57). Муромская сотная обнимает их общим именем "молодых людей" (58).

Обитатели черных дворов должны нести с них тягло, и потому эти дворы положены, в целях обложения, в сохи. Свою опись Муромская сотная заканчивает: "а сошного писма во всем посаде, в живущем и впусе, 12 сох без чети, без малой трети и пол-пол-полчети сохи" (59). Различие с сельско-хозяйственной сохою заключалось в единице обложения. "...Опричь нашего Царя и Великого Князя оброку и иных наших пошлин с посадских дворов со двора..., а со хрестьян, которые живут в станех и в волостех, с обжи..." (60).

Черные дворы и места, которые не были заняты тяглыми людьми, сдавались "в оброк из земские избы". Брать их в оброк могли и нетяглые люди. Мы узнаем об этом из Белозерского описания: "17 дворов и дворовых мест поповских нетяглых, да они же владеют тяглыми пятью дворами, да четырма дворовыми и огородными местами" (61).

То же Белозерское описание сообщает и другие подробности, проливающие свет на юридическое положение черных дворов.

"Трех дворовых и огородных мест жилцы посадские люди 19 чел. бродят в мире в Белозерском уезде, и те дворы и дворовые неогородные места... в живущие чети в сошное писмо не положены, для того, что тех дворов посадские люди старые и увечные бродят в мире, а торгов у них и никаких промыслов нет; а положен на них денежный оброк... с двора по 5 алтын" (62).

Не положены в сошное письмо, а обложены оброком дворы и места тройного рода: дворы пустые, сдаваемые "из земской избы в

(56) АЮБ II 126 II (1615).

(57) АЮ 231 (1674), стр. 256.

(58) АЮ 229 (1574), стр. 249.

(59) Там же, стр. 251.

(60) АЭ I 234 (1552), стр. 233.

(61) АЮ 231 (1674), стр. 256.

(62) АЮ 231 (1674), стр. 256.

оброк"; дворы, занятые убогими людьми, которые "бродят в мире", и дворы, занятые посадскими людьми, но работающими на князя (63).

Мы видим, что обитатели черных дворов, городские и посадские черные люди, обложены тяглом совершенно так же, как крестьяне. И порядок обложения здесь тот же, что там. Они так же кладутся в сохи. Муромская сотная, в конце своей сводки, прибавляет: "а верстатись Муромским посадским людем и Ноугородцом меж себя Государевыми подати всякими розметы, вместе самим, по своим животом и по промыслом" (64). Городские и посадские тяглые люди данного города или посада образуют, в смысле податном, такую же податную единицу, как волостные крестьяне. Черные дворы, оставшиеся без владельцем, совершенно так же, как белые дворы, приписанные "в тяглы к черным", попадают в заведывание земской избы, "где сидят земские старосты с посадскими людьми" (65), т. е., представители этой податной единицы.

Для нас эти данные представляют тем больший интерес, что они позволяют подойти к вопросу об юридическом положении черных дворов.

Уже разная манера описывать черные дворы свидетельствует, что было два рода черных дворов: одни, занятые постоянными жильцами, перечисляемые в описях поименно, и черные дворы, фигурирующие в описи под общим наименованием сдаваемых с оброка.

По отношению к этим последним вопросам, с первого взгляда, не возбуждает сомнения. Это дворы, сдаваемые, с точки зрения наших юридических представлений, в наем. Но кому они принадлежат?

Ответ может быть двойкий: это имущество государственное, княжеское, по тогдашней терминологии, или это имущество городское. Последнее предполагало бы, что город и посад в ту эпоху уже приобрели такую административную автономию, что могли быть снабжены и гражданской правоспособностью, т. е. рассматривались уже как самостоятельные юридические лица. Никаких данных для такого предположения в нашем распоряжении не имеется. Напротив того, не только отрицательный факт — отсутствие каких бы то ни было свидетельств о самостоятельном выступлении городов и посадов в юридическом обороте, — но и некоторые положительные

(63) См. об этом выше, стр. 353.

(64) АЮ 229 (1574), стр. 251.

(65) АЮ 231 (1674), стр. 253.

додовы говорят за то, что имущество городов и посадов в ту эпоху еще не выдвинулось из общего государственного имущества. Например, то отмеченное выше обстоятельство, что превращение городского участка в белое место или белый двор требовало княжеского пожалования или распоряжения общегосударственных властей. Приходится склониться к предположению, что городская и посадская территория рассматривалась, подобно черным землям, как государственное достояние. Город и посад выступали пока лишь в качестве податных организаций.

Что касается черных дворов, находящихся во владении отдельных городских и посадских обывателей, имена которых и воспроизводятся описью, то здесь мы вряд ли ошибемся, если скажем, что положение их было то же самое, что положение участка черной земли, занятого крестьянином. Посадский тяглый человек сидел на своем дворе совершенно так же, как крестьянин в своей деревне, и располагал совершенно теми же правами.

Он мог продать свой двор. «Се яз Михайло Олферов сын Осначева... продал есми Ивану Федорову сыну Межникову, Каргополцу, в Турчесове, на посаде, владенья своего. Осначевские деревни (66) осмью долю обжи земли, что есми ту осмью долю купил у Осипа Ершева, с ораемыми землями... и с чем изстари потягло к той осмой доли обжи земли, опричь лавочного места. А продал есми яз Михайло ту осмью долю обжи земли, и с двором... и с поддворною землею..., продал в дернь, без выкупа и вовеки...» (67).

Элементы городского характера, двор, лавочное место, переплетается здесь с чисто сельско-хозяйственными элементами, даже с сенокосом («и сено продал»). Объединяется это все в понятие податном «осмью долю обжи». Черный характер двора и всего объекта подчеркивается в купчей: «и за весь год мне Михайлу с той осмые доли обжи земли дань и оброк и всякие подати платить, до Ильина дни Пророка восьмьдесятото; а впредь потянути Ивану».

В том же Турчесове (в правописании «Турчясове») «около посаду» некто Дураков продал Ивану Межникову, Каргополцу, «владенья своего, по сотной по оброчной, полюбжи земли. Панкратовскую... по купчей, что брат мой Борис купил ту деревню... и с двором, что стоит двор на корчемном месте, и с дворным местом». По той же купчей продана и другая земля, но «без двора и без

(66) Деревня могла тянуть к посаду: «посадам с деревнями, что к посаду» — АЭ I 279 (1570).

(67) АЮ 87 (1571).

дворного места, что купливал брат же мой Борис...» (68). Содержит эта купчая и ту же оговорку относительно дани Царевой, оброка и всяких потуг.

Из этих купчих мы видим, что оборот с черными посадскими дворами был свободен. В последней из приведенных купчих, в оговорке об очистке, упомянута и закладная кабала «на те стодья и на двор». Из нее же можно убедиться, что дворы эти переходили и по наследству. Деревня Панкратовская была унаследована продавцом от брата Бориса.

По всем этим данным надо умозаключить, что право посадского человека на черный двор и право крестьянина на его деревню были совершенно одинаковы.

IV.

Посады возникали не только около городов. Мы встречаем их и около монастырей. Достаточно вспомнить самый известный из них — Троицко-Сергиев. Основание их возникновения было то же самое. В древней Руси города и монастыри были одинаково пунктами притяжения как торгового, так и рабочего люда. Поскольку стекавшийся сюда народ не мог уместиться в пределах стен городских или монастырских, он образовывал посад около города или монастыря.

Юридическое положение создавалось, однако, равное. Городской посад возникал на княжеской территории и тянул к городу, расположенному так же на княжеской территории. Монастырский посад тянул к монастырю, расположенному на своей, ему, монастырской территории.

Счастливым случай, сохранивший ряд актов, относящихся к одному из таких монастырских посадов, позволяет выяснить, с интересующей нас точки зрения, его правовое положение. Это Тихвинский посад, выросший у «Пречистые Богородицы честного и славного ея Успения и чудотворного ея образа Одигитрия Тихвина монастыря».

Монастырский посад носит также характер городского поселения, не только по скученности населения, но и по его торговому характеру. На «черном соборе» Тихвина монастыря в 1666 г., в ко-

(68) Там же, 86 (1568).

тором принимали участие все должностные лица монастыря и все братья, “меж себя говорили: где прежде сего, ...в большом ряду, были лавки Тихфинцов посадских людей, и тем посадским людям в то место подаваны иные лавочные места и лавки у них построены... а те их прежние лавочные места... стоят впусе”. И собор постановляет: “на тех порозжих прежних лавочных местах построи лавки... дому Пречистые Богородицы из монастырские казны; и оброк с тех монастырских лавок приговорили имать в дом Пречистые Богородицы, в монастырскую казну... А что у посадских людей в рядах лавки свои построены, и с тех их лавок приговорили и указали в монастырскую казну оброчные денги собирать по прежнему, как те лавки оброком обложены... в прошлом в 172 году...” (69).

Земля под посадом — земля монастырская. Кушцам до пожара было предоставлено построить лавки. С этих лавок, построенных на монастырской земле, кушцы уплачивают определенный оброк. После пожара монастырь решает самому построить лавки и сдавать их в наймы.

Селиться в монастырском посаде люди могли лишь с разрешения монастыря, совершенно так же, как и крестьяне могли занимать монастырские земли только с разрешения монастыря. Выходцы “из-за Свейского рубежа” бьют челом “Государю Архимандриту Никону”: “поволте, государи, нам дать... жить за домом Пречистые Богородицы на Тихфинском посаде в бобылях” (70).

Когда в обиход входят порядные (71), ремесленные люди, желающие поселиться в посаде, заключают с монастырем совершенно такие же порядные, какие совершали крестьяне. “Се яз Гаврила Михайлов сын... плотник... порядился есми у Пречистые Богородицы Тифина монастыря у игумена Васьяна и у всей братьи Тифина монастыря: жити мне Гавриле у Пречистые Богородицы на Тифине посаде с посадскими людьми, и тягло посадское и монастырское сделье всякое делати...” (72).

Посадские люди монастырского посада люди тяглые. Кроме оброка на монастырь, они должны тянуть и государево тягло. Вышеупомянутые Свейские беженцы обязываются: “а мы учнем с промыслишков своих и с домишков, в Государеву казну подати денеж-

(69) АЮ 69 (1666).

(70) Там же, 42 (1658).

(71) См. Разд. I стр. 107.

(72) АЮ 195 I (1628) и II (1635). Ср. тожественные порядные для крестьян Тихвина монастыря, там же, 194 (1626) и 196 (1630 и 1634).

ные и хлебные и вам в монастырь то же подати платить и монастырския сделья делать, вместе с прочими крестьяны” (73). “Государево тягло” и “монастырское сделье” упоминаются во всех порядных (74), и так же, как для крестьян, до нас дошли поручные записи, данные посадскими людьми за вновь селящихся посадских людей в государевом и монастырском тягле и податях, да и в добром поведении (75).

Посадские люди составляли мир, который выбирал своего “головного старосту” “в мирскую службу”. Он должен был “ведать в мире всякие дела и во всяких мирских делах радети” (76). Высший административный надзор принадлежал монастырю. Он мог издавать “указы”, мы бы сказали, обязательные постановления, нарушение которых влекло уплату пени (77). В особо важных случаях вся монастырская братья, с служками включительно, составляли черный собор, с участием посадских людей. Этот собор мог исключать виновных из числа посадских людей и высылать их из посада (78).

V.

В источниках всех категорий мы находим указания на слободы. Что еще более бросается в глаза, это присутствие слобод на землях всех без исключения категорий. Они были расположены на личных княжеских землях, и князья распоряжались ими в своих завещаниях и жалуют монастырю (79). Имелись слободы и на княжеских черных землях, “черные слободы” (80). Мы знаем “слободку митрополичю” в Караче и митрополичью Борисоглебскую слободку (81). Владели слободами и епископы (82). Колличество слобод, засвидетельствованных нам для различных монастырей, таково, что позволительно усомниться, были ли монастыри без

(73) АЮ 42 (1658).

(74) См. источники, указанные в прим. 72.

(75) АЮ 290 XIII (1666) и 304 (1624-1668).

(76) Там же, 282 (1650).

(77) Там же, 349 I и II (1654).

(78) Там же, 64 I и II (1661 и 1662).

(79) См. завещания Ивана Калиты — ГГД I 22 (1328); Ивана Ивановича, — там же, 25 (1356); Дмитрия Донского, — там же 34 (1389); Ивана Третьего, — там же 144 (1504), а также АЭ I 65 (1460).

(80) АИ III 92 (1620-1648).

(81) Горчаков, Прил. стр. 73 I (не позже 1385) и стр. 28 XXII (1505):

(82) АИ I 162 (1555); АЮ 216 XVIII (1633).

слободы или слободки, столь часто их упоминание в источниках (83). Что касается боярских земель, то достаточно прочесть, как адресует свою грамоту в Суздаль и в Юрьев в. к. Иван Васильевич, чтобы убедиться в наличии боярских слобод: “в мои села и в слободы и в боярские села и в слободы” (84). Наконец, города и посады имеют свои слободы (85).

К этому надо еще прибавить, что кроме индивидуального обозначения слободы с прибавлением, обыкновенно, имени собственно: “слободка Ерусалимская”, “слободка Сафоровская”, мы находим слободы, означаемые по профессии лиц, ее составляющих. Погонная грамота 1589 г. была послана, между прочим, “в стрелецкие слободы и в охотничьи гонные слободы, и в каменщи” (86). Стрелецкую слободу мы находим в Архангельске (87), и даже в монастыре Савы Сторожевского (88), пушкарскую — в Муроме (89). Имелись даже слободы “подмонастырных служни” (90) и “отгородная слобода” (91).

Какой смысл вкладывался в этот столь разносторонний термин?

Уже в древнейших грамотах мы находим его, и притом в многозначительном контексте. Это старейшие, дошедшие до нас договорные грамоты с Новгородом. Договор с тверским князем Ярославом Ярославичем от 1265 г. обязывает этого последнего “ни свобод ставити по Новгородской волости” (92). Договор 1276 г. еще определеннее: “а свободы ти, ни мыт на Новгородской волости не ставити” (93). Так как, повидимому, это постановление князьчичи нарушалось, то договор 1305 г. к аналогичному постановлению: “а

(83) Берем на выдержку: Сретенский женский монастырь — АЭ I 35 (1437/61); Троицко-Сергиев мон., — там-же, 37 (1440); Кириллов мон., там-же, 65 (ок. 1460); Спасо-Евфимьев. мон.: АИ I 88 (1479); Ферапонтов. мон. АЮ 5 (1490); Прилуцкий мон., там-же, 208 I (1547); Никольский Вяземский мон., там-же, 292 (1592); Троицы-Ипатцкой мон., там-же, 297 (1613); Иосифов. мон., там-же, 328 I (1651); Богоявленский мон., там-же, 328 II; Успенский дев. мон., там-же, 356 (1702); Печерский мон.: Р. Ист. Библ. XVII, стр. 345 (1698).

(84) АЭ I 83 (1466/78).

(85) Там-же, I 35 (1437/61); АЮ 229 (1574); 97 (1611).

(86) АЮ 363 (1589).

(87) Там-же, 97 (1611).

(88) Там-же, 287 (1686).

(89) Там-же, 22 (1574), стр. 249.

(90) Там-же, 287 (1687).

(91) Там-же, 328 II (1690).

(92) ГД I 2 (1265).

(93) Там-же, 3 (1270), ср. 8 (1305); 9 (1365); 10/11 (1367).

свобод ти и мытов не ставити” добавляет: “а свобод ти и сел съступитися” (94).

Соединение в одном постановлении “свобод” и мыта позволяет предположить, что Новгород, охраняя свое право взимать торговые сборы с привозимых товаров, выговаривал, чтобы князья, с одной стороны, не “ставили” своих сборщиков, с другой — не ставили “свобод”, т. е. не создавали поселений, освобожденных от уплаты этих сборов. Что речь идет именно о поселениях, видно из постановления последнего договора: “а свобод ти и сел съступитися”: князь должен отказаться от поставленных им свобод и от купленных сел.

“Свобода” — поселение, освобожденное от того или иного обложения. Этимология слова вполне совпадала со смыслом, и это правописание держалось в XIII и в самом начале XIV вв. (95). В XV в. вместо слова “свобода”, в этом значении, мы находим “слободу” (96).

В основе создания такого поселения лежала, непременно, княжеская жалованная грамота. В договоре галицкого князя Юрия Дмитриевича с в. к. Василием Васильевичем первый пишет: “а у кого будут в Бежецком версе грамоты жалованы отца твоего Великого Князя, или твои у Бояр или на слободы, или у иного у кого, и в тех грамотах волен яз князь Юрьи Дмитриевич, кого как хочу жаловать” (97).

Источники дают нам определенную картину создания слобод путем жалованной грамоты.

В жалованной грамоте угличского князя Андрея Васильевича мы читаем: “пожаловал есми Покровского игумена Паисия с братиею... ослободил есми им Покрову Пречистая слободу сбирати по сей стороне Волги... и кого к себе в ту слободу перевозут жити из иных Княжений, а пе из моей вотчины княжения Андрея Васильевича, и тем людем слобожанам ненадобсть моя дань на двадцать лет...” Следует льгота на десять лет для призванных из того же княжества и обычная несудимая грамота (98).

Отличие этой грамоты от обычной льготной в том, что она давалась в связи с созданием нового поселения, которое и получало

(94) Там-же 6 (1305), ср. 7 (1305).

(95) См. только что цитированные грамоты.

(96) ГД I 10/11 (1307). Ср. след. прим.

(97) Там-же 49/50 (1433).

(98) АЭ I 102 (1476).

наименование слободы. Это "грамота на слободу", как обозначает ее вышеупомянутый договор углицкого князя с Васильем Вторым, или "слободская грамота", по выражению грамоты сокольнику Ивану Новгородову, которому дается поручение "копити ему на Великого Князя слободу" (99).

Таким образом, каждая слобода предполагает "слободскую грамоту", особую жалованную княжескую грамоту.

Князь мог давать такую грамоту монастырю или боярину, чтобы тот собирал слободу на себя. Но он мог сам давать поручение кому либо садить или копить слободу на него, князя, на указываемом князем месте. В своем завещании Иван Третий завещает город Боровск "з слободкою со Осны на Шане, что сажил Василей Карамышев... город Медынь да на Шане слобода, что Товарков сажил во Учруж, и с Песочною меньшою и з слободами, что сажил Андрей Картьмазов, да Митя Загряской да Иванко Гладкой" (100).

Только что упомянутые слободы были созданы Иваном Третьим на его личной земле. Этим и объясняется особое их упоминание в его завещании. Но князь создавал слободы и на черной земле. Вышеназванному Ивану Новгородову, сокольнику, были предоставлены по реке Печере обширные пространства с поручением "копити на Великого Князя слободу". Эти места были богаты сокольными седбищами, и вновь возникающая слобода должна была уплачивать оброк соколами и кречетами.

Такая же сокольничья слобода возникла в силу грамоты 1546 г. Митке, Левке и Сенке Блазновым "на лесу на диком Климовском", где у них уже были займища. И на них был наложен оброк "с году на год по три соколы" (101).

Создавались князьями также слободы и по соображениям общегосударственным. Мы видели в Муромском посаде слободу пушкарскую, чтобы обеспечить в Муроме наличие пушкарей, нужных для защиты города. Соображения того же порядка вели к созданию

(99) Напечатана в выдержках с неизданного списка Веселовским, К вопросу о происхождении вотч. режима, стр. 77. Веселовский тоже выражение «копити слободу», вносит в грамоту, воспроизведенную в судебном списке по процессу Пречистенского монастыря — АГР 55 (1511). Нам эта конъектура представляется чрезвычайно смелой. Косте Головину жалуются черный лес с указанием: «а косити ему на Государя и Великого Князя». На слободу никаких указаний. Да и к чему было создавать слободу в черном лесу на Белоозере! Обязанность косить сено на государя вполне оправдывала пожалование.

(100) ГГД I 144 (1504), стр. 390/391.

(101) АИ I 295 (1540), стр. 301 (1548).

стрельцких слобод в Архангельске (102) или ямской слободы в Касимове. Грамота касательно этой последней гласила: "а пожаловал есми своих слобожан в тарханех от всяких своих податей, и их дворы и пашни, за то, что им в Касимове городе на посаде на яму подводы держати, по трое лошадей с выти" (103).

В 1524 г. несколько Двинян нашли "в Двинском уезде, за рекою за Двиною, ключи соляные на речке на Юре, на лесу на черном". В. к. Василий Иванович предоставляет им созывать туда для цыварки соли "людей петяглых и неписменных, добрых, а не ябедников и не татей и не разбойников" (104, 105).

Уже из этой картины возникновения слобод можно сделать определенный вывод относительно правового положения земли, занятой слободами.

Образование слободы, в силу княжеской грамоты, на его личной земли или на черной земле, никаких изменений в положении земли не вносило. Земля оставалась лично княжеской или черной. Изменение податных отношений или даже административно-правового положения на этой стороне не отражалось.

То же самое приходится сказать и по отношению к слободам, возникшим на владельческих землях. Наиболее богатый материал в этом вопросе мы имеем для монастырей, и этот материал не оставляет сомнения, что земля под слободой продолжала рассматриваться как монастырская. "Рождства Пресвятыя Богородицы и великого Чюдотворца Савы Сторожевского монастыря подмонастырных служни и стрельцкой слобод..." (106). Такими же "подмонастырными" именовались и слободы Печерского монастыря (107).

(102) АЮ 97 (1611).

(103) Шишкин, История г. Касимова, 1891, стр. 182-188. Книга осталась нам недоступной, цитируем по Веселовскому, цит. соч., стр. 81.

(104) АЭ I 385 (1524).

(105) Не надо только из наличия жалованной грамоты, данной лицам одной и той профессии, делать вывод, что это слободская грамота. Напр., жал. грамота Ивана Калиты ряду печерских сокольников с освобождением их от повинностей — АЭ I 3 (1328), или подобная же льготная грамота Василья Третьего, который жалует «своих сокольников Переславских, сокольничя пути, что живут в городе Переславе, на посаде — там-же, 147 (1507). Здесь льгота предоставляется лично указанным в грамотах лицам. Или две грамоты Ивана Третьего и Василья Ивановича «своим Руським тонника»; — ГГД I 143 (1504), где льгота предоставляется потомству двух лиц, имевших льготные грамоты со времен Дмитрия Донского. Нет абсолютно никаких указаний на то, что эти лица составляли особое поселение, слободу. Это обычная льгота отдельным лицам.

(106) АЮ 287 (1686).

(107) Там-же, 290 XI (1647).

По отношению к Спасо-Еуфимиеву монастырю дается даже детальное объяснение, почему слобода должна рассматриваться как монастырская: “стала та слобода на их на пашенной на меновой земле на селенкой, которую землю променял бывший Государь Великий Князь Василий Васильевич против...” (108).

Столь же определенно это юридическое положение подчеркивается в тех случаях, когда монастырская слобода возникает на вновь жалуемой монастырю земле. Мы видим это на примере Покровской слободы, о которой шла речь выше. Углицкий князь “ослободил” “им Покрову Пречистая слободу собирать на сей стороне Волги” (109). Монастырю жалуются земля для устройства слободы и тут же предоставляется податная льгота, устанавливается несудимой грамотой судебной-административная власть монастыря, и даются, сверх того, особые торговые льготы: “у тех слободжан, кто станут гости на подворье с иных городов, и наместником и тивуном и всем пошлинником не являются, ни пошлин не дают никоторых, опричь церковных пошлин; а являются игумену с братьею или их приказщику”.

Для других категорий землевладельцев, в частности, для “боярских слобод”, наши источники не сохранили сведений. Но не подлежит никакому сомнению, что и здесь юридическое положение было то же. Боярская слобода оставалась таким же владением, каким были все прочие боярские земли. Для митрополичьих слобод это прямо вытекает из жалованной грамоты Ивана Грозного, которой он жалует “митрополичих крестьян, которые живут в Переславле Залесском, в его митрополиче Борисоглебской слободке” (110). Если крестьяне, живущие в слободке, митрополичьи, то и земля, на которой стоит эта слободка, митрополичья. То же и для епископских слобод. В платежной расписке по уплате кормовых денег мы читаем: “по отпискам Вологодского Архиепископа Варлама, с домовых его Софейских вотчин, Лежского волоку, и Засодемской волости, и Николские слободки...” (111).

Не составляют в этом отношении исключения и городские и посадские слободы. Правда, если слобода образовывалась в городе или посаде из людей служилых, стрельцов, пушкарей, то занимаемые ими дворы становились белыми. Но это не значит, что меня-

лось юридическое положение земли под этими дворами. Различие белого и черного двора определялось не характером земли, на которой он был расположен, а качеством лица, владеющего двором. Как только двор оказывался во владении нетяглого человека, он становился белым.

(108) АИ I 148 (1547).

(109) АЭ I 102 (1476).

(110) Горчаков. Прил. стр. 28 XXII (1565).

(111) АЮ 216 XVIII (1633).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПЕРВИЧНЫЕ ФОРМЫ ПОМЕСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ.

I.

Мы видели, при изучении митрополичьего землевладения, что неведомый митрополитами принцип “извечности”, неотчуждаемости церковных имуществ привел, в практике митрополичьего обихода, к созданию особой формы поземельного права, дающей владельцу такие же права владения и пользования, какими пользовался всякий свободный землевладелец, но лишаящей его права распоряжения имуществом (1). Получающий землю от митрополита не мог передать своего права никому другому, ни при жизни своей, ни на случай своей смерти. Право его было чисто личным и прекращалось с его смертью. Формой этой митрополиты пользовались в различных целях: для обеспечения своих служилых людей, для колонизации принадлежащих им земель или даже для вознаграждения за прежнюю службу.

Актовый материал, сюда относящийся, довольно обширный, не дает, для обозначения этой формы, никакого технического термина. Но один судный список конца XV в. содержит на этот счет очень любопытные указания. В этом списке воспроизведена жалованная грамота митрополита Симона, касающаяся именно такого предоставления митрополичьей земли: “пожалова есмь Некраса да Дрозда, Васильевых детей Юрьевича, церковными Пречистые Богородицы и Святых Чудотворец Петра и Алексеа и Ионы и своими митрополскими деревнями с селни всеми... а ведают и пашут те деревни и селница Некрас да Дрозд на себя; а кто у них в тех деревнях учнут жити христиан, и тех своих христиан Некрас да

(1) См. об этом выше главу седьмую § IV.

Дрозд ведают и судят сами; а в прок им себе тех деревень и селищ, и что к ним изстарини потягло, ни освоить, ни продать, ни закабалить, ни по душе не дать, ни иною некоторою хитростию от церкви Божией не отставить, занеже те деревни церковные Пречистые Богородицы и Святых Чудотворцев Митрополитов Петра и Алексеа и Ионы и наши митрополские изстарини” (2). В грамоте воспроизведены все типичные черты этого института, но никакого технического обозначения ему не дано. Однако, в течение процесса владельцы этой земли “так ркли: те, господине, деревни и починки изстарини земли митрополские Селецкие; а нас, господине, теми деревнями и починки пожаловал Симон Митрополит в поместье, а се грамота, господине, наша жалованная митрополская пред тобою”. Владелец называют это пожалование пожалованием “в поместье”.

Употребление этого выражения на суде несомненно свидетельствует, что в ту эпоху это было уже выражение общепотребительное. Мы находим его в ту же эпоху и в других актах, касающихся церковного землевладения (3). Это дает полное основание предположить, как это уже сделал Неволин, что самый термин “поместье” родился в церковной среде и есть перевод греческого *τοπίον* (4).

Если эта форма землевладения зародилась, как мы видели, в области митрополичьего землевладения, то и ближайшее его развитие продолжалось также в церковной среде. Мы имеем целый ряд свидетельств предоставления земли в пожизненное пользование со стороны монастырей.

В докладной Новинского митрополичьего монастыря митрополиту от 1474 г. мы читаем: “дали есмя Григорью Дмитреву сыну Лыкова пустошь церковную Пречистые Богородицы и свою монастырскую... и тое ему церковные земли пречистые Богородицы не освоити, ни продати, ни меняти, ни отдати никому: земля церковная Пречистые Богородицы Нового монастыря монастырская” (5). От 1486 г. дошла до нас запись, данная тому же монастырю: “Доложа господина Геронтия, митрополита всеа Руси, се яз Иван Гасильевич Ощера емлю, господине, у твоего Новинского игумена у Варсупофья и у его братии старцев, землю церковную Введенья Пречистые Богородицы Новинского твоего монастыря, село Кудрино, что было за Ивашкою за Товарковым; а емлю, господине, то се-

(2) АЮ 8 (1496/505).

(3) АЭ I 84 (1466/73) и Пискарев № 9, см. о них ниже.

(4) История Российских Гражданских Законов, т. IV, 1857, стр. 196.

(5) АЮБ I 69 I (1474).

ло Кудрино до своего живота... И мне Ивану Васильевичу того церковного села... не освоивати, ни жене, ни детям не дати, ни продати, ни менить, ни отдати никому... та земля Кудрино село церковное Введеня пречистые Богородицы Нового твоего монастыря" (6). В 1492 г. Сава Микифоров не только получает от того же Новинского монастыря пустошь, но митрополит предоставляет ему и жалованную грамоту на эту землю: "а придасть Бог крестьян сзывати, и тому Саве не надобеть с митрополичими новинскими крестьяны тянути ни в дапь, ни в ям, ни в митрополиче дело, ни в монастырское дело, ни в розметы, ни в какие проторы на четыре годы" (7).

По каким основаниям монастырь предоставил земли Ивану Ощере и Саве Микифорову, мы не знаем. Может быть, это было вознаграждение за службу. Но с полной уверенностью можно сказать, что в других случаях монастырь давал свои земли в пожизненное пользование по иным основаниям. Упомянутый Григорий Лыков дает позже митрополиту Зосиме запись, по которой обязывается "давать Новинскому монастырю игумену с братьею оброком с году на год полтину, а земли не освоивати... а после моего живота в дом Введения Пречистые Богородицы" (8).

Еще своеобразнее другая сделка того ж монастыря. Он продает свою землю в пожизненное пользование. "Купил есми... Нетиво селище Саского села... оброку дати...". А затем идет обычная формула в еще более яркой формулировке: "а мне того селища в прок себе и моим детям и моему роду не освоивати, ни продати, ни променяти, ни в заклад не заложити, ни по душе не дати, ни иною никакою хитростью от церкви Божьей не отставити" (9). Личный, пожизненный характер приобретенного права оттенен особенно ярко.

Все эти свидетельства относятся к митрополичьему монастырю, усвоившему митрополичью практику. Но до нас дошли примеры предоставления монастырских земель в поместье и для немитрополичьего монастыря, Солодшинского, в Рязанском крае. Здесь мы находим совершенно ту же картину, причем мотивы предоставления монастырем его земель в пожизненное пользование также различны.

Князь Федор Васильевич берет у монастыря деревню Сильчино "до своего живота" и обязывается уплачивать за нее "по полтине на год". Акт заканчивается признанием: "и то деревня Сильчи-

(6) Там-же, 69 II (1486).

(7) Горчаков, Прил. стр. 82, № 9 (1492).

(8) АЮБ III 18 IV (1492).

(9) Там-же, 69 III (000).

но Пречистые монастыря Солодшинского и архимандрича с братьею" (10). В другом случае земля дается за оброк (11).

Наиболее интересен для нас акт, совершенный тремя братьями Фениными, ибо здесь употреблен уже термин "поместье" для обозначения характера сделки. Братья "бьют челом Орхимандриту Дософею Пречистые монастыря Солодшинского о поместьи, и Орхимандрит Дософей, поговоря с братьею, да нас пожаловал починком Ройкинской поляной". Братья обязываются "тое деревни починка Ройкинскую поляну не осваивать, но окняживать, ни продавать... а то деревня починок и земля Преподобного Солодшинского монастыря и Орхимандрита Дософея с братьею" (12).

Самое достопримечательное, что мы имеем пример предоставления земли в поместье не монастырем, а монастырю. Мы узнаем об этом из жалованной грамоты в. к. Марьи Ярославны, данной ею по челобитью Троицко-Сергеева монастыря. В этой грамоте великая княгиня пишет в Нерехту свои тиуну и праветчику: "бил ми челом Троицы Сергиева монастыря игумен Спиридоней с братьею о том, что им дал в дом Живоначальныя Троицы Василей Борисовичь селцо Егорей Святый в поместье, в моей волости в Нерехте, к их селцу к Лихоревскому, и на то селцо Егорьевское и на Лихоревское и на деревни моей Великия Княгини грамоты жалованныя у них нет..." (13). Великая княгиня приказывает "ходить" по ее жалованной грамоте, данной на другие села.

Почему пожертвование селца Егорьевского Троицко-Сергиеву монастырю обозначается как пожертвование поместья, с уверенностью сказать трудно. Самое вероятное, что жертвователю предоставил это селцо монастырю на срок, до конца его, жертвователя, жизни, и монастырь в челобитной употребил обычное уже в ту эпоху в церковном обиходе выражение для обозначения такого владения. Княгиня же восприняла термин, употребленный в челобитной.

Как бы то там ни было, до конца XV в. мы нигде не находим этой формы землевладения, кроме как в церковных отношениях. Нет ни одного свидетельства, которое позволило бы утверждать обратное (14).

(10) Пискарев, № 9 (1502).

(11) Там-же, № 12 (1512).

(12) Там-же, № 10 (1510). Та-же грамота напечатана в АИ I 118 (1510).

(13) АЭ I 84 (1466/78).

(14) Содержащаяся в «родовом письме» Шиловских, — Юшков стр. 13 — фраза «а Григорью Давыдовичу за его честь околицу бортную... помесную и бортную землю...» (эпохи в. к. Рязанского Ивана Федоровича — 1427-1456), никакого отношения к поместьям не имеет.

Наши исследователи поместий ссылаются на распоряжение Ивана Калиты в его втором завещании, относительно села Богородского: "а что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Борису Ворякову, оже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним, не иметь служити детем моим, село отнять" (15).

Это свидетельство можно привлекать к изучению понятия поместья, лишь если совершенно игнорировать исторический ход развития понятия поместья и вносить в самое понятие черты, внесенные в него лишь в результате долгой исторической эволюции.

Смысл распоряжения Ивана Калиты совсем другой. Несомненно, когда Иван Калита дал село Борису Ворякову, он никакой особой юридической формы для этого не выдумывал. Иначе ему и не надо было оговаривать это особо в завещании. Это лишь применение Иваном Калитой того принципа, который был провозглашен Новгородцами в их договоре с тверским князем: "а кто имеет бояр или слуг Новгорода Великого... служити тебе, а что их села или земли и воды, то ведает Великий Новгород, а тым бояром и слугам не надобе" (16), или которым руководился позднее Иван Третий, распоряжаясь в завещании: "а Бояром и детем боярским Ярославским с своими вотчинами и куплями от моего сына от Василья не отъехать никуда; а кто отъедет, и земли их сыну моему" (17). Тут уже прямо указано, что речь идет об обычных боярских владениях. Ничего общего с поместьями это не имеет. Это проявление ограничения свободного права боярского отъезда. Ни в каком отношении к образованию новой формы землевладения это не стоит.

II.

Вторичное появление поместья на исторической арене, на сей раз в общегосударственном масштабе, было связано с ликвидацией независимости Новгорода Иваном Третьим.

Чтобы обезопасить себя в политическом отношении со стороны Новгорода, Иван Третий задумал и осуществил небывалое по тогдашним временам перемещение населения. Он заявляет Новгородцам: "хотим господарства на свое отчине Великом Новгороде так же как наше государство на Низовской земле на Москве... Ино

(15) ГГД I 22 (1328).

(16) Там-же, 28 (1368), стр. 47.

(17) Там-же, 144 (1504).

на чем великим князем быти на свое отчине волостем быти, селом быти как у нас на Низовской земле". И великий князь потребовал, чтобы "наша отчина Великий Новгород дали нам волости и села, понеже нам великим князем господарство свое держати на своей отчине Великом Новгороде без того нелзе" (18). Новгород удовлетворил это требование, и великому князю были переданы сначала волости новгородского владыки, затем осужденных посадников и бояр, и, наконец, бояр, поступивших на службу великого князя (19). Затем, Иван Третий приступил к осуществлению второй части задуманного плана. "Поимал, рассказывает летопись, князь великий в Новгороде вотчины церковные и роздал детям боярским в поместье" (20). "Князь велики Иван Васильевич переведе из Великого Новгорода многих бояр и житых людей и гостей... и жаловал их на Москве давал поместья... А в Новгород в Великий на их поместья послал Москвичь, лучших многих, гостей и детей боярских" (21).

Новгородские писцовые книги конца XV и начала XVI вв., а также актовый материал, опубликованный Самоквасовым (22), дают возможность представить себе более детально картину превращения земель Новгородцев в земли великого князя и насаждения там поместий.

Как нам приходилось уже отмечать (23), Новгородские писцовые книги построены по совершенно определенному плану. Раньше всего описываются земли, перешедшие во владение великого князя, т. е. остающиеся за князем, "великого князя волости оброчные". Следуют земли казенные, переданные отдельным лицам, с указанием поименно лица, коему земля передана в поместье. При этом всегда упоминается прежний новгородский владелец. "В кречневском же погосте великого князя деревни оброчные старые или новосведенных бояр"; "великого князя волость оброчная Стерж бывала Пречистые Аркажева монастыря"; "в. к. волости Васильева Меднова за Ушаком за Первого сына Кишкина в поместье"; "в Локотском же погосте в. к. деревни Якушевские да Фоминские Василь-

(18) Никоновский сп., стр. 181, 182 и 183, под 1478 г.

(19) Новгород. лет., стр. 56 (под 1478).

(20) Псковская лет., стр. 220, под 1489 г.

(21) Там-же, стр. 220 (под 1500 г.).

(22) Самоквасов, Новооткрытые документы поместных вотчинных учреждений Московского Государства XV-XVII в., I, 1905, П 1909.

(23) См. выше Разд. II, глава пятая, около прим. 47.

евых детей Радомского в поместье за Митею за Алексеевым сыном Лихачева”.

Таким образом, земли, принадлежавшие новгородским боярам, “боярщины”, как обозначают их писцовые книги, а равно и земли монастырские и те, “что были владычные”, перешли во владение государства и получили двойное назначение. Одни были обращены в доходную статью казны, стали оброчными землями, как были все черные земли. Другие были переданы частным лицам в поместье.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что предоставляя бывшие новгородские владения в поместье, Иван Третий имел в виду ту юридическую форму, которая в ту эпоху уже окончательно укрепилась в практике церковных земель.

Уже вводная формула, употребляемая в книгах: “великого князя волость... в поместье за...”, “великого князя деревня... в поместье за...” тождественна с знакомой нам формулой “земля Пречистые Богородица церковная... а пожаловал в поместье...” Актовый материал дает свидетельства полного тождества этого введенного Иваном Третьим поместья с церковными поместьями.

До нас дошли восемь жалованных грамот Ивана Третьего на поместья, из коих семь относятся к Новгороду (24). В этих грамотах, равно как в грамотах преемника Ивана Третьего, в. к. Василия Ивановича, вполне отчетливо вырисовываются юридическая структура поместья.

Земля жалуются одному или нескольким лицам пожизненно. Со смертью лица или лиц пожалованных право прекращается. Чтобы право на землю перешло к сыну, необходимо, чтобы это было прямо указано в грамоте: “пожаловал есми Афонасия Иванова сына Мосеева, да сына его Федора...” (25). Когда такой оговорки не было, земля могла перейти к сыну лишь в силу специального пожа-

(24) 1) 1482 г. детям Воробина—Самоквасов, I Прил. (Отд. 2-ой) 63а; 2) 1490 г. Васюку Тыртову, там же № 73; 3) 1492 г. сыновьям Черныца-Паюсова, там же, № 66; 4) 1493 г. Семену Огареву, там же, № 70 и 71; 5) Самоквасова в Хронологическом указателе, стр. 157, неправильно указано 1503 г. — в актах дан 7001; 6) 1502 г. Афонасию Иванову сыну Мосееву с сыном — Самоквасов, № 75; 7) другим четверем сыновьям Ивана Мосеева, там же, № 72. Восьмая грамота, 1488 г. двум братьям Шенурным и сыну одного из них, относится к Галичу — Русский Исторический Сборник, т. V, стр. 15 — о ней см. ниже.

(25) Самоквасов, № 75; Русский Ист. Сб. V, стр. 15: «пожаловал есми Микитку да Юрку Шенурных и сына Микиткина, Осташа»; ср. АЭ I 141 (1505); «Борису Бороздину и сыну его Феодору».

лования. Федка и Ондриец Черныцове дети Паюсова получают в поместье земли, “что были за их отцом за Чернцом” (26).

Какие основания побудили Ивана Третьего применить к москвичам, переселенным на конфискованные новгородские земли, и к новгородцам, переселяемым на их места на Москве, именно эту новую форму землевладения, это ясно само собою. Этим сразу достигалось несколько целей. Хозяйство, заведенное на этих землях не разрушалось, только на место старых владельцев становились новые. Лица, лишенные своих земель, не обрекались на нищенство. И в то же время все лица, посаженные на новые земли, становились в полную зависимость от князя, ибо земля, на которой они сидели, находилась в его распоряжении. С политической точки зрения, это был главный результат произведенной Иваном Третьим операции.

В сущности, если подходить к этой операции с экономической точки зрения, а не с правовой, новым владельцам предоставлялась пожизненная рента в единственно возможной, по экономическим условиям того времени, форме.

Интересно, что это было тогда уже осознано. Грамоты гласили, что села и деревни жалуются “з доходом денежным и хлебным по старине”. Так как в пользу князя удерживался единый оброк со всей обрабатываемой земли, под наименованием обожной дани, то к этим словам добавлялось: “оприч наших великих князей обожные дани”. С этой стороны особенно любопытны добавочные постановления, содержащиеся в так наз. отдельных грамотах. В этих грамотах, после перечисления обож и дохода с них, грамоты добавляют: “и Семену с тех обож тот доход весь имати на себя оприч великих князей обожные дани. А что с тех обож Семен возмет себе и своим людем обож на пашню, и ему с тех обож на крестьянех своих доходов не имати; а что прибавит на крестьян своего доходу, и он в том волен, только бы было не пусто, чтобы великих князей дань и посошная служба не залегли; а доспеет пусто, и Семену платити великих князей и дан и посошные службы самому; а от великих князей быти ему в опале” (27).

Получающему поместье ставится в обязанность, если он уменьшает крестьянскую пашню, освобождать крестьян от соответствующей доли платежей. Ему не воспрещается увеличивать свой доход с крестьян, но при условии, что от этого не пострадает обожная

(26) Самоквасов, № 66 (1504).

(27) Самоквасов, № 71 (1493); совершенно также, там же, № 76 (1502).

дань и посошная служба, причитающиеся князю. Он делает это на свой страх. Если крестьяне уйдут с земли, он ответственен за платежи пред князем и, что еще страшнее, ему угрожает опала.

Никакой связи между поместьем и обязанностью службы Иван Третий не устанавливает. В этом отношении Иван Третий не отклонился от своего образца, церковного поместья. Как мы видели, иногда митрополиты и монастыри давали поместья за службу, но это отнюдь не было характерной чертой поместий, которые давались и по иным основаниям. За исключением одной, в известных нам поместных грамотах Ивана Третьего, не содержится никакого указания на связь поместья с службой. Только в Шенуринской грамоте содержится приписка: "доколе служит Микитка да Юрка да Микиткин сын мне и моим детям" (28). Нужно отметить, что жалдуемая Шенуриным деревня именуется "великого князя деревнею Шенуриною". Повидимому, великий князь отнял у Шенуриных их вотчинную деревню, и возвращает им ее в поместье под условием службы.

Материал, относящийся к поместным жалованным грамотам в. к. Василия Ивановича, сына и преемника Ивана Третьего, скуден. Тем не менее, он дает нам полное основание утверждать, что Василий Иванович следовал в этом вопросе по стопам своего отца.

Он строго различает пожалования в вотчину и пожалования в поместье. В первых он определенно говорит: "пожаловал есмь Василия Тимофеева сына Алексева... своими Великого Князя деревнями черными в вотчину" (29), или "а пожаловал есмь князь Юрья и князя Семена... теми селы з деревнями и с пустошми впрок им и их детей" (30). Рядом с этим в грамоте Борису Бороздину и его сыну Федору он жалует в Новоторжском уезде "селом Гавшиным с деревнями, что были то сельцо и деревни за Ондреем за Слизневым в поместье с оброком с денежным и хлебным" (31). Совершенно так же он жалует "Орину Игнатову жену Андреева сына Нарбигова да сына Игнатева Иванца в своей отчине в Великом Новгороде ...деревнями, что были зо Орининым мужем, а за Иванцовым отцом в поместье" (32). Такое же пожалованье в поместье мы должны принять в грамоте отцу Чирикову и сыну Чирикову на

(28) Русский Исторический Сборник V, стр. 15 (1488).

(29) АЮБ I 30 III (1516).

(30) Юшков, 80 (1510).

(31) АЭ I 141 (1505).

(32) Самоквасов, № 103 (1526).

черные деревни в Ярославле (33) и братьям Сушковым (34). Отсутствие определенного указания на то, что деревни жалуются в вотчину, заставляет принять пожалование в поместье. Две грамоты 1523 и 1525 гг. содержат пожалование земель в Шелонской пятиле Новгородской области в дополнение к существующим уже поместьям: "придал ему к старому его поместью" (35). Имеются указания и на другие пожалования Василия Ивановича в поместья. В процессе 1539 ссылаются на грамоту Василия Ивановича от 1507 г., где он жалует "своего сытника Курбатва Третьякова починком Крутым". Свидетель в процессе показывает об этом починке "то земля изстари государей моих поместная" (36). В развезжих грамотах 1529 и 1536 гг. упоминаются поместья Ивана Чулкова и его детей (37).

По отношению к эпохе в. к. Василия Ивановича мы можем констатировать одно: во всем относящемся сюда материале нигде ни малейшего указания на связь между пожалованием поместья и обязанностью службы.

Лишь в царствование внука Ивана Третьего, Ивана Грозного, в связи с предпринятой грандиозной земельной реформой, появляется идея службы земли, и поместью отводится при этом первенствующая роль.

(33) Юшков, 81 и 82 (1511).

(34) Там-же, 83 (1511).

(35) Самоквасов, № 69 (1523) и 119 (1525).

(36) АГР 49 (1539), стр. 59.

(37) Там-же, 36 (1529) и 46 (1536).

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

I.

Мы попытались извлечь из имеющегося в нашем распоряжении документального материала все, что может послужить для характеристики правового строя поземельных отношений, в эпоху между XIII и второй половиной XVI вв.

Три столетия — большой период времени даже для такого крупного социального тела, каким являлась наша страна уже в ту эпоху. В этот период Россия пережила и большие потрясения, и крупные политические перемены: татарское иго, возвышение Москвы, смену удельной Руси единоподержавным государством.

Тем более удивительным представляется то единство, которое мы находим в полученной картине. В основных чертах все те формы поземельных отношений, которые мы встречаем в начале изучаемого периода, сохраняются до того момента, когда реформы Ивана Грозного начинают новый период истории русского поземельного права. Можно, конечно, обнаружить известную эволюцию, констатировать наличие некоторых новых явлений, но в общем это тот же самый строй отношений.

То, что более всего бросается в глаза в открывающейся картине современному исследователю, это многообразие форм поземельных отношений. Мы привыкли оперировать в этой области немногими абстрактными категориями. Мы говорим о собственности, о пожизненном владении, об аренде. С каждой из этих категорий для нас связана совершенно определенная система прав и обязанностей, и в эту схему мы укладываем все разнообразие современных отношений по земле.

Совершенно иное находим мы в нашем средневековьи. Обследуя по отдельности каждую из категорий земель, о которых говорят нам источники, земли княжьи, земли служебных князей, земли бояр, земли слуг, земли "земцов", земли монастырские, митрополичьи, епископские, черные земли, наконец, земли городские, мы всюду на-

ходим особые правовые черты, отличающие данную группу правообладания от прочих.

Это многообразие связано с тем, что можно обозначить как субъективный характер форм поземельного правообладания. Характер права зависит от личности правообладателя, субъекта права, определяется его социальным положением.

Здесь, прежде всего, резко обособляются две группы населения: население тяглое и население свободное от тягла. Право первых на землю носит своеобразный, совершенно отличный от прав прочего населения, характер, все равно, идет ли дело о сельскохозяйственных землях, или городских.

Когда тяглый человек оседает на землю, чтобы обрабатывать ее, он становится, по тогдашней терминологии, крестьянином. Он приобретает на обрабатываемый им участок настоящее вещное право, из которого вытекают и соответствующие правомочия: право владения, право пользования и даже право распоряжения в тех пределах, в каких право принадлежит ему самому, т. е. со всеми теми ограничениями и обременениями, какие лежат на нем. Эти обременения и ограничения и есть та особенность, которая характерна для права тяглого человека. Можно сказать, что право это носит трудовой характер. Оно ему принадлежит, пока он трудится на земле. Если он землю бросает, не заменив себя другим тяглым человеком, он утрачивает свое право на нее. С другой стороны, он должен оплачивать свое право из продуктов своего труда. Это и есть лежащее на нем тягло. Если земля черная или лично княжья, все тягло идет князю. Если крестьянин сидит на земле какого либо землевладельца, тягло распределяется между князем и землевладельцем.

Тот же характер носит и владение тяглого человека в городах и посадах. Чем бы он там ни занимался, ремеслом ли, торговлею, черной работой, земледелием или иными сельскохозяйственными промыслами, он должен был нести тягло с занимаемого им двора. Двор становился черным. Бросая свой двор, тяглый человек лишался его.

Со времени Неволлина, у нас принято говорить о тяглых землях. Эту терминологию можно принять лишь с оговорками. Не земля как таковая являлась в древней Руси тяглою. Только люди были тяглыми. Эти тяглые люди могли свободно оседать на черных землях, принадлежащих государству. Только тогда и только постолько земли эти становились тяглыми. Этот процесс оседания

тяглых людей на незанятых пространствах сначала Европейской России, а с XVII в. и Сибири, и был основным процессом русской колонизации. Та же черная земля, поскольку князья предоставляли ее для занятия нетяглыми людьми, что мы наблюдаем в Европейской России, но не в Сибири, переставала быть черной, но не становилась тяглой.

И в городах все дворы, в исходном моменте, были черными, так как они принадлежали государству. Если их занимали тяглые люди, дворы становились черными тяглыми. Дворы становились белыми, если их занимали люди нетяглые.

Но и оставая в стороне поземельные права тяглых людей, с их своеобразным характером, землевладение людей нетяглых проникнуто тем же субъективным характером. Социальное положение свободного землевладельца отражается на его праве на землю. Права владетельного князя на его дворцовые села и деревни в значительной степени окрашены тем, что современный юрист назвал бы публично-правовым элементом. То же самое нужно сказать относительно земель служебных и бывших удельных князей. Здесь, однако, эти публично-правовые элементы постепенно идут на убыль. Совсем исчезают они только в мероприятиях Ивана Грозного.

Даже право на землю иерархов церкви несвободно от публично-правовых элементов. Только поземельное право монастырей и той категории лиц, которая объемляется в источниках наименованием земель боярских, приближается к нашему понятию частного-правового отношения. Да и те жалованные грамоты приносили сюда элементы, выходящие за пределы частного права.

Особый характер крестьянского права на землю, как права трудового, вел к тому, что оно не имело того исключительного характера, каким обладали права на землю свободных землевладельцев. Когда крестьянин оседал на черную землю, права государства на эту землю не претерпевали никакого изменения. Земля лишь из бездоходной превращалась в доходную. Князь попрежнему мог распорядиться этой землей, предоставив ее во владение свободного землевладельца. Фактически это вело к распределению крестьянского тягла между государством и землевладельцем. Юридически это означало наследие на одной и той же земле двух прав различного характера. Поселение крестьянина на частно-владельческой земле предопределяло только форму хозяйничанья на этой земле, ничего не меняя в юридическом положении земли. Землевладелец оказывался ограниченным вещным правом крестьянина на землю.

II.

Можно ли, оставляя в стороне крестьянское право на землю, подвести все формы свободного землевладения нашего древнего права под одну юридическую категорию?

Как известно, наша историческая наука дает на этот вопрос утвердительный ответ. Такой категорией является для нее понятие вотчины. Все вышеперечисленные категории землевладельцев были, для нее, вотчинниками. Понятия “вотчинное право”, “вотчинный режим” были усвоены нашей наукой.

Обследование источников привело нас к убеждению, что тот смысл, который вкладывала в слово вотчина наша древность, совершенно не соответствует этому словоупотреблению. Вотчина, по своему основному смыслу, сохранившемуся вплоть до XVI в., означает княжение, ту территорию, на которую распространялась власть князя. Если Иван Третий заявляет Новгородцам: “хотим господарства в своей вотчине Великом Новгороде” или если в процессе конца XV в. судьи говорят: “грамоту... что дал вам Князь Иван Андреевич... а Князь Иван был не вотчен” (“вотчен” был князь Михаил Андреевич), то не может подлежать ни малейшему сомнению, что обозначал тогда термин вотчина.

Правда, мы видели, что с течением времени слово вотчина начинают употреблять для обозначения всякого владения, доставшегося от отца, идет ли речь о владении-княжестве, или о земельном владении. Но определенного юридического смысла в это выражение и тогда не вкладывали. Только в эпоху Ивана Грозного, поставившего наше земельное право на иные основания, слово вотчина начинает употребляться как технический термин для обозначения наследственного владения в противоположность поместью.

Но и независимо от исторической необоснованности подобного словоупотребления, если даже принять условно термин “вотчина” для обозначения права собственности, в современном смысле, то и тогда попытка подвести разные формы землевладения в XIII-XVI вв. под это понятие окажется совершенно несостоятельной.

Конечно, в каком то, самом общем, смысле, в смысле теоретико-познавательной категории, для обозначения всякой формы освоения человеком земли, понятие собственности объемлет и описанные явления XIII-XVI вв., включая даже право крестьянина на землю. Но конкретное содержание, вкладываемое в эту теоретико-познавательную категорию в различные исторические эпохи, у раз-

личных народов, бесконечно разнообразно. Раньше, нежели применять это понятие для характеристики исторических явлений, необходимо условиться, какое содержание мы вкладываем в термин собственность. Если говорить о праве собственности в том смысле, какой оно получило в теории после рецепции римского права, какой был усвоен кодексами конца XVIII, XIX и начала XX вв., какой, наконец, был воспринят нашим правом в законодательстве Екатерины Второй и введен затем в Свод Законов, — не подлежит ни малейшему сомнению, что к явлениям нашей истории XIII-XVI вв. это понятие применено быть не может.

Прежде всего, по своему содержанию.

Оставим даже в стороне князья села, а также и владения бывших владетельных князей, где права на землю были настолько пропитаны элементами бывшего верховенства, элементами публично-правовыми, что уложить их в понятие собственности, в только что указанном смысле, невозможно. Возьмем лишь т. наз. боярские земли и земли монастырские, в которых наши историки видят наиболее чистую форму "вотчинного права". По видимости, монастыри и эти нетрудовые землевладельцы располагали всеми теми полномочиями, которые, по классической концепции, составляют сущность права собственности: правом владения, правом пользования и правом распоряжения. Но эта видимость падает, если мы берем права монастырей и свободных землевладельцев в тех реальных исторических условиях, которые сложились в изучаемую эпоху.

В действительности, права этих землевладельцев были ограничены, и ограничены не только фактически, но и юридически, другим правом, лежащим на их земле: правом крестьян-земледельцев.

Поскольку землевладелец работал на своей земле при помощи несвободного труда, труда холопского, он являлся ничем неограниченным владельцем и распорядителем своей земли. Но в изучаемую нами эпоху это был уже пройденный период развития. Холопский земледельческий труд не играл никакой роли в монастырском хозяйстве и играл крайне ограниченную роль в боярском хозяйстве. Для эксплуатации своих земель и монастыри, и землевладельцы вынуждены были прибегать к крестьянскому труду. Об этом неопровержимо свидетельствуют жалованные льготные и несудимые грамоты, о том же говорят и прочие исторические свидетельства. Но поселение крестьян на земле монастырской или боярской неизбежно влекло возникновение права крестьянина на обрабатываемый им участок, а тем самым и ограничение, ограничение чрезвы-

чайно существенное, права владельца земли на его землю. При наличии на земле крестьянина, права владения и пользования землевладельца сводятся, в сущности, к его праву на часть крестьянского тягла, на различные повинности с крестьян, материальные и трудовые. Раз возникнув, право крестьянина на землю уже не зависит от воли землевладельца и для этого последнего неприкосновенно.

Подвести ограниченное таким образом право землевладельца на землю под понятие собственности, римско-правовое, западно-европейских кодексов или русского дореволюционного права, невозможно.

Теоретическая проблема, которая здесь возникает, та же самая, которая стала перед западно-европейской юридической наукой. Система двух- или даже многоэтажных прав, различного содержания, на одну и ту же землю была характерна для западно-европейского феодального строя. Когда воспитанная на пандектом праве юридическая мысль попыталась втиснуть это явление в римско-правовые категории, ей пришлось прибегнуть к разделению единого понятия собственности на две различные собственности: *dominium directum* и *dominium utile*, *Obereigentum* и *Untereigentum*. Теоретически эта попытка явно несостоятельна. Самая сущность римско-правовой собственности в ее исключительности, целостности и нераздельности. Говорить о римском *dominium*, раздробляя его на разные элементы, значит исказить самое понятие.

Это только доказывает, что нельзя все многообразие правовых отношений по земле уложить в римско-правовое понятие собственности. Историки и историки права забыли, странным образом, что самое понятие собственности есть тоже продукт исторического развития, и содержание этого понятия меняется в процессе исторического развития.

Подходить к явлениям изучаемого периода с критериями, извлеченными из совершенно иной исторической эпохи, значит закрыть себе доступ к их пониманию.

При изучении Екатерининской эпохи мы увидим, какое роковое значение для крестьянского права на землю имело усвоение при Екатерине нашим правом римско-правового понятия собственности. Это явилось как раз результатом полной несовместимости системы наслоения двух различных прав на землю с этим понятием собственности.

Есть и другое основание, по которому понятие права собствен-

ности, в том виде, в каком оно сложилось в теории XIX и начала XX вв., непригодно для выяснения изученных нами форм поземельного права XIII-XVI вв.

Это понятие собственности носит характер абстрактной юридической категории. Оно предназначено охватывать все явления данного порядка, отвечающие определенным юридическим признакам, независимо от конкретных фактических условий, независимо от субъекта, которому право принадлежит, независимо от объекта, на которое право это распространяется.

Изучаемые нами формы отношений по земле имеют, напротив, определенно выраженный конкретный характер. Право на землю зависит от личности субъекта права, определяется его социальным положением. Право владетельного князя на его личную землю отличается от права невладетельного князя. В свою очередь, остатки прежнего суверенного положения этого последнего отличают его от права прочих свободных землевладельцев. Даже право митрополита на земли его кафедры отлично от права монастыря на его землях. И т. д., и т. д. Уложить все эти отношения в форму ст. 420 наших старых Законов Гражданских или в определение права собственности любого кодекса XIX или XX вв. невозможно. Понятие абстрактной собственности в изучаемую нами эпоху еще не сложилось. Понадобилось еще два столетия, прежде нежели оно проникло в наше законодательство.

Моменты субъективности и конкретности характеризуют правовые формы земельного обладания на Руси до эпохи Ивана Грозного.

III.

И к другому явлению поземельного права XIII-XVI вв. наша современная историческая доктрина подошла не с надлежащими критериями.

Мы видели, какую роль играли в развитии т. наз. боярского и монастырского землевладения жалованные льготные и несудимые грамоты. Уловив известный параллелизм между явлениями нашего древнего права и западно-европейского средневекового права, некоторые наши историки устремили свое внимание на жалованные грамоты, чтобы отыскать на нашей почве такие своеобразные западно-европейские формы, как "сеньерия" "сеньеральный режим", "податной иммунитет", "судебный иммунитет".

Несомненно, что сопоставление явлений русской истории с явлениями западно-европейскими может представить большой интерес. Но необходимым предварительным условием для этого является независимое, без предвзятых точек зрения, изучение нашей отечественной истории.

В частности, более пристальное изучение жалованных грамот показывает, что не с этой стороны надо было подходить, чтобы провести параллель между феодализмом на Западе и явлениями нашего права.

Вопрос о жалованных грамотах тем более важен, что одной из категорий этих грамот, действительно, было суждено сыграть значительную роль в историческом развитии правового строя русского крестьянства.

Прежде всего, для правильной оценки роли и значения жалованных грамот чрезвычайно существенен один факт, констатированный нами при изучении этих грамот: жалованные грамоты засвидетельствованы нам источниками лишь для сравнительно ограниченного круга землевладельцев — монастырей и владельцев т. наз. боярских земель. При этом главной категории бояр, наиболее могущественной и наиболее многочисленной, бояр титулованных, жалованные грамоты не касались. Мы знаем почему. И служебные князья с вотчинами, и потомки удельных князей, утратившие свою политическую независимость, но удержавшие свои вотчины, продолжали сохранять по отношению к этим вотчинам свои суверенные права, далеко превышавшие льготы, предоставляемые жалованными грамотами. Только постепенно они утрачивают это привилегированное положение и сходят, в этом отношении, на положение нетитулованных бояр, процесс, который заканчивается только ко времени, когда и самые жалованные грамоты исчезают — к эпохе Ивана Грозного.

Не было жалованных грамот и по отношению к митрополичьим землям. Отношения касательно этих земель регулировались уставными грамотами, заключаемыми между князем и митрополитом. Зато сами митрополиты давали жалованные грамоты на свои земли, предоставляемые в поместье, грамоты льготные податные (1), несудимые (2), грамоты на земли, даваемые в оброк (3), а в митрополичьих волостях — и на земли купленные (4).

(1) АЭ I 74 IV (митр. Даниила 1527).

(2) АЮ 8 (митр. Симона 1498).

(3) АЮБ II 173 I (1465).

(4) АЭ I 45 (1450).

Не было жалованных грамот и по отношению к другим категориям церковных земель.

Уже это одно должно было предостеречь от попыток строить русские "сенбории" на жалованных грамотах. Если где-либо можно было искать аналогии с западноевропейским феодализмом, то именно в области землевладения служебных и бывших удельных князей. Как раз здесь особенно ярко выступала система многоэтажного права на одну и ту же землю: владетельного князя, как суверена, служилого князя, еще сохранявшего свои старые права, наконец, крестьянина. Но здесь эта система сложилась вне жалованных грамот.

Если учесть то обстоятельство, что значительнейшая, и по численности, и по своим земельным владениям, и по своему удельному весу, часть боярства осталась вне сферы жалованных, льготных и судебных, грамот, то известное замечание Сергеевича об Иванах и Федьках, как субъектах жалованных грамот, приобретает более широкий смысл. Не высшему слою землевладельцев, а среднему и даже низшему служил этот институт.

Тот факт, что жалованные грамоты касались лишь земель монастырей и сравнительно небольшой части бояр, позволяет с большей определенностью оценить мнение, высказанное, в предположительной форме, Неволлиным: "может быть, такими грамотами был только подтверждаем, как исключение, тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам собою и по общему правилу". У Павлова-Сильванского это положение высказано уже в категорической форме, и он делает отсюда вывод: "боярщина, действительно, была институтом не только землевладения, но и управления".

Поскольку дело идет о вотчинах бывших владетельных князей, суд и управление находились, действительно, в руках владельца вотчины, но не в силу того, что он был землевладельцем, а в силу того, что, несмотря на потерю политической самостоятельности, он сохранял еще известные элементы своей верховной власти. И здесь развитие шло в сторону ликвидации этого привилегированного положения и уравнивания этой категории бояр с боярами негитолованными. Напротив, последние получали право суда и управления на своих землях исключительно из рук князя. И это не было привилегией бояр в настоящем смысле этого слова. Этим пользовались и нижшие слуги князя, и даже неслужилые землевладельцы.

Не имеется абсолютных никаких указаний на то, что негитоло-

ванные бояре имели когда-либо, помимо жалованных грамот, какие-либо права по суду и управлению над крестьянами. Павлов-Сильванский видит "драгоценные указания на принадлежность светским вотчинникам иммунитетных привилегий по обычному праву независимо от пожаловий" в правой грамоте, касающейся Кистемских бояр Льва, Гаврилы и Дмитрия Ивановичей (6). Грамота эта привлекла внимание всех исследователей, начиная с Чичерина. Но толкование ее не только различны, но прямо противоположны.

Вышеназванный Лев Иванович жалуется, за себя и за своих братьев, на Кирилов монастырь: "отнимает, господине, у нас от суда и от дани в нашей отчине в Кистеме деревню Михалевскую Горкава, а то, господине, деревня изстаринны тянет судом к нам: еще, господине, отец наш Иван судил ту деревню и дань на ней имал". Кирилов монастырь, который получал эту деревню от чернеца Арсения, представляет, кроме купчей грамоты прабабы чернеца Арсения, еще жалованную грамоту, данную деду и отцу чернеца князем Андреем Дмитриевичем. В грамоте сказано: "тое деревни Белоозерским Наместником и Кистемским бояром не судити ни в чем, ни дани на тое деревни не имати, не всылати в ту деревню ни по что..."

Чичерин видит здесь наследственное кормление. Мейчик утверждает, что право суда принадлежало Кистемским боярам по особой милости князя. Веселовский находит объяснение в особенностях Новгородской волости, к которой тяготело Белоозеро.

Все внимание исследователей направлено на вопрос о праве суда на деревню Михалевскую. Но недоумение лежит глубже.

О чем идет процесс, чего ищут истцы?

По всей видимости, они не утверждают, что деревня принадлежит им. В жалобе своей Лев Иванович говорит: "отнимают у нас от суда и дани в нашей отчине в Кистеме деревню". Если держаться буквально смысла, то кистемские бояре утверждают лишь, что Кистема их отчина, и требуют, чтобы были признаны по отношению к деревне, расположенной в этой отчине, их право суда и право собирать дань.

Если это так, то для нашего вопроса этот текст не имеет никакого значения. Истцы на право владения деревней не претендуют, и, следовательно, из этого текста нельзя вывести заключений, что землевладелец, как таковой, имел право суда.

(5) Архив Истор.-практ. сведения, кн. 22, 1855, отд. II, стр. 130 и АГР 4 (первой пол. XV в.).

За это же толкование говорит и текст жалованной грамоты, данной на деревню Михалевскую князем Андреем Дмитриевичем деду чернеца: "тое деревни Белозерским Наместником и Кистемским бояром не судити ни в чем, ни дани с тое деревни не имати". Так князь не мог бы выразиться, если бы бояре были владельцами деревни.

IV.

Как бы ни решать вопроса о том, были ли жалованные грамоты источником податной льготы и права суда, или они только воспроизводили существовавшее обычное право, можно с совершенной определенностью утверждать, что наши жалованные грамоты совсем не соответствуют тому, что характерно для западно-европейского сеньерального режима.

Уже одна форма жалованных грамот, как она искони установилась, свидетельствует против предположения, что грамоты были направлены на установление особых прав грамотчиков по отношению к крестьянам. В противоположность позднейшим ввозным и послушным грамотам, указывающим крестьянам их обязанности по отношению к землевладельцу-помещику, жалованные грамоты были облегчены в форму льготы крестьянам: "кто сядет на землю Свято-го Юрья, дал есмь им волю, ненадобе им потянути..."; "пожаловал есми тех сирот: ненадобе им некоторая дань..."; "кто у них в той деревне имет жити людей старожильцов, или кого к себе перезовут людей в ту деревню... ин старожильцом и тем людем приплым ненадобе им..." и т. д., и т. д. Как бы ни расценивать выгоды, извлекаемые из этого землевладельцем, по внешности льгота обращена к крестьянам.

Замечательно, что даже предоставление землевладельцу, мнестырю или единоличнику, права суда и определенных административных действий, облакается не в форму прямого предоставления этих прав ему, а в форме освобождения крестьян от соответствующих действий подчиненных княжеских органов. Переход соответствующих прав к землевладельцу является уже следствием запрещения совершать эти действия княжеским агентам. Непосредственно после податной льготы, иногда даже без точки между ними, следует: "а волостели ать не вступают в них ни о котором же деле" или "а наместники мои... и волостели... и их тиуны на тех крестьянах на монастырских кормов своих не емлют и не вемлют к ним

ни почто"; "а праветники и доводчики поборов не берут не въежают"; Как вывод отсюда следует: "а ведает игумен Савва сам свои люди"; "а ведает и судит Ивашка свои люди сам во всем или кому прикажет".

Еще в меньшей степени, нежели форма жалованных грамот, соответствует понятию "сеньеральных иммунитетов" их содержание.

"Податной иммунитет". Мы видели, что все податные льготные грамоты были срочными, либо в прямо выраженной форме, либо по существу. По истечении срока, крестьяне должны были тянуть и в княжеское тягло: "а отсидят те люди урочные лета, и они потянут в мою дань по силе", "а уживут десять лет, и они потянут со старожилцы по силе"... Не в создании защищенной иммунитетом ячейки, не в образовании особой податной ячейки была руководящая идея податной льготы. Податная грамота преследовала двоякую цель. Прежде всего, ограничить тягло, которое оставалось за князем, чтобы оставить место для повинностей в пользу землевладельца, затем, чем именно и объяснялась срочность льготы, дать крестьянам срок для заведения и налаживания своего хозяйства.

Соображения, которые руководили при этом князьями, были способствовать всемерно колонизации и культивированию страны. Податная льгота привлекала крестьян из других уделов и побуждала тяглых людей неоседлых оседать на земле.

Может быть, здесь надо искать объяснения явления, слишком часто упускаемого из виду. В то время, как для монастырей мы имеем подлинные жалованные грамоты уже от начала XIV в., а точные данные относительно них даже для XIII в., старейшие грамоты для частных землевладельцев восходят лишь к концу первой четверти XV в. (6).

Объяснить это случайностью, не сохранившей до нас сведений о более ранних грамотах этой последней категории, было бы слишком произвольно. Вернее предположить, что податная льгота и возникла в практике монастырей, которые осуществляли, главным образом, колонизацию страны крестьянами. Главная категория бояр, служебные князья и князья, утратившие свои уделы, в жалованных грамотах не нуждались, а прочие бояре, и вообще, свободные землевладельцы работали преимущественно при помощи холопского труда, которым монастыри не пользовались. На практике монастырей и осуществилось первоначально и развилось так-

(6) Относительно грамоты роду Петелиных, см. выше стр. 250.

же и распределение крестьянского тягла между князем и землевладельцем. Только позднее это стало общей нормой для всего землевладения.

Сторонники сближения явлений нашей истории с западно-европейским феодализмом оперируют, главным образом, несудимыми грамотами. Но и здесь столь же мало опорных пунктов для подобного сближения.

Исторически уступка некоторых судебных и административных функций землевладельцам была тесно связана с податной льготой. Уступка эта вызвана была первоначально стремлением освободить переселяющихся на монастырские и частновладельческие земли крестьян от массы лежащих на них тягот по кормлению и всяческим поборам, чтобы дать возможность землевладельцам установить повинности крестьян в свою пользу. Поэтому первоначально податная льгота и несудимая грамота были неразрывно связаны. Мало того, они были и формулированы нераздельно. В рязанских грамотах, с их архаической формой, вина и поличное, татин рубль включались в общее перечисление рядом с резанкою и шестьюдесятью. Из этой передачи всех этих сборов землевладельцу и вытекала передача ему соответствующих действий и устранение от них княжеских властей. "А виною и поличным... те знают Святую Богородицу игумена Федора" или "вина, поличное и татин рубль из его села из уезда к волостелю моему не идет". В грамотах других княжеств добавление к податной льготе "а наместники мои и волостели и их тиуны к ним не въезжают ни по что" играло ту же роль.

Этот порядок вещей не только не ухудшал положения крестьянина, но был, напротив, для него благоприятен. Крестьянин был для землевладельца необходимой рабочей силой. Землевладелец все делал, что привлечь крестьянина на свою землю. Право крестьянского выхода обеспечивало крестьянина от злоупотреблений со стороны землевладельца. При таких условиях судебно-административная власть над ним землевладельца была для крестьянина гораздо более приемлема, нежели зависимость от княжеских чинов, связанных с крестьянином лишь возможностью собирать с него поборы.

Для землевладельца его судебно-административная власть над крестьянином никаких особых преимуществ не создавала, кроме извлечения определенных судебно-административных сборов. По отношению к земельным своим правам крестьянин был обеспечен против землевладельца отнесением этих вопросов к юрисдикции самого князя.

При таких условиях, этот порядок, задуманный первоначально в видах облегчения колонизации, постепенно входит в обычный строй. Он значительно облегчает князьям судебно-административную организацию Московского государства и поэтому охотно ими усваивается. Формула Веселовского: "иммунитет, с точки зрения князей, был такой же нормальной формой управления одной частью их владений, как управление при помощи кормленщиков было нормальной формой для управления другой частью", может быть принята (7). Но отсюда до признания сенъеральной власти землевладельца над крестьянином, лично свободным, имеющим твердое право на землю и могущим всегда оставить данного землевладельца, еще бесконечно далеко.

V.

Как же, при таких условиях, могла возникнуть склонность сопоставлять эти явления с явлениями, выросшими на иной почве, в совершенно иных условиях, и имевшими совершенно иной характер?

Ответ, как будто бы, не подлежит сомнению.

Это вызвано было стремлением найти в нашем прошлом объяснения для позднейших явлений. Начали искать в прошлом объяснений возникновению у нас крепостного права, и перенесли в прошлое то, что выросло совсем на иной почве, в совсем иных условиях. Власть в этот соблазн было тем легче, что судебно-административные полномочия землевладельцев, действительно, сыграли роль, и немалую, в процессе развития крепостной зависимости, но лишь тогда, когда длительный исторический процесс, совсем иного порядка, подготовил к тому почву. Ничего общего между возникшими тогда условиями и изображенным нами строем поземельных отношений уже не было.

Два основных факта определяли положение русского крестьянства в XIII-XVI вв.: право крестьянина на обрабатываемую им землю и право свободного крестьянского выхода.

Только изучив последующую историческую судьбу этих двух первоначальных основ русского крестьянского строя, можно понять и все дальнейшее развитие крестьянского права и крестьянского вопроса. Странным образом, последующее развитие крестьянского

(7) За исключением выражения «иммунитет», исторически не оправданного и ведущего к недоразумениям.

поземельного права осталось совершенно вне поля зрения русских историков. Отсутствие сознания неразрывной связи крестьянского поземельного права и крепостной зависимости сделало бесплодной работу наиболее блестящего из русских историков, посвященную крепостному праву, и обесценило в значительной степени исследование одного из наиболее выдающихся русских юристов, посвященное вопросу о крестьянах по Соборному Уложению (8).

Вся история крепостного права неразрывно связана с тремя стадиями развития нашего поземельного права.

Мобилизация землевладения, произведенная Иваном Грозным, прежде всего, в интересах организации военной обороны страны, и радикально изменившая самые основы нашего поземельного права, должна была неизбежно повлечь за собою сначала ограничение, а затем и отмену права крестьянского выхода.

Первым последствием этого явилось расчленение единой крестьянской массы. До сих пор эта крестьянская масса, по своему правовому положению и по своему отношению к земле, была однородна. Отныне положение крестьян, сидевших на черных землях, крестьян дворцовых сел, с одной стороны, и крестьян, на монастырских и частно-владельческих землях — с другой, пойдет уже различным путем. Тот вековой процесс, который может быть назван процессом образования крепостной зависимости, коснется лишь этой последней группы, крестьян монастырских и частно-владельческих. Этот разряд крестьян все более и более обособляется от крестьян, кои получают потом наименование государственных и удельных.

Но и для владельческих крестьян прикрепление к земле не есть еще возникновение крепостной зависимости. История заселения Зауралья и Сибири в XVII в. дает тому много ярких доказательств. Не отразилось это прикрепление крестьян к земле и на праве крестьян на землю.

Лишь в мероприятиях Петра Великого, который явился прямым продолжателем дела, начатого Иваном Грозным, была создана основа для образования крепостной зависимости крестьян, причем

(8) Ключевский, Происхождение крепостного права в России, 1885 (перепечатано в *Опытах и исследованиях*, I 1912). Победоносцев, *Исторические очерки крепостного права XVII и XVIII в. в России*, 1876. Столь же характерно почти полное игнорирование вопросов поземельного права в работе А. С. Лаппо-Данилевского, *Очерк и история образования главнейших разрядов крестьянского населения в России*, в Сборнике «Крестьянский Строй», 1905, стр. 1-156.

судебно-административная власть землевладельца над крестьянами, сохранившаяся от изучаемой нами эпохи, послужила в этом процессе образования крепостной зависимости могучим орудием. Втечение XVIII в. процесс этот все углубляется, и вместе с тем все резче выступает различие между владельческими крестьянами и крестьянами государственными, бывшими черными.

В законодательстве Екатерины Второй процесс этот завершается. Вводя в наше законодательство римско-правовое понятие собственности, как, впрочем, и самый термин собственность, вложив в него содержание, устраняющее возможность существования рядом с ним другого самостоятельного права на ту же землю, Екатерина сводит на-нет, с точки зрения русского закона, право крестьянина на его наделенную землю. В то же время, Екатерина, создав новую категорию объекта дворянского права, «населенные земли», превращает самого крестьянина из субъекта права в его объект.

В законодательстве Екатерины был завязан тот узел, которого Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 19 февраля 1861 года не развязало.